

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 1 / 2014
ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсоцинбанк»

Главный редактор
Сергей ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Виктор КОВРИЖНЫХ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Владимир МАЗАЕВ,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Владимир СОКОЛОВ,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

Содержание

ПРОЗА

- Владимир Каганов.** Паломник в никуда. Воспоминания о Ф. Колмогорове. Повесть 7
Виктор Арнаутов. Первая самоволка. Рассказ 45
Анатолий Ярмолюк. Экспресс в Зурбаган. Повесть 62
Сергей Чиняев. В одной лодке. Из записок геолога 94
Анатолий Шалин. У окон дома моего 103

ПОЭЗИЯ

- Александр Ананичев.** Между небом и Россией 3
Борис Бурмистров. За частоколом дней 41
Николай Игнатенко. Возвышенность – невольная черта 58
Дмитрий Клёстов. Пыль-Дым. Послесловие **С. Донбая** 88
Иван Жданов. Пустая телега уже позади. Предисловие **С. Филатова** 100
Елена Воробьёва. Я не знаю, где рай 107

ПУБЛИЦИСТИКА

- Руслана Ляшева.** Укрощение стихии – природы и глобализма 109
Нина Ягодинцева. Книга против хаоса 116
Виктор Коняев. Эпоха тотального кормления. Заметки равнодушного 120

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

- Сергей Заплавный.** В жизни всё рядом 124
Геннадий Морозов. Гений чистого бельканто 131

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

- Вера Лаврина.** Босой Бог. Притчи 140
Христорождественский мужской монастырь города Кузнецка. (ныне г. Новокузнецка).
Подготовил **В. Ермоленко** 144

КНИГА ПАМЯТИ

- Айвенго Сиразитдинов.** Писатель – профессия мужественная. Очерк-воспоминание 145

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

- Станислав Гарбузов.** Зуб дракона 149

ЦИТАТА

- Дневник читателя. Подготовил **С. Донбай** 158

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Михаил Калинин.** Поэты русской действительности 161
Владмир Крюков. Поэзия – «новая» и вечная 165

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- Премии от энергетиков писателям Кузбасса 169
Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин** 169

**РУССКОМУ ПОЭТУ
ИВАНУ АНДРЕЕВИЧУ КРЫЛОВУ –**

1769–1844

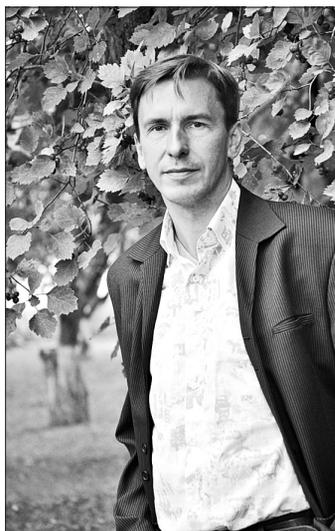
ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк, ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огня!» – кричат, – «огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом,
И что приходит, наконец,
Ему расщелься за овец, –

Пустился мой хитрец
В переговоры,
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я, не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» – «Послушай-ка, сосед, –
Тут ловчий перервал в ответ, –
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

**Александр
АНАНИЧЕВ**

МЕЖДУ НЕБОМ И РОССИЕЙ

НОВГОРОД

*Над новгородскою Софией
Звезда высокая зажглась.
Здесь между небом и Россией
Видна таинственная связь.*

*В свободном Волхова течение,
В величье сдержанном церковей
Узришь святое назначенье
Единой Родины моей.*

*Поврозь мы кто? – Рязань да Ржева,
Торжок, да Тверь, да Кострома...
А вкупе – грозная держава,
Врага сводящая с ума.*

*Во все концы земли, по сути,
Отсюда нас вела звезда.
Мы о былом своём забудем,
Враг не забудет никогда.*

*Татары новые да шведы
Нам прошлой славы не простят.
Едва ослабим хватку где-то,
За всё России отомстят.*

*Но – чу! Деревья – показалось –
Свеченьем внутренним полны,*

*Где колыбель славян качалась
Под шелест ильменской волны.*

ПСКОВ

*Город Ольги достохвальной,
Город радости Чудской –
Древний Псков – Живоначальной
Дивной Троицы Святой!*

*На холмах, ветрам открытый,
У Отчизны на краю,
Я люблю твои молитвы,
Душу русскую твою.*

*Одолел огонь и лихо,
Ведал смертную грозу.
Кремль над берегом Великой
Для врага – бельмом в глазу.*

*Строил, сеял, прят, рыбачил,
Княжил, верил, торговал,
Сколько раз от орд собачьих
Русь щитом своим спасал!*

*И за церкви, и за пушки
Славлю Псков еще за то,
Что навеки имя «Пушкин»
Дружит с именем его.*

3

АНАНИЧЕВ Александр – поэт, секретарь правления Союза писателей России, руководитель Сергиево-Посадской писательской организации, главный редактор журнала «Сергиев», кандидат педагогических наук. Дипломант всероссийского конкурса «Золотое перо России» (2004 г.), литературной премии имени С. А. Есенина (2005 г.), международной премии имени В. Крапивина за книгу «Моя Москва. Листая страницы истории» («Росмэн» 2006 г.) фестиваля поэзии и песни им. А. Фатьянова (2010 г.)

Тень поэта, замирая,
Замечаю всюду я –
Здесь взяла его сырая
Святогорская земля...

Старый Псков ночами снится:
Огневые рубежи...
Я ведь тоже на границе,
Хоть два года, но служил!

ЧЕРДЫНЬ

Глаза закрою – снова предо мной:
Высокий холм над Колвою-рекою,
Где край земли увидишь за тайгой
И до небес дотянешься рукою.

Седая Чердынь дремлет на ветру,
Едва дрожат еловые ресницы...
Как я мечтой негаснущей горю –
Твоим покоем сумрачным напиться!

Шумит ковыль, шатаясь на крови...
Любить тебя вполсилы невозможно:
И я в ладони чёрствые твои
Своё влагаю сердце осторожно.

Как возликуют, будто детвора,
Твои дома, шагнувшие к обрыву,
Когда на волю дальняя гора
Отпустит солнца розовую рыбу.

В МОЁМ САДУ

Деревья спят. Стемнело, наконец.
Встаёт луна над крышею несмело.
Прости меня, всевидящий Творец,
Что я живу на свете неумело!

Вон у соседа – полон дом огней:
Растёт семья соседская на зависть.
А я сижу под яблоней своей,
Щекой листвы серебряной касаясь.

Струится с неба огненная жидь,
И над крапивой звёзды пламенеют.
Такою ночью трудно не любить,
В такую ночь о прошлом не жалеют.

Всё предалось таинственному сну.
Лишь на болоте квакают лягушки.
А я гляжу, как пьяный, на луну,
Глотаю чай из порыжевшей кружки.

Пусть я любви чужой не нахожу.
Пускай крыльцо избы моей просело:
Я у судьбы не многого прошу –
Я жить хочу всё так же неумело.

НОЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

У меня друзей немного:
Сосны, скалы и река...
Юн Сон До

Стучится ночь рябиною в окно,
По небу звёзды шлёпают хвостами...
Неторопливо, малыми глотками
Я пью луну, упавшую в вино.

Гляжу недвижно в зябкое стекло...
А тень моя примёрзла к половицам.
Я лишний раз боюсь пошевелиться,
Храня в груди вошедшее тепло.

Мои друзья со мною, как всегда:
Плывущая луна светло и чинно,
Дрожащая за стеклами рябина,
И – между крыш застывшая звезда.

Мы друг на друга смотрим до утра
И беспричинно душу изливаем.
И мы друг другу не надоедаем,
Мгновеньями бесценными соря.

Когда постигну жизни глубину,
Взойдёт заря восторженно и пылко,
Я не спеша в порожнюю бутылку
Рябиновую ветку окуну.

УТРЕННИЙ ПОЕЗД

Этот поезд, летящий к столице
Перелеском, заснеженным полем...

Этот поезд из русских провинций
На рассвете уже переполнен.

Неуютно деревьям и птицам:
Тишину заколдованной чащи

Разрывает гудками и свистом
Этот поезд, во тьму уходящий.

Не до смеха в вагонах и гнева –
Люди в поезде утреннем дремлют,

Перед тем как спуститься под землю
И насытить московское чрево.

Раствориться в цехах и подвалах,
Провонять и борщом, и мазутом,

В кабаках и на шумных развалах
День зачёркивать свой по минутам.

Обвенчать б этот поезд настырный
Под шумок с тупиком захудалым!

Что тогда? А тогда пассажиры
До Москвы доберутся по шпалам.

Доползут, обгоняя друг друга,
Не взирая на камни и ветер,

Ведь у них где-нибудь под Калугой
Плачут дома голодные дети...

Даже если за рюмкой забыться,
И не мучиться о настоящем,

Всё равно этот поезд приснится,
Сноп огня изо лба исходящий!

Вот летит он, гремя одиноко,
Торопя и тревогу, и горе...

И зелёное лунное око,
Не мигая, ему семафорит.

* * *

Если любишь, должен быть готовым
Денно, ночью к вывертам судьбы.
Часто жизнь неласкова к влюблённым,
Но больнее тем, кто не любил.

В наш костёр ветвей бросать не надо –
Можем с ним не справиться сейчас.
Я с него и так, моя отрада,
Не свожу молитвенного взгляда,
Чтобы он подольше не погас.

* * *

Ничего, ничего, что зима на полгода,
Что колотят дожди о железное тулово крыш,
Что свобода наставшая – странная всё же
свобода,

От которой могильных крестов
приумножилось лишь.

Ничего, ничего... Это даже не ново,
Что Россия, как остров, уходит опять
из-под ног,
Что под спудом лежит вековечное русское
слово,
И родную страну золотой охмуряет божок.

Цепенеет душа – огнекрылая птица,
И напрасно взыскует о правде нетленной
святой.
Я не вижу того, с кем хотелось бы
разговориться,
Чтобы в черных зрачках отыскать огонёк
неземной.

Ничего, ничего – всё погибло? – едва ли...
Вот наступит весна и из гроба восстанет
Господь,
Чтобы наверняка все сомненья мои и печали,
Точно камень о камень в горах грозových
расколоть.

ВETERАНАМ

Они смеялись из последних сил.
Печаль глушила музыка медалей.
А кто-то на трибуне голосил:
«Чего ещё участникам не дали?..»

«Что им не дали?..» В реку и в траву
Слова, как души, падают на взлёте...
Они спасли от Гитлера Москву,
А вы её Иуде продаёте.

Жив ветеран! И скоро не умрёт...
Сильнее он мятежной круговерти.
Я думаю, он к вам еще придёт,
Протезами скрипя, и после смерти.

Грачи подались в страхе от земли,
Потом – храбрясь, построились за плугом.
Подачки ваши – жалкие рубли –
Все разошлись по правнукам и внукам.

А месяц плыл. И кто-то видел сны:
Там – падали и больше не вставали...
Вы только не вернули им страны,
Которую они отвоевали.

АННА И МАРИЯ

*Мы вас назвали Анной и Марией,
Пусть вас хранят незримые святые!
Цветите без обмана и изъяна,
Высокою звездю осиянны.*

*Вы – русские. О том не забывают!
Врагов своих беспощинно прощайте,*

*Врагов Христа прощать не позволяю,
Их ненавидеть я благословляю.*

*В великую эпоху и гнилую
Что украшает девушку любую?
Не жемчуг и не золото, конечно,
А скромность, целомудрие и нежность.*

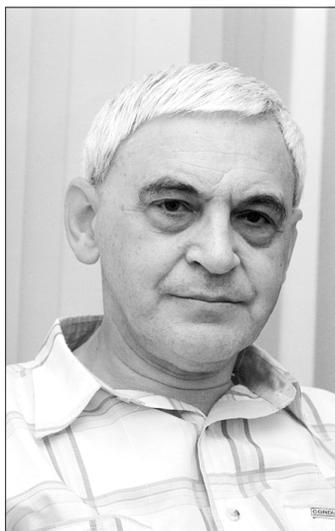

**Владимир
КАГАНОВ**

ПАЛОМНИК В НИКУДА

Воспоминания
о Ф. Колмогорове

Повесть

ВВЕДЕНИЕ

*Уж рдеет барбарис, и ароматом
увядших астр так тяжко дышит сад.
Тот, кто на склоне лета не богат,
тому уж никогда не быть богатым.
И кто под тяжестью прикрытых век
не ощутит игры вечерних бликов
и ропота ночных глубинных рек,
и в нём самом рождающихся ликом,
тот конченный, тот старый человек.
И день его – зиянье пустоты,
и ложью всё к нему обращено.
И ты, Господь. И будто камень – ты,
его влекущий медленно на дно.*

(Райнер-Мария Рильке,
«Книга паломничества»)

Перечитал это стихотворение – одно из самых любимых стихотворений Феоктиста – и словно опять услышал его хриплый прерывающийся голос, полный такой безнадежной тоски и усталости в последние годы его жизни, но всё ещё как будто вопрошающий, всё ещё ждущий какого-то ответа...

Нелегко мне будет писать об этом человеке – настолько знакомом и близком и настолько далёком и чужом, настолько нелепом и беззащитном и настолько трагическом и значительном в своей никем не понятой судьбе. Но иного

выхода у меня нет, и я всегда знал, что должен буду предпринять эту попытку, сколь бы несовершенной она не была.

Загадка и урок этой странной судьбы были бы в любом случае достойны нашего внимания – и я имею в виду не только тех немногих людей, которые знали покойного Феоктиста или думают, что знали его. Но в данном случае есть ещё два обстоятельства, которые накладывают на меня особые обязательства. Во-первых, почти весь архив Феоктиста – его записки, дневники, конспекты – оказался уничтожен (об этом я подробнее скажу дальше). Во-вторых, из всех людей, знавших Фетиса (так его все называли), я, вероятно, знал его лучше всех, и на протяжении пятнадцати лет нашего знакомства вся драма его духовной жизни прошла на моих глазах. Более того, я смею думать, что я был единственным человеком, осознавшим подлинный смысл этой драмы. И вот, если я не решусь на попытку хоть что-нибудь рассказать об этом человеке, имя его и жизнь канут в небытие, как если бы его и вовсе не было. Вряд спустя десять-пятнадцать лет, кроме пяти-шести близких людей, кто-нибудь вспомнит о нём. А очень возможно, что и этих десяти-пятнадцати лет нам не суждено будет прожить.

КАГАНОВ Владимир Львович родился в 1942 году в Кемерове. Учился в Новосибирском университете. Окончил Институт стран Азии и Африки при Московском университете. Работал в научных институтах Сибирского отделения АН СССР, в Доме Ученых СО АН, в Кемеровском университете, в Институте культуры и искусств. Стихи опубликованы в журналах «Памир», «Звезда Востока», «Литературный Кузбасс», «Огни Кузбасса», «Начало века», «Университет культуры», в коллективных сборниках. Автор трёх книг стихов: «Ночной разговор», «День осеннего равноденствия», «Осианный шатёр». Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

Годы идут, и чем дальше, тем лучше начинаю я понимать, сколь многим в своём духовном развитии я обязан этому человеку. Много, что казалось мне тогда нелепым и преувеличенным, даже просто болезненным в его личности, приобрело со временем совершенно иной смысл. Это неистовое заклинание бездны, эта судорожная мольба: «Господи, услышь раба твоего! Господи, отзовись!» – всё это озарило теперь такой душевной мукой и таким значением, – но поздно, поздно... Все мы, живущие в этом мире, в чём-то виновны друг перед другом. Но когда из жизни уходит близкий человек, это чувство вины становится острее и безнадежнее, потому что понимаешь, что её уже не искупить. И всё, что остаётся нам, пока ещё живущим, – стараться быть бережнее и добрее в отношениях друг с другом, ибо этим создается нечто бесконечно ценное и важное, имеющее значение для всего человечества и для спасения нашей души. И, быть может, бережная память об ушедших приближает их к нам, согревает их тёмную тайну небытия, возвращает их голос и мысли в наш мир, неуклонно идущий в безмолвную ночь расставанья.

Часть 1. ГОДЫ УЧЕНИЯ И ПОИСКА

«Помни, юный, неустанно (...), что мирская наука, соединившись в великую силу, разобрала, в последний век особенно, всё, что завещано в книгах святых нам небесного, и после жестокого анализа у учёных мира сего не осталось из всей прежней святыни решительно ничего».

**Ф. М. Достоевский,
«Братья Карамазовы»**

Как, какими словами определить мне моего героя? Русский религиозный философ, богоискатель, человек из подполья, дворник страны Советов, одинокий мечтатель? Всё будет правда, и всё не то. Неопределим человек, и не стоит даже пытаться, ибо «человек есть тайна». И с чего же мне начать? С детства ли моего героя, о котором я мало знаю, но легко могу себе представить, ибо сам родился и вырос в том же сибирском промышленном городе, в таком же рабочем районе. Или с наших бесконечных разговоров о Т. Манне и Ф. М. Достоевском, о Пушкине и Гете, о христианстве и буддизме, о Древней Руси и Западной Европе?

Начну с нашего знакомства.

Поздней осенью 1963 года, после двух лет учёбы в Новосибирском университете, я вернулся в родной город. Опускаю свои личные обстоятельства (болезнь и т. д.), которые для дальнейшего несущественны. Я предполагал посвятить ближайший год занятиям философией, математикой и музыкой и определить свои дальнейшие отношения с физикой. Настроение было грустное. Все старые знакомые рассеялись, а новых я пока не успел завести. Поначалу было пусто и одиноко – после Академгородка особенно. Однако к новому году я обзавёлся кругом довольно симпатичных ребят, с которыми познакомился в областной научной библиотеке. Эта библиотека, очень просторная и уютная, находилась в двух шагах от моего дома, и я там почти каждый день занимался. Был в ней, в частности, неплохой музыкальный отдел с комнатой для прослушивания грампластинок и со стареньким пианино.

И вот, в этом музыкальном отделе как-то и подобралась группа молодых людей, с которыми я быстро перезнакомился. Мы собирались там по вечерам, слушали музыку, болтали, а потом шли куда-нибудь в кафе или просто побродить по городу. Были там Малик Якшимбетов, будущий кинорежиссёр, Гена Животов, уже тогда очень одарённый художник, заходил юный поэт Саша Ибрагимов, постоянно бывал Боря Гольдкорн, мальчик с художественными наклонностями, увлечённой хозяйкой музыкальной гостиной, бывали девочки из музыкального училища и разные ребята.

Всем нам было по 18-20 лет, мы были молоды и полны надежд. (Увы, прекрасной и пылкой Виолетте М., которая заведовала музыкальным отделом, было уже двадцать восемь. Это впрочем, не помешало их связи с восемнадцатилетним Борей).

Пару раз я замечал на наших посиделках плотного светловолосого молодого человека с простодушно-застенчивым лицом, который робко садился на какой-нибудь дальний стул и сосредоточенно слушал музыку и наши разговоры, незаметно исчезая в конце. Однажды, после прослушивания каких-то вещей Баха, он, страшно смущаясь и краснея, заговорил о Бахе и о недавно вышедшей книге А. Швейцера «Иоганн Себастьян Бах». Я сам недавно начал читать эту книгу, поэтому слушал его с интересом, да и сам парень показался мне любопытным. Была в нём какая-то простая крестьянская повадка, заметно отличавшая его от всех наших ребят. После окончания

вечера я подошёл к нему, и мы познакомились. «Феоктист» – робко назвал он своё имя, неуверенно пожимая мою руку. Вот так мы познакомились с Фетисом Колмогоровым. Постепенно он освоился, немного осмелел и стал своим человеком в нашей компании.

Шла весна 1964 года. Я работал техником в вычислительном центре, занимался обслуживанием допотопной ламповой машины «Урал-2», мои научные и философские занятия продвигались слабо, настроение было паршивым, а будущее весьма неопределённым. К этому времени я уже немного узнал Феоктиста и, в частности, нашёл в нём занятого собеседника по философским проблемам. Правда, поначалу мы как-то не могли найти общих точек соприкосновения. Я в это время штудировал «Феноменологию духа» Гегеля, читал «Историю западной философии» Рассела, «Введение в семантику» А. Шаффа и специальную литературу по физике и математике. Фетис же упивался Т. Манном и Ф. М. Достоевским, с которыми я совершенно не был знаком. Кроме того, он читал «Историю России» Ключевского и книги по истории античной философии. Естественно, он пытался и меня приобщить к своему кругу интересов. Я сопротивлялся. Суровый выученик физфака НГУ, я был слишком поглощён моими научными и философскими занятиями, чтобы тратить время на «всякую беллетристику», хотя, конечно, признавал, что «надо бы познакомиться». Фетис же, немного робея перед моей «учённостью», был настойчив в своем увлечении Т. Манном и другими и призывал меня немедленно прочитать «Доктора Фаустуса», «Волшебную гору» и «Братьев Карамазовых». Пришлось мне сделать это, чтобы выдержать марку и найти, наконец, почву для взаимопонимания. Нечего и говорить, что я был потрясён и «Доктором Фаустусом», и «Братьями Карамазовыми».

Ох, смешно теперь всё это вспоминать. Смех сквозь слёзы и невольную краску стыда. Впрочем, чему здесь удивляться? Ведь все мы – питомцы советской средней школы с её советским средним образованием, в котором нет места ни античной литературе, ни Шекспиру, ни Достоевскому, ни Гете, ни Т. Манну... Приходилось добывать знания самому, с бою, как хлеб в войну. Но зато уж это были настоящие знания, для ума и души, а не для ответа на уроке.

Как-то раз Фетис пригласил меня в лабораторию физкабинета в техникуме, где он работал

лаборантом. Я увидел стол с аккуратно расставленными стопками книг, пачкой грампластинок и проигрывателем. Стояли там, в частности, со скромным достоинством два десятитомника: Т. Манна и Ф. М. Достоевского. Пластинки – Бах, Бетховен, Моцарт, Шопен, Чайковский... На столе лежала раскрытая книга – «История античной философии» Виндельбанда. Уж не знаю, где он её достал... Но что меня больше всего удивило – в чёрной общей тетради были аккуратно выписаны дифференциальные уравнения, в которых я признал уравнения Максвелла. «А чем это ты занимаешься?» – спросил я с очень понятным любопытством. «Да так, пустяки, – ответил он смущённо, – решаю тут одну задачку для Андрея». (Андрей – это двоюродный брат Фетиса). Такое нетривиальное знакомство с физикой было для меня полной неожиданностью. Очень ещё силён был во мне этот пиетет перед физикой, а ведь, насколько я знал, Фетис ни на каком физфаке не учился. А где он, собственно, вообще учился? Раньше он как-то уклонялся от разговора на эту тему.

И здесь открылись поразительные вещи. Собственно говоря, он закончил семь классов средней школы, потом поступил в строительный техникум, через полгода бросил его и дальше занимался самостоятельно. Впрочем, не совсем так. До некоторой степени его занятиями руководил тот самый Андрей, пугающе-мрачный мужик лет сорока с массивной фигурой и лицом бочарно-тарного производства, о котором я упомянул выше. Этот Андрей работал киномехаником в том же техникуме и страдал каким-то сложным комплексом хронических болезней, породившим у него старую обиду на жизнь и упорное желание вырвать у этой жизни свой кровный паёк инвалида. Когда-то после войны он начинал учиться на физфаке Томского университета, но нищета, голодуха и рано открывшаяся хроническая болезнь прервали эту учёбу. С тех пор, кроме упорной борьбы за паёк, у него осталась ещё одна, более возвышенная цель – показать всем этим физикам и химикам, что ни хрена они не поняли в атомной физике, если упустили из виду целый элемент, а именно, неизвестный науке химический элемент, занимающий место между водородом и гелием в периодической системе Д. И. Менделеева. Доказательству существования этого элемента он и посвятил двадцать лет своей жизни. А заодно и брата своего двоюродного кое-чему научил. Он же обратил внимание Фетиса на современную

биологию и психологию. (Как известно, генетика и психоанализ у нас в то время считались «буржуазными лженауками»).

Всё это было бы неплохо и, как говорится, Бог в помощь, но это влияние имело и другие, более печальные последствия. Кроме некоторых познаний по физике и математике, он преподавал юному Феоктисту и своё не очень оригинальное мировоззрение, которое я имел счастье выслушать из первых уст. Суть этого мировоззрения сводилась к тому, что в мире всегда жили, живут и ещё какое-то время будут жить одни сволочи, и всех сволочей можно условно разделить на два класса: на тех, которые просто сволочи, и тех, которые что-то мнят о себе и строят из себя благородных. Однако в этом мировоззрении была и своя светлая перспектива: поскольку близкая мировая война неизбежна, то сволочей в мире скоро значительно поубавится. А дальше эпидемии, радиация, голод и мелкое людоедство завершат процесс вырождения человечества. И, надо сказать, что эта глобальная концепция одно время настолько повлияла на бедного Фетиса, что когда в 1961 году разразилась наша братская помощь Кубе в виде развертывания советских ракет, нацеленных на США, и можно было ожидать самого худшего, Фетис, спасаясь от близкой термоядерной войны, уехал с геологической партией куда-то в Якутию. Но всё обошлось благополучно, Фетис вернулся, а вскоре начал запоем читать книги и открыл, себе в утешение, Л. Толстого, Ф. Достоевского и Т. Манна. После этого влияние мрачного братца быстро пошло на убыль, а ко времени нашего знакомства Фетис уже осмеливался критиковать его и, вообще, духовно заметно вырос.

Чтобы дать более полное представление о семейном окружении Фетиса, следует упомянуть о его матери и сестре. Фетис рано остался без отца и в детстве воспитывался матерью и старшей сестрой. Мать его, простая малограмотная женщина, выросшая в деревне, была религиозна, причём в каком-то заскорузлом старообрядческом духе. Если так можно выразиться, это была надзирательно-карающая религиозность. Весьма подробно и настойчиво живописала она страшные муки грешников на том свете, грозную неумолимость гнева господнего на всех безбожников и нечестивцев, многословно сетовала на всеобщую человеческую испорченность и греховность. Впрочем, до каких-то жизненно-практических выводов все эти обличения у неё не

доходили, поскольку дети у неё выросли всё же нерелигиозными. Фетиса она по-своему любила и много плакала потом, когда его судьба неумолимо пошла под откос.

Сестра Феоктиста, Анна, была старше его на десять лет, одна воспитывала сына, работала на железной дороге, на жизнь смотрела просто и трезво, была женщиной крепкой и деловой. К Феоктисту относилась так же трезво-заботливо, как к матери и сыну, вела всё домашнее хозяйство, огород, тянула всю семью, ибо мать была стара и получала лишь ничтожную пенсию за покойного мужа. Жили они все в однокомнатной квартире в старом деревянном бараке на окраине города, недалеко от старого аэродрома. В квартире, носящей следы скромного достатка, было всегда чисто и опрятно, по-крестьянски добротнo и уютно. Все были одеты, обуты, и на стол было что подать, и шкаф солидно темнел лаком у стены, и коврик с лебедями на пруду висел над кроватью, и кружевные занавески на окнах сияли белизной. Книги Феоктиста аккуратно стояли на этажерке, а в красном углу темнела икона – строгий Спас смотрел вверх комнаты в противоположный угол. Где-то там, должно быть, притаился искуситель, и Спас грозно уличал взглядом своего незримого противника. (Фетису, наверное, понравилась бы эта мысль).

Для полноты картины следовало бы несколькими мазками набросать окружающий ландшафт. Густая поросль частных домишек и барачков с хилыми палисадниками, огородами, сараями протянулась вокруг на несколько километров, до самого химкомбината, круглосуточно отравляющего своими эманациями воздух в этом районе. Мрачный испитой гегемон, населяющий эти домишки, днём тупо и обречённо трудился на том же химкомбинате, а вечером так же тупо ел, матерился, дрался, развлекался и ложился спать. Сознательная жизнь едва-едва теплилась за этой тупой безысходностью работы, быта, пьяного веселья, тяжкого похмелья. Только наши славные революционные праздники скрашивали эту действительность, да редкие поездки к родне в деревню...

Но здесь, как и повсюду, жили дети, а дети – народ особый, как известно. И, в основном, народ славный и жизнерадостный. Тем более, что перед взрослыми у них есть огромные и неоспоримые преимущества: зимой – звонкие коньки и быстрые лыжи, летом – рыбалка и костры, весёлые затеи и проказы, ягоды и грибы, ранетки и

кедровые орехи, дальние походы и купание на Томи... Поистине, дух Гекльберри Финна неистребим в мальчишеском племени! Конечно, и мой герой сполна вкусил от этой золотой мальчишеской вольницы. И не раз ещё в будущем вспомнятся ему эти неповторимые деньки. Конечно, не так уж безоблачно детство в рабочих кварталах, где пьянка и драки, нужда и безотцовщина, жестокость и преступность, ранний труд и разврат бросают неизгладимую тень на душу ребёнка, – но счастливое свойство памяти сохраняет всё же больше светлых и радостных картин из нашего детства.

Итак, в наших ранних разговорах с Феоктистом постепенно определились три-четыре основные темы: наступление машинно-индустриальной цивилизации, уничтожающей живую природу и порабащивающей человека; гибель гуманистической западной культуры с её ценностями и идеалами (Р. Роллан, Т. Манн, Л. Фейхтвангер, С. Цвейг, А. Швейцер, Б. Рассел и другие – последние могикане европейского гуманизма); наступление обезличенной массовой культуры и тоталитарной псевдокультуры с её крикливой демагогией и духовной пустотой и убожеством... В то время мы оба прочитали книгу А. Хюбшера «Мыслители нашего времени», которая произвела на нас очень сильное впечатление. Написанная как краткий обзор западно-европейской философии XX века, она в живой форме литературных эссе давала целый ряд выразительных, хотя и фрагментарных портретов философов, для нас в большинстве неизвестных. Что-то тревожное и завораживающее было в этой книге, следы какого-то великого духа угадывались за этой невероятно пёстрой палитрой, – но духа надломленного, уставшего от своей глубины и от неразрешимости великих мировых проблем. Печать какой-то мировой трагедии лежала на облике всех этих последних больших мыслителей западного мира, хотя некоторые из них явили и жизнеутверждающую мощь, и высочайшие духовные взлёты, и подлинное личное величие. И всё же, несмотря на всю безысходность общего тона, мерещилась за этим какая-то светлая надежда, возможность какого-то нового духовного возрождения, идущего из глубин великой европейской культуры. Увы, о русской религиозной философии мы в это время не имели никакого представления, – все источники были давно уничтожены или закрыты в спецхране. Западные издания до нас, естествен-

но, не доходили, – в нашей глухомани еще не расцвёл самиздат.

Вот об этом мы могли беседовать часами. Есть ли будущее у культуры, у гуманизма? Или орды варваров затопят весь мир? Уже тогда, правда, наметились некоторые существенные расхождения в наших позициях и оценках. Впервые, мой гегельянско-тейяровский оптимизм постоянно сталкивался со шпенглеровским пессимизмом Феоктиста: он был убеждён, что западный мир неудержимо идёт к закату и гибели, а вместе с ним и вся европейская культура с её гуманизмом и духовностью; мир постепенно затопят орды коммунистических варваров, и нет силы, которая их сможет остановить. Трагедия России и Китая – достаточно красноречивый пример того, что грозит всему миру. Запад просто не осознаёт размеров грозящей ему опасности. Я же был не склонен оценивать ситуацию столь пессимистически; я верил в возможность гуманизации социализма по мере развития демократии, культуры и экономики в нашей стране; многие трагические моменты я объяснял последствиями двух мировых войн, разгулом сталинизма и фашизма и так далее. «А что породило мировые войны, а что породило сталинизм и фашизм?» – спрашивал Феоктист, и я не знал, что ему ответить. Как-то не укладывалось всё это в чудесную гегельянско-тейяровскую модель неуклонного роста сознания, разума и прогресса с незначительными частными отклонениями. А я так любил эту модель! И даже мечтал обобщить её на всю Вселенную! Потому что как же может быть, чтобы разум не победил, в конце концов, тьму невежества во всём мире и во Вселенной. Это казалось мне настолько ясным, настолько очевидным, что даже смешно было всерьёз доказывать эту истину. Ну, ещё сто лет, ну, от силы – двести, и всё расцветёт замечательной сказкой, объединённое коммунистическое человечество дружно устремится вперёд, к радости познания и творчества, тёмные эпохи рабства и невежества навсегда останутся позади. Чем вам не Иван Ефремов! Хотя, боюсь, он тоже внёс свою лепту в эту мою утопию. («Туманность Андромеды» и т. д.)

Ох, как смеялся надо мной Фетис! Ох, как я злился на него! Но потом всё как-то отходило, я снисходительно пожимал плечами: что возьмёшь с неисправимого пессимиста – и вновь с единомышленным восхищением мы погружались в страницы Томаса Манна или Достоевского. Ко-

нечно, очень сближала нас и любовь к классической музыке. Мы старались бывать на всех концертах в филармонии и довольно часто слушали в библиотеке хорошие записи наших любимых вещей. Что могло бы лучше выразить дух европейской культуры, чем музыка Баха и Бетховена, Моцарта и Шопена! Это было незабываемо...

Второе наше крупное разногласие заключалось в оценке роли науки. Естественно, что я, со своим убеждением в ведущей роли разума и познания в процессе эволюции, твёрдо стоял за науку и её благодетельную миссию в истории человечества. Именно развитие науки должно открыть перед человечеством путь к светлому будущему. Именно наука разрешит все наши проблемы и преобразит нашу жизнь к лучшему. Так я считал. Фетис относился ко всем этим гимнам науке с большим скептицизмом. «Наука в руках варваров, – а таковы сейчас почти все, кто развивает и использует науку, – превращается в страшное оружие против человека. И дело не только в атомных бомбах и ракетах, способных уничтожить мир. Дело в том, что наука по сути своей совершенно бесчеловечна, лишена нравственной основы, и она заражает этой бесчеловечностью всех, кто ею занимается. Техника, созданная на основе науки, так же бесчеловечна, как сама наука, и те, кто работают с техникой, становятся тоже бесчеловечны, продают свою душу дьяволу, как Фауст». Так или примерно так отвечал мне Фетис, и снова я не знал, как убедить его в том, что причина не в самой науке, а в людях, которые её используют, что дело в нас самих. Однако я не мог не признать известной правоты его доводов. Наука в руках варваров действительно превратилась в античеловеческую силу, и единственный выход, как мне казалось, заключается в том, чтобы как-то гуманизировать науку и ученых, вернуть утраченную гармонию между наукой и гуманитарной культурой, между разумом и духом. При этом мы оба достаточно хорошо понимали, что это не только проблема культуры, что главная задача состоит в том, как гуманизировать политиков и тех, кем они управляют. Безуспешность известных нам попыток осуществить это порождала печальные чувства и мысли, но всё же моя вера в силу разума поддерживала во мне какую-то надежду на лучшее будущее. Во всяком случае, я со всем красноречием и пылкостью пытался передать Фетису эту веру и надежду. А так как молодым

здоровым людям и вообще свойственно стремление к надежде, эти попытки имели даже какой-то успех.

Конечно, рано или поздно должен был встать перед нами и фундаментальный вопрос всякого познания – существует ли в мире высшая разумная сила, направляющая ход истории и эволюции и придающая смысл этой истории и эволюции? Иначе говоря, – существует ли Бог? Вряд ли я ошибусь, если скажу, что основой нашего мировоззрения в то время был стихийный пантеизм: убожество казённого истмата и диамата было для нас уже тогда очевидно (советские философы сделали для этого всё возможное), сущность же подлинного духовного монотеизма была нам в то время недоступна, хотя какое-то минимальное представление о христианстве мы уже имели – главным образом, из художественной литературы. Во всяком случае, никаких серьёзных разговоров о религии в тот период я не припомню. Точнее всего будет сказать, что религия оставалась для нас явлением истории и культуры, а не лично пережитым опытом веры в Бога. Удивляться этому не приходится. Ведь мы росли и воспитывались в целиком обезбоженном обществе, а редкие и случайные встречи с уходящей в прошлое народной религией мало чем могли нас привлечь. Ведь даже Библия была нам недоступна! Благо, что можно было из художественной литературы хоть что-то узнать о христианстве. Да ещё из Л. Фейхтвангера мы почерпнули кое-какие сведения об иудаизме и еврейской истории. Да ещё из писаний атеистов можно было узнать что-то полезное... Поэтому неудивительно, что в свои двадцать с небольшим лет мы имели о религии самое смутное и неточное представление.

Но вот вопрос, вот истинный вопрос по существу: жило ли в наших сердцах предощущение Бога, была ли наша душа связана таинственными узами внутреннего знания с божественной сущностью мира? Ничего не могу сказать о Феоктисте, так как никогда не задавал ему такого вопроса. Зато твёрдо могу сказать о себе: да, жила в моём сердце святая искра духа Божьего, знаю и помню, что с самого раннего детства это чудесное чувство братства со всем миром, это тайное знание причастности к высшему источнику жизни и разума переполняло мою душу. И я мог бы сказать вместе с Фёдором Тютчевым:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

Но я не мог бы сказать вместе с Иисусом: «Отче наш, сущий на небесах! Да святится Имя Твоё; да приидет царствие Твоё...» Такого небесного Отца я не знал и молиться ему не мог. Конечно, я никогда в жизни не был в церкви, и в нашей семье о религии вообще никогда не говорили. В школе эти темы также никогда не обсуждались. Честно говоря, даже повода для подобных размышлений у меня никогда не было.

Пусть не посетует читатель, что так часто в этих заметках я говорю о себе. Моя задача – не жизнеописание, а духовная биография моего героя, поэтому я стараюсь привлечь все факты, которые могут прояснить путь его духовного развития. А поскольку наше общение, наши споры и беседы оказали какое-то влияние на наше духовное развитие, то я невольно должен буду касаться моих собственных взглядов и мыслей и, тем самым, своей духовной биографии; при всём желании свести эту сторону до минимума, избежать вовсе этого мне не удастся.

Однако, вероятно, мне следует дать, наконец, и портрет моего героя, хотя я этого делать, честно говоря, не умею. Ну что ж, попытаюсь, как смогу. Был он в то время крепко сложенный молодой человек среднего роста, коренастый, неуклюжий, силы медвежьей. Высокий лоб, светлые русые волосы, зачёсанные назад, широкое румяное лицо, небольшие голубые глаза, недоверчивый взгляд которых смягчался простодушной улыбкой и открытостью лица, слегка вздёрнутый короткий нос, небольшой тонкий рот с поджатыми губами. Довольно низкий хрипловатый голос, в моменты эмоционального подъёма вдруг приобретающий неожиданную звонкость; говорил вдумчиво, обстоятельно, с паузами и исправлениями, несколько скованно, с напряжённой интонацией и как бы с оглядкой: то ли я говорю? Вообще, какая-то постоянная неуверенность в себе, которую он иногда пытался компенсировать нарочитой строгостью и внушительностью тона; получалось это довольно неуклюже. Заметная эмоциональная ранимость, повышенная тревожность и напряжённость, которую я обычно пытался разрядить шуткой; какая-то органичная недоверчивость, довольно причудливо соединённая со столь же органи-

ной доброжелательностью и готовностью помочь. Одет просто, но всегда чисто и аккуратно. Вообще, аккуратность поразительная: все вещи и книги всегда в строгом порядке, почерк разборчиво-обстоятелен, все буквы в слове накрепко связаны, письмо не крупное, но и не мелкое, текст плотно заполняет страницу, знаки препинания тщательно выписаны, страницы пронумерованы... Никогда не курил, не пил и не сквернословил. С женщинами был робок, как мальчик, хотя с несколькими девушками дружил как товарищ. Пикантные разговоры и шутки слушал с ухмылкой, но никогда не отваживался затевать их сам. Спортом никогда не занимался и не интересовался. Очень любил всячески подчеркнуть свою простоватость, неотёсанность, «мужицкую кость». Между прочим, в порядке самоиронии и демонстрации своей простоватости любил оснащать свою речь простонародными словечками и выражениями типа «ихний», «пялиться», «хреновина», «охломон» и т. п. Вот краткий портрет моего героя и думаю, что на первый раз этого будет достаточно. Надеюсь, дальше эти качества как-то оживут в моей повести, увы, недолгой и печальной.

Когда я лучше узнал Феоктиста, я стал подумывать, как бы ему помочь выбраться из этой среды, где его способности и интересы не могли найти себе ни применения, ни развития. Видимо, самое лучшее было бы попытаться поступить в университет, – но у него не было аттестата зрелости.

И вот как-то однажды я затеял с ним разговор на эту тему. Фетис и сам не раз говорил мне, что совершенно не представляет себе, как ему дальше жить и чем заниматься. Идти работать на завод или на стройку он ни за что не хотел – чудовищный механический конвейер производства приводил его в ужас. Поступить учиться в институт он не мог, – у него не было аттестата, да и куда идти учиться, было ему совершенно не ясно.

Поэтому первое, что я ему предложил, – это поступить в вечернюю среднюю школу и закончить её за год. А потом – будет видно. В принципе после можно попытаться поступить на физфак НГУ или в наш пединститут – я уверен, что у него уже сейчас есть необходимая подготовка. Феоктист отнёсся к этой идее без особого энтузиазма, но решил всё же попытаться. За год он окончил заочную среднюю школу и получил аттестат зрелости. А в 1965 году он действительно

поступил на физфак НГУ и проучился там два года. Позже, осознав бессмысленность этой учёбы, он ушёл из университета. Однако это время не было потеряно зря. Он попал в новую для него интеллектуальную среду Академгородка, завязал новые знакомства, соприкоснулся с новыми идеями и духовными течениями. При этом следует напомнить, что это был период высшего расцвета Академгородка – та недолгая, но плодотворная полоса свободомыслия и духовного подъёма, которая породила столько ярких личностей и замечательных начинаний. К этому периоду я и хочу перейти.

*«Всё падают поблекшие листья,
как будто в даях неба – увяданье;
и в этом их паденьи – жест прощанья.
И вечерами падает в молчанье
наш шар земной из звёздной высоты.
Всё падает. Тот лист невдалеке.
Твоя рука. Ты сам. Без исключенья.
Но есть один, он держит все паденья
С безмерной нежностью в своей руке».*

Райнер-Мария Рильке, Осень.

Осенью 1966 года я вернулся в Академгородок. За три года, которые я провёл в Кемерове, здесь многое изменилось. Вырос Академгородок, вырос университет и целый новый студгородок на улице Пирогова. Почти все мои бывшие однокурсники окончили университет и уже работали в разных научных институтах. На смену им пришло новое поколение студентов. Я чувствовал себя среди них умудрённым стариком или, скажем лучше, старшим братом. Честно говоря, я уже отвык от безалаберности студенческого быта и с трудом привыкал снова к стилю студенческой жизни. Много проблем возникло и с новым погружением в физику и математику, от которых я успел отвыкнуть. Началась напряжённая учёба.

Фетис учился в это время на втором курсе физфака, но относился к физике без особого энтузиазма. Глубоких и оригинальных лекторов, таких как А. И. Бурштейн или Ю. Б. Румер, осталось немного, а бесконечное натаскивание в решении задач было малоинтересно. Но главное, он не видел себя в качестве физика-профессионала и не чувствовал склонности к научно-исследовательской работе. Он по-прежнему много читал, завёл кое-какие новые знакомства, но студенческая жизнь, условия быта в общежитии

(грязь, бардак, пьянки, шум) заметно тяготили его. Весной 1967 года он ушёл из университета. До предела занятый своими делами, я в это время поддерживал с Фетисом довольно слабую связь. И лишь где-то ближе к весне 1967 года наши отношения возобновились. К этому времени у меня появилось несколько новых знакомых, с которыми я вскоре познакомил и Феоктиста. Скажу здесь о них несколько слов по впечатлениям того времени (далеко не обо всех, а лишь о трёх-четырёх).

Виктор Асташов – весьма своеобразный молодой человек, увлекавшийся йогой, индийской философией и Гегелем, высокий, энергичный, самоуверенный, с вычурным мышлением и речью, с массой идей, планов и начинаний, основатель и президент Сибирского клуба йоги. При многих его неприятных манерах и качествах, была в нём какая-то мальчишеская открытость и непосредственность, а его безудержный энтузиазм заражал и привлекал к нему многих людей. Фетис его долгое время побаивался, но потом они как-то сошлись и даже подружились, насколько можно было вообще дружить с Витей. Жил Виктор большей частью у разных знакомых, был неприхотлив в еде и одежде, но претензий личного порядка у него было более чем достаточно, и редко кто мог его долго выдержать. Впрочем, я должен с благодарностью отметить, что он во многом способствовал возникновению у нас серьёзного интереса к индийской философии. Это та область культуры, с которой мы раньше почти не соприкасались. Позже Виктор по каким-то дальним родственным связям сумел выехать в США.

А вообще-то он, как и Фетис, был самоучкой и маргиналом. Работал то ночным сторожем, то пожарным, то вообще нигде не работал. Но был при этом всегда весел, бодр, подтянут и готов к любым переменам.

Стас Божко – меланхоличный самоуглублённый юноша, которому едва исполнилось 20 лет, тонкий знаток Достоевского, Кафки и Акутагавы, быть может, единственный близкий друг Вити Асташова, добрый и отзывчивый парень. В то время он жил в общежитии и работал лаборантом в каком-то институте. По-моему, Фетис со временем очень привязался к нему, а во многих отношениях они были действительно внутренне близки (я бы сказал, как «дети андеграунда» или как типы «русских мальчиков» Ф. М. Достоевского). Вообще, в Академгородке, за его парадным

научным фасадом жило немало таких вот странных и неприкаянных ребят, тяготевших к литературе, философии, искусству. Стасик, в частности, помог нам – Фетису и мне – войти в специфику экзистенциалистского мироощущения и мышления – причём не в виде философской моды, а в виде единственно возможной и честной жизненной позиции. Впрочем, он и на деле выдержал эту позицию. Нас с ним многое связало на долгие годы жизни.

Необходимо, однако, сказать хоть несколько слов ещё об одном человеке, к которому мы все относились с большим уважением и симпатией. Иосиф Захарович Гольденберг, преподаватель литературы в физматшколе, вёл в то время литературный кружок для старшеклассников при Доме культуры «Академия». Приходили к нему, впрочем, и студенты, и все желающие. Человек обширной гуманитарной культуры, прекрасный педагог, необыкновенно доброжелательный и внимательный ко всем своим питомцам, друзьям и просто знакомым, Иосиф Захарович успевал каждому уделить время и заботу, дать почитать нужную книгу, ответить на вопрос. Из обсуждений в его кружке я помню беседы о Сартре и Ануе, о Сент-Экзюпери и М. Булгакове. Помню также встречу с Р. Райт-Ковалёвой, которая рассказывала о В. Маяковском и Б. Пастернаке (она хорошо знала обоих). Мы бывали также не раз у него дома в гостях. К Фетису, как и ко многим другим, Иосиф Захарович проявил подлинное участие и заботу. Некоторое время Фетис даже работал в его социологической группе при Институте экономики. Был проведён интересный опрос читателей «Литературной газеты», но результаты анализа так и не были опубликованы. Уже после своего отъезда из Академгородка Иосиф Захарович в письмах ко мне неизменно интересовался делами и жизнью Фетиса.

Наконец, невозможно не упомянуть о нашем добром общем знакомом Юрии Ивановиче Кулакове. Несомненно, один из самых популярных людей в Академгородке, Юрий Иванович был доцентом кафедры теоретической физики в Новосибирском университете. Ученик академика И. Е. Тамма, автор оригинальной теории физических структур, которая даёт аксиоматическое описание единой математической структуры всех основных физических законов, Юрий Иванович Кулаков был больше известен как страстный любитель искусства, русской истории и культуры, живописи и архитектуры, неутомимый

путешественник и радушный хлебосольный хозяин. Какие только люди ни побывали у него дома, куда только его ни приглашали – от Петрозаводска до Камчатки. Его дружелюбие, доступность и демократизм открывали перед ним все сердца. Религиозный поиск Феоктиста был близок и понятен Юрию Ивановичу, который чувствовал, что в этой необычной судьбе своеобразно преломились традиции русского раскольничества и русского богоискательства. Юрий Иванович щедро делился с ним редкими книгами, знакомил с разными людьми. И когда болезнь Феоктиста была уже явной для всех, Юрий Иванович старался как-то помочь ему в то сложное для всех время, зная, что сам находится под наблюдением и может лишиться работы.

Фетис продолжал без всякой охоты учиться на физфаке до мая 1967 г., после чего, даже не став сдавать летнюю сессию, ушёл из университета. Здесь начинается новая полоса его жизни, выход в подлинную трагедию существования. Оказавшись вне родного дома, вне университета, без специальности, без жилья, он обнаружил полную непрактичность и неприспособленность к жизни. Созерцатель и мечтатель по своей природе, он никогда не мог на что-нибудь решиться без внешнего толчка или направляющей руки. Да и решившись на что-нибудь, быстро начинал тяготиться всякой обязанностью, тем более, если она была связана с трудностями, а главное, по сути своей не имела смысла в его глазах. А таковым было практически любое занятие, на которое он мог рассчитывать. Государственных пособий и пенсий для мечтателей, философов и поэтов у нас, к сожалению, не существует. И тот, кто отказался от стандартного конформистского пути в жизнь через конвейер «высшей школы», должен дальше искать выход на свой страх и риск. Обычно его ждёт работа ночного сторожа, дворника, грузчика, истопника, пожарника, сезонного рабочего, а вполне вероятно и психбольница, если не лагерь...

И надо сказать, что Фетис сразу понял это. Не было у него никаких иллюзий на свой счёт. Дворником так дворником. Силушка, слава Богу, есть. Убирать дворы от снега – это всё же не в душевной конторе отбывать службу по восемь часов в день. Тем более, он где-то прослышал, что дворнику в течение года дают квартиру или, по крайней мере, общежитие. И вот начался первый, пока ещё голубой период дворницкой жизни Ф. Колмогорова. Быть дворником в уютном

научном городке – это, скажу вам, не самое худшее занятие. Остаётся масса свободного времени для чтения, общения, музыки и долгих лесных прогулок. Чистый сосновый воздух, здоровый физический труд, красивые места, умные знакомые... Благодать! Так на первых порах казалась и Феоктисту.

Часть 2. ПУТЬ К ПРОРЫВУ

«Можно, по-видимому, сказать, что не существует ни одного человека, кто в конце концов в какой-то степени не ощущал бы отчаяния... Быть в отчаянии – не исключение, нет, наоборот, редкое, очень редкое исключение составляют те, кто не в отчаянии...»

С. Кьеркегор

Случилось так, что 1967 год обрушил на меня лавину испытаний и событий, резко вздыбивших привычный ход жизни, ускоривших и спрессовавших время в стремительный калейдоскоп перемен. Неожиданная болезнь брата, студента НЭТИ, вынудила меня, оставив все дела, срочно выехать с ним в Москву в середине января. Мы ехали с ним в Онкологический институт им. Герцена, и я уже знал, что он обречён. В середине февраля я вернулся в Академгородок, оставив брата в больнице в Москве. Он вернулся в марте после лечения, но о радикальном излечении не могло быть и речи – в августе он скончался, и все эти месяцы я наблюдал за его агонией, не в силах ничем ему помочь. События обрушились на меня несколькими сериями, и в каждой серии был свой трагический финал. Рассказывать обо всём этом здесь нет никакой возможности, для моих задач повествователя необходимо отметить только то, что в январе 1968 года я сам оказался в больнице с туберкулёзом лёгкого и после пяти месяцев лечения, операции и ещё двух месяцев санаторного лечения снова вернулся в свой родной город.

Естественно, всё это время, вплоть до конца 1969 года, когда я снова вернулся в Академгородок, я имел с Феоктистом очень слабую связь и о событиях его жизни знаю главным образом из его писем. Вряд ли есть необходимость восстанавливать здесь эти события. Более важным представляется мне дать сейчас философскую экспозицию к теме отчаяния и страха, которая постепенно станет преобладающей в дальнейшем изложении. Тема эта в полном её объёме

была бы для меня просто непосильна, и поэтому я решил в основном опираться на свидетельства тех мыслителей, которые знакомы с ней гораздо лучше, чем я. Таким образом, я и сам совершу вместе с читателем некоторый экскурс в экзистенциальную проблему отчаяния и страха, прежде чем снова вернуться к моему герою. У читателя, не привыкшего к такому чтению, может возникнуть вопрос: А нельзя ли как-нибудь покороче, без этой философии? Увы, нет, никак нельзя покороче, особенно для тех, кто никогда не размышлял над философией отчаяния и страха. Напротив, для них надо бы подлиннее – ну, для начала хотя бы прочитать «Доктора Фаустуса» Т. Манна, а потом «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского, а потом уже Сартра, Камю, Кафку и др. Ну, а если кому-то некогда читать всё это, а нужно получить какой-то минимум представлений в удобной и компактной форме, то, за неимением лучшего, могу порекомендовать им книгу П. Гайденоко о С. Кьеркегоре «Трагедия эстетизма» (1970).

Напротив, для тех, кто знаком с проблемой не хуже меня, а, может быть, и намного лучше, и попросит меня чётко дифференцировать её философские, религиозные, психологические и психопатологические аспекты, я могу лишь посоветовать запастись терпением и читать это повествование дальше – авось что-нибудь и прояснится.

Для тех, кто пережил войну, опыт фашистских и сталинских концлагерей, эпоху террора, застенков и пыток, вряд ли нужно объяснять, что такое страх и отчаяние. Нам понятен страх перед угрозой смерти, нищеты, болезни, лишения свободы, уголовной расправы или заключения в тюрьму, депортации или высылки, страх перед множеством конкретных опасностей, постоянно подстерегающих человека в этом мире. Нам понятен также страх маленького ребёнка перед огромной злой собакой или перед грозой, или перед тёмным ночным лесом. Всё непонятное, грозящее уничтожением, гибелью, страданием, вызывает чувство страха, присущее всем живым существам. Однако человек, в отличие от животных, способен противостоять этому чувству, подчинить его своей воле и разуму, способен быть бесстрашным. Бесстрашие – добродетель отважного воина и мудреца, любого отважного, мужественного человека. У всех народов это качество высоко ценится и воспевается в эпосе и хвалебных песнях. Однако для огромного боль-

шинства людей чувство страха не только преобладает в критических ситуациях, но и во многом управляет их поведением. Под влиянием страха люди совершают поступки, которые осуждаются в любом обществе как бесчестные и постыдные, под влиянием страха оказываются беспомощны и гибнут там, где ещё можно бороться и сопротивляться. Более того, – фантазия и воображение зачастую рисуют для человека страхи и ужасы там, где их в действительности нет, порождают целый мир иллюзорных угроз и опасностей, мир кошмаров. Человек способен сам заражать себя и других кошмарными фантомами своего воображения, доходя до помешательства и безумия.

Однако, помимо естественного страха перед реальной опасностью и патологического страха перед воображаемой опасностью существует особый метафизический страх, знакомый лишь человеку, достигшему определённого уровня самосознания, ставшему личностью. Всё, что угрожает личности и её духовному бытию, порождает совершенно особое чувство метафизического страха. Смерть для родового индивида – это всего лишь переход в иной мир, в царство предков, в мир духов, в какое-нибудь подземное царство или на блаженные острова. Угроза смерти на этом, доличностном уровне ещё не воспринимается как полное небытие. Весь ужас небытия открывается только личности – как угроза её полного, тотального уничтожения, превращения в ничто. Но эта же угроза осознаётся и как потенциально присущая всему миру. Нет никаких гарантий, что бытие этого мира имеет под собой какие-либо прочные основания – вечный поток становления всё уносит в небытие, всё превращает в ничто. Мир бытия ненадёжен, уязвим, преходящ, смертен – он всегда стоит под знаком небытия, полного уничтожения, превращения в ничто.

И сама личность в её духовно-автономном существовании находится перед лицом постоянной угрозы чуждых ей слепых безличных сил. Такова, например, перспектива превращения личности в безличный и бездушный автомат, функционирующий в недрах социального механизма по навязанным ей извне законам. Такова угроза утраты всякого смысла жизни, равносильная духовной смерти. Такова потеря возможности реализовать себя в любви и в творчестве. Такова угроза вечного проклятия и осуждения для религиозного человека. Иначе говоря, сам

человек может даже сохранять какое-то подобие существования, но его личность сокрушена, его духовное «Я» не имеет больше никакой ценности и смысла. И эта угроза духовному «Я» личности порождает чувство метафизического страха, способного довести человека до полного отчаяния.

Ясно, что героическая позиция перед лицом угрозы духовному бытию нашей личности не поможет. Не поможет и бесстрашие стоического мудреца, – если это не бесстрашие мумии. Избавление от метафизического страха возможно на двух разных путях. Один путь – отказ от духовно-личностного бытия, от уникальности своего «Я», растворение личности в природе или в родовом коллективе, нации, государстве. Иначе говоря, регресс к до личностному, коллективному бытию. Индивид смертен, но род и природа бессмертны. Индивид – часть бессмертного целого, его ценность – в причастности к жизни целого. Но это уже не личность с её самосознанием и духовной самооценностью. Это клетка организма, винтик механизма, легко заменяемый другой клеткой или другим винтиком.

Другой путь – углубление своей личности до мистического единства с абсолютной личностью Бога, что достигается в акте веры и любви. Моя личность бессмертна в Боге как абсолютной верховной личности. Бог – моя защита и опора, Бог – мой творец и спаситель. Бог есть абсолютный дух и потому единственный гарант бессмертия моего духовного «Я». Никакие земные силы не способны лишить меня этой опоры и нарушить связь моего духовного «Я» с его источником. В таком случае, человек, не способный к вере и любви, человек, лишённый духовной связи с Богом, оказывается беспомощной жертвой метафизического страха и отчаянья, абсолютно несчастным существом. Его духовное «Я» мучительно ищет опору и не находит её. Его зов остаётся без ответа, в страхе и трепете он остаётся один перед бездной небытия.

И вот, можно сказать, что личность постоянно находится на распутье в этой метафизической ситуации выбора самого себя. Причём условия и предрасположенность личности к тому или иному выбору весьма индивидуальны и далеко не всегда осознаются ею. Человек, живущий в родовом коллективе, вряд ли способен даже задуматься над этим выбором. Для этого индивид должен уже стать личностью и осознать это как факт. И лишь тогда он начинает понимать

самую ситуацию выбора. И возникает знаменитый гамлетовский вопрос: «Быть – или не быть?» Разумеется, быть не в физическом, а в духовном смысле. Но тогда сама личность, как в случае Гамлета или Кьеркегора, становится предметом самоанализа и рефлексии. Но это приводит к изменению самой личности. Так, например, бесконечная рефлексия Кьеркегора по поводу своей духовно-жизненной ситуации лишь бесконечно расщепляет его «Я», каждая грань которого вынуждена по-новому определять самоё себя и свою экзистенциальную ситуацию. Только акт чистой веры, только акт прямого выбора может вывести личность из этого порочного круга. Этим актом личность действительно определяет и утверждает себя. «Я должен выполнить свой долг», – решает Гамлет, и его выбор сделан. Все сомнения и возражения отпадают сами собой – выбор сделан!

Но при этом он вынужден переступить через жалость к матери и сострадание к Офелии. Вот цена его выбора.

И всё же реальному выбору предшествует период сомнений и поисков, без которых этот выбор вряд ли будет осознан и осмыслен. Внутренняя диалектика этого процесса иногда становится понятна только позже. Так, например, выше я говорил о преобладании научного рационализма и тейяровского оптимизма в моём мироощущении в известный период времени. Однако стихи этого же периода говорят о другом, более интуитивном и непосредственном переживании реальности с явно трагической окраской. Всё дело в том, что реальная жизненная ситуация личности диктует свою правду, которая зачастую опрокидывает любые наши умозрения. И тогда во внутреннем диалоге личность вынуждена искать какое-то разрешение возникшего конфликта между правдой жизни и принципами веры.

И всё же, при известной чуткости к диалектике человеческой души и противоречивости самой реальности, многие сферы внутреннего опыта оставались для меня по существу неизвестными и, в лучшем случае, известными лишь на умозрительном уровне. В полной мере это относится и к таким экзистенциальным понятиям, как страх или ужас, или, точнее говоря, к той духовной реальности, которая стоит за этими понятиями. Хотя из произведений Кафки и Камю, Достоевского или Акутагавы, из греческих трагедий или Шекспира я мог получить впечатляющее

представление об этой стороне духовно-жизненной реальности, всё же глубокое метафизическое погружение в эту реальность было для меня недоступно. Эта реальность переживаний была мне попросту чужда, не соответствовала моему личному опыту и казалась мне признаком душевной патологии. И дело здесь не в каком-то особом личном бесстрашии.

Даже не будучи в то время религиозным человеком, я всё же чувствовал в глубине души как бы незримое присутствие какой-то огромной высшей силы, несущей даже не любовь и радость, а некую незримую прочность бытия, некую незыблемую и тихую защиту всего сущего – и это чувство прочности, уверенности и защищённости было во мне первично. Я видел конечность и трагичность человеческого существования, но никогда не чувствовал при этом разверзающейся пустоты, того жуткого холода и отчаяния, которое порождает ощущение полной бессмысленности окружающего мира и своего собственного бытия. Всё же в глубине моего «Я» всегда оставалось чувство причастности к этой высшей силе, внутреннего единства с ней.

Это длинное отступление понадобилось мне для того, чтобы пояснить, в чём заключалось моё непонимание душевного состояния Феохтиста в последующий период нашего знакомства. Я мог сочувствовать его несчастью, мог хорошо представить тот бездушный мир, который причинял ему страдание, мог осознать смысл его духовно-жизненной драмы, – но проникнуть в подлинно экзистенциальную глубину его отчаяния, в метафизическую природу его страха перед «ничто» я не мог. Это было чуждо моему опыту и моему пониманию. Я не видел этого разверзающегося ничто – и не мог передать ему своего гармоничного видения осмысленной полноты бытия. Здесь столкнулись две формы внутреннего опыта, две формы мироощущения, и они были непроницаемы одна для другой. Разумеется, никакие доказательства здесь в принципе невозможны, – ведь мы можем доказывать лишь то, в чём уже заранее убеждены, а основания этой убеждённости лежат глубже логики и разума.

Именно поэтому наивными и беспомощными представляются все попытки философского «опровержения» неприемлемой для нас мировоззренческой или экзистенциальной позиции того или иного мыслителя – как правило, не так уж он ограничен, чтобы не увидеть доказатель-

ной силы наших аргументов, если бы они действительно обладали этой силой. Но в том-то всё и дело, что для него неприемлем тот внутренний опыт и те исходные постулаты, на которых базируется наша аргументация, – и здесь уже ничего не поделаешь. Экзистенциальную позицию можно лишь прояснять, сделать доступной для коммуникации, но нельзя доказать и навязать кому-то в качестве истины. «Я мыслю – следовательно, существую», – говорит Декарт. «Я страдаю – следовательно, существую», – говорит Кьеркегор. Кто из них прав? А каждый прав по-своему. Остаётся, как говорил незабвенный вождь и учитель, критерий практики, то есть тот способ жизни, в котором мы реализуем свою экзистенциальную позицию. Хотя этот критерий в конечном счёте ничего не решает и не доказывает, но он позволяет до конца раскрыть внутренние возможности, заложенные в этой экзистенциальной позиции и тем самым реализовать себя.

Но так как эти возможности заранее не определены и нам не известны, проецирование самости в поле этих возможностей порождает чувство тревоги, беспокойства, страха перед неизвестностью. Здесь, вероятно, следовало бы как-то отделить чувство страха перед смертью, которое, согласно экзистенциалистам, образует основу человеческого существования, от этого более неуловимого и многоликого чувства страха перед разверзающимся ничто, перед нашей открытостью для этого ничто. Видимо, тревога перед лицом угрожающей неопределённости действует даже сильнее, чем страх перед известной опасностью.

Весьма важной разновидностью патологического страха является страх верующего перед муками ада. Ад – это, конечно, самое чудовищное изобретение религиозного безумия. И, увы, весьма живучее. Не один верующий сошёл с ума, замороженный видениями ада и адских мук, якобы предстоящих ему. «Божественная комедия» Данте или картины И. Босха хорошо иллюстрируют характер психопатологических видений адских мук грешников в сознании верующего. В распространении патологического страха перед муками ада, несомненно, значительную роль сыграло христианство. Вспомним, что и сам Иисус Христос верил в существование ада и много раз в красочных выражениях описывал адские муки, которые ждут грешников: «Змии, порождения ехиднины! Как убежите вы от осуж-

дения в геенну?» (Матфея, 23: 33). «Пошлёт Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов» (Матфея, 13: 41–42).

Несомненно, на многих верующих этот устрашающий образ ада должен был произвести самое тягостное впечатление и привести к стойкому чувству страха и комплексу вины и греховности. Желая «спасти» души верующих, церковь придумала чудовищные пытки, которым она подвергала несчастных здесь, на земле, чтобы они могли, раскаявшись, избавить себя от вечных мук на том свете. Это лишь способствовало распространению патологического страха, психических заболеваний и помешательств на религиозной почве. Вера в нечистую силу, бесов и самого Князя Тьмы – Дьявола – многократно усиливала этот страх. Миллионы верующих до сих пор находятся в плену этих внушённых бредовых измышлений. Я не буду говорить здесь о других фантомах религиозного сознания, хотя многие из них также имеют патологический характер. Возможно ли очистить христианство от этой психопатологии, превратить его в религию любви и сострадания? Вряд ли – сила традиций здесь очень велика.

79

Исторические судьбы цивилизации, человечества или даже всего мира занимали философов и религиозных мыслителей на протяжении трёх тысяч лет. Но даже самая грандиозная эсхатология не способна привести конкретного живого человека в то состояние трепета и отчаяния, в какое его приводит чувство полной бессмысленности своего личного бытия, отсутствие всякой опоры и уверенности в жизни. На эту тему писатели и философы-экзистенциалисты исписали тысячи страниц, и я не вижу необходимости повторять их здесь. Достаточно почитать Паскаля и Кьеркегора, Шестова и Кафку, Хайдеггера и Ясперса, Сартра и Камю... Приведу лишь два весьма выразительных фрагмента из Паскаля, который уж, во всяком случае, не был выразителем «реакционных тёмных сил империализма»:

«Я не знаю, кто меня послал в мир, я не знаю, что такое мир, что такое я. Я в ужасном и полнейшем неведении. Я не знаю, что такое моё тело, что такое мои чувства, что такое моя душа, что такое та часть моего я, которая думает то, что я говорю, которая размышляет обо всём и о самой себе и всё-таки знает себя не больше, чем

всё остальное. Я вижу эти ужасающие пространства Вселенной, которые заключают меня в себе, я чувствую себя привязанным к одному уголку этого обширного мира, не зная, почему я помещён именно в этом, а не в другом месте, почему то короткое время, которое дано мне жить, назначено мне именно в этом, а не в другом пункте целой вечности, которая мне предшествовала и которая за мной следует... Всё, что я сознаю, это только то, что я должен скоро умереть, но то, чего я больше всего не знаю, это смерть, которой я не умею избежать. Как я не знал, откуда я пришёл, так же точно не знаю, куда уйду... Вот моё положение; оно полно ничтожности, слабости, мрака».

Другой фрагмент Паскаля интересен тем, что в нём хорошо показана ситуация человека, который из мрака и отчаянья своей заброшенности в мире пытается найти путь к Богу:

«Я смотрю во все стороны и вижу один мрак. Природа ничего мне не предлагает, кроме того, что вызывает сомнение и беспокойство. Если бы я не видел в ней никаких признаков Божества, то решил бы его отрицать; если бы я повсюду видел следы Творца, то успокоился бы в лоне веры. Но, видя слишком много, чтобы отрицать, и слишком мало, чтобы поверить, я нахожусь в плачевном состоянии, в котором я желал сотни раз, чтобы природа, если ею управляет Бог, указала на него недвусмысленно, или, если её свидетельства сомнительны, уничтожила бы их совсем; пусть же представит всё или ничто, чтобы я знал, какой стороны мне держаться». Здесь опять же интересно, что Паскаль требует доказательств бытия Бога от природы, а не полагается на силу внутреннего свидетельства духа, как то подобало бы истинному христианину.

Паскалю вторит А. Шопенгауэр, наполнивший эти бесконечные мировые пространства алчной, но слепой и бессмысленной волей:

«В бесконечном пространстве и бесконечном времени человеческий индивид чувствует себя как конечную и, следовательно, исчезающую в сравнении с ними величину, брошенную в них, и вследствие их безграничности он всегда имеет лишь относительное, никогда не абсолютное ощущение времени и места своего бытия... Собственное существование дано ему лишь в настоящем, неудержимо текущем в прошлое – в переходе к смерти, в постоянном умирании». Так писал Шопенгауэр в первом томе трактата «Мир как воля и представление», вышедшем в 1818 году.

А что сказали бы эти замечательные мужи, если бы им довелось погрузиться в дебри современной науки, где от человека вообще ничего не осталось – какой-то эфемерный статистический ансамбль молекулярно-атомных структур! Да и в основе самих этих структур – какие-то квантовые флуктуации вакуума... Пустота, бесконечная зияющая пустота разверзлась в основе мира перед глазами современной науки. Мир без Бога, без смысла и цели. Мир, где неумолимый рост энтропии растворяет в хаосе любой островок разума и порядка. Мир, где прогресс науки и техники неуклонно ведёт к росту чудовищных средств массового уничтожения, разрушению живой природы, отравлению океанов и атмосферы, распаду человеческих душ, насилию и жестокости в небывалых, неслыханных масштабах. Где же всемогущий Бог, творец и спаситель мира? Где он? Так стоит ли так уж удивляться тому, что в современной философии и литературе тема пустоты и бессмысленности жизни, тема отчаянья и страха заняла столь значительное место? Чего же иного можно ждать в обезбоженном, обесмысленном мире, отравленном насилием, жестокостью, идеологической ложью, дикими суевериями и тотальным наступлением самоуничтожения цивилизации?

20 Так что, может быть, не стоит так уж строго судить и Фетиса, если он, присмотревшись поближе к окружающей его жизни, вдруг отчего-то утратил свой врождённый классовый оптимизм. Должно быть, бесконечная классовая борьба в бесконечных пространствах Вселенной не смогла его вдохновить. Должно быть, рабочая гордость дворника споткнулась о бесконечные нагромождения человеческих отбросов, которые и Гераклу не под силу вычистить. Возможно, радиоактивная заря коммунизма родила какую-то странную духовную мутацию, не предусмотренную ни одним пленумом или съездом партии. Должно быть, мыслящий человек в любое время способен задавать себе всё те же «проклятые вопросы».

Хотя я выделил и попытался разъяснить выше специфическое состояние метафизического страха, как одного из фундаментальных экзистенциалов человеческого бытия, суть дела отнюдь не сводится к этому состоянию. Человек живёт не просто в мире, но в обществе, в человечески обжитом мире, в общении с другими людьми, в атмосфере определённой культуры и социальных отношений. И вот, начиная с какого-

то момента, он всё острее начинает чувствовать неподлинность этого мира, несоответствие образа жизни окружающих его людей каким-то глубинным ценностям – таким, как искренность, честность, доброта, участие, сострадание, любовь. Он видит, что жизнь людей утратила какой-то главный смысл, что люди живут неподлинно, фальшиво, уродливо, бессмысленно. Здесь разворачивается ужасающая человеческая пустота. Скученные в гигантских городах, занятые изнурительной и бессмысленной работой, напичканные стереотипами идеологии и массовой культуры, люди перестают быть людьми, утрачивают чувство неповторимости своей личности, живое чувство связи с природой и превращаются в бессмысленно функционирующих марионеток, неспособных даже дома, в кругу семьи, сбросить с себя эту маску неподлинности и отчуждения.

Поскольку явление отчуждения и неподлинности отчуждённого существования установлено, феноменология его описана, возникает вопрос: что делать человеку, осознавшему эту ситуацию? Здесь я предполагаю, что человек действительно осознал её как личную ситуацию: он видит неподлинность своей жизни и жизни окружающих его людей, он страдает от этой неподлинности и мучительно ищет выход. Для начала это уже немало, так как большинство людей, живя неподлинно, не замечают или стараются не замечать своего отчуждения, стараются не думать о глубокой лживости своего существования в неподлинном мире отчуждения и лжи. Почему они так живут и почему не хотят задуматься о своей жизни – это другой вопрос. А вот как быть тому, кто уже задумался о своей жизни и не хочет так больше жить? Бунтовать, как считал А. Камю? Занять позицию неустрашимого личного сопротивления или признать бесплодность всякой борьбы? Или, может быть, просто честно свидетельствовать об истине, как это делает художник, писатель, философ? Я задаю здесь этот вопрос не для того, чтобы дать на него исчерпывающий ответ. Такой ответ должен быть найден каждым человеком в его собственной душе, обретён его личным усилием. Если же я ставлю здесь этот вопрос, то лишь затем, чтобы хоть немного приблизить читателя к пониманию той ситуации, в которой оказался Феоктист ко времени моего возвращения в Академгородок осенью 1969 года. Уже из нашей переписки я мог видеть, что проблема освобождения из неподлинных условий существования и обретения

27

своего подлинного «я» встала для него со всей остротой и настоятельно требует своего разрешения. Он рассматривал разные варианты решения (уехать в деревню работать учителем, поступить учиться в духовную семинарию и т. д.), но ни на одном не мог остановиться. К счастью, традиционный русский путь выхода из любых проблем – пьянство – был для Фетиса закрыт, так как он вообще не пил.

Я понимал, что речь идёт не просто о выборе своего места в этой жизни, но о решении тех более глубоких вопросов духовно-жизненного плана, о которых я говорил выше. Качественно новое состояние сознания наступает тогда, когда вопрос о выборе жизненного пути мы связываем с вопросами о смысле нашей собственной жизни и о смысле бытия как такового. И если у нас хватает честности не отмахнуться от этих вопросов, то мы должны их как-то решать. Нельзя сказать, что в глубине души я сам не понимал этого. За своей философской и литературной работой, за перипетиями личной судьбы я постоянно чувствовал незримое присутствие этих фундаментальных вопросов. Понимая, что у меня нет на них ясного и бесспорного ответа, я оставлял их открытыми для будущего. Я чувствовал, что здесь скрыта какая-то тайна, и не следует торопить эту тайну раскрыться, ибо она раскроется сама, когда придёт время. Ибо ключ к этой тайне – в руках той высшей силы, присутствие которой я ощущал с детства, не умея её назвать и выразить. Оставалось хранить доверие к этой высшей силе, постепенно раскрываясь её навстречу, тихо исповедуя ей свою душу и сердце. Я верил, что в своё время всё разрешится.

Видимо, не совсем так обстояло дело у Феоктиста. Я чувствовал, что настроение безнадежности и отчаяния всё глубже овладевает его душой. Вопрос это очень деликатный: ведь я касаюсь тайны чужой личности. Если бы не наши многолетние отношения и не бесчисленные разговоры, вряд ли я даже осмелился бы говорить на эту тему. Да и при всех этих обстоятельствах и оговорках не вполне ясно, имеет ли право один человек так пристально углубляться во внутренний мир другого человека. Но всё же придётся здесь сказать одну вещь, о которой, видимо, знаю лишь я один. Иначе многое из дальнейшего будет непонятно. Вскоре после моего приезда в городок Фетис, рассказывая о своей горькой жизни последних лет, вспомнил один загадочный эпизод.

«Было это позапрошлой лютой зимой, – начал он, понизив голос, – когда я жил у старухи в посёлке Кирова. Дом был старый, плохонький, я жил в холодной пристройке, она ночью наставляла жутко, так что я и спал, не раздеваясь. И вот, как-то раз, во мраке и холоде, я долго лежал и никак не мог уснуть. За окном выла вьюга, я весь дрожал, было жутко и тоскливо, как перед смертью. Потом я как будто забылся и вдруг – весь вздрогнул: чувствую ясно, что рядом кто-то есть...». Здесь он помолчал и глянул на меня со значением. Я тоже молчал, ожидая продолжения. «Это был он», – сказал Фетис совсем тихо. «Кто – он?» – спросил я, не понимая. «Бес, лукавый» – ответил Фетис, досадуя на мою непонятливость. «Тьфу, ты что, серьёзно?» – я даже вздрогнул от неожиданности. «А разве это может быть несерьёзно?» – спросил Фетис, бледный и какой-то странный. «Ну и что, и как же он выглядел?» – развеселился я. «Да ну тебя, ты всё смеёшься», – обиделся Фетис. Потом добавил, словно про себя: «Он ждал меня, он присматривался, молча выжидал... Ничего не сказал, молчал». Это было уже выше моих сил. «Слушай, это же просто галлюцинация! Ну, изголодался ты, исхолодался, тоскливо тебе было – вот и полезли в голову всякие ассоциации из «Братьев Карамазовых» да из «Доктора Фаустуса». Ну, что ты, в самом деле, взял себе это в голову? Так и спятить недолго. Вдохни поглубже и забудь про это!» «Нет, – сказал Фетис, тяжело вздохнув, – он ещё придёт, я знаю».

Больше мы на эту тему не говорили, но какой-то тревожный осадок разговор этот во мне оставил. Я знал, что Фетис не шутит, и надеялся лишь на то, что всё это забудется, как плохой сон. Работал он в это время дворником, сразу в двух местах – в детском саду и в домоуправлении. Квартирный вопрос решился просто – по совету какого-то более опытного коллеги он сунул начальнице домоуправления две красненькие и вскоре получил комнату в служебной квартире, которую ему были обязаны дать и без всякой взятки. Но таковы уж нравы и порядки. Вместе мы сколотили прочный стеллаж из досок, и Фетис мог наконец-то выставить все свои книги – около тысячи штук – на полки. Старый письменный стол, добытый по случаю, топчан, тумбочка, стул и радиола «Рекорд» с парой сотен пластинок завершали обстановку. Потом мы раздобыли раскладушку, и пару месяцев, пока я не получил место в общежитии, я тоже жил здесь. В сосед-

ней комнате жила уборщица тётя Клава, пожилая женщина, вместе со взрослой дочерью и придурковатым внуком. Жили мы все мирно, тётя Клава опекала Фетиса и только вздыхала, глядя на полки с книгами: «Господи, книг-то зачем столько? Разве можно это всё прочитать? Ну, учёным-то, может, и нужно для ихней науки, а тебе-то, милый, зачем всё это?» На что Фетис отвечал сокрушённо: «Сам не знаю, тётя Клава, ей-богу. Но уж не для науки, это точно».

От научных занятий, к которым у Феокиста были несомненные способности, он к этому времени отошёл окончательно, хотя иногда ещё покупал книги по биологии и социологии. И причина этого, конечно, была не только в угасании интереса к науке как таковой – отдельные научные проблемы Фетис и позже обсуждал с интересом. Главная причина была в другом: в том, что ему стало окончательно ясно, что наука не способна ответить на фундаментальные вопросы человеческой жизни и дать опору в жизни. Более того, – даже если она и не заявляет таких претензий, а просто существует как социальный институт, оказывающий влияние на всю жизнь общества, своим обезличенно-бездушным характером мышления, попыткой всё обезличить и сделать объектом эксперимента она накладывает неизгладимый отпечаток на все человеческие отношения и на саму жизнь человека. Независимо от чьих-либо пожеланий наука стала могущественной антигуманной силой, враждебной человеку. Наука изменила своему высокому призванию, стала продажной служанкой политиков и военных. Идеалы служения истине, служения человеку уступили место другим, более низменным и прагматическим целям.

А ведь все эти опасности умные люди предвидели ещё в прошлом веке, задолго до появления химического и ядерного оружия. И, в первую очередь, опасность бездуховности, таящейся в научном подходе к миру. Недаром в «Братьях Карамазовых» у Достоевского отец Паисий говорит Алеше Карамазову: «Помни, юный, неустанно (...) что мирская наука, соединившись в великую силу, разобрала, в последний век особенно, всё, что завещано в книгах святых нам небесного, и после жестокого анализа у учёных мира сего не осталось изо всей прежней святыни решительно ничего». И не случайно Иван Карамазов выступает в романе носителем «научной идеи», холодного рационального познания, разлагающего весь мир на бездушные элементы и струк-

туры. Отвергая Бога и признавая в мире действие лишь естественных, физико-химических законов, Иван Карамазов и человеческий мир рассматривает с натуралистической точки зрения. В силу этого, он не находит никаких оснований для того, чтобы человек любил себе подобных – ведь если законы природы сводятся к физике и химии, то «такого закона природы, чтобы человек любил человечество – не существует вовсе». Достоевский с полным основанием считает, что подобное мировоззрение в конечном счёте исходит от сатаны, и сам чёрт, явившись Ивану, подтверждает это: «Я с тобой одной философии».

И развитие современной науки, как бы ни старались советские философы доказать обратное, ничего не изменило, да и не могло изменить в этом изначально бездушном характере научного познания. Квантовая механика, теория относительности, кибернетика, генетика так и не смогли открыть в природе закона любви. А законы борьбы за существование и законы классовой борьбы, открытые буржуазной и марксистской общественными науками, тоже почему-то никак не могли диалектически перерасти в законы любви и братства. И это мы хорошо могли видеть не в какой-то отвлечённой теории, а в самой очевидной бесчеловечной практике. Страшно то, что насилие и жестокость ещё и оправдываются наукой («естественный отбор», «выживание наиболее приспособленных», «классовая борьба»...). Страшно и то, что наука создаёт всё более утончённые методы порабощения человека. Конечно, справедливо будет сказать, что не сама наука повинна в этом, а те люди, которые используют её подобным образом. Но разве от этого легче? Почему же наука не может изменить этих людей в сторону большей гуманности, просвещённого человеколюбия, большей ответственности за судьбы человечества?

Нелепо было бы отрицать выдающийся вклад науки в процесс познания мира и в прогресс цивилизации. Но когда в целостном организме культуры наука и рационализм приобретает ведущую роль, культура утрачивает свой этический и духовный смысл, свобода и достоинство личности превращаются в ненужный анахронизм, а высшие духовные ценности теряют своё ведущее значение. Наука становится суррогатом религии, а присущий ей дух обезличенности, стандартизации, холодно-объективно-

го анализа накладывает отпечаток на все человеческие отношения. При этом даже познание как духовная ценность уступает место погоне за технической эффективностью научных разработок. Мы знаем, чем всё это кончается – ядерным адом, Хиросимой и Нагасаки.

Всё это было совершенно очевидно и для Фетиса, и для меня, тем более, что мы жили в одном из крупнейших научных центров и могли видеть своими глазами, к какой духовной деградации личности ведёт научно-техническое образование, лишённое духовной и нравственной основы. Мы могли также видеть, как страдают от этой вынужденной раздвоенности люди, художественно и гуманитарно одарённые, но волею судьбы попавшие в чудовищную мясорубку науки, требующую, как Молох, человеческих жертвоприношений. Ведь не у всех хватало решимости порвать с научной карьерой и отдаться своему подлинному призванию, сулящему полное тревоги и неуверенности будущее. Тем более что под ударом оказывалась и семья, и родные. Наука всё же давала средства для жизни, обеспечивала устойчивое социальное положение.

Мы видели, что наступление научно-технической цивилизации идёт широким фронтом, а островки духовности и гуманизма всё менее способны противостоять этому нашествию. Оснований для оптимизма было мало. Особенно в отношении тех стран, где прочно утвердился тоталитаризм, всей своей сутью враждебный духовности и гуманизму. А мы жили именно в такой стране. 1968 год снова напомнил нам об этом. Введение советских войск в Чехословакию сразу положило конец тем немногим либеральным свободам, которые ещё допускались в нашей стране.

Вся эта осязаемая субстанция социального бытия, в которой приходилось отчаянно искать твёрдую почву под ногами для бытия личного, все эти наблюдения и размышления вновь возвращали Феохтиста к фундаментальным онтологическим проблемам. Но в контексте либерально-гуманистической культуры невозможно было найти ответ на вопрос о смысле самого бытия. Это понял уже Ницше, это убедительно раскрыл Хайдеггер. Есть ли в самом бытии залог надежды на спасение, тот золотистый луч божественного света, который освещает всё творение и указывает направление к источнику? Ему необходимо было непосредственно прочувствовать и осознать подлинный смысл наличного бы-

тия без всяких апелляций к истории и эволюции с их туманными целями – иначе и в нём, и вовне разверзалась ужасающая пустота, темное бессмысленное ничто. И сама жизнь теряла всякий смысл, превращаясь в бессмысленное отбывание неизвестно кем наложенной повинности. Вещи, люди, природа продолжали осязаемо и многокрасочно являть свою чувственную реальность и вроде бы жили какой-то своей жизнью, но всё это было совершенно бессмысленно и лишено подлинного бытия. Вспомните те чувства, которые переживает Раскольников, стоя на Николаевском мосту в Петербурге: «Ему случилось, может быть, раз сто останавливаться именно на этом же месте, пристально вглядываться в эту действительно великолепную панораму, и каждый раз почти удивляться одному неясному и неразрешимому своему впечатлению. Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немим и глухим была для него полна эта пышная картина». («Преступление и наказание»).

Это же чувство душевной отъединённости от мира, необъяснимой пустоты и тоски мы встречаем и в «Идиоте». Князь Мышкин вспоминает: «Это было в Швейцарии, в первый год его лечения. Он раз зашёл в горы, в ясный, солнечный день, и долго ходил с одной мучительною, никак не воплощавшеюся мыслью. Перед ним было блестящее небо, внизу озеро, кругом горизонт светлый и бесконечный... Он долго смотрел и терзался. Ему вспомнилось теперь, как простирал он руки свои в эту светлую, бесконечную синеву и плакал. Мучило его то, что всему этому он совсем чужой. Что же это за всегдашний великий праздник, к которому тянет его давно, с самого детства, и к которому он никак не может пристать?»

Из многих аналогичных признаний Феокиста о щемящей тоске отчуждённости от полноты переживаний мира вспоминаю одно, особенно горькое. Как-то раз мы слушали Девятую симфонию Бетховена – одну из любимых вещей Феокиста. В известном финале этой симфонии хор исполняет оду Шиллера «К Радости»:

*«Радость, чудный отблеск рая,
Дочь, милая богам,
Мы вступаем, неземная,
Огнемельные, в твой храм.
Власть твоя связует свято
Всё, что в мире врозь живёт:*

*Каждый в каждом видит брата
Там, где веет твой полёт.
Хор: Обнимитесь, миллионы!
В поцелуе слейся, свет!
Братья, над шатром планет
Есть Отец, к сынам склонённый.»*

И вот, после окончания симфонии Фетис с какой-то горькой печалью спросил, уж не знаю кого, Бетховена или Шиллера: «Где эта радость, где? Не вижу, не чувствую её... А всё же как хорошо», – улыбнулся он вдруг и задумался. Я понимал, что в этих поисках ускользящей радости я ничем не могу ему помочь, да и сам, честно говоря, слабо верил, что вот-вот обнимутся, наконец, миллионы, и весь свет сольётся в поцелуе. Гуманистический миф, возникший на обломках христианского мифа, был так же красив и так же неубедителен. А Фетис всё ещё надеялся обрести эту радость через более интенсивное погружение в классическую гуманистическую культуру: Гёте, Шиллер, Лев Толстой, Томас Манн, классическая музыка... Но уже всё чаще поглядывал он в сторону Ницше и Хайдеггера, читал даосов и буддистов, со странной улыбочкой перечитывал «Братьев Карамазовых» и «Доктора Фаустуса». Всё больше размышлял он над Гоголем, Достоевским, Лесковым, углубился в древнерусскую литературу, в русскую историю, в историю церкви...

(А из окон звучали Высоцкий и битлы, а вокруг развлекались и пили дебилы, и советской науки большие умы укрепляли устои советской тюрьмы... А на кухнях читали «Гулаг» диссиденты, и смотрели в глаза дружелюбные кенты, а потом на беседу таскали в контору, для большого, душевного, бля, разговору...)

Я не хотел бы, друг-читатель, чтобы у вас составилось представление о Феокисте, как о сугубо умственном человеке, замкнутом в мире книг и собственных переживаний. Он всегда тянулся к людям, несмотря на всю свою природную робость. Малейший знак теплоты и внимания мог его растрогать и обрадовать до глубины души. Десятки людей приходили к нему в гости, пользовались его библиотекой, а зачастую – его безотказной и бескорыстной помощью. При своём скромном заработке он всегда был готов занять кому угодно деньги, всегда был готов выполнить чью-то просьбу, что-то помочь перевезти, перенести, решить какую-нибудь задачку по физике или математике для нерадивого студен-

та-заочника и т. д. Он часами мог бродить по лесу, по-детски восхищаясь какой-нибудь живописной поляной или закатом или осенней палитрой красок в ясный солнечный день. Может быть, эта искренняя детская радость от живого общения с природой была последней опорой в его одинокой жизни.

В сущности, возможно, вся его трагедия в том и заключалась, что здоровый крестьянский парень вместо того, чтобы жить здоровой деревенской жизнью, с её естественной связью с землёй, природой, сельским трудом, оказался заброшен в каменные джунгли большого города, в бездушный мир техники, в рассудочные дебри науки... Вот и мучила его тоска неизбывная по этой, смутно живущей в крови, но непоправимо нарушенной связи с родной землёй, с вековым укладом крестьянского труда и быта.

Но возвращаться было некуда, корни были обрублены, живая связь прервана. И эта тоска неизбежно вылилась в форму неразрешимых умственных проблем. Надо сказать, что это, подкупающе простое объяснение судьбы моего героя кажется для многих довольно убедительным и правдоподобным. Да, помнится, я и сам не раз советовал Феоктисту уехать в какую-нибудь хорошую сибирскую или алтайскую деревню, поработать, присмотреться – может, и понравится такая жизнь. Но он так и не поехал никуда. Да и то сказать, чем бы он стал заниматься в деревне? Работать скотником, механизатором, пастухом, лесником? Вот лесником, пожалуй, мог бы, даже сам интересовался, где и как можно устроиться...

Только я ещё и такую вещь скажу: уж если русский человек начал искать Бога, то он не остановится, он до Иерусалима дойдёт, до Гроба Господня, и ничем его уже не остановишь. Так что, выходит, дело не в городе и не в деревне. А дело всё в душе человеческой, которая томится тоскою по светлой правде, по добру да красоте, по сияющему радостью братству со всем божьим миром. И никаким телевизором да хоккеем, никакими реками водки и пива, никакими первомайскими демонстрациями, никаким покорением космоса не заглушить эту тоску. Здесь не «онтологические проблемы» и не «нравственные поиски», а вопль сердца, живой крик души! Живёт человек среди бездушного вранья, наглого грабежа народа и всеобщего скотства – и вдруг решает: баста! Больше так не могу! Ещё не знает он толком, что совершит, как разрушит

злые чары дурмана, как прорвётся к подлинной жизни и что из всего этого выйдет, но твёрдо понял, что дальше так невозможно жить. И тогда он делает какой-то отчаянный шаг.

Этот отчаянный, мучительно-искусственный, и всё же безоглядно решительный шаг, который сделал Феоктист, когда все иллюзии гуманистически-эстетической стадии были исчерпаны, можно определить как своеволие подпольного человека. Да, милый читатель, Достоевщина, и самая густая, – но кто из несчастных русских мальчиков избежал её вполне? Когда в математически исчисленном и культурно упорядоченном универсуме с готовым каталогом ответов на все вопросы всё вопиет о разверстой бездне небытия и о трагической безысходности жизни, соблазн «преступания черты» становится непреодолимым. И чем нелепее и неожиданнее, тем лучше. Пусть уж лучше явный абсурд, чем благопристойно скрытый и замаскированный всеобщей лживостью и лицемерием. И разве не от этого шли испокон веков все юродивые да скоморохи на Руси? Все вокруг такие умные, такие учёные, все вокруг всё понимают и трудолюбиво обделывают свои маленькие делишки, – а я дурак, я ничего не понимаю! Я ничего не понимаю! Я не понимаю, как вы можете жить такой жизнью и чирикать обо всей этой чепухе и обделывать свои делишки – перед бездной, перед страшной тайной бытия, лишённого всякого смысла. Я – не могу! Да, господа, я дурак, – и позвольте мне жить и поступать по-дурацки, по-своему

«И с чего это взяли все эти мудрецы, что человеку надо какого-то нормального, какого-то добродетельного хотения? С чего это вообразили они, что человеку непременно надо благо-разумно-выгодного хотения? Человеку надо одного только самостоятельного хотения, чего бы эта самостоятельность не стоила, к чему бы она ни привела». (Ф. М. Достоевский, Записки из подполья).

Вот так-то и начал Феоктист юродствовать, доводя свою мнимую простоватость до столь же мнимой дураковатости, доводя своё действительное безволие до вымученного своеволия. Тяжело и неловко было всё это наблюдать. И совсем не смешно. Не был он скоморохом по своей природе, и всё это неуклюжее шутовство шло на болезненном надрыве, на полном душевном отчаянии. Не был он и распоясавшимся хамом, чтобы проявить во всю ширь «ндрав» подпольного человека – со всем этим глумлением над святы-

нями, тяжёлым пьяным разгулом, мордобитием и садомазохизмом. Ничего этого не было, да и быть не могло. А было нелепое, вымученное юродство, и больше всего это походило на негативизм затравленного подростка, который пытается утвердить себя «назло всем». Проявлялось это и в нарочито-нелепых ответах на обычные вопросы, и в мнимой таинственности и двусмысленности суждений – чуть ли не по образцу дзэнских коанов, и в наигранном смысловом барьере, – дескать, совершенно не понимаю, о чём вы говорите, и в развёрнуто-абсурдистской рефлексии собственного поведения. Приводить примеры нет особой нужды, да, честно говоря, и не хочется. Фетис и сам прекрасно понимал искусственность всей этой затеи и, разумеется, не выдерживал стиля – то и дело сбивался на старую колею добродушного гетеанско-манновского гуманизма, подтрунивая над собой. Вообще, была у него маленькая слабость, – он ужасно хотел овладеть знаменитой манновской иронией и беззастенчиво копировал стиль Томаса Манна в речи и в письмах – иногда не без успеха.

В это время появилось у него новое увлечение – он зачитывался старыми даосами и с восторгом цитировал Лао-цзы и Чжуан-цзы, находя в них явное духовное родство. Даже своё юродство он стал стилизовать на даосский манер. В этом смысле ему также очень импонировал дзэн-буддизм с его непосредственностью и парадоксальностью. Но просветление не приходило, Дао оставалось неуловимо, стилизация оставалась стилизацией и не могла стать экзистенцией и судьбой. Слишком чужеродно и неорганично всё это было и никаких реальных проблем разрешить не могло. Здесь всё ещё продолжалась уже исчерпанная, внутренне отвергнутая «эстетическая» стадия (в духе Кьеркегора), со всей её трагической безысходностью, рефлексией и иронией. За всеми этими духовными метаниями угадывалась и прорывалась огромная тоска по цельности, по живому мифу, по своей утраченной непосредственности, подлинности, органичной естественности, бытийной полноте. Постоянная мучительная неуверенность в себе, постоянная неуверенность в жизни никак не компенсировалась вживанием в культурные и духовные феномены давно ушедших эпох, в судьбы тех или иных реальных людей или литературных персонажей.

«Кто я такой? – восклицал он в сокрушении и самоуничтожении. – Какой из меня философ, ка-

кой историк, какой учёный? Я полное ничтожество, ни на что не способный, никудышный человек. Лучше бы мне было вовсе не рождаться на свет божий!»

«Ты Феоктист Колмогоров, – отвечал я ему. – Попытайся реализовать себя в этом качестве. И не очень заботься о том, философ ты или не философ. С кафедры марксизма-ленинизма тебе всё равно не выступать. Да и в Сорбонне тебя не слишком ждут». Но, конечно, такие слова мало могли помочь делу. Всё, что я мог сказать ему, он знал и сам. Но изменить себя он был не в силах. И работа дворника не могла дать ему чувства самоуважения и собственного достоинства. А внутренней опоры для этого чувства не было. («Я – советский человек!» – Ну да?! И что из этого?)

В своих сумбурных поисках самого себя Феоктист сделал ещё одну примечательную попытку, которая при другой внутренней ориентации, возможно, могла бы привести к успеху. В начале 1971 года в наших краях откуда-то снова появился Виктор Асташов – как всегда, энергичный, уверенный, сияющий рекламной улыбкой. Видимо, почувствовав состояние Феоктиста, он предложил ему заняться йогой и пообещал свою помощь. Возможно, просьба исходила от самого Фетиса, этого я не знаю. Так или иначе, Феоктист начал заниматься йогой под руководством Вити Асташова. Очевидно, это был начальный курс раджа-йоги с установкой на овладение основными асанами и общий самоконтроль. Дело, конечно, хорошее, и я не сомневаюсь, что в этой части Витя Асташов мог оказать вполне квалифицированную помощь. Вся проблема, однако, в том, что для успешного занятия йогой необходимо относиться к ней с полной серьёзностью и абсолютно доверять учителю. Ученик должен безусловно верить в то, что йога – истинный путь самопознания и освобождения от пут майи.

Не так важно, с какой метафизикой – буддистской или индуистской – связывается практика йоги, но абсолютная серьёзность отношения к ней образует собой основу успешного движения вперёд. Для истинного йога, говоря словами Шри Ауробиндо, «вся жизнь есть йога». Несомненно, у Виктора Асташова такая вера была, хотя в жизни он далеко не всегда ей следовал. Но он и сам это осознавал, прощая себе свои слабости. А вот у Феоктиста такой веры не было, и Виктор не мог передать ему свою уверенность и собранность. Кроме того, их философские

установки и внутренние ориентации были слишком различны. Так, например, для Вити Асташова, насколько я могу судить, было совершенно чуждо представление о метафизической вине и греховности человека (в христианском смысле). Как истинный буддист, он исходил из концепции кармы. Иначе говоря, что заслужил в прошлой жизни, то и получил в данном своём перерождении. Концепция, что и говорить, очень удобная. Особенно в отношении других. Погибли миллионы людей в газовых камерах – значит, в своих прошлых перерождениях они чем-то это заслужили. Всякие эмоции в этом случае просто излишни. Что заслужил, то и получил. Исправишься – заслужишь лучшую карму. Сильные, здоровые, счастливые получили своё счастье по закону кармы. Слабые, больные, несчастные тоже получили своё несчастье по закону кармы. Всё нормально, всё справедливо. От закона кармы никуда не денешься. Здесь, конечно, не место вдаваться подробно в философию буддизма или индуизма, да это и не является моей задачей. Достаточно сказать, что весь этот строй идей остался совершенно чуждым для Феоктиста, и недолгая практика йоги не привела его к какому-либо успеху. И вряд ли могла привести. Могу себе представить, как он, кряхтя, становится на голову или пытается сесть в позу лотоса, а потом с той же безысходной тоской долго смотрит в темнеющее окно на синие сугробы или идёт подметать территорию детского сада. Естественно, Виктор быстро разочаровался в таком ученике и прекратил с ним занятия.

К этой весне Феоктист сильно изменился. Он начал сторониться людей, замыкаться в себе, встречи и разговоры его раздражали. Усилилась специфическая подозрительность, которая проявлялась и раньше: усмотрение тайного, скрытого смысла в словах собеседника; впечатление, что от него что-то намеренно скрывают; позже – что против него составлен какой-то разветвлённый заговор, что за ним наблюдают и т. д. Видеть всё это было тяжело и грустно. И ничем нельзя было помочь. В лучшем случае, можно было на короткое время снять состояние тревоги и напряжённости, иногда даже развеселить его, но очень скоро он снова возвращался в это состояние. И всё больше замыкался в себе. Я в это время виделся с ним редко. Постепенно, хотя и без особой уверенности, он и меня включил в круг своих воображаемых «преследователей» и перестал мне доверять. Он стал уклоняться от

встреч и разговоров. Он перестал принимать гостей, и сам перестал ходить в гости. Кое-что об этом времени его жизни я знаю по его позднейшим рассказам, кое-что – по рассказам других людей, но в общем – немного. К счастью, от этого времени сохранились кое-какие заметки Феоктиста и православный церковный календарь за 1971 год с молитвами и цитатами из Учителей Церкви, переписанный его рукой. Всё это помогает восстановить предысторию его болезни и религиозного обращения.

Часть 3. СИБИРСКИЙ КЬЕРКЕГОР

«Величие человека зависит единственно и исключительно от энергии его собственного отношения к Богу».

С. Кьеркегор

«Ныне пробудись, о человеце! Уйди хоть немного от попечений твоих, сокройся хоть малость от беспокойных твоих помыслов. (...) Скажи ныне, всё существо сердца моего, скажи Богу так: «Лица Твоего взыскую; буду искать лица Твоего, Господи!» (Псалмы, 26: 8)

«Господи, Боже мой! Ныне Ты научи сердце моё: где и как ему искать Тебя? где и как ему обрести Тебя? Господи, если нет Тебя здесь, где искать мне Тебя как отсутствующего? Если же Ты повсюду, почему не могу я зреть Тебя как присутствующего? Так, Ты обитаешь во свете непреступном (1 Тимофея, 6: 16). Но где он, этот свет непреступный? и как приступить мне к свету непреступному? кто приведёт меня к нему и введёт в него, дабы лицезреть мне Тебя в нём? Под какими знаками, под каким образом искать мне Тебя? Никогда не зрел я Тебя, Господи, Боже мой; лика Твоего не ведаю. Что же делать, Всевышний Господи, что же делать тому, кто столь отдалён от Тебя изгнанием? Что делать рабу Твоему, что изнемогает от любви к Тебе и далеко отринут от лика Твоего?» (Ансельм Кентерберийский, Прослогион, гл. 1)

Сегодня, 25 ноября 1981 года, морозная снежная ночь за окнами так же темна и непроглядна, так же глубока и безмолвна, как десять лет назад, и мне легко представить Феоктиста, склонившегося над Библией или Платоном в тесной, ярко освещённой комнате, заполненной книгами и долгой неподвижной тишиной. Но если отвлечься и вслушаться, то в глубине этой тишины проступают еле слышные шорохи и скрипы, какое-то глухое бормотание, далёкое

журчание воды, а вот почудился звонкий детский голос и тихий смех, а вот откуда-то из центра Галактики огромный колокол еле слышно возвестил необъятное «Бо-о-о-ом-м...» И пугает, и застораживает эта обманчивая тишина, эти невнятные голоса, и кажется, что если ещё немного вслушаться, сокровенное тихое слово прольётся в душу и разрешит все загадки, и рассеет страх и тревогу, и раскроет великую тайну жизни...

Начинается новая глава в жизни Феоктиста Колмогорова.

Очень трудно найти подходящий ключ к этой теме. Я боюсь взять не— верный тон в самом начале и оказаться между Сциллой рационально-объективного изложения событий и Харибдой мифологизирующего вещания, якобы конгениального самовыражению моего героя. Видимо, правильный путь — это углублённое понимание, проясняющая герменевтика, внутренний диалог с героем, где ни автор не вытесняет героя, ни герой не вытесняет автора. Некоторую помощь, я надеюсь, мне окажут тексты, которые я буду цитировать по записям Феоктиста или излагать по памяти, но это лишь документальная помощь. Кстати говоря, он имел обыкновение комментировать читаемые книги прямо на полях, — но поскольку почти все книги из его библиотеки были распроданы его сестрой, эти комментарии, увы, мне недоступны.

Как взрослый человек, воспитанный в безбожии, приходит к вере в Бога? Чем вообще отличается языческое сознание с его мифами или светское сознание без всяких мифов от веры в живого единого Бога-Творца? Эти вопросы возвращают нас к судьбам европейской культуры и к средиземноморскому синтезу христианства с античной культурой. Здесь произошла знаменательная встреча иудейско-христианского монотеизма с греко-римским язычеством, и эта встреча определила собой на века судьбы европейской культуры (включая, разумеется, сюда и русскую культуру).

Начать, может быть, следует со статьи С. С. Аверинцева «Греческая литература и ближневосточная словесность», которая даёт ключ к пониманию не только диалектики средиземноморской и европейской культур, но и к пониманию внутренней диалектики религиозного обращения Феоктиста. Ценность этой статьи в том, что она ясно показывает две принципиально разные мировоззренческие и экзистенциальные позиции — древнегреческую и древнееврейскую, из

противостояния и встречи которых родилась средневековая христианская культура Византии и Европы. Ядром древнееврейского типа мировоззрения является Библия (Ветхий Завет) с его духовным монотеизмом и представлением о завете между Богом и человеком. Для напряжённого историзма и теистического персонализма древнееврейского сознания и мироощущения весь мир полон незримого присутствия Бога, и всякий человек — участник великой встречи с Богом, великой мистерии искупления и спасения. Отрешённо-созерцательное, умозрительное отношение к жизни здесь в принципе невозможно. Ибо мышление, как и деятельность, совершается внутри жизни и вплетено в общую мистику искупления и спасения человека и мира. Как пишет С. С. Аверинцев в более широком контексте, «Вся мысль египтян, вавилонян и иудеев в своих предельных достижениях не философия, ибо предмет этой мысли не «бытие», а жизнь, не «сущность», а существование, и оперирует она не «категориями», а нерасчленёнными символами человеческого самоощущения-в-мире...»

«Каждое слово Библии говорится всякий раз *внутри* непосредственно-жизненного общения говорящего со своим Богом и с себе подобными: так, пророк отнюдь не имеет претензий «создать» некий шедевр на века, (...)но зато желает быть по-человечески услышанным, и притом незамедлительно».

Здесь всё полно живого биения жизни, с её тревогами и надеждами, любовью и ненавистью, упованием и покаянием, и в фокусе всего — трансцендентная личность Живого Бога, взыскующего и карающего, милостивого и неумолимого. Человек находится с Богом в живом молитвенном общении, он просит и умоляет, каётся и обещает, благодарит и благословляет своего Бога и верит, что он будет услышан и в той или иной форме получит ответ. Человек живёт пред Богом в страхе и трепете, ибо суд Его неумолим и справедлив. Бог, дающий жизнь, может её и забрать.

Совсем иной стиль мышления и жизнеощущения являют нам древние греки. Здесь рано появляется та рефлексия, тот отстранённый холодок незаинтересованного любопытства и эстетического созерцания жизни, который после распада древней мифологии почти всецело определяет собой весь строй античной философии, науки и литературы. Вся жизнь предстаёт здесь как захватывающее зрелище, как объекти-

вирунный предмет созерцания со стороны. Отсюда скульптурный, пластический стиль классического греческого искусства, аналитически расчленённый космологизм греческой философии с её особой любовью ко всякого рода математическим и категориальным структурам, отсюда безысходный имманентизм замкнутого на самое себя космоса с его вечным повторением и круговращением. Да, здесь есть олимпийские боги, блаженные и бессмертные, да, им следует молиться, потому что при случае они могут помочь, но у богов свои проблемы и заботы, и в принципе они тоже ничего не решают и не определяют. К тому же они слишком похожи на людей своими слабостями и пристрастиями, да ещё и соперничают друг с другом.

А за всем этим стоит анонимная безликая Судьба, которой равно подвластны и люди, и олимпийские боги. Ей-то, а не богам и не законам, подчиняются и люди, и природа. Откуда, куда и зачем всё это движется, нам совершенно непонятно. Да и спросить не у кого. Всё на веки вечные предопределено, весь мир – гигантский театр марионеток, и вот, конечно, весьма любопытно разобраться, как эти марионетки устроены, как они действуют, но изменить во всём этом ровно ничего нельзя, да и не нужно. Порядок космоса вечен и нерушим, прекрасен и совершенен, и ничего другого и быть не может. Здесь некому молиться и не на что надеяться. Однако же мифологическая архаика античного мира в какой-то мере смягчает неумолимый античный космологизм – там ещё есть что-то живое.

Этот античный космологизм, пластически-объективирующий стиль античного мышления, отрешённое, внеситуативное и незаинтересованное созерцание пёстрого потока жизни, направляемого неумолимой судьбой, вся эта утончённая, структурно продуманная диалектика и эстетика мифа наиболее отчётливо и завершённо выступает в учении Платона и неоплатоников. В то время, о котором здесь идёт речь, Феоктист как раз усиленно занимался Платоном. Превосходно изданные сочинения Платона в 3-х томах и замечательные работы А. Ф. Лосева по истории античной философии давали для этих занятий весь необходимый материал. Более всего Феоктиста интересовали космология и онтология Платона, то есть, в конечном счёте, его концепция сущности и смысла бытия. При этом нужно иметь в виду, что до определённого времени платонизм соотносился им не с библейско-

христианским пониманием мира как действительным антиподом платонизма, а, главным образом, с досократиками. Ведь ясно, что античный космологизм и особенно онтология отнюдь не исчерпываются Платоном и неоплатониками. Здесь были свои дионисийские глубины, своя трагическая диалектика, свой тёмный нерасчленённый поток бытия – всё это мы находим у досократиков и трагиков, позже – у стоиков и скептиков, да и своих исконных связей с Востоком Эллада никогда не теряла. Так что сравнивать Платона было с кем даже в языческом мире Средиземноморья. Эпоха эллинизма широко раздвинула ойкумену греческого мира и вовлекла в его орбиту самые разные духовные учения и традиции. А Феоктиста с его тягой к архаике и «почвенничеству» привлекали именно мыслители этого плана – досократики, орфики, трагики...

И вот мне кажется, что именно в это время, когда Феоктист изучал Платона и пытался вникнуть в смысл всей этой грандиозной космологической картины, в нём и произошёл тот решающий поворот, который привёл его к религиозному обращению и изменил всю его жизнь. Поначалу, я помню, он прямо-таки упивался Платоном и постоянно зачитывал мне длиннющие куски из его блистательных диалогов. Да и в самом деле, трудно не восхищаться этой великолепной прозой, этой отточенной диалектикой, этой беспокойной драмой мысли, этим грандиозным охватом величайших проблем. Недаром ведь платонизм наложил сильнейший отпечаток на всю историю западной философии и культуры. Помнится, я написал тогда шутивное стихотворение «Неоплатоник Федя», которое очень понравилось Феоктисту (здесь, правда, отражён уже не столько платонизм, сколько христианский неоплатонизм в моей вольной интерпретации). Вот оно:

НЕОПЛАТОНИК ФЕДЯ

*«Бог создал мир речением, а Логос
Имеет сокровенный смысл любви...»
Как хорошо! Какая сила, лёгкость!
Ах, чёрт – забыл картошку посолить.
Капусту добавлять или не нужно?
Хрен с ним, сойдёт и так... Сварю с морковкой...
«Дух светлый, чистый, ясный и жемчужный,
Спокойный, беспечальный, всеблагий...»
О господи, прекрасно как! Всю жизнь бы
Читать про светлый дух в тени дубрав...
Благословлять бревенчатые избы,*

*Пить аромат лесных цветов и трав...
И, как Франциск, дружить с лесным медведем,
Делить с ним дикий мёд и чёрный хлеб...
Так размышлялся над Платоном Федя,
Чуть не забыв про свой насущный хлеб.
Он наскоро поел свой скромный ужин,
Потом сходил за дворницкой метлой,
И вышел, тихо шлёпая по лужам,
Свершать обычный день свой трудовой.
И странные ему являлись мысли,
Пока он мёл метлой просторный двор.
И в бороде дрожал капустный листик,
А на челе сиял немой восторг.*

Да, приходилось спускаться на грешную землю, и тогда становилось ясно, что никогда не будет у бедного Фетиса ни приличной работы, ни человеческого жилья, ни человеческих условий для нормальной жизни. Постоянное унижение, постоянная нужда, постоянная неуверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне. И безнадежно чужой, безжалостный, бесчеловечный мир, в котором не к кому обратиться, неоткуда ждать помощи.

(А по радио завывают день и ночь: «Будет людям счастье, счастье на века! У советской власти сила велика!»).

И вот, если верить Платону и грекам, то всё это естественно и нормально, всё гармонично вписывается в совершенную картину космического порядка, всё на своем месте. Так что утри, человеке, свои слёзы и сопли и любуйся прекрасными звёздными хороводами, покуда есть силы и терпение. А коли не осталось больше сил и терпения, произнеси что-нибудь назидательное для потомков и красиво перережь себе вены. Для грека нет иного исхода. С Судьбой не поспоришь.

Но ведь не может сердце человеческое смириться со всем этим! И если научный материализм чудовищен и бесчеловечен, то не менее чудовищен и платоновский идеализм со всеми его красотою и с полным безразличием к живому человеку. Весь этот затейливо изукрашенный космос с его музыкально-числовыми структурами, с его золотыми оковами эйдосов, с его круговоротом материи и душ, с его ласкающей чувства эротикой, с его

Умом, Душой и безликим Единым, – мёртв, мёртв и бессмыслен! Ибо нет ни в нём, ни за ним Живого Бога, а значит, нет места для надежды и упования. Вопль человеческой души теряется в

звёздной бесконечности – и Единое безмолвствует.

Я помню, как потрясён был Феокист, когда он всерьёз всё это понял. Как он по-детски был обескуражен, с какой недоумевающей обидой он смотрел теперь на Платона, на этого гениально-го мистификатора и бессовестного обманщика. Он никак не мог поверить, что можно было так искренне заблуждаться, так искусно сплести хитроумное кружево лжи без всякой задней мысли. Ему чудилось во всём этом что-то сатанинское, что-то преднамеренно злоумышленное...

«Ну, послушай, – восклицал он, – ведь не мог же такой умный человек, как Платон, всерьёз не понимать всей чудовищной бессмысленности своей философии! Ведь это какой-то абсолютный цинизм, какая-то дьявольская насмешка над всяким смыслом! А ему хоть бы что, ни холодно, ни жарко. Да он что, сумасшедший, в самом деле? Нет, не похож он на сумасшедшего. Это какое-то вполне сознательное, вполне систематическое безумие. Здесь какой-то холодный дьявольский умысел... Мир, лишённый смысла. А чего стоит вся его социальная утопия, весь этот тоталитарный кошмар идеального государства с его счастливыми марионетками. Да это же наше общество в его идеальном проекте!»

Я вспоминаю эти разговоры, я перечитываю сохранившийся конспект Феокиста книги А. Ф. Лосева «Очерки античного символизма и мифологии» и ясно вижу теперь, как он шёл вглубь, как он мучительно пробирался сквозь эти мёртвые воды к тому желанному берегу, где можно будет снова вздохнуть полной грудью. Но тогда я этого не видел и едва ли понимал в полной мере, чем же его так обидел бедняга Платон. Мне казалось, что весь вопрос сводится лишь к терминологии – назовём Единое Богом, и вопрос решён в теистическом смысле, назовём Бога Единым – и вопрос решён в платоническом смысле. Так что Платон и монотеизм вполне совместимы. В каком-то смысле я шёл по стопам Филона Александрийского и последующего христианского неоплатонизма в духе Н. Кузанского. Кроме того, я сам активно занимался в то время релятивистской космологией и не мог не видеть глубокой идейной связи между космологией Платона и космологией Эйнштейна. Для Бога, для Духа там не было места. Это был физико-математический Космос с его холодными законами... Всё дело в том и заключалось, что я по-

прежнему смотрел на всё это чисто умозрительно, философски, а не жизненно-лично, не экзистенциально. Хотя, казалось бы, тоже жил не на Марсе и не в астрономической обсерватории. Но отсутствие в Космосе всяких признаков Бога меня тоже как-то огорчало. Без Бога в мире было как-то скучно. И подмена живого Бога математической гармонией законов природы не казалась мне достаточно убедительной. Но что же было делать? Где же он, этот Бог?

А для Фетиса это был уже кричаще-жизненный, насущно-личный вопрос. Есть Бог – или нет Бога? Есть к Кому обратиться в этом безумном холодном Космосе – или обратиться здесь и вправду не к кому? Вся языческая мудрость сникла и съёжилась перед этим обжигающим вопросом. *Кончились греческие игры, золотое вино Диониса и беседы под развесистым платаном. Осталась душа обнажённой пред Богом и, плача, склонилась во прахе. Мольба и смятенье сгоревшего сердца питают сей пепел надеждой великой. Пред Божьим величием и волей всевышней – что все эти игры суетного мира? Да разве ты зритель в трагическом театре, что можешь смеяться над участью смертных? Вот Бог и обрушил державную волей десницу свою на главу нечестивца. Что ж, будешь теперь над собою смеяться – иль, может, научное дашь объяснение? Пусть греки играют в свои теоремы и строят себе в утешенье модели. Когда же Господь покарает детей их, пускай назовут это гордо судьбою. А тем, кто постиг всемогущество Божье, одно остаётся – молитва и вера.*

Да, свершилось преобразование в душе Феоктиста. Понял он, что нет жизни без Бога. И, наконец, забрезжила надежда. Появилась какая-то нить, ведущая к свету и смыслу. В безжизненной пустыне материализма и идеализма повеяло животворным дыханием Духа Святого. Но отчего же раньше не чувствовал он веяния этого дыхания? Он же крещёный православный христианин! Он же принял таинство и благодать крещения Христова! Отчего же эта благодать не запечатлелась в его душе? Отчего она не осветила и не согрела всю его жизнь? Отчего так пусто, так холодно, так больно и одиноко?

Теперь эти вопросы мучили его с новой силой. И со страхом угадывался мрачный, злоедающий ответ. Не случайно всё это. Не иначе, здесь происки и козни лукавого. Да, сатана, искуситель рода человеческого, где-то попутал его, нашёл

лазейку к его душе. Это он, злобный враг, отравил всё его существование. Но как, где, когда случилось это? Чем дал он повод лукавому проникнуть в его душу? В чём согрешил он перед Богом? За что такое наказание? В этом нужно было срочно разобраться. И что же здесь долго искать? Причины так очевидны, так понятны. Богу молился? Нет, не молился. В церковь ходил? Нет, не ходил. Святое писание читал? Нет, не читал. Постился, каялся в грехах, исповедовался? Нет, нет и нет. Так о чём же здесь спрашивать, несчастный? Богомерзкими науками занимался? Занимался. Богомерзкие книги читал? Читал. О Господи, спаси и помилуй меня, грешного!

Так начиналась душевная болезнь Феоктиста. Но куда уходит своими корнями её начало? К той ли жуткой холодной ночи в посёлке Кирова, когда его измученному, расстроенному воображению явился дьявол? Или к чудовищной пасти химкомбината, заглатывающей тысячи людей, добровольно идущих в неё, чтобы заработать себе на жизнь? Или к детству, лишённому родительской любви, тепла, духовной поддержки? А, может быть, причина в обществе, отравленном атеизмом, материализмом и бездушным техницизмом? В обществе, забывшем о великой связи всего сущего, всего живого, о великой связи человека, природы и Бога? Боюсь, ни один психиатр не ответит на эти вопросы.

Для Феоктиста здесь тоже не было полной ясности. Но одно было несомненно: необходимо найти путь возвращения к Богу, необходимо одолеть дьявола, прокравшегося в его душу. Иначе его ждут вечные муки и геенна огненная. И он приступил к этому делу со всей энергией безысходного отчаяния.

Вероятно, уже с весны 1971 года Феоктист с головой погрузился в чтение Библии, Отцов Церкви, Житий Святых и другой религиозной литературы, которую он мог достать. Он начал постоянно ездить в церковь, часами молился, постился, и, кроме того, наложил на себя особую епитимью. Вот некоторые выписки из его блокнота с православным церковным календарём за 1971 год, дающие представление о его молитвенном обете и служении.

«Порядок и последовательность молитв: Епитимья:

1. Спасителю, Богородице, Ангелу-хранителю, Иоанну Крестителю
(12 поклонов).

2. Псалом 50 (После каждого стиха поклон).
Иисусова молитва (30 поклонов).

На 1 год.

3. Трисвятое и по Отче наш. Господи помилуй (100).

Боже очисти мя грешного (50 поклонов).

Господи согреших прости мя (50 поклонов).

На 1 год.

4. Иисусова молитва (100)

Богородице (100) – обещанное на 1 год.

В пост и во все дни кроме праздников поклоны земные.

5. Свт. Николе (100); вмч. Трифону; вмч. Пантелеймону;

мчч. Киприану и Иустине; вмч. Георгию; вмч.

Варваре;

вмч. Оуару; Иоанну Предтече; прп. Паисию

Великому;

Прп. Антонию и Феодосию Печерск. ; мчч.

Борису и Глебу.

6. Канон за эпитимью (40 мин.)

7. В пост молитва св. Ефрема Сирина;

8. Боже, очисти мя грешного и помилуй;

9. Обещанное: хлеб и вода (кроме воскресенья и праздничных дней).»

А далее идут молитвы и каноны, ежедневное чтение Евангелий и т. д. Я опускаю весь этот внушительный список ради экономии места, но всё же приведу несколько характерных цитат из разных святых.

«Внемлите себе, братия, всех молю: прежде всего имейте *страх Божий и чистоту душевную и телесную* и любовь нелицеприятную. К сим и страннолюбие не забывайте: не обленимся убо а постницы мало стерпим да венцы нетленными оувяземся от Иисуса Христа Бога и Спаса душ наших». *Преп. Сергий Радонежский*

«Не устрашайся, хотя бы ты падал каждый день, и не отходи от молитвы; стой мужественно, и ангел, тебя охраняющий, почтит твоё терпение». *Исаак Сирин*

«Так сказал некто: не пускай зла в начале: поздно уже будет лечить его. Сначала встречается душе простой помысел, потом сильное воображение, затем услаждение, нечистое движение и согласие – и так мало-помалу враг лукавый вступает во всё, если в начале ему не противодействуешь. И чем далее кто медлит противодействовать, тем слабее становится с каждым днём сам, а враг против него сильнее. Железо испытывается огнём, а праведный человек – искушением». *Фома Кемпийский*

Можно было бы привести ещё целый ряд интересных выписок из поучений религиозных мыслителей, а также различные молитвы, которые переписал Феокист в свои тетради. Он, в частности, сделал для себя фотокопии нескольких томов «Добротолюбия». Но, мне кажется, уже и того немногого, что я привёл, достаточно, чтобы почувствовать направление его духовных занятий в это время.

Так, в молитвах, покаянии, аскезе, чтении Библии и религиозной литературы прошли два года. И внешне, и внутренне жизнь Феокиста сильно изменилась. Он завёл новых знакомых среди верующих, постоянно ездил в церковь в город, со старыми знакомыми виделся редко, а при встрече убеждал их оставить безбожную жизнь и обратиться в лоно православной церкви. Он еще более опростился внешне, являя всем своим обликом, поведением, речью полное смирение и сокрушение гордыни. Говоря о греховности мира сего, он неизменно подчёркивал, что тяжесть его собственной греховности гораздо больше и ждать прощения и снисхождения ему не приходится. Вряд ли он искупит перед Богом свою вину. В чём состоит эта вина, он, впрочем, не говорил. И, опять же, чудилась за всем этим какая-то нарочитость и стилизация. Вроде бы искренне человек сокрушается, вроде бы довёл он своё смирение и самоуничижение до крайнего предела, – а всё равно видится в этом что-то демонстративное и нарочитое, навязанное себе самому как роль. Впрочем, прости мне Бог, если я несправедлив. Говорю то, что видел и чувствовал.

И вот, казалось бы, за два года непрерывного подвижничества (он и спал на голых досках, и ел как отшельник-пустынный) дьявол должен бы отступить от его души, а божественный свет засиять в полную силу. Ведь Фетис так этого желал, так к этому стремился! Да и какие такие особые грехи были за ним, чтобы дьявол так цепко держался за его бедную душу? Решительно не знаю. Но дьявол не отпускал его, божья благодать не спешила излиться в его душу. Напротив, дела шли всё хуже и хуже. Не знаю, что в это время творилось в его душе. Виделись мы редко, говорили мало. Но выглядел Фетис очень плохо. Должно быть, следует посмотреть в картины Босха, вчитаться в «Искушение св. Антония» Флобера, чтобы лучше представить себе, какие видения его посещали, что его мучило и преследовало. Тётя Клава, соседка Фетиса, рас-

сказывала, что иногда он сутками не выходит из своей комнаты и всё молится и плачет, и умоляет дьявола отступить от его души. Всё это было тяжело и больно слышать. Но я чувствовал, что ничем не могу ему помочь, – и от этого сознания было ещё горше.

В начале весны 1973 года Фетис зашёл ко мне. Вид у него был понурый, больной, безнадежно усталый. Исхудавшее, постаревшее лицо, неопрятная всклокоченная борода, старое пальто, сапоги, котомка в руках. Он неуклюже стоял у порога, тяжело дыша, сгорбившись, глядя куда-то вниз. «Вот, – сказал он хрипло и с трудом, – зашёл попрощаться. Уезжаю». Он умолк. «Прости, Христа ради, если чем обидел. Не поминай лихом». «Куда ты уезжаешь?» – спросил я, не зная, что ещё сказать. «Далеко», – ответил он загадочно. «Далеко, – повторил он тише. – Ну, прощай». Я чувствовал, что говорить что-либо сейчас бесполезно и неуместно. Я ничем не мог ему помочь. Было страшно жаль его, было ясно, что он болен и живёт уже в каком-то ином, своём мире, о котором я ничего не знаю, – но помочь ему было невозможно. «Будь здоров. Прощай», – тихо сказал я ему и подал руку. Он неловко пожал её, помедлил немного, неуклюже повернулся и вышел.

Прошло недели две-три. И вот однажды мне сообщили, что приехала сестра Феоктиста и срочно распродаёт его библиотеку, а сам Феоктист находится в Кемеровской психиатрической больнице. Когда я пришёл к сестре Феоктиста, от библиотеки уже почти ничего не осталось. Она распродала за два дня все лучшие книги случайным людям, причём за бесценок, так как настоящей стоимости этих книг она не знала. Спасти почти ничего не удалось. Анна рассказала, что брат приехал в Кемерово совсем больной, и она сразу же положила его в психбольницу. Теперь она приехала сюда, чтобы выписать его, забрать вещи и продать книги. Держалась она сухо, строго, деловито. «Давно нужно было забрать его отсюда, – сказала она жестко. – Это всё наука ваша виновата, книги эти проклятые. Меньше читал бы, мозги не сушил, и был бы здоров. Работал бы на заводе али на стройке, завёл бы семью, как все нормальные люди, ничего бы не случилось. Не для него эта наука, зря вы его сюда затащили. Денег-то, денег сколько перевёл на эти книги! Зачем они ему нужны теперь?» Она неожиданно всхлипнула. «А теперь кому он нужен, он совсем плохой стал... Говорит нераз-

умное, ничего не соображает... Совсем больной, врачи говорят: «физохрения»...» И тётя Клава тоже горестно всхлипывала и сочувственно кивала головой, бормоча что-то осуждающее про книги и про науку. Говорить здесь было не о чем.

Оставалось посочувствовать и выразить надежду, что всё обойдётся, Фетиса вылечат от «физохрении», он окрепнет, вернётся к нормальной жизни и будет здоров. А наукой ему и в самом деле не нужно заниматься, лучше, например, поехать в деревню и работать сельским учителем. Или лесником. Жить на свежем воздухе, хорошо питаться, заниматься здоровым физическим трудом – и всё как рукой снимет, голова будет ясной, здоровой, настроение бодрым, жизнерадостным, никаких мыслей не останется. А вот книги она зря поспешила продать, их бы с удовольствием купили друзья Фетиса и заплатили бы дороже, а так она продешевила. Мои разумные речи несколько смягчили и успокоили Анну. Простые люди любят, когда с ними соглашаешься и не строишь из себя умника. Расстались мы с Анной вполне дружелюбно. Она обещала писать письма, я обещал заходить в гости, когда буду в Кемерове.

Феоктист попал в больницу в конце марта 1973 года, в возрасте 30 лет. Я встретился с ним только в мае. К этому времени в моей жизни тоже произошли важные перемены. Я ушёл со спокойной и необременительной работы заведующего отделом в Доме Ученых. Забегая вперёд, скажу, что летом я проработал два месяца воспитателем в спортивно-трудовом лагере старшеклассников, а осенью уехал в археологическую экспедицию в Таджикистан. Какой-то подспудный процесс духовного брожения и поиска, который созрел во мне годами, привёл меня к некоторым решениям, и я уже не мог довольствоваться тем, что развлекаю сытую элиту научного городка. Хотя, честно говоря, мне было жаль покидать Дом Ученых с его концертным залом, гостиницами, библиотекой...

История с Феоктистом произвела на меня очень глубокое впечатление и заставила о многом задуматься. Необходим был какой-то прорыв к подлинной жизни. Я уже физически не мог продолжать ту искусственную касталийскую жизнь, где погружение в культуру и духовные ценности подменяет настоящую жизнь с её драматизмом и опасностями. (Подобный импульс заставил Йозефа Кнехта покинуть родную Касталию и устремиться во внешний мир, – но это

было в романе Г. Гессе «Игра в бисер»...) Да и подлинно содержательной культурной жизни вокруг по сути не было. Её место занимал красиво упакованный набор модных книг, концерты, спектакли, фильмы, элитарные клубы при Доме Ученых и квазиразговоры о псевдопроблемах под сухое вино или водочку... Встречались, конечно, и по-настоящему образованные и умные люди, с которыми всегда было интересно поговорить и поспорить. Но круг разговоров обычно сводился к научным проблемам или текущей политической жизни – до культуры дело как-то не доходило. В лучшем случае говорили о новых фильмах или о литературных новинках «Нового мира», «Иностранки» и т. д. Ну, а в облегченном варианте – слушали Галича, Окуджаву, Высоцкого... Да, это тоже согревало душу, это тоже питало чувства и ум, в наших условиях это была прекрасная возможность жить полноценной духовной жизнью, и я счастлив, что я тоже имел такую возможность, – но всё же...

Совершенно ясно, что не может быть подлинной духовной и культурной жизни там, где отсутствует духовное и культурное творчество, где всё сводится только к процессу потребления. Почти все талантливые, творчески одарённые люди в Академгородке, естественно, были нонконформистами и не вписывались в официальную советскую культуру. Существовая на птичьих правах, полуподпольно, они, тем не менее, оказывали заметное влияние на духовную атмосферу Академгородка – слишком тесно здесь всё было переплетено. Конечно, я не могу здесь рассказать обо всех людях, достойных упоминания. Ведь о каждом из них можно было бы написать целую историю. Но хочется назвать хотя бы несколько имён – иначе будет не хватать какого-то озона в атмосфере этих дней.

По-моему, все в Академгородке знали замечательного художника Юру Кононенко (позже он уехал в Москву). Созданная им детская художественная школа собрала нескольких талантливых художников и скульпторов (Игорь Власов, Володя Шаповалов и другие) и явилась прекрасной творческой мастерской для детей. Из Свердловска нередко приезжал искусствовед и переводчик Костя Мамаев, друживший с нашими художниками. Он, в частности, написал несколько глубоких статей о творчестве Юры Кононенко. Мне всегда интересно было говорить с ним о Ницше и Хайдеггере, о китайской и японской живописи и поэзии. Он прекрасно знал немецкий

язык, читал по-японски и по-китайски. Хотя я мало был знаком с театрами, но об удивительных спектаклях Арнольда Пономаренко и Володи Штерна знал, конечно, как и все аборигены городка. Невозможно здесь не вспомнить и о знаменитом кафе-клубе «Под интегралом», о его президенте Анатолии Бурштейне и его команде. Невозможно не вспомнить и о детском фехтовальном клубе «Виктория» и о его таинственном капитане Кареме Раше. Говорить о тех клубах, в работе которых я сам принимал активное участие – о Сибирском клубе Йоги и Клубе межнаучных контактов при Доме Ученых – я мог бы не один час. Но это, пожалуй, увело бы меня слишком далеко в сторону от моей темы.

Подлинную историю Академгородка ещё когда-нибудь напишут. Я же, пользуясь случаем, хотел бы сказать здесь буквально несколько слов. Когда вспоминаешь Иену начала XIX века или Геттинген начала XX века, то видишь, к какому блестящему расцвету философии, искусства и науки может привести коллективная работа группы талантливых людей, воодушевленных общими идеями и окрыленных «духом эпохи». Это высокие образцы духовного союза творцов новой культуры, новой науки, создавших целую эпоху в истории европейской культуры. Мог ли Академгородок в Новосибирске стать таким центром возрождения культуры в эпоху хрущёвской «оттепели» 60-х годов? В начале многим казалось, что так и будет. Хотя Академгородок был создан в первую очередь как центр сибирской науки, казалось, что здесь можно будет не только успешно развивать новые научные направления, но и осуществить плодотворный союз научной и гуманитарной культур, искать новые пути в университетском и среднем образовании, заложить основы новых человеческих отношений... Да, многое здесь действительно удалось сделать. Был создан мощный современный научный центр, способный решать и фундаментальные теоретические, и прикладные научные задачи. Был создан Новосибирский университет и физматшкола при нём. Была создана и социально-бытовая инфраструктура, и отличный больничный городок, и различные культурные учреждения...

Всё это так, и нельзя недооценивать те блага и удобства, которые были предоставлены ученым и всем жителям Академгородка. И всё же, если говорить по большому счёту, того Геттингена, о котором мечталось, не получилось. Той

творческой свободы, без которой невозможна подлинная духовная культура, той атмосферы, которая основана на уважении к ценности и достоинству личности, здесь, как и во всей стране развитого социализма, не было и быть не могло. Этого не допустило бы ни партийное руководство, ни вездесущие и бдительные органы. И стоило кому-нибудь забыть об этом и впрямь вообразить себя свободным, – ему тут же решительно напоминали, что он ошибается. Так было с кафе-клубом «Под интегралом», так было с теми, кто подписал коллективное письмо в защиту Даниэля и Синявского, так было и со многими другими. Даже наука не была защищена от партийного контроля. Я сам присутствовал на методологическом семинаре в НГУ, где ученому с мировым именем, профессору Ю. Б. Румеру вменяли в вину поддержку копенгагенской интерпретации квантовой механики, и он неловко каялся и признавал свои ошибки. Я лично помню разгромные выступления наших дебильных философов против «буржуазной лженауки» кибернетики с её претензиями объяснить работу человеческого мозга по аналогии с ЭВМ. (Позже был выдвинут лозунг «Кибернетику – на службу коммунизму!»). Многого можно было бы здесь вспомнить и рассказать... Но я верю, что это сделают другие люди. Нищенская зарплата ученых, их полная зависимость от начальства и в продвижении по службе, и в распределении земных благ – всё это держало каждого в незримых, но весьма ощутимых границах дозволенного. Ведь достаточно одного звонка из органов – и всё рухнет... Карьера, жизнь...

Поэтому я вполне понимаю ту позицию разумного компромисса, которую было вынуждено занимать большинство. В конце концов, у каждого семья, работа, планы, надежды, и оказаться на улице с волчьим билетом никому не хотелось. И, тем не менее, и в городке, как и во всей стране, были свои герои, свои мученики и борцы. Их активность, их решимость и бесстрашие во многом формировали тот скрытый, а иногда и явный процесс сопротивления идеологии, который разворачивается всё шире и захватывает всё больше и больше людей. Конечно, среди них есть и верующие, и неверующие. Но, как мне кажется, только истинная вера может привести духовные силы в стране к победе над исчерпавшим себя режимом. Само по себе демократическое движение недостаточно, чтобы установить в обществе разумные и нравственные отношения. Нам

всем нужна вера в какой-то высший смысл нашей жизни. Хотя, конечно, каждый вправе искать его самостоятельно и свободно.

Хотел я здесь написать о так называемых «религиозных исканиях» нашей интеллигенции. Обо всей это остро пахнущей крошке из агниогических, оккультно-теософских, псевдобуддистских и псевдохристианских умонастроений, радений и устремлений. Всего этого навидался я в Академгородке достаточно. И мог бы кое-что рассказать со знанием дела. Да, видно, ещё не пришло для этого время. Это особая тема, которую ещё надо как следует обдумать. Да и знакомые могут обидеться. Они-то ведь ещё хлебуют эту крошку. И ещё надеются на просветление. Так что подождём до лучших времён. «Блаженны алчущие, ибо они насытятся». А Фетис уже нахлебался. И ждёт нас в психбольнице. Туда мы и направимся.

Глава 4. ВЕЛИКОМУЧЕНИК ФЕОКТИСТ

*«От века и навек всего лишённый,
отверженец, ты – камень без гнезда.
Ты – неприкаянный, ты – прокажённый,
с трещоткой обходящий города.*

*Ты беден, как весенний дождь блаженный,
который с кровель городских течёт;
как помысел того, кто без вселенной
в тюрьме годам и дням теряет счёт;
как тот больной, что счастлив*

*на мгновенье,
перевернувшись на бок; как растение,
у самых шпал цветущее в смятенье...
Ты беден, беден, как ладонь в слезах.*

*От века и навек всего лишённый,
лицо своё ты прячешь. Ты – ничей,
как роза нищеты взращённый,
в блеск золота преображённый
сияньем солнечных лучей.*

*От всей вселенной отрешённый,
тяжёл ты слишком для других.
Ты воешь в бурю. Ты хрипишь от жажды,
как сломанная арфа. Вздрогнет каждый,
коснувшись ненароком струн таких.»*

**Райнер-Мария Рильке,
Книга нищеты и смерти**

Итак, в мае 1973 года я навестил Феоктиста в кемеровской психбольнице. Режим, против ожидания, был довольно свободным. Больных выпускали под присмотром медсестры на прогулку во двор, так что можно было спокойно по-

сидеть в садике и поговорить. Фетис при встрече произвёл на меня неплохое впечатление. Меня порадовал его бодрый вид, полная сохранность сознания, ясность мышления и связность речи. Никакой явной патологии я не заметил. Правда, он довольно часто возвращался к религиозным темам, но говорил вполне разумно. Он жаловался на то, что ему не позволяют читать Библию, говорил о том, что в палате, где находится десять человек душевнобольных, трудно уединиться и сосредоточиться, трудно читать и заниматься. Рассказывал немного о нравах и порядках психбольницы, о формализме врачей, грубости и равнодушии персонала. Он даже шутил и, в общем, относился к своему положению с грустным юмором. Расспрашивал меня о знакомых, интересовался, что из новых книг появилось на прилавке. Ему только недавно закончили колоть инсулин, он рассказывал, какой это адский метод лечения. В скором времени его обещали выписать из больницы. Никаких особых планов у него не было, он собирался немного отдохнуть, прийти в себя, а потом, возможно, поехать на Алтай. Просил достать ему пару нужных книг. Передавал всем знакомым привет, сожалел, что вряд ли сможет теперь возвратиться в Академгородок.

В итоге у меня сложилось впечатление, что в данном случае едва ли можно говорить о шизофрении в собственном смысле слова. Не являясь, разумеется, специалистом в области психиатрии, я решил поговорить с его лечащим врачом. Мне хотелось просто лучше разобраться в состоянии Феоктиста. Я увидел сравнительно молодого человека примерно моего возраста с серым усталым лицом, который за всю беседу ни разу не посмотрел мне в глаза. Я представился как друг Феоктиста и сказал, что меня беспокоит его заболевание и я хотел бы знать, каков диагноз и каков прогноз течения болезни. Врач совершенно бесцветным голосом, не глядя мне в глаза, сообщил, что у Ф. Колмогорова серьёзное психическое заболевание и с ним проводится необходимый курс лечения. Было в облике этого парня что-то настолько замученное и усталое, что я с невольной жалостью подумал: «Эх, милый, да тебя самого не мешало бы полечить...»

С мягкой настойчивостью я сказал ему, что я понимаю, что заболевание серьёзное, но меня интересует точный диагноз и возможность излечения. Вероятно, он почувствовал сострадание

в тоне моего голоса и как-то даже слегка встрепенулся. «Вы кто будете по специальности?» – спросил он без всякого интереса, по-прежнему глядя в сторону. «Математик», – ответил я нейтрально. Это как будто его успокоило. «Шизофрения у вашего друга. Самая обычная шизофрения», – повторил он безучастно. – А об исходе говорить трудно. Будем надеяться на лучшее».

«Видите ли, – сказал я осторожно, – я знаю Феоктиста очень давно. Мне кажется, для подобного диагноза нет достаточных оснований. Вы проводили психологическое обследование? Пробовали применять психотерапию?» Едва заметная гримаса исказила его усталое лицо. Он сказал с лёгким раздражением: «Мы проводим все необходимые методы обследования и даём все нужные методы лечения. Шизофрения у вашего друга. Самая обычная шизофрения». «Хорошо, – сказал я успокоительно. – Шизофрения так шизофрения. У вас есть с ним психотерапевтический контакт, вы знаете его проблемы, вы общаетесь с ним?» Парень посмотрел совершенно стра отделения) – почти воскликнул он. – Я же тут работаю, как на конвейере! Где же мне взять времени на каждого, чтобы иметь с ним контакт!» Он сразу же спохватился. «Диагноз ставит консилиум врачей, не я один, – словно оправдываясь, добавил он. – Диагноз поставлен, лечим, как обычно, как всех лечат». И он опять угас. Глядя на него с откровенной жалостью, я сказал: «Всего вам доброго. До свидания». «До свидания», – тускло ответил он и отвернулся.

Легко понять, что этот разговор меня мало порадовал. Я понял, что ждать квалифицированной врачебной помощи бедному Фетису не приходится. Даже в том случае, если диагноз поставлен правильно и лечение инсулином и аминазином действительно может как-то помочь, задача интеграции психики и коррекции сознания может быть решена только индивидуальной психотерапией. «Конвейерный метод» здесь к успеху не приведёт. А поскольку в наших условиях других методов практически быть не может, – врач ведь тоже живой человек и не способен тянуть за десятерых, – то никакой глубинной психотерапии Фетису не видать. Да и где взять такого врача, который смог бы провести психотерапию бедному Фетису на должном уровне понимания его внутренних проблем? (Ещё неизвестно, разрешил ли врач сам для себя эти проблемы...). Конечно, глушить больного инсулином намного

проще – выйдет из комы, ну и хорошо, пусть сам решает свои проблемы.

Да, я знаю, что природа шизофрении до сих пор неизвестна, и рядовой советский врач не может знать больше мировых авторитетов. Как говорил К. Ясперс, «шизофренное качество» личности есть не просто патологический процесс, но прежде всего «способ переживания, постижимый в психологическо-феноменологическом плане, целый мир своеобразного психического существования...» Плохо только то, что развитие этого процесса ведёт к полному разрушению психических функций и полному распаду личности. Ведь, в сущности, основное шизофренное расстройство есть, главным образом, специфическое расстройство самого Я, то есть высшего интегративного уровня личности. Поэтому любые психофармакологические средства создают лишь предпосылку для подлинно корригирующей психотерапии, призванной восстановить целостную структуру Я и нарушенные способности к общению. И без такой психопомощи интеграция личности вряд ли возможна.

Кто же мог бы оказать нам с вами такую помощь? Удивительно, почему в нашем обществе, где так много бесполезных болтунов, якобы занимающихся «воспитательной работой», так мало психологов и психотерапевтов. Потребность в них огромна, в том числе в школах и вузах, потому что в наше время почти каждый человек в той или иной степени нуждается в квалифицированной помощи целителя человеческих душ. Раньше эту роль – плохо ли, хорошо ли – выполняли знахари, народные целители, шаманы, священники, теперь здесь зияет пустота. Людям не к кому обратиться за самой главной помощью – помощью в исцелении души. Не с кем посоветоваться о своих личных проблемах, негде найти понимание и поддержку. Вот когда дело дойдёт уже до явной психопатологии, до душевной болезни – тогда пожалуйста: вами займётся врач-психиатр, в ход пойдёт инсулин, аминазин и тому подобные средства «вправления мозгов». А пока вы ещё на пути к этому, вам некуда податься, не к кому обратиться... Разве что излить душу близкому другу за бутылкой водки... К чему это ведёт, известно... Наше поголовное российское пьянство – это старое народное средство психотерапии, утверждаю это вполне серьёзно. И пока незаменимое.

Я чувствую, что эта тема может завести меня очень далеко. Но раз уж я коснулся её, не удер-

жусь от того, чтобы ещё раз не высказать мою старую мысль. Если бы вместо партийных функционеров и беспринципных политиканов и журналистов власть над умами общества получили бы люди, озабоченные душевным и нравственным здоровьем человека, мир во многом изменился бы к лучшему. Начинать надо с человека, с его души. Надо готовить первоклассных психологов и психотерапевтов. Надо изучать массовую психопатологию современного общества. И надо лечить его. В здоровом обществе психопаты типа Сталина или Гитлера никогда не оказались бы у власти. В здоровом обществе не техника, не бизнес, не политика, не покорение природы и овладение чудовищной энергией разрушения были бы в центре внимания, а живой человек и его душа, его здоровье и благополучие, его духовный рост.

В годы, когда бездуховность и безбожие стали обычным, массовым явлением в обществе, всякое обращение человека к Богу, к религии расценивается окружающими как аномалия, странность, чуть ли не нарушение психики. И, разумеется, среди психиатров, не верящих ни в Бога, ни в бессмертие души, такая точка зрения являлась общепринятой. Это воззрение не ново. Ещё религиозное обращение Паскаля некоторые пытались объяснить его помешательством. Так, например, Ламетри видел в Паскале «с одной стороны, гениального человека, а с другой – полусумасшедшего. Безумие и мудрость, – считал он, – имели в его мозгу свои отделения, или свои области, отделённые друг от друга так называемой косой». Очень глубокомысленное объяснение!

В случае с Феокистом так же трудно установить границу между психической аномалией и религиозными чувствами, как и в случае с Паскалем. У каждого из них была своя «бездна»... Несомненно, вера в Бога сама по себе ещё не является признаком душевной болезни. Да, в любой религии можно найти многие болезненные явления, нередко на картину душевного заболевания накладывает отпечаток страстная вера больного, возможен бред на религиозной почве, страхи, фобии и так далее, – но сама по себе религия ещё не есть душевная болезнь. Иногда она даёт человеку такую духовную поддержку, какую не может дать ничто другое. Здесь, как и в любой другой сфере человеческой психики, всё зависит от душевной гармонии, от согласия человека с миром и самим собой. Бо-

лезнь есть нарушение гармонии, мира и согласия с окружающим миром, с людьми и самим собой. Я думаю, что если бы у Феоктиста появилась возможность найти покой и радушный приём в какой-нибудь братской общине, он не страдал бы так сильно и, возможно, обрёл бы душевное равновесие. Но такой возможности у него не было. У него не было ни духовного наставника, ни братской общины, которая могла бы его принять и поддержать. Мне трудно судить, почему он не нашёл близких себе по духу людей ни среди православных, ни среди старообрядцев. Возможно, он и не искал их. Ведь можно было уйти в монастырь или стать членом какой-нибудь общины. Но, похоже, ему никто не мог помочь. Ведь он ждал помощи свыше...

Выйдя из больницы, он оказался под опекой матери и сестры, которые следили за каждым его шагом и при малейшей странности его поведения грозили отправить его в больницу. Не имея рядом ни одного духовно близкого человека, он всё больше замыкался в себе. Он ещё пытался читать какие-то книги, много молился, совершал долгие прогулки по лесам и полям в окрестностях города, но что-то внутри его надломилось. Просветление и покой не приходили, зато всё чаще к сердцу подступало безысходное отчаяние. Он ясно видел, что в окружающем его мире для него нет места. Осенью 1973 года он опять попал в психбольницу.

Он пробыл там с 22 сентября по 1 декабря. Опять лечение инсулином и аминазином, опять постылые стены больницы, бред душевнобольных, придурочная трудотерапия, да тоскливый вой осеннего ветра за окном, а впереди – долгая сибирская зима, безысходность и отчаяние. В начале декабря я приехал в Кемерово в гости к родным и навестил Феоктиста. Внешне он мало изменился. Но состояние угнетённости и потерянности чувствовалось ещё острее, чем прежде. Ему дали группу инвалидности и назначили пенсию в 30 рублей. Это сильно затрудняло устройство на работу и не давало даже минимального обеспечения. (Через пару лет он отказался от этой пенсии, заподозрив, что сумма в 30 рублей не случайна – она, вероятно, намекает на 30 серебряников, которые Иуда получил за предательство Христа). Правда, он жил с матерью и сестрой, так что про– кормить его они могли. Но он тяготился их обществом и чувствовал себя зависимым и поднадзорным. Угроза опять оказаться

в психушке висела теперь над ним постоянно, как дамоклов меч.

Я, как мог, попытался вернуть его к привычному для него кругу интересов, рассказал о своих летних поездках на юг, о наших знакомых, об Академгородке. Но я видел, что этой помощи ему хватит ненадолго. Он ждал помощи свыше, он молил Бога об этом, но небеса молчали. Он понимал, что он болен. Он не верил, что его смогут излечить. Я в это тоже не верил, но я надеялся на какой-то благотворный духовный импульс, который сможет преобразить его душу. Но в окружающей его среде такого импульса он получить не мог, а другие источники были закрыты. Я познакомил Феоктиста с Тамарой Васильевной Артемьевой, надеясь, что общение с ней благотворно повлияет на Фетиса. Тамара Васильевна, молодой ленинградский филолог, преподавала в местном университете русскую литературу и вела спецкурс по Достоевскому. Будучи глубоко верующим человеком, она старалась передать своим студентам духовную глубину христианской культуры, и вокруг неё собрался небольшой кружок преданных ей ребят, безгранично уважавших её. Я знал некоторых из них. Тамара Васильевна хорошо приняла Феоктиста, почувствовав в нём родственную душу, но Феоктист не стремился сблизиться с её кругом и редко бывал у неё. Заходил, главным образом, за литературой и тут же откланивался. Тамара Васильевна познакомила Феоктиста с Шурой Исаковой, которая увидела в Феоктисте истинно христианского подвижника и заботилась о нём как сестра (в то время она ещё училась в университете). Они жили в одном районе, и Феоктист позже нередко заходил к Шуре в гости, в её старый запущенный дом, где бывали самые разные люди – поэты, студенты, их друзья и подруги... Шура до последних дней опекала Фетиса и спасла часть его книг и архива.

Мне придётся опустить почти два года последующей жизни Феоктиста, поскольку я не имел в это время о нём почти никаких сведений. Знаю только, что это были годы странствий и скитаний. По его словам, он ездил в Москву, хотел получить аудиенцию у Патриарха, но, конечно, не смог получить её. Был в Троице-Сергиевской Лавре. Скитался какое-то время в Томске, жил где придётся, большую часть времени проводя в церкви. Ездил в Барнаул. Несколько раз попадал в психбольницу. Круг замкнулся, и дальше уже шло до одурения знакомое движение по

кругу. В конце 1975 года он опять объявился в Новосибирске. Жил он сначала в городе, у какого-то сектанта по имени Андрей. Я был там один раз, по просьбе сестры Феоктиста. Помню дом за глухим двухметровым забором, большой двор, волкодава на привязи, Фетиса, встретившего меня в маленькой чистой комнатке. Потом он перебрался в Академгородок, поссорившись с Андреем. Знакомые тяготились общением с ним, поскольку и вид, и разговоры Фетиса носили отпечаток его болезненного состояния, и общаться с ним было трудно. Все, конечно, жалели его, но как ему помочь, никто не знал.

Весной 1976 года он уехал в Кемерово, а осенью опять вернулся в Академгородок. Жил сначала на летней даче в саду у Майи Л., которая приютила его. Там было тихо и живописно, он гулял, читал и молился в одиночестве и был доволен такой жизнью. Иногда он появлялся в Академгородке, заходил ко мне в гости, брал книги, расспрашивал о новостях, слушал музыку. А иногда он с загадочным видом читал отрывки из Нового завета (чаще всего из Апокалипсиса) или читал на память стихи. Например, из Гете:

*«Кто одинок, того звезда
Горит особняком.
Кому охота, господя,
Общаться с дураком?»*

С началом зимы жить на даче стало труднее, приходилось весь день топить крохотную железную печку и всё равно обогреть лёгкую летнюю дачу было невозможно. Всё чаще он приходил отогреться в городок, иногда оставался ночевать у знакомых, но потом уходил обратно. Потом, когда морозы стали невыносимы, он перебрался к Павлу Калинин, своему другу. Но у Павла была семья, жена и двое детей, и присутствие в доме странного, больного человека всем осложняло жизнь. В конце концов, Фетис ушёл от Павла, ночевал в подъездах и где придётся... В городке уже стали говорить о нём, как о бездомном бродяге. В конце концов, его забрали и отправили в известную психбольницу на Владимирской улице, что недалеко от вокзала. Мне об этом сообщила Майя Л.

Через несколько дней Феоктист сбежал из больницы к Борису Н., и тот отправил его домой, в Кемерово. Это было в январе 1977 года. Тяжело вспоминать это время, потому что всё яснее

во всей этой истории обозначалась печать безысходности и безнадежности. Таинственная сила подчинила себе дух и сознание Феоктиста, и ни медицина, ни молитва, ни музыка, ни природа не могли снять это заклятие.

Вспоминаю свою последнюю встречу с ним. Это было в то время, когда он ещё жил на даче у Майи. Уже начались морозы, мела метель, повсюду лежал глубокий снег. Как всегда неловко ввалившись в комнату в своём заношенном тулупе и сапогах, Фетис долго не хотел садиться, долго отказывался от чашки чая, потом всё же присел и робко попросил проиграть ему финал Шестой симфонии П. И. Чайковского. Я поставил пластинку на проигрыватель, зазвучала музыка. О боже, как он вдруг зарыдал, как он упал на кровать, уткнувшись лицом в подушку, и рыдал хриплым, срывающимся голосом о своей загубленной, конченной жизни. Это была наша последняя встреча. Больше я его никогда не видел.

Сумеречная жизнь Феоктиста в Кемерово шла по уже знакомому замкнутому кругу: психушка – дом сестры – скитания – психушка. Летом он опять жил один в саду на даче. Иногда заходил в гости к Шуре Исаковой, к брату Андрею. Ходил обычно с большим рюкзаком за плечами, в котором были книги и тетради. И молитвой, и смирением, и духовным борением укрепляя свой дух и плоть, продолжал он взывать к Господу о великой милости и спасении. И прошёл свой крестный путь до конца, ибо всякий путь имеет свой конец.

А конец наступил осенью 1977 года. В самом конце октября Феоктист бродил, по своему обыкновению, за городом, по полям и перелескам. Давно облетела листва и пожухла трава, серая мгла заволокла небо, и сиротски-скупой снежок заметал опустевшие поля, да недружелюбно хлестал в лицо холодный ветер. Фетис забрёл уже довольно далеко от города, прошёл шахту Пионерку и, утомившись, присел отдохнуть под деревом. А встать уже не было сил. Сон затуманил глаза, сладкой истомой сковал окоченевшие члены. Там его и увидел проходивший мимо охотник. Сходил на Пионерку, вызвал «Скорую помощь», приехали, выбрали его, отвезли в больницу. Он был ещё жив, но совсем ослабел. Когда Феоктиста обследовали и сделали рентген, то обнаружили тяжёлую двустороннюю пневмонию. Перевезли в больницу на шахту Ягуновку, вызвали родных. Они ещё застали его живым. Он был очень слаб, но в сознании. Про-

сил всех простить его, грешного, и не поминать лихом. И на четвёртый день умер. Это было 29 октября 1977 года. Я узнал о его смерти в середине ноября из писем сестры Анны и Шуры Исаковой. Рюкзак Феоктиста с тетрадами и книгами остался в больнице, где его за ненадобностью сожгли. Так что Шуре он уже не достался, когда она позже пришла за ним. Она сохранила лишь несколько книг и две тетради Феоктиста, которые потом передала мне.

Вот и отмучился Феоктист. Ну что здесь можно сказать и добавить? Перед простым и непреложным фактом смерти отступают все слова. И кто осмелится переступить черту незримой тайны: встречи смертной души с вечностью? Неведома сия тайна никому из смертных. Орфически-таинственно звучат слова Р. М. Рильке: «Всё завершённое возвращается к исконной глубине». («Сонеты к Орфею», 1, 19). И глубина безмолвствует в ответ на наши вопросы. Глубина не обязана отвечать нам – это мы на мгновение краткого полёта, из брызг и пены волн, смотрим в неё зачарованным взглядом, прежде чем вновь погрузиться в её всеобъемлющий мрак.

«Теперь же мы погружаемся в мрак, который выше ума, и здесь мы обретаем уже не краткословие, а полную бессловесность и бездействие мысли» (Дионисий Ареопагит, Таинственное богословие).

А ещё один человек, известный в своём кругу как Серый Волк, написал стихотворение «Памяти Феоктиста Колмогорова», которое я, с любезного разрешения автора, хочу здесь привести целиком.

*Ветер в голых гуляет ветвях,
Шепчет ветер осенний: «Приляг,
На печали рукою махни,
Прислонись, отдышись, отдохни».
Белоснежны халаты берёз,
Ночью землю утюжил мороз,
И стерильна из листьев постель,
Долог пост и невидима цель...
Он присел, опираясь на ствол, –
Ветер снова беседу завёл,
И на фоне больничных небес
Всё реальнее призрачный лес.
Но ослабшее тело поднять
Не под силу уже... И опять
Ветер шепчет... Но тут он привстал
И, прорвавши последний оскал,
С хрипом выдохнул душу до дна:
«Отойди от меня, сатана!»*

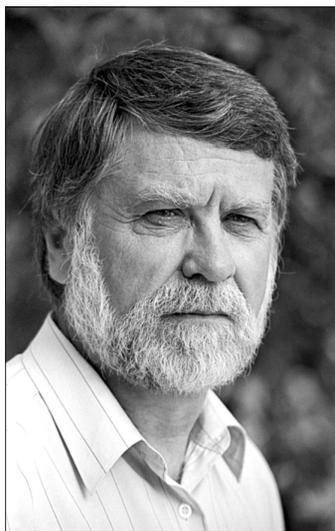
Вот и конец повести о Феоктисте. Спасибо всем, кто не забыл о нём. А уж он-то о нас не забудет.

1981–1982 гг. , 1992 г.

**Борис
БУРМИСТРОВ**

ЗА ЧАСТОКОЛОМ ДНЕЙ

* * *

*Да будет свет! – сказал Пророк –
И нас из тьмы на свет извлек.
Да будет свет! – изрек Мессия –
И засиял свет над Россией.
Да будет свет! – сказали мы –
И натворили столько тьмы.*

* * *

*Не сомневается только дурак,
Так говорят в народе,
Сделал все плохо, сделал не так,
Но на мажорной ноте.*

*Все переделал на собственный лад –
Он и не мог иначе.
Только дурак непонятому рад,
Умных людей дурача.*

ЛУННЫЙ СВЕТ

*Прикосновение, притяжение
И отторжение потом,
Когда приходит все в движенье
В пространстве сумрачном, пустом.*

*Лови, поэт, пыльцу златую,
Что льется струйкою живой...
И эту комнату пустую
Воспой взволнованной строфой.*

ПРОШЕНИЕ ЗА СЫНА

*Дай ему посох по силе его,
Посох, что временем строган.
Чтоб в этом мире обид и тревог
Выстоять мог он.*

*Путь, что отмерен Тобюю ему,
Добрым пусть будет.
Сам ведь ты знаешь – непросто в миру –
Путь этот труден.*

*Господи! Дай нам терпенье и сил,
Мудрости старцев святых,
Это и все, что бы я попросил
Для сыновей земных.*

* * *

*Надо выстрадать право –
Называться поэтом.
Пустобрешная слава
Не поможет при этом.*

БУРМИСТРОВ Борис Васильевич родился в 1946 году в городе Кемерово, член Союза писателей России, председатель Правления Союза писателей Кузбасса, секретарь Правления союза писателей России, автор поэтических книг: «Не разлюби», «Душа», «Поклонись земле русской», «Лирика», «Песочные часы», «Живу, и радуюсь, и плачу», «День зимнего солнцестояния», «О чём не сказано ещё», «Сквозь сумерки времён». Живёт в Кемерово.

Чтобы снова и снова
В даль летела дорога.
Надо вымолить слово
У судьбы и у Бога.

КУКЛОВОДЫ

Нити перепутал кукловод –
Закрутился в панике народ.
Неужели трудно всем понять –
Надо нити в куклах поменять.
Не распутать спутанные дни,
С прошлым перепутаны они.
И кого в случившемся винить? –
Кукловодов держают за нить.

ЗИМНИЙ ПОЕЗД

Полустанки мимо, мимо,
Липкий снег летит в окно.
Все ль с душой соизмеримо,
Все ль с душою заодно?

Все ли мне понятно, ясно
В этом мире бледных грез?
Для кого-то жизнь прекрасна,
Для кого-то – море слез.

Полустанки мимо, мимо –
Ночь за ночью, день за днем.
Все, похоже, повторимо
В этом сонмище людском.

В ожидании тревожном
Я лечу на край земли.
Только снег в окне морозном,
Только свет слепой вдали.

* * *

Частоколом дней обнесены,
Не прорваться через этот бруствер.
Иногда бывают просто сны –
Никаких загадок и предчувствий.

Иногда приходят просто сны,
Все-то в них, как наяву, понятно,
Никакой обиды и вины –
В прошлом все, ушедшем безвозвратно.

Только свет какой-то неземной,
Только радость в этих снах земная.

Все прошло, осталось все со мной.
И любовь, как ягодка лесная...

* * *

Унынье – это грех,
Унынье – это слабость.
Как поделить на всех
Нечаянную радость.

Как поделить на всех –
Микроскопичны дозы –
И беспричинный смех,
И по причине – слезы.

Пройди и оглянись
На прошлых дней творенья,
Унынье – это жизнь,
Без веры в пробужденье.

* * *

Голоса людей, как птицы
Разлетаются по свету.
Никакой такой границы
Между нами в мире нету.

Голоса людей в пространстве,
Словно отзвуки былого.
После долгих-долгих странствий
Я твой голос слышу снова.

Никакого здесь шаманства:
Голос твой все выше, выше...
Есть одно у нас пространство –
Где мы все друг друга слышим.

* * *

Не сжигайте в прошлое мосты,
Повечерить позже будет не с кем.
Поливала женщина цветы,
На окне раздвинув занавески.

Отмывала пыльное окно,
Чтобы солнце в комнату светило.
Как же это было все давно,
Боже мой, когда все это было?!.

Сколько вод по рекам утекло,
Снегом, пылью замело дорожки.
Но осталось в памяти тепло
От цветов печальных в том окошке.

На рассвете улицы пусты,
Я иду, пытаюсь вновь представить –
Поливает женщина цветы...
И сквозь время прозревает память.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ

У каждого тень своя,
У каждого свой попутчик.
Где тень моя – там и я –
Лейб-гвардии подпоручик.

За тенью вчерашней – тень
Гуляет себе по свету.
И ночь переходит в день,
И жизнь переходит в Лету...

* * *

Я прошу Всевышнего –
Мне не надо лишнего.

Дай ума, как умному,
Дай любви, как глупому.

Вот и все, что нужно мне,
Остальное – лишнее.

* * *

От встречи до встречи – мгновенье одно.
Рябина-кручина стучится в окно.

От встречи до встречи – века и века.
На горных вершинах не тают снега.

И зимы и весны идут чередой.
От встречи до встречи – живу я тобой...

ИЗНАНКА

Говорим одно,
Делаем другое.
Жизнь моя – кино,
Нас на сцене двое.

Я и снова я.
В лунном отраженьи
Сущность бытия –
Светопреставленье.

Сущность бытия –
Самовыраженьи.

Я и снова я –
Тень моя с рожденья.

Двое нас в миру,
Двое нас, не скрою.
Если я умру,
Тень уйдет со мною.

Я и снова я –
Мы неразлучимы.
Сущность бытия –
Копоть от лучины...

ВОПРОШЕНИЕ

Всё по краюшку, по краю –
Где, скажи, дорога к Раю,
Где, скажи, дорога в Рай?
«Сам дорожку выбирай».

МОЙ АНГЕЛ

(диптих)

1

Давай тебя, мой ангел, обниму –
Как много непонятого в миру,
В миру случайных и капризных грез –
Так мало смеха и так много слез.

Давай тебя, мой милый, обниму.
Есть сто причин, я думаю, к тому,
К тому, что в жизни ты один мне друг,
Твой нежный голос мне ласкает слух.

И по утрам я слышу шелест крыл,
Со мною ты все время рядом был,
Пока я сны досматривал свои
Ты мою душу на крылах носил.

Давай тебя, мой ангел, обниму –
Вдвоем, поверь, теплей, чем одному...

2

Мой юный ангел – ты все также юн,
Или стареешь наравне со мною?
Моей душе приятен голос струн,
Которых ты касаешься рукою.

Мой милый мальчик – все-таки ты юн,
А я старею не душой, но телом.
Ворчун несносный и, конечно, лгун –
Лгу сам себе об этом свете белом.

*Что, дескать, здесь – в миру разлук и встреч
Я был любим (хотя сомненья гложат).
Я не сумел, наверное, сберечь
Тех, с кем делил свой скромный кров и ложе.*

*Себя обманом тешить разрешу...
Мой юный ангел, ты один все знаешь,
Когда грущу я и когда грешу –
Ты надо мной, спаситель мой, летаешь.*

** * **

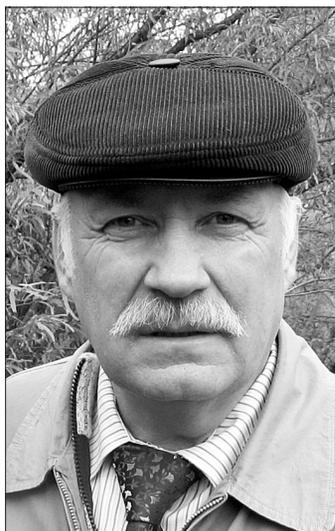
*Не может быть, чтоб сердце не болело.
Оно есть плоть, оно – кусочек тела.
А вот душа, душа тогда болит –
Когда весь мир от холода знобит.*

**Виктор
АРНАУТОВ**

ПЕРВАЯ САМОВОЛКА

Рассказ

- 1 -

Лето 1960 года. Мне девять лет.

Я уже большой. Самый старший в нашей семье. В мае я закончил второй класс и меня перевели в третий. В моём табеле нет ни одной тройки.

У меня брат и две сестрёнки. Все – младше меня. Ненамного. Мы почти погодки. Не говорю уже про двоюродных – они далеко. Один, Володя, в Новосибирске. Он старше меня двумя годами. И его я ещё не видел. Только слышал о нём от мамы. Он мне брат по маме. Другие – в Пудине. В двенадцати километрах от нашего Краснояра. Это с отцовской стороны. Не так давно они переехали из Куликов. Брат и две сестры: Гена, Тома и Рая.

А ещё бабушка – баба Паша – папина мама. Но она живёт не с нами, а со старшим сыном, дядей Толей, и его семьёй. А потому, я бабу Пашу стесняюсь и даже немножко побаиваюсь. Всё дело в том, что зимой, когда отец привёз меня в кошеве в Пудино на каникулы и оставил с ночевой, баба Паша учинила мне экзамен... по чтению. Оказывается, баба Паша раньше была *учительницей гимназии!* Давно. Ещё до ссылки в Сибирь из Бессарабии. До войны. Конечно, я

ещё не знал об этом. Почему-то я тогда сильно засмутился. И читал плохо: спотыкался, краснея, перевирал то, что было напечатано. В общем, оставил после себя не очень лестное представление. По мнению бабы Паши, я едва вытянул на жиденькую троечку.

75

Баба Паша невысокого росточка, полноватая, ссутулившаяся, в толстых очках. На её голове гладко зачесаны весьма не густые волосы. Она опрятна и аккуратна во всём. А ещё баба Паша умеет хорошо шить. Вот и мне к школе она сшила красивую вельветовую курточку, двухцветную, с карманами по бокам и на молнии. Только из неё я уже стал вырастать. Должно быть, к новому учебному году она опять сошьёт мне курточку. А ещё она просто здорово вышивает яркими разноцветными нитками «мулине» болгарским крестом разные картинки. Нам она как-то даже подарила свою вышивку на маленькую подушечку-думку.

Стоит жаркий июль. Мы купаемся в озёрке, что за школой, с утра до ночи и, как говорит наша другая бабушка Тася, *вчиняем игры*. А недавно купались на Чузике, где утонул один наш мужик. Давно, ещё до моего появления на свет. Я впервые там переплыл на ту сторону. Страшно

АРНАУТОВ Виктор Степанович родился в 1951 году в селе Пудино Томской области. Окончил Кемеровский институт культуры. Более двадцати лет (до 1996 г.) преподавал в нём библиотечно-информационные дисциплины.

Автор десяти книг прозы, изданных в Новосибирске и Кемерово, а также трёх коллективных сборников. Публиковался в журналах и альманахах: «Огни Кузбасса», «Красная Горка», «Университет культуры» (Кемерово), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Тюмень литературная», «Врата Сибири» (Тюмень), «Южная звезда» (Ставрополь), «Охотничьи просторы» (Москва), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Начало века» (Томск), «Образы жизни» (Сан-Франциско). Лауреат областной литературной премии «Энергия творчества» (2009) и журнала «Огни Кузбасса» (2011). Член Союза писателей России. Живёт в городе Кемерово.

было. И ширина метров тридцать. Хорошо – рядом дружок, Серёжка, был. В случае чего – он бы меня вытащил, спас, как не один раз уже это делал. Случайно папка тогда увидел меня на той стороне речки, где мы загорали на песке. Ох и досталось мне тогда от него!..

Наш Краснояр невелик. Всего-то одна улица, изогнутая крючком. Да ещё один аппендикс, что уходит пятью домами от школы к конюшне. В своей деревне мы знаем уже всё: и где можно поиграть-поноситься, и где спрятаться. И даже у кого, где и что растёт в огородах.

Вечерами, после работы и ужина, молодёжь – те, что старше нас, собирается возле школы или клуба, играют в лапту, каждый раз делясь парами на команды заново. Нас, малышню, в команды ещё не принимают. Зато интересно смотреть за игрой, а ещё – бегать искать мячик, если его куда-нибудь далеко запульнут, или в чей огород попадет...

Но всё равно, у нас в Краснояре, скучновато. То ли дело – Пудино! Там я появился на свет в роддоме. А привезли из роддома в Краснояр. Тут и живу уже десятый год.

Для нас, красноярских пацанов, Пудино – почти что город! В нём много чего интересного. Там есть аэропорт, куда каждый день прилетают самолёты и вертолёты. А у нас, в Краснояре, лишь один раз вертолёт садился. Вся деревня сбежалась тогда. А ещё однажды прямо над нами из «кукурузника» прыгнул парашютист и приземлился в чей-то огород в картошку.

В Пудине большая больница и амбулатория. Есть огромная школа с интернатом, куда все наши красноярские, если не балбесы, уезжают учиться после четвёртого класса.

В Пудине очень много магазинов. Наверное, штук шесть! Там продают мягкие ароматные румяные булочки из белой муки и потрясающую газировку! Булочки из белой муки к нам привозят только на выборы да по большим праздникам. Все красноярцы сами себе хлеб пекут из муки, смолотой на своей мельнице. А газировка... Мне кажется, что я смог бы выпить подряд бутылки четыре! Клюквенной. Или нет, лучше лимонада. Пожалуй, всё же и той и другой. А бутылки можно тут же сдать. И на деньги купить ещё газировки. Или булочку. Или крючков рыболовных, что продают в раймаге. Стоит он на горе. И чего в нём только нет!

У меня уже и деньги есть. Свои. Много. Целых двадцать рублей! Сам заработал и скопил:

помогал бабе Тасе овечек пасти. За каждый день она мне давала по три рубля. Да ещё по рублю за то, что я дрова складывал с братом Вовкой. Вот и накопилось. Только в нашем магазине на эти деньги ничего не купишь. Даже конфеток никаких нету. Разве что пряники – ставшие сухарями и пахнущие мышами.

Вот бы в Пудино попасть...

А ещё в Пудине, говорят, строят новый большой клуб.

А рядом со старым клубом, через дорогу, есть пожарная каланча. Высоченная! Сам видел, только на неё не забирался ещё. Забраться бы да посмотреть оттуда. Поди, всё Пудино увидеть можно! Или даже наш Краснояр. Хотя вряд ли. Ведь из Краснояра каланчу не видать, даже верхушку. Не видно и с кедров, на которые мы лазим за шишками, когда поспевать начнут.

– 2 –

Уж кто подбил и уговорил податься пешком в Пудино – теперь не припомню. Однако, собралось нас человек шесть. Примерно такого же возраста, что и я. Похоже, всё же договорились о дальнем походе заранее. И что интересно – тайно, не поставив в известность своих родителей.

За околичные ворота вышли мы часов в девять утра, когда солнце уже набирало силу, пропитывая воздух своим пылом.

Ну, пошли – и пошли. Мало ли куда нас заносило в те времена. На кульстан, почти за три километра от деревни уходили, чтобы полакомиться молодыми стручками-лопаточками гороха. За пазуху набивали стручки потолще, поядрёнее, так что рубашонку распирало, словно брюхо у карикатурного толстопуза из «Крокодила».

Про рыбалку уж и не говорю. Где мы только не бывали... Так что особо никто из родителей и бабушек-дедушек о нас и не беспокоился. Подались – и подались: к обеду, промявшись, непременно нарисуются.

Из своих денежных запасов, которые хранил в тайнике, взял я пятёрку – на булочку, газировку и рыболовные крючки. А ещё, пацаны говорили, которые учились и жили в пудинском интернате, что в раймаге продаются свистульки.

Свистулька магазинная – это тебе не какая-нибудь самоделка из стручка мышинового горошка или акации. Даже и не из талинового прута.

Много ли ими насвистишь? Магази́нная – и есть магази́нная! Правда, как-то раз к нам в магазин привозили глиняные свистульки – в виде птички. Так я и дня не просвистел ею – уронил нечаянно и отломил глиняный хвостик, куда дуть нужно... Вот жалко-то было... В Пудине, говорят, продаются пластмассовые свистульки. В виде птички-соловья. Вовнутрь наливается немного воды, и тогда свистит она переливами, трелями. И сломать её просто невозможно, разве что молотком по ней шархнуть. Только я что – дурачок, что ли, по свистулке молотком бить?!

Ещё бы лучше – купить губную гармошку! С дырочками в два ряда, куда дуют. На такой гармошке можно даже и мелодию какую-нибудь высвистеть. Только учиться надо. Да и денег на гармошку у меня не хватит. Даже, пожалуй, и тех, что остались в тайнике. Ладно, обойдусь как-нибудь и без гармошки губной. Вот вырасту – тогда другое дело. Пожалуй, не только губную, но и самую настоящую куплю, как у папки.

В многодетных послевоенных семьях обувки на пацанву было не напасть. Особенно летом: горела, словно, на костре. А потому носились мы от снега до снега босиком. И было это в порядке вещей. Даже в лес умудрялись ходить босыми. Кожа на ногах покрывалась цыпками, а подошвы становились слабочувствительными, задубевшими. Босиком отправился я и в районный центр Пудино, особо не беспокоясь о своей репутации. Впрочем, не один я.

Шли весело, забегая друг перед другом, выстраивались гуськом, потом в одну шеренгу, под ноги особо и не смотрели.

– Змея! – крикнул мой дружок Тимка.

Я глянул вниз и обомлел о страха. Прямо передо мной, глянцево извиваясь в пыли, поперек дороги, ползла серая гадюка. Я едва не наступил на неё своими голыми ногами. Отскочив в сторону, я дал стрекача. Ребята же, видимо, не такие пугливые, как я, найдя палки и комья сухой земли, довольно быстро управились с полосатой гадиной. Они попеременно цепляли её на палки и пугали меня.

Припомнилось, как недавно одного парнишку укусила змея за ногу, когда мы ходили к болоту за пучками. Его даже в Пудино в больницу на подводе отвозили. А другую девчонку ужалила в руку, когда та искала огурцы на грядке в своём огородчике.

– Давайте, позырим у змеи ножки, – предложил Валерка Хом.

– Надо костёр развести, да над огнём её подержать, а то ни в жизнь не покажет, – внес пояснение Петька Беков.

– Ага! – резонно возразил я, сторонясь ребят. – Ищите ноги у убитой змеи... Кабы она ещё живая была, тогда, может, и показала бы...

– Да выбросите вы её в кусты, а то Витька скоро со страху штаны намочит, – сказал Кузя Попов.

– Сам не обмочись, – огрызнулся я, – лучше нос свой вытри...

Кузя, швыркнув носом, загнал свои сосульки обратно в ноздри.

Наконец-то змея всем надоела, и её оставили на обочине дороги.

За мрачным Дудинским лесом повстречалось стадо, которое пасли двое калиновских на лошадях. С ними бегала собачонка Тузик, облаивая нас.

Петька Беков снял с головы свой картуз и замахнулся на собачонку. Тузик, отскочив, залился на нас ещё сильнее. Тогда Петька кинул картуз в собачонку. Та схватила его в зубы и стала трясти им из стороны в сторону. Мало того, что кепчонку изгвадала в пыли – умудрилась пару раз макнуть её в свежую буро-коричневую коровью лепёху.

Мы гоготали над собачонкой и Петькой. Петьке же было не до смеха. Он пытался отобрать свою кепчонку у собаки. А когда это ему удалось, то на голову её уже надевать было весьма неприлично.

Петька, отчистив палочкой картуз от навоза, повесил его на сломленную ветку берёзы.

– Пусть посушится, на обратном пути заберу... – конфузливо произнес он.

– А Витька – змею, – подхихикнул вражина Фока Кубецкий.

– 3 –

Часа через полтора нашего пути показались дома Калиновки.

А слева перед ней – поле гороховое. Ну как тут было удержаться от соблазна?! Мы забрели в гороховые заросли, набивая молодыми сладкими горошинами животы, а стручками – пазухи рубашонок. Да недолго длилось наше пиршество. Какой-то мужик, как оказалось, бригадир полеводов, верхом на лошади, шуганул нас, пригрозив бичом.

Калиновка, как и Краснояр, деревушка невеликая – дворов в шестьдесят. И в ней всего

одна улица, да проулок, что ведёт к реке. Ничего примечательного тут и нет вовсе.

Хотя, пожалуй, всё же есть. Сюда совсем недавно стали переезжать наши красноярские, да из других дальних деревень, что разбросаны по тайге и урманам. И папка наш тоже засобирался переезжать в Калиновку. С нами, разумеется. Только баба Тася заупорствовала...

Вот и из Калугина, Тамбаева да Лавровки семей пять уже сюда переселились. В том числе и земляки Хома с Фокой – Кии. Мать-учительница, отец-охотник да трое пацанов-погодков, наших ровесников: Вовка, Юрка и Сашка. А ещё – Валька, но она девчонка да и моложе пацанов. Сначала жили они, как переехали, в другом краю деревни, ближе к Пудину, у самых околичных ворот. В совсем малюсенькой избушке. А теперь обосновались в избёнке напротив клуба.

Зато в том старом, пустующем домишке, все калиновские пацаны играют в войну. По-настоящему. Как мы, красноярские, с Кубеками. Только врагами у них – хуторские, что в каких-то полутора километрах от Калиновки. Со своим главарём – Фюлером! У Фюлера войско – шелупонь одна, даже девчонки есть. Начштаба у них – и то девчонка, Катомяшка. А у калиновских – о-го-го! Командиром – Гриня Неизвестных. А начальником штаба – Боб Кий – старший брат Юрки с Сашкой. Война идет набегами: то калиновские на хуторских, то наоборот. Те, правда, со своим Фюлером, чаще налетают, когда калиновское войско либо в малом составе, либо совсем распущено по домам.

На крыше, под навесом, того самого бывшего дома Киёв, у калиновских – и базируется штаб. Как у нас, красноярских, на крыше старого клуба. Здесь у них хранятся и все боеприпасы с оружием. Оружие, конечно, деревянное. Но у командира Грини есть старая бердана. Настоящая. Она только без затвора. А так бы – и пальнуть из неё можно. А ещё есть всякие пугачи да поджиги. Те стреляют спичечными головками или порохом. Только надо не переборщить с зарядом, а то напрочь может разорвать поджигу, да и пораниться недолго.

Ватага наша застала калиновское войско в расформированном виде. Где-то на покосе оказался сам командир Гриня. Не было и начальника штаба Боба. Лишь Сашка с Юркой да ещё парочка парнишек юркими бурундуками сновали по углам штаба снизу на крышу и обратно.

Мы поздоровались с ними, познакомились. Через Хома с Фокой.

– Хотите пучки? – предложил Хом нашим новым знакомым.

Я достал из-за пазухи горсть стручкового гороха, протянул калиновским.

– Нас ваш бригадир шуганул на лошади, а то бы больше нарвали, – сказал Тимка.

– На, отведай, – протянул мне Сашка кусок чёрного сухаря в ответ на наши гостинцы.

Калиновские уговаривали нас принять участие в набеге на хуторских. Прямо сейчас. Повоевать за них.

– Не-е-а... – резонно возразил Кузя Попов. – Нам сёдни ещё назад вертаться через хутор... Вот кабы на обратном пути...

– А вы лучше через портовское поле, – посоветовал Юрка, слегка картавя.

– Да и к Птицыным зайти собираемся, – сказал я. – Не знаете, где они там живут?

– Так это же за хутором, в Лушникове, ближе к Эм-тэ-эсу, – пояснил Сашка. – Там спросите, покажут...

Птицыны переехали из Краснояра по весне, когда мы с Шуриком, моим молочным братом, второй класс заканчивали.

– А то – айда купаться на омут! – предложил Юрка. – Вода уже тё-о-пляя...

– Это назад, чё ли, возвращаться? – заколебался Хом.

– Дак тут недалёко вовсе. Зато у нас там и нырялка сделана, и глубина... От берега – и сразу скрывает... На омуте...

Идти купаться мы отказались. Двинулись дальше. Повернув направо за небольшим околком, увидели хуторские дома. А на самом отшибе, как и у калиновских, стояла какая-то полуразрушенная хибарка.

– Зырьте, – обратил наше внимание Хом, – кажись, вон то и есть штаб хуторских. Может, наведаемся?

– А на кой они нам? – возразил Тимка.

На хуторе, отделённом от Лушникова небольшой бугристой поляной да ложбинкой с мостиком, всего-то домов шесть, не больше. И тоже ничего особенного нет. Дома как дома, как в Краснояре или Калиновке – сплошь деревянные и не очень большие. Разве что улочка почище калиновской, песчаная, а по обочинкам – муравкой поросла.

Дом Птицыных мы нашли без особого труда. Завалили в него всем гомонливым гаму-

зом. Все три брата оказались дома. Старший, Минька, суетился в небольшой пристройке к сеним. Там у него было что-то вроде какой-то мастерской – хлама всякого понатащено: шестеренки, колёсики, железяки, проволока, квадратные и плоские большие батареи от радиоприёмников. Минька принялся показывать нам своё хозяйство. Хвалился перегоревшими лампами приёмника, антенной, которую он мастерил из каких-то трубок; показывал аккумуляторные баббитовые пластины – из них получают классные грузила для закидушек, отлитые в столовых и чайных ложках. По одной такой ложке-свинчатке он одарил каждого из нас.

Средний Шурик откуда-то извлёк картонную коробку и стал показывать коллекцию своих спичечных этикеток. Мы с завистью рассматривали этикетки, такие разные, не то, что у нас – в основном с аэропланом или с чукчей, едущем в нартах на олене. Да с городами – столицами союзных республик. За загадочные Ашхабад, Ташкент или Душанбе у нас запросто можно было выменять три или четыре аэроплана, чукчей на оленях или парочку Минсков с Киевом. Этикеток в коробочке у него было, наверное, уже с полсотни. Самых разных. Встречались, правда, и дубликаты, на которые мы зарились с завистью. Шурик парочку двойных подарил мне. И что самое интересное – было у него с десяток этикеток, которые вообще никогда и не наклеивались на спичечные коробки. На них изображались разные зверюшки: зайцы, лисы, соболи, куницы. А ещё зверёк харза, которого из нас не то что никто не видел, даже не слышал о таком.

Младший из братьев, Валерча, которому предстояло осенью идти в школу, похвалился тёмными кусочками лопнувшего надувного шара. Мы брали у него эти кусочки, прикладывали их внатяжку к губам и втягивали в себя воздух вместе с резиной. Потом закручивали резинку у основания, и вынимали изо рта уже готовые шарики. Резина пахла по-особому, отдавала тальком и какой-то горечью. Что было делать дальше с такими шариками мы не знали, а потому, смеясь, хлопали ими по лбу друг друга. Те лопались, издавая звонкие щелчки.

– Ты где их набрал?– поинтересовался Тимка у Валерчи.

– На порту... Там их много... Только они заперты в складе... Хотите, покажу где?

– А для чего они там нужны?– спросил Петька Беков.

– Их запускают в небо,– компетентно заметил Миня.

– Да как же они полетят сами туда?

– Надувают лёгким газом.

– Легче воздуха, что ли?

– Ну да, есть такой газ...

– Ну, и зачем это? Чтобы люди смотрели на летящие шары?

– Скажешь тоже... – небрежно бросил Миня.

– Это метео-зонды.

Он едва выговорил это непонятное для нас слово.

– Чё это такое?– почти хором спросили мы.

– По ним направление ветра да погоду определяют. Там, на порту даже мете-о-станция есть...

– Вот бы поглядеть!– завидовали мы.

– А, айда!– приняли наше предложение Птицыны.

Проулком, что уходил влево почти сразу от дома Птицыных, мы направились на аэропорт. Справа оставался высокий забор загадочной МТС.

На аэропорту, с краю большого ровного поля стояло четыре небольших домика. Один – сам аэровокзал, где продавали билеты и откуда пассажиров отводили к самолёту. Почти напротив него – ещё домик, чуть побольше – там оставались на ночевку лётчики, когда занепогодит и закроют порт. Чуть поодаль – ещё одно здание, рядом с ним высилась на десятиметровой мачте полосатая надутая кишка-рукав. Она была вроде флюгера, по которому определяют направление ветра. Её, должно быть, было хорошо видно с самолёта. А ещё, на самом зелёном поле – светлая широкая брезентовая материя, в форме большой и широкой буквы Т – обозначение места посадки для самолётов.

Самолётов сегодня не было. Не стояли и стрекозы-вертолёты.

– Вот, видите – метеостанция,– пояснил нам Миня, показывая на загадочные решетчатые домики, наподобие пчелиных ульев, только чуть побольше. Их было штук четыре. Стояли на возвышениях. Обнесены они были невысокой оградкой из штакетника, с такой же калиточкой.

Невдалеке от метеостанции находился колодец, с крышкой над срубом, узким воротом с

большой рукояткой и окованным ведром-бадьёй.

Мы выкрутили ведро воды и по очереди, сквозь зубы, цедили ледяную жидкость.

– Ску-усная, – сказал Кузя Попов, отрываясь от ведра.

– Поди, не вкусней газировки, – оговорился Петька.

– Идёмте к складу, – настаивал Фока. – Где тут у вас шары прячут?

На самом отшибе, скрытое кустарником и чахлыми деревцами, в сторону Калиновки, стояло почерневшее небольшое низенькое строение. У него было лишь одно махонькое оконце, шириной в пару бревёшек, зарешеченное проволочной сеткой. В одном месте стекло было сколото, а в сетке проделана дырка, диаметром сантиметра в три-четыре. Двери склада, с низеньким крыльцом, были перепоясаны металлической полосой. На петле висел большой амбарный замок.

Мы сгрудились у единственного окошечка, заглядывая внутрь. Внутри было темно, но мы всё же различили какие-то стеллажи, полки, что-то упакованное в тюки и мешки, несколько бочек, канистр и чего-то ещё загадочно-непонятного.

– Где шарики-то? – настаивал Фока Кубецкий.

– Да вон, видите, сбоку лежат, – подсказывал Валерча, – на полке...

Шурик Птицын, найдя длинный тонкий прутик, уже просовывал его внутрь сквозь узенькую дырку, проделанную в сетке. Он пытался дотянуться до шаров и накрутить резину на прутик. Сделать это было ой как нелегко. Резина никак не хотела накручиваться на прутик, соскальзывала.

– Надо бы какой-нибудь крючок, – предложил Хом.

– Ага, – поддакнул я, – из проволоки...

– Полундра! – крикнул Миня.

Мы всполошились. Прямо к нам, с палкой в руке, спешно приближался какой-то мужчина. Мы бросились наутёк врассыпную, как от калиновского бригадира, который верхом на лошади гонял нас бичом по гороховому полю, когда мы лакомились сладкими стручками.

Отбежав на безопасное расстояние, мы сгрудились. Преследователя не было видно.

– Жалко... – сказал Фока.

– Ничё, мы на обратном пути ещё попробуем, – утешил Хом.

– Тогда и крючок сделаем из проволоки, – поддержал Кузя Попов.

– Пошли с нами в Пудино, – предложили мы Птицыным.

Те отказались, сославшись на домашние дела. Мы же, минуя эмтээсовский забор, двинулись дальше. У заворок повернули направо и вдоль речушки с названием Ольга, наш берег которой зарос густым ельником, заголопятили вперёд.

Перед мостом, через дорогу, на возвышении стоял клуб, эмтээсовский. Там толпилась ребятня, ожидая дневного сеанса. Нам всем было очень даже непривычно – сходить в кино днём, да ещё и в клуб с настоящим залом. У нас-то, в Краснояр, кино привозили раз в месяц и показывали его в Большом классе нашей школы. Билеты стоили по пятьдесят копеек. Получив голубенькие билетки с оторванным «контролем», мы проникли в тёмный кинозал. Начался фильм с загадочным названием «Великий Карузо». Фильм был ненашенский. Какой-то мужик всё время пел на непонятном языке незнакомые нам песни.

– Кажись, здря только деньги потратили, – шепнул мне Хом, с которым мы оказались рядом на одной лавке. – Лучше бы крючков на них накупили... А всё ты: пойдём в кино, пойдём в кино... Сходили...

Зашушукались и остальные наши попутчики. Не дожидаясь окончания фильма, мы выбрались из зала, щурясь от солнечного света.

– Лучше бы про разведчиков, – сослагательно заявил Кузя Попов, сплёвывая слюну сквозь зубы.

– Или про басмачей, – поддержал его Фока.

– Тогда уж – «Борьба под одеялом», – хихикнул я, вспоминая присказку нашего киномеханика дяди Паши.

– Или «Судьба беременного милиционера», – поддержал меня Хом.

– Ага, ещё скажите: «Подводная лодка в степях Украины», – ехидничал Фока.

– Или «Закат солнца вручную»... включился в известные прикольные каламбуры Тимка.

Перейдя мост через Ольгу-речку, мы поднялись на горку и оказались в Пудине! Широкая Горьковская улица встретила нейтрально: без восторгов, но и без неприязни. Удивило нас тут наличие тротуара. По левой стороне, в четыре

струганных широких плахи. Хоть на велике кататься! Ни у нас, в Краснояре, ни в Калиновке, ни даже в Лушникове – нигде тротуаров не было. Ни дождь, ни слякоть тут не страшны – хоть в тапочках ходи. Или босиком, как мы теперь.

В груди моей застучало сердечко послышнее: в следующем проулке, слева вторым, стоял домишко дяди Толи. А мне – ой как не хотелось сейчас попадаться на вид своим родичам – поход-то наш был нелегальным.

Я косился в сторону белёного домика в две комнатёнки, в палисаднике которого высилась яблоня-дичка. Около калитки я заметил двоюродного брата Гену, копошащегося возле велосипеда. Я спрятался за ребят. И тут навстречу нам показалась баба Паша. Вот уж кому я и вовсе попадаться на глаза не хотел. Она шла по тому же тротуару, видимо, из магазина, неся в сумке покупки. Опустив голову, смотря сквозь толстые очки, в основном себе под ноги, она бегло глянула на нас и не узнала своего внука. Ух! Пронесло!.. Меня аж пот прошиб от волнения.

– Моя бабушка, – шепнул я Хому, прячась и забегая впереди пацанов. – Хорошо, что не заметила. Досталось бы мне тогда...

Вожделенный магазин на улице Горького принял нас, босоногих, как каких-нибудь варнаков или сибулонцев. С пяток женщин, озираясь, стояли степенно и терпеливо в очереди. Двое мужиков брали папиросы и водку, запечатанную коричневым сургучом. Их обслуживала одна продавщица, в белом халате. Другая, в сером, суетилась в подсобке, видимо, техничка.

На полках грудились большие кирпичи серого и белого вкусно-пахнущего хлеба. Подрумяненные пухлые булочки так и напрашивались в рот. На витринах рядами выстроились плоские круглые консервные банки с этикетками «Язь», «Щука», «Налим», «Частик в томате». Между ними, пирамидкой, возвышались баночки сгущенного молока с зелёно-коричневыми наклейками, на которых красовались пасущиеся бурёнки. В белых фанерных ящиках и серых картонных коробках россыпью блазнились конфеты – в обёртках и без, пряники, сушки.

А ещё – газировка! Сладкая-сладкая! Отдающая своим газом в нос. Если, конечно, пить её из горлышка. А как иначе?! Иначе и не интересно, не так вкусно...

– Чего тебе, Витя? – спросила продавщица худощавого парня лет шестнадцати, стоящего

на полусогнутых ногах и с заломленной под прямым углом вверх высохшей кистью левой руки.

– Чаю плиточного и пряников килограмм, – ответил тот, словно у него во рту были камушки.

– Чё это он такой?! – переглянулись мы, шушукаясь между собой.

Женщины в очереди, видя наше любопытство, бесцеремонно стали пояснять нам, когда парень, прихрамывая, вышел из магазина:

– Так это ж – Витя Хохликов! Это у него с рождения. Паралик.

– Вроде нашего Спутника, – негромко провёл аналогию Хом.

– Дак Спутника, кажись, клёш кусал... Так сказывали, – внёс поправку Петька Беков. – А у этого – паралик...

– Как у твоего отца, – съехидничал Фока.

– Ну да, отца... – обиженно возмущился Петька. – Отца на фронте покалечило. Позвонок ранило осколком. Вот он и не ходит с тех пор... Зато скоро нам мотоколяску должны привезти из Томска! Тогда с папкой и в Пудино можно будет ездить!

Дошла очередь и до нас. Мы взяли по бутылке розовой клюквенной газировки и по мягкой булочке. Вышли на улицу и у крыльца, где красовалась доска объявлений с кинофильмами на сегодняшний день, прямо из горлышек (а как же иначе?!) стали смаковать газировку, заедая булочками. Только у Хома денег на покупки уже не было. Оставшийся после кино от рубля полтинник он бережливо зажимал в кулаке – крючки рыболовные для него были главнее даже сладкой булочки. А на газировку бы и без того не хватило. И тот-то рубль Хом получил в нашем, красноярском магазине, в обмен на пару куриных яиц, что втихаря стырил в своей стайке. Он терпеливо стоял и ждал, когда кто-нибудь даст ему глотнуть из бутылки или куснуть от булочки.

Газировка из бутылки убывала уж как-то стремительно быстро. У меня оставалось ещё рубля два. Я сдал свою пустую бутылку и, добавив девяносто копеек, купил ещё одну – лимонад. На вкус он был совсем другим. И на цвет – зеленовато-жёлтым. Да и пить-то уже почему-то хотелось не очень. Бутылку эту мы осилили вдвоём с Хомом.

Тротуар повел нас к центру. Навстречу как-то уж очень странно двигался человек, мужчина лет тридцати, в клетчатой рубашке навывпуск и с

короткими рукавами. Его поступь была неуверенной, неторопливой. При этом, с каждым шагом, его большая голова, покрытая густыми волосами, качалась с боку на бок, словно маятник настенных ходиков.

Поравнявшись с нами, он первым и поздоровался. Мы ответили на приветствие, недоуменно переглянувшись, приснули смешками.

– Чё это, тут все такие ненормальные?! – выпалил Тимка.

Мы повернулись назад, провожая взглядами мужчину. Тот, удаляясь, продолжал шествовать в том же темпе, покачивая головой.

– Я его видел, – признался Хом, – один раз, когда приезжал сюда к дяде Якову... Кажись, зовут его Вася Лысенко...

– А чё это он так ходит? – почти разом спросили мы Хома.

– Да кто его знает... – ответил тот. – Больной, должно быть...

– Может, и его клёш кусал, как нашего Спутника? – высказал предположение Тимка.

– Всё может быть...

Никуда не сворачивая, миновав одноэтажное здание школы с интернатом, мы оказались у... сада. Самого настоящего! В нём росло десятки три разлапистых яблонек-дичек! Вот это да! Ведь у нас, в Краснояре, ни у кого не было ни одной яблони. И как растут на них ранетки – я ещё не видел. На лазовых деревьях, на царапающихся сучьях между густых листьев, зеленели с розовеющими уже бочками яблочки. Гроздьями, по четыре-пять штук. На длинных плодоножках. В сущности – ягоды, не крупнее смородины. На вкус они были горьковато-кислыми. Мы взбирались на яблоньки и рвали горстями эти гроздья тугих и твёрдых, как незрелая клюква, ранеток вместе с жесткими, будто проволока, ножками. Разжевав две-три ранетки, с обилием слюны, выплёвывали кислую горечь изо ртов. И всё же, я набил карманы своих штанов этими ранетками. Можно будет ими дома из дягилевых дудок популяться. Опять же, брату Вовке, какой-никакой гостинец принести надо из Пудина. А как же!

Пройдя улицу до конца и миновав ещё один магазин, мы повернули направо. Там, на самом урезе высокой горы, стояло двухэтажное белёное здание. Ещё одна школа! По сути, школа-то всего одна, только это было другим её зданием. Двухэтажное здание школы отдавало чем-то городским, придавая в наших глазах Пудину ещё большее величие и значимость.

Свернув на Октябрьскую, что шла параллельно улице Горького, мы повернули в обратную сторону. Башня-водокачка из потемневшего кругляша, невдалеке от конторы, по сравнению с пожарной каланчой, что виднелась и высилась впереди, выглядела жалкой рябинкой на фоне матёрого тополя.

Каланча уже, похоже, давненько не выполняла своих прямых назначений, оставаясь пудинской достопримечательностью. Она манила к себе всю приезжую пацанву не меньше, чем жутковатая плотина или высоченный останинский мост через Чузик.

Побывать в Пудине да не взобраться на каланчу – зачем тогда и вовсе туда было пешедралом топать за двенадцать-то километров?!

Двери-вход в каланчу, были, естественно, заперты на огромный висячий замок. Да толку-то?! Кто-то из пудинских, наших же ровесников, показал лаз: по углу, через выступающие подстропильники – и под стреху. Одолев первую высоту, там уже было проще подняться вверх – просто по лесенкам, хоть и шатким да переломанным. И вот мы уже все на смотровой площадке каланчи! Боже! Какой обзор, всё Пудино, как на ладони. На все четыре стороны! Да что Пудино, – Лушниково с Останиным видно! И даже калиновские домишки, как спичечные коробки, рассеялись вдали. Аэропорт, взлётное поле, колхозные поля и пастбища. Видны и плотина, и извилистый Чузик, и Ольга с Коньгой... Аж дух захватывает! А три двухэтажных дома, что высились по улице Ленина и даже белёная школа, теперь уже вовсе не казались нам небоскрёбами.

Стой – не стой на верхотуре, а спускаться всё одно надо.

За старым зданием клуба, что напротив каланчи через дорогу, на большой поляне, развернулось строительство нового клуба. Большого, гораздо больше школы, – из свежего желтоватого бруса. Строительство его уже почти закончилось. Говорят, что в него уже даже и мебель всякую завезли. Вот-вот открыть должны торжественно. Правда, мусору вокруг, как и на всякой стройке, было предостаточно. Лежали ещё и штабеля неиспользованного пиломатериала.

На штабелях, метрах в пяти напротив друг друга, расположились две группки пудинских подростков. Кое-кто уже покуривал папиросы, картинно пуская изо рта дымки.

В одной группке мы без труда узнали младших братьев киномеханика дяди Паши – послевоенных Варэ и Генку. Они не раз приезжали с дядей Пашей к нам в Краснояр, когда тот привозил картину. С ними было ещё человека три-четыре, среди которых выделялся шустрячок – племяш братанов со странноватой кичкой Шкваря. Шкваря был моложе своих дядьёв всего-то на год-другой. Однако, похоже, он и был заводилой в одной из групп.

Было видно, что между группками существовала какая-то если и не вражда, то неприязнь. Подростки переругивались, напрашиваясь на стычку и не решались начать первыми, поскольку первые в потасовках – всегда виноватее вторых – а зачем начинали, заедались?!

Мы остановились поодаль и с любопытством наблюдали за пудинцами. Те же делали вид, что не замечают нас.

Перепалка сменилась молчанкой.

Брат дяди Паши Генка скороговоркой выдал известную нам молчанку: «Ехали татары, кошку потеряли, кошка сдохла, хвост облез, кто вперед заговорит – тот её и съест!»

Противоборствующие стороны замолкли, да ненадолго. Стали «тыкать» друг в друга пальцами, строили рожицы, показывали неприличные жесты...

Кто-то не выдержал, кажется, Варэ, и первым гнусаво заговорил оскорбительно в адрес противника.

– Ха-ха-ха! Ты и съел дохлую кошку! – закивал на Варэ произнёсший молчанку.

– А ты подлизал! – тут же парировала другая сторона в лице Шквари.

– А ты – поцелуйся со своею свиньёй!

– А ты – кот под хвост!

– А ты... А ты... Ты – Витя Хохликов!

– А ты – Вася Лысенко!

– А ты – Нольдик Останинский!

– А ты – Готя Калиновский!

«Перетыкалка», похоже, обещала перерастить в явную потасовку, в которой, чего доброго, могло перепасть и нам. А нам это было вовсе ни к чему.

– Пойдем лучше в раймаг, пока не закрыли на обед, – предложил Хом. Ему не терпелось купить рыболовные крючки, деньги на которые он так рачительно заныкал.

Попрыгав по деревянному настилу огороженной под беседку танцплощадки, мы оказались на улице Ленина, которая славилась свои-

ми Ленинскими воротами. Ворота были выполнены наподобие триумфальной арки, из досок, полые внутри, куда лазали местные пацаны, будто на пожарную каланчу. От дождей, солнца и зимних холодов краска на досках Ворот местами отслаивалась меленькими кусочками-щепочками.

– 5 –

Раймаг! Слово-то какое. Поистине – рай. Чего там только не было?! Глаза наши разбежались от обилия разных товаров, так необычно пахнувших. Впрочем, не было тут продуктов, в отличие от наших смешанных деревенских магазинчиков. И продавцов тут было три или даже четыре. Среди них – один мужчина, лет тридцати-пяти-сорока. Иван Родионович! Он-то, кажется, и был тут за директора или заведующего. И почему-то всё больше прохаживался за прилавком около продолговатых тюков разноцветной ткани. Разумеется, с деревянным метром в руках.

Спортивные и культтовары находились в небольшом закутке. Сверху, на полках стояли два баяна, поблескивая лакированными боками и чёрно-белыми пуговками басов и голосов. Висели гитара с балалайкой. И даже – невиданный музыкальный инструмент – труба. Тут же притулились пионерский горн с барабаном. Под стеклом, рядом с прочими товарами лежала и губная гармошка из морёного дерева, поблескивая никелированной отделкой. А вот свистулек, к нашему разочарованию, не оказалось. Никаких, не то что пластмассовых соловьёв.

В углу стояли лыжи. Настоящие, не самодельные, какие делал зимой Серёжка, и на которых мы катались с горки. Большие. На загнутых носках лыж, покрытых жёлтым лаком, в синеватом кружке, красовался полосатый уссурийский тигр. Тут же продавались и крепления к лыжам – мягкие и полужёсткие. Мы-то свои крепления-юксы делали из сыромятины самодельной, а тут – фабричные! А ещё – палочки деревянные. Только палочки – баловство, мы и без них прекрасно обходились. В крайнем случае – можно было и самодельные сварганить, из ошкуренной пихты или из черёмухи.

Но всё это нас интересовало постольку-поскольку... Взоры наши приклеили немудрящие рыболовные снасти. А их-то как раз было меньше всего. На витрине хаотично располагались пара мотков желтоватой лески-жилки,

на мотовильце – капроновые нити, потускневшие от времени изогнутые латунные блёсны-дорожки с крупными тройниками, на рогульке – жерлица.

А ещё – крючки! Вот они-то и нужны были нам. Выбор крючков, к сожалению, был невелик. Крупные – на язей да щук и мелкие – заглотыши. Крупные крючки лежали в продолговатой коробке. Заглотыши были расфасованы в целлофановые махонькие пакетики по десятку. И стоил такой пакетик – сорок копеек. А вот на чебака с карасём крючков тут не оказалось. Ладно, хоть заглотышей на гольянов да пескарей набрать можно. Мы взяли по пакетику. Каждый. Даже разочарованный Хом – заглотыши, хотя гольяны для него уже были детской забавой.

От раймага вниз спускалась пыльная дорога, ведущая на плотину. Ещё одна достопримечательность Пудина.

На плотине – не только запруда, которая поднимает и держит воду до метра выше обычного, там находились лесопилка и мельница. А ещё – электростанция. Ни в Краснояре, ни в Калиновке электричества нет. Всю зиму первого и второго классов в школе мы отзанимались с керосиновыми лампами, что стояли на партах. И уроки вечерами готовили дома тоже с керосиновой лампой. Лампочку электрическую видывали лишь, когда кино привозили, да заводили на улице пахнувший бензином тарахтящий движок. Вот радости-то было, когда лампочка загоралась в зале-классе перед самым началом сеанса! А ещё – на экране можно было получать от лампочки кинопроектора тени, всячески изгибая свои руки и пальцы: гогочущих гусей, гавкающих собак, кошек, просто дули и прочую чепуху... Но это – если хорошо попросить дядю Пашу, чтобы он включил проектор вхолостую.

Перед плотиной распростёрлось продолговато-изогнутое озеро, в котором мы тут же и искупались. Вода в озере была уже совсем тёплой, не то, что в Чузике, где со дна даже в июльскую жару били ледяные ключи. Там долго не купаешься, вмиг губы посинеют и начинает бить колотун. Тут же мы плескались, ныряя, брызгаясь и играя в догоняшки, должно быть, не меньше получаса. Хом с Петькой даже переплывали на ту сторону озера, а я дотянул только до середины и повернул обратно: не так уж давно я и плавать-то научился. А если точнее, то этим летом. В своём озерке, что под

школьной горой в Краснояре. Всё прыгал сперва на одной ноге, отталкиваясь ото дна, булькая другой, пока не добулькался и не ушел под воду с головой. Тогда и поплыл. Как-то само собою это и получилось, я даже и не понял как. Просто поплыл и всё, по-щенячьи.

На плотине мы пробыли недолго, понаблюдав, как тут, ниже водопада удочками ловят всякую рыбу. Прямо из бурлящей круговерти. Да рыба-то всё – не чета нашим пескарям с гольянами – крупняк в основном: окуни-горбачи, чебаки – шириной в полторы ладошки. Даже подъязки проскальзывали.

– Гли-кось, какого подъязя выволок!– с завистью восторженно сказал Хом. – У нас таких мало...

– А знаете почему?– встрял Петька Беков.

– Почему?! – почти в голос поинтересовались мы.

– Папка сказывал, что это плотина рыбу дёржит. Не даёт подняться до нас...

– Эх, подвзорвать ба её!– высказался Фока Кубецкий.

– Ага,– испуганно произнёс Тимка. – Вам бы, кубекам-немекам, только ломать да взрывать всё...

– Дык всем ба польза была от этого,– оправдывался Фока-вражина, с которым мы заключили временное перемирие. – Рыбы, поди-кось у нас тада было поболее, чем тута...

Интересней всего и страшнее было стоять на нешироком мостике, где прямо под нами скапывалась по деревянным желобам коричневатая вода и падала, бурля, вниз, в пенную пучину. Я стоял и пугался одной мысли: а вдруг кто толкнёт тебя или голова закружится, да упадёшь с этого моста прямо вниз... Поди, уже никогда и не найдут тебя вовсе, утянет куда-нибудь в самую глыбь, засосёт под коряжиной или какой-нибудь доской с бревном...

А ещё на плотине всегда стоял шум от падающей воды, работающего мотора, вибрирующих жерновов мельницы, так что и голоса-то свои мы слышали совсем плохо.

Возвращаться назад мы решили не через Пудино, а минуя его, низом, мимо Копытного озера, вдоль Ольги-речки и через маслопром.

Маслопром – ещё одно интересное место для нас, пацанвы. А знаете почему?! Ни за что не догадаетесь! Сказать?! Так и быть, открою

тайну. На маслозаводе, куда свозили из ближних деревень молоко и сметану, сбивали масло. Ну, это-то всем понятно. Сбитое масло формовали в жёлтые брикеты и самолётом отправляли в Томск. А помимо масла... помимо масла там из обратного обезжиренного творога делали... казеин! Улавливаете?! Казеин! Да это же...! Да за него можно что хочешь выменять? «А для чего?» – скажете вы. Ну и чудные! Да всякий пацан знал, что казеин хорошо горит, а ещё лучше – тлеет. А стало быть, он поинтереснее всякого пороха или головок серных спичек.

– Ну, и что дальше? А дальше то, что если начинить пустую гильзу ружейного патрона кусочками казеина да поджечь его, а пока этот казеин потихоньку шаёт в патроне, забить патрон до половины в спиленную чурку и подождать некоторое время – так жажнет!!! Патрон этот летит будто пуля или снаряд какой! Метров на сто, поди-кось! Не всякий раз потом его и отыщешь-то! Иногда и вовсе запросто разорвать даже может. Так-то...

Ладно, помимо прочего, казеином этим можно даже рыбу глушить. Только тут надо найти пустую бутылку. Опять же натолкать вовнутрь бутылки через узкое горлышко казеина, поджечь его, а горлышко туго забить пробкой. И успеть бросить эту бутылку в воду... Лучше в омут, где поглыбже. Ну, а дальше – ясное дело – собирай себе на здоровье всякую рыбу. Может даже и щук с язями... Правда, никто из нас, пацанов, пока ещё рыбу таким образом не добывал, но от взрослых слыхивали. Вот вам и казеин – что делают на маслозаводе из обезжиренного творога!

В маслопроме – одно большое деревянное здание да несколько помещений, стоящих отдельно. Всё это обнесено широкой тесовой оградой. Ну, ограда-то нам не преграда. Нашли лаз с оторванной доской снизу. Проникли на территорию маслозавода. Запашок тут, я вам скажу, пошибчее, чем у нас на молококанке. Кислятина, одним словом... Казеиновый «цех» находился на отшибе – небольшая сараюшка, никем и не охраняемая. А там – на полках, на мелких металлических листах лежали и сушились белые творожные кусочки... Ну и казеин... Набрали, на всякий случай, побольше, какие посуше, и – тикать, пока не засекли. Уже за маслопромовской оградой пробовали спичками поджечь. Этот ворованный казеин загораться ни в какую не хотел. Ну, и куда его теперь?!

– Должно, недосушенный, – высказал предположение Кузя Попов.

– Может, его ещё дома посушить, на печке, – сказал я.

– Вряд ли... – многозначительно произнес Хом. – Однако, его где-нить в городе доделывают. И плавят. А уже из расплавленного отливают всякие игрушки. Куклы там разные, уток, попугаев, погремушки...

– И чё теперь с ним делать будем? – спросил Тимка.

– Выкрасить да выбросить, – хихикнул Фока.

– Ага, краску на него ишо тратить... – буркнул Кузя Попов.

И мы безо всякого сожаления опростали наши карманы от бесполезного казеинового сырья.

Облом случился и на порту. Так манившие нас метеошары, оказались недоступными. Сколь ни пытались мы просунуть сквозь узкую дырочку проволочный крючок, намотать на него шар оказалось непросто. К тому же, нас опять шуганул от окошка бдительный страж.

Зато в Калиновке мы попали на омут. Не омут – прям омутище! Куда там всем нашим красноярским до него... Метров в сто, наверное, шириной. Или даже поболее будет. И глубина... Прямо от берега, с нырялки, едва дна доставали, а ближе к середине – никому и не удавалось.

Так вот, накупались мы там до посинения. В догонялки играли. И прыгали с качающейся широкой доски-нырялки. Один раз я даже сорвался с неё и плюхнулся прямо на брюхо. Весь живот отбил до красноты. А Фока-гад смеялся надо мной. Но главное – я насмелился и переплыл тот омут. Туда и обратно. Сам! Фока – и то струсил, а я поплыл. Сперва думал только до середины доплыть, а потом и дальше поплыл. Правда, Хом с Сашкой, нашим новым знакомым, по бокам плыли. Вроде, и не страшно вовсе было. Отдохнул только раза два на спине, набрав по совету Хома в себя воздуха побольше. А на той стороне омута – песчаный нанос, бугор такой. И песок – чистый-пречистый! Белый-белый! И горячий! Позагорали на нём. Хорошо, что папка не увидал, как я переплывал омут.

А от папки-то мне и без того досталось. За то, что самовольно, без спросу ушли.

Нехорошее предчувствие у меня возникало всю обратную дорогу. Ну, просто, будто кто там нашептывал мне изнутри: «Ох, и попадёт тебе, Витька, за самоволку!»

Петькин картуз мы нашли на земле, свалился с дерева. Или кто его нарочно сбросил. Весь в грязи и коровьем дерьме. Хотя и подсохший маленько. Петька его даже на голову надевать не стал. В руках так всю дорогу и нёс. А вот змеи в том месте, где её бросили, не оказалось. Видать, птица какая утащила. Может, ворона. Или коршун какой. А, может сова. Только я где-то слышал, что совы охотятся лишь ночью, а днём спят.

Со взгорка, между второй и первой сланями, показались дома нашего Краснояра. Солнышко уже далеко в сторону Ляхова переместилось. И уже к земле припадало.

От Краснояра, оставляя шлейф пыли и сизоватого дыма, дребезжа и натужно ревя, двигался нам навстречу мотоциклист. В Краснояре мотоцикла ещё ни у кого не было. Только велик с моторчиком – и то у одного Вовки-Кирияна.

Мотоциклистом оказался... мой дядя Толя. На новеньком мотоцикле-козле. Приезжал брату, папке моему, стало быть, похвалиться. Купил он его совсем недавно. Да и что это за расстояние в двенадцать километров для мотоцикла?! Поди, и получаса не едет! Не то, что мы, пёхом: однако, из Пудина уже часа три добираемся.

Мотоцикл был не таким уж и большим, но новым. Блестел, как глянцевые бока у дяди Толиного баяна. У дяди Толи и баян есть. Не то, что у нашего папки – гармошка да велик.

И гармошку, и велик папка мне лишь нынешним летом брать разрешил. И то лишь со спору.

А недавно, уж как так получилось?! Катались мы на великах с Тимкой. Тимке купили новенький «подросток». Ну, а я на взрослом гонял. Разогнались мы с ним наперегонки. Я его, конечно, доконал. Да так брякнулся в какую-то канаву, что у велика что-то хрустнуло. И сам я весь ободрался. Велик тот пришлось вести до дома в руках. Оказалось – я сломал раму. Переломилась у основания. Замазали мы с Тимкой перелом грязью, чтобы папка не заметил. Куда там... Ох и поматерился же папка!!! Он-то ездил на том велике уже лет десять – и ничего, а я сразу же и сломал. Он говорит, что сломя голову, постоянно крутя педали, только дураки

одни ездят. Сам-то он крутанёт раза три-четыре, и катит, крутанёт – и катит. Так и ездит, не спеша. А мне так не интересно. На то ведь и велик, чтобы на нём гонять. Снял папка тогда колесо (сперва думал, что я ось сломал), а когда увидел сломанную раму – так шарахнул мне тем колесом по кумполу, что у меня тут же шишак вскочил. А папка сам испугался...

Дядя Толя тормознул перед нами. Посмотрел на нас, горделиво восседая, будто на хорошем жеребце:

– Ну, как мой конь?! – заулыбался он.

– Здоровски!!! – завосхищались мы все.

– За двадцать минут от Пудина доехал, – похвалился он. – А по хорошей дороге можно и побыстрее... А вы-то где были? Дома потеряли тебя совсем. Уже везде обыскались. В Пудино, что ли, ходили?

– Но-о... – потупился я.

– Что-то я вас там не видел... Ну-ну, идите домой. А тебе отец уже гостинец приготовил, – интригуяще произнес он и поехал дальше.

От такой вести у меня сразу настроение испортилось. Хуже, чем от встречи со змеей. Знаем, какой гостинец. Догадываюсь... Ладно, если ремнём дело обойдётся. А то может опять шандарахнуть тем, что под руку попадётся... С него станется. Про матерки уж и говорить не приходится. Тут папка по всякому может: и по-русски, и по-своему – по-болгарски да молдавански.

– Явился – не запылится! – с издёвкой начал отец. – Где был?!

Тут же и мама с бабушкой. И брат с сёстрами.

– Мы все глаза уж проглядели, обыскались везде, – осуждающе заговорила мама.

– Где вас только черти носят... – буркнула бабушка. – Дома им никак не сидится.

– Где был?.. – извергая потоки трёхэтажных матов, налегал отец.

– В Пудино ходили...

– Щас я те покажу Пудино!.. Я те дам Пудино! Будешь сидеть у меня на цепи, как Борзик! Раз тебе дома места не хватает... Я тебе покажу и Пудино, и Кулики, и Парабель с Томском!..

Мне сделалось тоскливо-тоскливо. И обидно до невыразимости. К тому же голова разболелась, просто до рвоты... Будто папка опять меня по ней звезданул.

– Иди, поешь, – сказала бабушка, – голодный целый день.

– Не хочу я есть, – с комом в горле и со слеза-

ми выбежал я в ограду, а затем – в избушку, где варили свиньям и курам корм.

Закрылся на крючок. Есть хотелось, будто я не ел дня три. Слезы обиды душили меня: ну, чего такого я натворил?! Ну, сходили всего лишь в Пудино. Без спроса. Зато сколько всего там насмотрелись... Здесь бы и за всё лето столько не увидали... Вот вырасту большой... Или нет. Пусть лучше умру. Прямо сейчас, здесь, от голода. И не открою им никогда... Ни за что... Пусть и не просят даже...

И так захотелось умереть. Чтобы они все потом жалели меня и плакали...

Моё одинокое затворничество длилось не так уж долго. Может с полчаса, может чуть больше. Пару раз уже стучались мама и бабушка. Но я упорно не открывал.

Из ограды нашего дома стали доноситься какие-то оживленные возгласы, меня не касающиеся. Я различал слова «Пожар!» и «Где-то горит!» Любопытство взяло верх. Я покинул свою келью и надутый от обиды и головной боли вышел во двор, а оттуда на улицу.

Со всех близлежащих домов, уже повысыпал разновозрастный люд. Все показывали и смотрели на север: в стороне Пудино, в полнеба полыхало зарево. Там, откуда мы совсем недавно вернулись. Зарево – явного пожара. Что горит? Где горит?!

Как выяснилось вскоре, в Пудино горел новый клуб, где мы были всего несколько часов назад... Доигралась-таки ребятня со спичками... Сгорел подчистую.

Обида, как известно, сглаживается, затухает и проходит. И умирать вовсе уже не хочется спустя некоторое время. Тем более, когда у тебя вся жизнь ещё впереди. И с отцом мы помирились, не говоря уже про маму и бабушку.

С той поры минуло уже более пятидесяти лет.

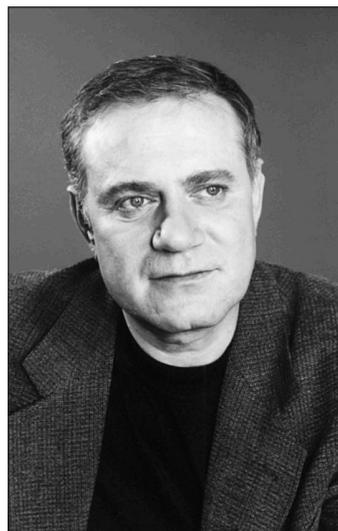
Может, и не совсем происходило всё так, как я тут рассказал.

Может, я кое-что здесь перемешал и чуть-чуть сместил во времени?

**Николай
ИГНАТЕНКО**

**ВОЗВЫШЕННОСТЬ –
НЕВОЛЬНАЯ ЧЕРТА**

* * *

*Снег сошёл.
Лёд, как утренний дым.
Наконец-то беременны реки
от под лёд подступившей воды,
а казалось – замёрзли навеки.*

*Снова в горле пульсирует ком,
от предчувствий и от пробужденья,
будто всё это будет потом –
и весна и моё возрожденье.*

* * *

*Ледоход на Томи. И я мысленно с ним.
Подмывает туда устремиться,
где звериное шествие вздыбленных льдин
да внезапно возникшие птицы.*

*Ледоход. Он как жизнь: не воротись назад,
русло грубо пройдёт, без утайки.
Знать бы, льдины о чём меж собою шуршат,
да кричат ошалевшие чайки.*

* * *

*Сорок лет мы с тобою приятели, Томск,
с абитуры гулять пристрастился.*

*От ростральных колонн, обозначивших мост,
чтоб в Ушайку трамвай не свалился,*

*до обрыва к Томи – там, где Лагерный сад,
полчаса прошагаю с улыбкой,
по пути наполняя в душе тихий сайт
всем увиденным, вспомненным, зыбким.*

*Томь река – под обрывом, за нею простор.
И – восторг, и мурашки по коже...
Жить и жить бы еще, ну, хотя бы лет сто –
всё равно не нажился бы тоже.*

*А прогулка дает новый импульс крови,
и опять я бесстрашен и молод.
Город встреч и потерь, город первой любви,
жизни всей моей прожитой город.*

*Мы еще поглядим на твои купола!
Мы еще погуляем беспечно.
От тех мест, где ушедшая юность цвела
и до тех, где мы ляжем навечно.*

*Но по нам, уходящим, ты, Томск, не грусти,
праздник жизни в тебе – нескончаем.
Скольким людям тебя предстоит обрести!
Вот наступит зима – подсчитаем.*

ИГНАТЕНКО Николай Алексеевич, родился 19 декабря 1946 года в городе Прокопьевске. Закончил Томский государственный университет, защитил кандидатскую диссертацию и двадцать лет работал доцентом на механико-математическом факультете. Стихи начал писать и печатать со школы (газеты «Шахтерская правда», «Комсомолец Кузбасса»). В 1995 был принят в союз писателей России, и перешел на работу в журнал «Сибирские Афины». Публиковался в журналах «Наш современник», «Литературная Россия», «Простор», «Уральский следопыт», «Алтай», «Сибирские огни», «День и Ночь», альманахах «Академия поэзии», «Встречи», «Континент-Обзор». Автор 8 книг стихов. Живёт в Томске.

* * *

Виктору Колупаеву

Мы сидели на Кирова в сквере.
Временной ли, пространственный пласт
ты словами скреплял. Я поверил,
хоть и знал: Колупаев – фантаст.

Это было в двухтысячном. Летом
бабьим. Да и под вечер чуть-чуть,
и со мной, неизвестным поэтом,
говорил ты – великий молчун.

Как добрался умом до выси,
от которой, наверно, угас?
И какие великие мысли
ты молчал среди суетных, нас?

Нет у времени памяти. Может,
у пространства? Да кто же поймет?
И зачем до сих пор меня гложет
разговор незаконченный тот?

* * *

Эдуарду Бурмакину

Октябрь. Въедливая слякоть.
Листва последняя летит.
Души израненная мякоть
всё кровоточит, всё болит.

А ветер грубо, пристававуче
рвёт полы тонкого пальто.
И это есть тот самый случай
сказать, что живы мы – зато.

Мы вовсе не сродни природе —
зимой она почти мертва.
А вот у нас, назло погоде,
душа озябшая жива.

* * *

По крыше дождь – как снотворное,
с утра – небосвод голубой.
Проснуться в деревне – здорово,
особенно рядом с тобой.
Мой дом из сухого дерева,
он молод, ему двадцать лет,
он думает, что ты стерва,
а я улыбаюсь: «Нет».

Ты просто – райская птица,
ты в доме, как в клетке, живешь.
Он только тебя боится,
он думает: подожжешь.
Печалится, что из дерева
и жил-то лишь двадцать лет,
и думает, что ты – стерва,
а я улыбаюсь: «Нет».
Жалуется соседям,
что тянешь меня в города,
боится, что мы уедем,
и я улыбаюсь: «Да!»

* * *

Придавила крылья осени
снегом ранняя зима.
Ты совсем меня забросила,
одинокая сама.

На работу ходишь, в гости ли —
твой тебе начертан путь.
Я хотел на крыльях осени
улететь куда-нибудь...

ЗАКАТ

Июньский вечер. На траву
вот-вот опустится прохлада.
Там, где кончается ограда,
я лягу, глядя в синеву.

Потом взгляну из-под руки,
как за рекой, лучи скрывая,
закат бесшумно догорает,
роняя в воду огоньки.

А на Оби такая гладь,
как будто кончилось течение,
как будто в данное мгновенье
река решила умирать.

У ивы листья вороша,
вдруг воздух двинется в дорогу.
Наверно, это рвется к Богу
реки бессмертная душа.

* * *

Зажгите звезды, погасите свечи,
коснитесь лбом холодного стекла.
Как быстро наступает зимний вечер,
как быстро наша молодость прошла!

Вон в небе Путь проглядывает Млечный,
и в сердце холод продолженьем тьмы.
Конечно, жизнь поток являет вечный,
вот только жаль, что в нем не вечны мы.

Мы все частицы вечного стремленья
рассеять мрак, дать жизнь своим мирам.
Ах, скольким еще вспыхнуть поколениям
и скольким еще гаснуть, как и нам!

Стекло в окне остудит лоб горячий,
и голос бездны снова станет тих.
Как горько, что не может быть иначе,
что мы не больше, чем одни из них.

Не главное ли нам предназначенье:
исполнить жизнь, дать продолжение ей?
Бушует в окнах зимнее свечение.
Не потому ли грусть еще сильней?

МЕТЕЛЬ

Михаилу Андрееву

Метель! Как здорово, ей-богу,
идти, отворотив лицо,
ногами находя дорогу,
уткнуться, наконец, в крыльцо.

И снег, стерев с лица ладошкой,
в избу, как в теплую купель,
войти и кинуться к окошку:
какая чудная метель!

* * *

Возвышенность – невольная черта
ландшафта или вдохновенья.
Топтать газон, не делать ни черта
и брать тайком у птиц уроки пенья.

Потом упасть на рыжую траву,
глазами в кроны сосен упираясь,
и чувствовать всем телом, что живу
и умирать пока не собираюсь.

* * *

Ну и ладно! Высокой не будет судьбы.
Будет дом, будет дым из высокой трубы,
и – поленья гореть, обращаясь в тепло
будут так, чтобы было на сердце светло...

Но, наверно, высокой не будет судьбы.
А хотелось бы выше взлететь городьбы,
устремиться бездумно в небесную высь,
куда искры из печки уже поднялись,
рассмотреть на земле потаенную пядь,
где захочется мне и тебе умирать.

* * *

В кругу друзей прошедшим летом
мне стала истина ясна:
поэты пишут для поэтов,
но им сочувствует страна...

СЕСТРИЧКА КАТЯ

Тебя под белым халатиком,
так мало, ты так воздушна,
что назову тебя Катиком,
не Катей и не Катюшей.

Бежишь по палате ртутью,
улыбчива, брови стрелочками.
Неужто близка ты сутью
со всеми другими девочками?

О них и думать не хочется,
души в них нет как субстанции.
Им плачется и хохочется,
но не на моей станции.

А я под твоим халатиком
воображений настрою башни
и назову их Катиком
и спрячу от глаз подальше.

ГИТАРА И СЛОВО

Страсть гитары. Вино «Мадера».
Струнный всплеск как испуг, как зов.
У тебя такая манера
петь, едва лишь касаясь слов.

И хоть звук гитары роскошен,
а твой голос, как шелест листов,
все равно мне, милая, тошно
быть навечно галерником слов.

Ни компьютера, ни бумаги
не хочу под рукой иметь.
И в груди зреет ком отваги,
заставляя скандалить и сметь.

*Я бы мог записать словами
непечатую нежность души
ту, которая между нами,
та, что требует: не дыши!*

*Но ведь это – опять потеря,
якорь слов тормозит восторг.
Я в любовь обреченно верил,
но не верил в ее итог.*

*Потому что в подлунном мире,
где твой голос и нежен и нов,
даже рядом, в твоей квартире
я навечно галерник слов.*

*Друг для друга кто интересен
так, что бросить творить готов?
Как быть страстным помимо песен
и влюбленным помимо слов?*

**Анатолий
ЯРМОЛЮК**

ЭКСПРЕСС В ЗУРБАГАН¹

Повесть

1

...Зря, конечно, я полез за этим дураком в холодную, почти ледяную воду. Подумаешь, ситуация: убегает от тебя мелкий воришка, ты, естественно, бежишь за ним, потому что, собственно, в том и заключается твоя работа сыщика – выслеживать и догонять, воришка чувствует, что ему не уйти, впадает в отчаянье, с разбегу ныряет в подвернувшееся на пути озерцо, выныривает, утверждает на крохотном островке посреди озерца, и начинает обзывать тебя оттуда всяческими погаными воровскими словами: нырни, дескать, ментовская твоя морда, вослед за мной, если ты такой прыткий!

Ну и, казалось бы, что с того? Мало ли их, таких, убегало от меня за всю мою многотрудную милицейскую жизнь, и мало ли всяческих поганых слов я от них слышался в свой адрес?

Разумеется, мне не следовало нырять вослед за этим уродом, а даже совсем наоборот – надо было бы усестись на бережку, перевести дух, утереть трудовой пот и преспокойно ждать, когда вору одолеет тоска и холод и он сам вылезет на берег – прямо ко мне в руки. Потому что – куда он, оглоед, мог еще деваться? Противоположный берег озерка глинист и обрывист, это же надобно

крыльями обладать, чтобы очутиться там... куда бы он, повторю, от меня делся?

А меня, дурака такого, обуяли амбиции, во мне клокотал неудовлетворенный азарт погони – ну, я сгоряча и нырнул, чего воришка никак не ожидал, а оттого впал в прострацию и отдался в мои руки почти без всякого сопротивления. Я выволок гада на берег, сгоряча накомстылял ему по шее и отволок затем в отделение, а на следующее утро слег с жесточайшей простудой и провалялся в таком состоянии целую неделю.

Оклемавшись, я предстал перед своим непосредственным начальством – Батей. С Батей нас связывали давние дружеские отношения. Мы вместе заканчивали одну и ту же школу милиции, вместе затем, будучи неоперенными лейтенантами, гонялись за всяческой уголовной сволочью. Но затем у Бати стали проявляться разнообразные организаторские таланты, он стремительно попер по служебной лестнице, и теперь был начальником райотдела, подполковником и кандидатом в полковники, в то время как я навечно застрял в майорах и старших оперуполномоченных угрозыска.

Ну да ладно, не в этом дело: рассказать я намерен совсем о другом...

¹ Сокращённый вариант

ЯРМОЛЮК Анатолий Владимирович родился в 1958 году на Западной Украине. С 1981 г. живёт в Прокопьевске. Учился в Одесской специальной школе милиции и Новокузнецком пединституте. Работал оперуполномоченным уголовного розыска, учителем, рабочим на заводе, частным детективом, корреспондентом местных и центральных СМИ. Прозаик, критик. Победитель всероссийского конкурса на лучшую повесть (издательство «Сова», г. Москва), всероссийского конкурса на лучший рассказ (издательство «Олимп», г. Москва). В 2005 г. в московском издательстве «Гелос» вышел роман «Нежная душа уroda». Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Живёт в Прокопьевске.

– Явился, нырятьщик? – встретил меня Батя. – Седой уже наполовину, а как был дураком, так им и помрешь! Вот ответ ты мне – какого лешего ты полез в озеро в такую-то погоду? Ладно бы тот гребаный воришка был какой-нибудь крупной птицей – а то ведь так, мелочь косопузая! И это в то самое время, когда в отделе работы невпроворот, а работать, как всегда, некому! Некому работать! Один сдуру ныряет в озеро и отлеживается затем целую неделю, другой разводится и никак не разведется с женой, у третьего – понос, у четвертого – золотуха... А отвечать за все должен Батя! Нет, решено: с завтрашнего дня начинаю задумываться о пенсии! А что? На пенсии – хорошо. Капусту буду выращивать...

– Ладно, Батя, – примирительно сказал я. – Капуста от нас никуда не уйдет. С капустой – успеется. Раскаиваюсь и готов немедленно приступить к самой черной и неблагоприятной работе: выслеживать карманника, беседовать о нравственности с проституткой, допрашивать сексуального маньяка...

– Стоп! – сказал Батя, и на лице его появилось преехиднейшее выражение. – Заметь, ты сам напросился. Сам! Это я к тому, чтобы ты потом меня не упрекал и не таил на меня лютой злобы: вот, дескать, удружил... Стало быть, так. Есть в нашем отделе одна дюже замечательная следовательница. Ну, ты ее знаешь: Медуза. И имеется у нее одно тухлое дельце. О развратных действиях в отношении несовершеннолетней. Дельце хоть и тухлое, но горячее. А к тому же – еще и Медуза занимается... Там нужно кое-что доделать и кое в чем Медузе помочь. Такая, значит, закавыка...

Медузу в нашем отделе никто не любил, потому что она была стервой просто-таки на генном уровне – из-за чего, собственно, и получила такое скользкое и холодное прозвище. Ладно, была бы она хоть красивой: красивые стервы переносятся как-то легче. А то ведь – матушки вы мои родимые! В нашем отделе Медузу называли еще «штрафбатом» – по той причине, что Батя обыкновенно отправлял работать с ней в паре самых отъявленных сыщиков-штрафников. После Медузы все они становились просто-таки шелковыми агнцами. Великим педагогом и психологом был Батя.

– Ну, Батя, спасибо тебе! – услышав о задании, сказал я. – Кланяюсь тебе поясню! Век не забуду такой твоей милости! В чем хоть суть это дельца?

– Да суть-то немудрящая. Развратные действия в отношении несовершеннолетней.

– Понимаю. Я обязан найти растлителя.

– Как раз наоборот, – сказал Батя. – Любодей найден и без тебя. Задержан, так сказать, с поличным, и сидит у нас уже целые сутки. А вот самой развращенной – не имеется. Ее-то ты и обязан отыскать.

– Что-то я не понял. Это как же так получается, а? Преступник, стало быть, присутствует, а объекта посягательства, то есть потерпевшей, нет? Тогда какой же он преступник – без потерпевшей? Откуда же известно, что он преступник? Может, и растления-то никакого не было?

– Имеется заявление матери этой девицы, – грустно сказал Батя. – А поскольку растленная – малолетняя личность, то в соответствии с законом... короче, сам понимаешь. Имеются и свидетельские показания. Имеется и сам растлитель, взятый на горячем. Он, разумеется, все отрицает... но вот же он, черт бы его побрал! Присутствует также весьма нехороший общественный резонанс. Мамаша той юной развратницы наняла адвоката... ну, ты его знаешь, это Моня... он, как водится, поднял гвалт на весь город... короче, и здесь тебе все должно быть понятно. Не имеется только самой совращенной, которую ты обязан в течение двух суток отыскать и доставить для допроса к Медузе. Иначе по закону мужика надо будет выпускать, что весьма нежелательно. Нигде ее нет: ни дома, ни в школе... впрочем, сейчас, кажется, летние каникулы, так что... Дерзай и держи меня в курсе дела.

– А сколько ей лет, этой развращенной и соблазненной? – спросил я.

– Вроде как семнадцать, – кисло ответил Батя. – А прелюбодею – сорок один.

– Оно конечно... – сказал я в раздумье. – Нехорошо получается... гадостно. Слушай, Батя. А, может, этот самый маньяк ее того... И – где-нибудь по частям зарыл. Маньяки – они такие...

– Исключено, – сказал Батя. – Сказано же – он был взят с поличным... в момент... э, черт... в момент самого совращения. Его, значит, взяли, а она под шумок и того... сбежала. Такие дела.

– Но коль она сбежала, то, может быть, никакого такого растления и не было? – предположил я. – Может, между ними была пламенная любовь, а? И – все происходило по взаимному согласию? Иначе – зачем ей было убежать? Ее, понимаешь ли, пришли вызволять из рук маньяка,

а она вдруг взяла и убежала. И до сих пор скрывается... Нет, Батя: здесь, мыслится мне, – любовь...

– Это между сорокалетним и семнадцатилетней?

– Ну, а что тут такого? Любовь, знаешь ли, – материя тонкая. Любви, да будет тебе известно, все возрасты покорны, ее порывы благотворны...

– Пошел ты со своей лирикой знаешь куда? – окрысился Батя. – О такой любви очень хорошо сказано в уголовном кодексе! Развратные действия в отношении несовершеннолетней! Плюс Медуза. Плюс Моня. Плюс журналисты и проверяющие. Все: иди и не выводи меня из себя своими неактуальными рассуждениями! Лирик хренов!

* * *

Из кабинета я вышел с поникшей головой.

Дело изначально мне не понравилось. И не потому, что оно было слишком уж заумным и хлопотным. Подумаешь, найти семнадцатилетнюю девчонку! Сегодня же к вечеру или завтра к утру и найду! Суть была не в девчонке.

Суть была в ином. В отсутствии внутренней логики, что ли. Для чего, спрашивается, было той девчонке убежать? Ее, видишь ли, освобождают, а она – убегает... Может, с испугу или в результате нервного потрясения? Может, и так, а только... Интересно, как, кто и каким образом маньяк выследил, и уж тем более – каким таким макаром этот маньяк был взят с поличным? Ну и ну... Ладно: надобно полистать уголовное дело. Авось за что-нибудь там и зацеплюсь.

Вообще-то, здраво рассуждая, я вовсе не был обязан вникать во все «почему» да «отчего». По сути, мое дело было телячьим – отыскать девицу и сдать ее на руки Медузе. Но – куда девать одолевшие меня с самого начала сомнения и терзания? Прошу прощения за лирическое отступление, но в своих собственных глазах я не был нерассуждающим держимордой-городовым. Я никогда не выполнял бездумно чьи бы то ни было поручения, в том числе и Батины. Так было и сейчас: мне прежде хотелось понять, в чем тут дело, и тем самым успокоить свою душу или совесть – я не слишком разбираюсь, чем одно отличается от другого. А затем уже, успокоенный, я стану искать и девицу...

Медуза находилась у себя в кабинете, и подкреплялась бутербродами с кофе.

– Вы что не видите, что я обедаю? – заверещала. – Шляются тут... пожрать спокойно из-за вас нельзя! Встретимся после обеда!

– Мадам, – сказал я, рассматривая ее острое лицо и перекошенный тонкогубый рот. – Я вовсе не посягаю ни на ваши бутерброды, ни на ваш кофе. От такой пищи, которую вы изволите сейчас употреблять внутрь своего организма, у меня обычно бывают схватки и еще изжога... да. Мне бы уголовное дельце насчет растления малолетней...

– А вы кто такой? – по-прежнему жуя, осведомилась Медуза, и такой ее вопрос тут же поверг меня в состояние тихого бешенства.

Как это – кто я такой? Наследный принц испанский, вот кто я такой! Чтоб ты поперхнулась своим гадким кофеем, Медуза ты проклятая!

– Старший оперуполномоченный уголовного розыска майор Якименко, – отрекомендовался я. – Получил приказ помочь вам в деле о развратнике. Отыскать, короче говоря, совращенную...

– Наконец-то! – рывкнула Медуза. – А что, никого лучше, чем вы, не нашлось?

– Никого, – сказал я, подспудно размышляя на отвлеченную тему о том, что ведь кто-то же целует тонкие фиолетовые Медузины губы! А, может, размышлял я далее, никто и не целует, и оттого она такая...

– Возьмите! – швырнула Медуза тощую папицу. – И через час – верните обратно! Да смотрите не потеряйте – а то знаю я вас, пьяниц! И отыщите мне эту малолетнюю... к сроку! А то я на вас – докладную... рапорт... генералу... прокурору!..

Остатки Медузиных угроз я дослушивал, отпирая двери собственного кабинета, который находился в другом крыле здания.

Войдя, я сел за стол и углубился в изучение дела. Дело было весьма хилое, маловразумительное и паршивое – как и все дела, которые вела Медуза. Однако кое-что я для себя все же нарыл.

Во-первых, меня заинтересовало место происшествия – иначе говоря, то самое место, где был взят с поличным растлитель. Это был старый вагончик, загнанный на веки вечные на запасные пути нашей городской железнодорожной станции. В протоколе осмотра подробно был описан и сам вагончик, и поросшая кустарником местность вокруг тупичка, где он стоял, и внутреннее убранство вагончика, являвшее собой

застеленный сеном пол вперемешку с цветами и кленовыми ветками, и даже надпись «Прокопьевск-Зурбаган», написанная мелом снаружи... Прокопьевск – это было понятно, это был наш город, а вот что могло значить слово «Зурбаган»?

«Зурбаган, – мимоходом подумал я. – Зурбаган... Нет, не помню... а ведь когда-то, кажется, что-то такое мелькало... Зурбаган. Зур-ба-ган. Н-да...»

Далее. Самого растлителя звали Евдокименко Андрей Владимирович, и был ему действительно сорок один год от роду. А работал он, между прочим, репортером нашей городской газеты под названием «Сплошная сенсация» – газете, надо сказать, препоганейшей, подлейшей, отображающей окружающую действительность до того предвзято и лживо, что даже селедку заворачивать в такую газету – и то было неловко.

Так, стало быть, растлитель – репортер этой газеты? Ну-ну...

Еще. Главными свидетелями в деле значились хорошо известные мне личности. Во-первых, это был мелкий пакостник гражданин Нечитайло Василий Петрович, гулявший на свободе исключительно потому, что у нас, у милиции, никак не доходили до него руки, во-вторых, его сожительница Валька Астролябия, в-третьих, некто господин Михаил Ефимович Косоротов – старый пьянчуга, трепач, сволочь, попутно наш милицейский осведомитель, известный, впрочем, всей округе не по имени-отчеству, а, большей частью, по дурацкому прозвищу Мыка, и в-четвертых – какой-то тип, именованный едва ли не по-шляхетски – Владислав Пневский. Этого последнего я не знал, но, подумалось мне, коль он водит компанию с такими субъектами, то, стало быть, и сам таков же.

И вот они-то – свидетели?

В деле имелось и то, каким образом моя родимая милиция напала на след растлителя.

Причиной всему был, оказывается, Мыка. В протоколе его допроса значилось, что однажды он в задумчивости шествовал по запасным железнодорожным путям (интересно только, какой дьявол его туда занес), и ненароком заглянул в одиноко стоящий старый вагончик, где и увидел все собственными глазами. Увидел – и как честный человек (в протоколе допроса так и значилось – «как честный человек»), да, так значит, как честный человек, сообщил обо всем увиденном в милицию.

Ну, а все прочее мне все было ясно и без протокола: соблазненная грядущей палочкой в графе раскрытых преступлений, родимая милиция тотчас же выехала на указанное место...

Вот только соблазненную девочку мои ретивые коллеги в суматохе упустили, а, может, в приступе служебного рвения даже запомнили, что на ней-то всё завязано.

Однако же, однако же... Где сейчас находится эта юная особа? Отчего она скрылась и не желает показываться?..

С чего мне начинать?

Может, с душевных бесед с Мыком, Васей Нечитайло и Валькой Астролябией? Да ну их к лешему: это – успеется, никуда они от меня не денутся.

Нет, начну с мамы.

Что-то в ее заявлении, на мой взгляд, было не так. Какое-то это ее заявление было не такое. На кой ляд она, эта мамаша, вообще его написала? Написала – да еще и наняла вдобавок самого склочного и подлючего в городе адвоката! Для чего, спрашивается, ей понадобилось с таким усердием перетряхивать перед всем миром испачканное, если можно так выразиться, бельишко своей дочери?

Да, кстати: о самой дочери в Медузином уголовном деле не говорилось ровным счетом ничего.

А вот о ее мамаше – косвенно – там было сказано. В деле имелось многословное, написанное мамашей собственноручно заявление, в котором требовалось привлечь к суду искусителя ее малолетней дочери гражданина Евдокименко Андрея Владимировича, и, кроме того, был весьма маловразумительный протокол ее допроса, из которого явствовало, что о развращении собственной дочери она узнала от самой Медузы, не поленившейся явиться к ней домой и состряпавшей затем свой убогий протокол. Может быть, сама соблазненная и развращенная девица и не была, так сказать, обременена моральными постулатами и нравственными запретами и, что называется, сама на все напросилась, но из этого же следовало, что теми же самыми постулатами не обременена была и мамаша!

В самом деле: ее семнадцатилетняя дочь не ночует дома, однако отголосков маминого беспокойства по сему поводу в деле никак не

чувствовалось. Зато, насколько я мог судить, ощущалось много фальшивых ахов и охов и прочего такого же фальшивого негодования по поводу личности развратника...

Нет, не нравилась мне эта мамаша, а оттого и беседовать с нею мне не хотелось. А вот побеседовать с самим растлителем – у меня желание было. Тем более что в протоколе его допроса я не понял-то ничегошеньки.

Ничегошеньки – за исключением одного: судя по всему, с этим Евдокименкой никто по-настоящему еще и не беседовал. А вот ежели с ним побеседовать по-настоящему, по душам, с применением разнообразных психологических изысков, то, может статься, картина его гнусного злодеяния покажется тогда более отчетливой, а, возможно, ее и вовсе не станет, той картины, а вместо нее вырисовывается что-нибудь другое... уж я и не знаю, что именно.

Да, надобно побеседовать с растлителем. А потом – будет видно...

* * *

...Он сидел передо мною на привинченном к полу табурете, а я неторопливо изучал его лицо, к своему неудовольствию видя, что это – никакое не лицо маньяка.

Передо мной был угрюмый, поникший, с тонким и очень усталым лицом человек – и никто более. Воля ваша, но маньяков с такими лицами в нашем подлунном мире не бывает. Ни тебе блудливой улыбочки, ни бегающего взгляда, ни показного бодрячества, ни фанатичного блеска в очах, ничего, короче говоря, такого, что обычно отличает маньяка от нормального человека, – а уж мне-то за мою милицейскую жизнь маньяков наблюдать приходилось! Лишь безмерная усталость...

Не знаю, отчего, но мне всегда нравились усталые люди: усталые, и те, кто не желает или не умеет скрывать свою усталость. Может, так было потому, что я и сам всегда чувствовал себя усталым путником, бредущим по долам и горам жизни... приношу извинения за столь высокопарный и не свойственный сыщику лирический жаргон. Мне всегда легко было общаться с усталыми людьми, а им самим, насколько я мог судить, было легко общаться со мной.

Итак, передо мной сидел безмерно усталый человек.

– Тебе сколько лет-то? – спросил я у него.

– Сорок один, – бесцветным голосом ответил развратитель.

– А мне – сорок два, – ответил я так, как будто это имело какое-нибудь значение.

Помолчали, и я задал очередной не относящийся к делу вопрос:

– Скажи, а там, на том самом вагончике – что за надпись? Прокопьевск – это понятно, а вот что такое Зурбаган?

– Разве вы никогда не слышали такого названия? – взглянул на меня любодей.

– Может, и слышал, – сказал я. – Но – забыл... Я много чего забыл за свою жизнь...

– Зурбаган – такой город. Далеко. У моря.

– У какого именно моря? – спросил я.

– Не все ли равно – у какого? – усмехнулся развратник. – У любого. И – ни у какого. Там, где хорошо, там и Зурбаган.

– И кто же живет в том Зурбагане? – спросил я.

Мне надобно было разговорить подследственного, расположить его к себе. Пес его знает – может, и тем же Зурбаганом. Тем более что мне и впрямь было интересно, – а что же это за такой Зурбаган? Отчего это непонятное мне слово смутно меня беспокоило.

– Кто живет в Зурбагане? – переспросил он. – Хорошие люди. Добрые, немножко лукавые старики, отставные пираты и сошедшие на берег матросы, беспутные веселые бродяги и прекрасные смуглолицые женщины...

– На этой земле такого города быть не может, – сказал я.

– Как сказать... Если верить, то – может.

– А, понимаю. Мечта. Так сказать, прекрасный мираж. Если верить... то конечно... да. Ну, а на том самом вагончике – для чего там была такая надпись?

– А это был не вагончик, – явственно дрогнувшим голосом ответил он. – Это был экспресс. Маршрут «Прокопьевск-Зурбаган»...

– Экспресс – это поезд, который идет без промежуточных остановок, не так ли? – спросил я.

– Да. Именно так.

– Экспресс, в котором всего два пассажира... – осторожно произнес я.

– Да, – тихо сказал развратитель. – Экспресс с двумя пассажирами на борту.

– И что же вы на нем не уехали в свой Зурбаган? – спросил я.

– Мы уехали. И – добрались до места. Но... Мы думали, что нас встретят веселые, хмельные пираты и прекрасные женщины, а встретили...

– Милиционеры и понятые, – сказал я, вдруг начиная понимать моего собеседника. – Города Зурбагана больше нет. Прекрасные женщины постарели и подурнели, неунывающие бродяги ушли в другие, неведомые края, веселые пираты превратились в скряг и ростовщиков, добрые старики, должно быть, все повымерли. А море...

– А море, – сказал растлитель, – отступило и высохло. И стал всюду – сплошной Прокопьевск.

– Андрей, – сказал я ему. – Я хочу тебя спросить... один только вопрос. Где она? Ты понимаешь, о ком я говорю...

– Не знаю! Да и знал бы – не сказал.

– Почему же?

– Потому что – знаю я вас! Мигом потащите ее на ваши допросы и экспертизы, исковеркаете и изломаете... Лучше уж меня одного... Коль я, по-вашему, виноват, то мне и отвечать.

– А если с ней что-нибудь случится? Или – уже случилось? Ты думал об этом?

– Чего-чего, а думать в вашем заведении не возбраняется. Думал, разумеется. А только – я не знаю, где она. Вы говорите, что дома ее нет?

– Пока ничего такого я не говорил...

– Зачем говорить то, что и без слов понятно? – невесело усмехнулся он. – Была бы дома, вы бы сейчас не спрашивали, где она. Да и, думаю, вообще бы ко мне не пришли.

– Не спрашивал бы – это точно. А прийти – пришел бы все равно.

– Зачем же? – спросил безучастно.

– Скажи, пожалуйста, – посмотрел я ему в лицо, – если бы, предположим, я тебя сейчас отпустил – ты бы попытался ее найти?

– Ну да, – усмехнулся совратитель. – Я – к ней, а вы – за мной... Знаю я ваши штучки.

– Дурак ты, хоть и журналист, – сказал я. – Такой трюк гораздо проще было бы сделать без всяких предварительных бесед с тобой. Ты бы даже не почувал, что за тобой хвост. И все было бы тип-топ.

– И все было бы тип-топ. Тогда что же вы от меня хотите?

– Чтобы ты рассказал, как все было на самом деле.

– Вот как? – удивленно поднял голову совратитель. – Это с какой же стати? Что, ваше уголовное дело рассыпается?

– Скорее, наоборот, – сказал я. – А вот если ты все честно расскажешь, то, может, и рассыплется.

– Что-то я не пойму, – помолчав, сказал любодей. – Вы следователь или адвокат? Для чего вам надобно, чтобы дело рассыпалось? Вы ведь обязаны меня упечь, не так ли?

– Если окажешься виновным, то и упеку, – сказал я. – А если будешь невинным, то отпущу. Я просто честно исполняю свою работу.

– Хотелось бы верить...

– Можешь и не верить. Но – чем ты рискуешь, рассказав всю правду? Лишь тем, что я тебе не поверю, и ты усядешься в тюрьму. Ну, так ты уже и так в ней сидишь. А вот если я тебе поверю...

– Зачем же вам так беспокоиться обо мне?

– Не о тебе. Больше – о девчонке. Дитя ведь совсем...

– Там не было никакого совращения или растления... или как там у вас значится – в вашем деле? Там было все по-другому... совершенно иначе, – после долгого молчания произнес, наконец, совратитель.

– Охотно допускаю, – сказал я. – Иначе, я думаю, она бы от нас не убежала и сейчас бы не пряталась.

– Вот именно, – пробурчал маньяк.

– Но, – сказал я, – нужны дополнительные доказательства.

– А разве мой рассказ может быть таким доказательством?

– А это смотря что ты расскажешь, – сказал я.

– А поверите вы или нет моему рассказу?

– Постараюсь поверить, – сказал я. – В конце концов, я все-таки не Медуза...

– Кто? – не понял совратитель.

– Так мы называем ту следовательницу, что допрашивала тебя до меня. Хотя это и служебная тайна.

– А вы знаете, она похожа, – сказал прелюбодей, и невольно рассмеялся. – Действительно – Медуза.

– Увы на наши головы, – сказал я, и также рассмеялся.

2

...Когда мужчине переваливает за сорок, у него, если это нормальный мужчина, возникает навязчивое желание подвести итоги прожитых лет.

В самом деле: две трети твоей разъединенной жизни уже прожиты – а какой, так сказать, жизненный багаж ты за эти годы приобрел? Да никакого эдакого багажа ты не приобрел, в том-то все и горе.

Работа – препротивнейшая, жена – крашеная крикливая дура, единственная дочь – пустышка пустышкой, да и сам ты непонятно кто на свете... И для чего, спрашивается, ты прожил свои сорок драгоценных лет? Почему, например, ты женился именно на этой крашеной лахудре, а не на той, что когда-то любила тебя взахлеб, самозабвенно, но так и не дождалась твоей ответной любви? Почему ты себе выбрал для себя столь пакостную работу – репортерство в заштатной бульварной газетенке? Почему, в конце концов, ты угнездился жить именно в этом городе, который и городом-то назвать нельзя?..

Много, короче говоря, можно припомнить всяческих «почему», да только что толку их припоминать, когда ни на один такой вопрос все едино нет ответа?

Да если бы ответ и был – опять же что с того толку? Прожитые годы не вернешь, обратно в свою молодость тоже не вернешься, с той, которая любила тебя взахлеб, уже никогда не сойдешься, а будешь доживать как и жил – в паскудном городе, при стерве-жене, при дуре-дочери, делая нелюбимую работу...

Рухнуть в запой, завести любовницу, надавать жене по мордасам, выдать дочке щедрого пенделя, удалиться из дому и не возвращаться обратно целых полтора месяца?.. Можно, конечно, все можно, но – надо ли? И первое, и второе, и третье, и четвертое будет самообманом, нервотрепкой, томлением духа – и ничем более.

И нет из этого постылого круга никакого выхода...

В таком вот расхристанном состоянии Андрей однажды под вечер вышел из дому и побрел незнамо куда и зачем. «К шлюхе, должно быть, подался!» – зашипела вслед стерва-жена, а дура-дочь злорадно хихикнула. «А сами-то вы кто?» – вяло подумал Андрей, раздумывая, куда бы ему пойти – вверх по улице или, образно говоря, вниз.

Так ничего и не надумав, он машинально пошел вниз, и вскоре наткнулся на забегаловку «Три сосны», имевшую в обиходе и другое название – «Три свиньи», что было гораздо более верным, потому что по духу и сути это было изрядно свинячье заведение.

Набредя на забегаловку, Андрей вдруг вспомнил, что ничего не ел с самого утра. Не до еды ему было: меланхолия, осточертевший нудеж жены, с позапрошлого дня не дописанная статья... И Андрей направился ко входу в «Три свиньи».

В «Трех свиньях» Андрея знали, и даже побаивались. Андрей как-никак журналист и, следовательно, в любой момент мог написать что-нибудь разоблачительное о нравах, бытующих в заведении, завсегдатаи «Трех свиней» побаивались Андрея из-за его кулаков, кои некоторым завсегдатаям приходилось-таки иногда ощущать на своих ребрах...

Поэтому едва Андрей возник в зале, его тут же встретили, усадили за столик у окна, вежливо поинтересовались, чего именно он желает... «Пожрать и водки!» – мрачно сказал Андрей, ловя сам себя на мысли, что, оказывается, он хочет сегодня выпиться.

Ну а почему бы ему сегодня и не выпиться?

А пошло оно все!..

Вот так.

Гуляем.

В мрачном одиночестве.

...Когда тебе недавно исполнилось семнадцать, и ты – миловидная, длинноногая и притом неглупая девица, для тебя настает время подводить первые в твоей жизни итоги. Твое детство в общем и целом закончилось, впереди – таинственная юность, девичество, то-се, в твоей душе и во всем твоём теле – множественные непостижимые ощущения и желания... И – что же дальше?

А дальше – ничего внятного, дальше – сплошной безрадостный туман и скука смертная.

Потому что – какие такие перспективы могут быть у тебя при такой-то жизни? Отца у тебя не было сызмальства, ты даже представления не имеешь, что оно такое – отец, а мать...

А что – мать? Мать как мать: сколько ты себя помнишь, у твоей матери всегда была своя особая, отстраненная от твоих детских, а затем и девичьих интересов и чаяний, жизнь. Нет, она, конечно, за тобой исправно ухаживала, кормила тебя и одевала, но ведь более-то – ничего! Более-то ничего – вот ведь как!

Сколько ты себя помнишь, твоя мать была предана одной единственной, всепоглощающей заботе и одному единственному стремлению – найти для себя мужа. И все-то в этом деле у нее почему-то не ладилось: сегодня у нее был дядя Петя, на завтра намечался дядя Гриша, на следующей неделе вырисовывался какой-то дядя Вася... Но – никто из них больше трех дней, а

максимум – больше одной недели отчего-то не задерживался: будто внезапным шальным ветром их всех уносило.

Сразу после того, как их уносило, мать ударялась в непременную тоску и слезы, а ты забиравалась в свой уголок и мечтала поскорее вырасти – для того, чтобы переступить порог этой квартирki и никогда больше сюда не возвращаться. Или даже так – являться сюда один, предположим, раз в неделю, чтобы посмотреть на мать, погладить ее по голове, потому что – от самой себя-то какой смысл таиться – ты всегда любила свою мать, и затем уйти обратно на целую неделю, и пускай твоя мать живет себе да поживает – хоть с вновь приобретенным мужем, хоть без мужа...

Да... Но прежде, чем уйти и не вернуться, тебе нужно найти место, куда можно было бы уйти и откуда можно было бы не возвращаться. Вот только как тебе найти такое место, где тебя ждут?

Может, выйти замуж? Но оно вроде еще и рановато, да и не за кого, да и тошнит тебя об одной только мысли о замужестве, на мать глядячи. Неужели так оно всегда и будет – тоскливо, бессмысленно, безнадежно?..

Вечереет, мать уединилась на кухне с очередным кандидатом в мужья. Ты выползаешь из своего уголка, вытираешь слезы, беззвучно открываешь дверь, выходишь на улицу и бредешь по ней неведомо куда.

Ах, Рита-Ритка-Маргаритка, и зачем ты только на свет родилась?..

От своих невеселых дум Рита очнулась только тогда, когда подошла к некоему освещенному зданию, на котором читалось «Три сосны».

Основательно стемнело, порывами налетал холодный ветер, а внутри, наверно, было тепло, там, было видно, ели и пили, и, кажется, играла музыка. Вдобавок к тому, что Рита озябла, она была еще и голодна: из-за матери с ее очередным женихом, засевшими в кухне, Рита никак не могла пробраться к холодильнику, и все, что она сегодня съела – это бутерброд с утренним чаем. Деньги у Риты имелись, и она, поколебавшись, решила зайти внутрь заведения.

Шум, гвалт и грохот оглушили Риту, едва только она переступила поро г. Девушка растерянно застыла у порога, и стала осматриваться.

Под визг музыки на эстрадке выплясывали три полуголые девицы. Несколько явно пьяных

мужчин суетились рядом, старательно пытаюсь повторить все то, что выделявали девицы: у мужчин ничего не получалось, они скользили, оступались и падали, а публика смотрела на все это и хохотала. Возле столиков с выражением равнодушия на лицах торчали официанты. За столиками сидели посетители: какие-то мрачные типы, размалеванные женщины, старик в широкополой драной шляпе, и еще один старик – с обнаженным торсом...

На столах много водки, под столами – пустые бутылки, а вот свободных мест, сколько Рита не приглядывалась, похоже, не было. Только за крайним столиком одиноко сидел какой-то мужчина, держал в руках стакан, и мрачно смотрел в окно. К этому-то столику она робко и направилась.

– Извините, – обратилась Рита к мрачному мужчине, – у вас здесь не занято? – И неожиданно для самой себя жалобным голосом добавила. – Здесь столько много всяких людей... и сесть негде...

Мужчина оторвался от созерцания тьмы за окном, взглянул на Риту, затем взглянул еще раз, основательнее, и сделал жест рукой: садись, де-скать, если хошь.

Рита присела на краешек стула, зябко повела плечами... Зря она сюда пришла, честное слово. Уйти, что ли? Наверно, она так бы и сделала, если бы не голод, не холодный ветер за окном, а теперь еще и дождь, оставлявший на черном стекле длинные мокрые следы.

Рита понимала, что коль уж она сюда пришла и, тем более, уселась за столик, следует, вероятно, позвать официанта и сделать заказ. Однако как именно здесь подзывались официанты – голосом, жестом или как-то еще – Рита не имела никакого понятия. В конце концов она решила, что, вероятно, официант обязан ее заметить сам, а, заметив, подойти – но прошло пять минут, прошло десять минут, прошло и пятнадцать, а к ней никто не подходил.

– Послушайте... – преодолевая робость, обратилась, наконец, Рита к своему мрачному соседу, – а эти... официанты... они сами подходят или как?..

Мужчина длинно посмотрел на Риту, хмыкнул, поднял руку и щелкнул пальцами. И тут же у столика, будто из воздуха вылепившись, возник официант.

– Должен тебе сказать, Сохатый, – произнес мужчина, обращаясь к официанту, – что ты –

дурно воспитанный персонаж. Барышня ждет твоего прихода уже полчаса. Куда это годится, Сохатый?

– А разве барышня не того... – официант сделал замысловатый жест рукой. – Я думал...

– А ты поменьше думай, Сохатый, – сказал мужчина. – Тебе это противопоказано. Сказано тебе – ты дурно воспитан, ну и не возникай.

– Виноват, – сказал официант с чудным прозвищем Сохатый. – Что барышня желает кушать? Что будет пить?

– Я не знаю, – растерянно сказала Рита. – Что-нибудь... то, что у вас есть...

– У нас много чего есть, – сказал официант.

– Послушай, Сохатый, – неожиданно вмешался мужчина. – Я так думаю, что барышня полностью доверяет твоему вкусу. Вы ведь доверяете его вкусу, барышня?

– Да, да... – закивала Рита.

– Ну, и действуй, – сказал мужчина, обращаясь к официанту. – Разве ты не видишь, что барышня просто-таки изнемогает из-за твоей медлительности?

Официант сделал понимающее лицо, и мгновенно исчез. Вскоре он материализовался вновь – с подносом, заставленным закусками.

– Желая барышне приятного аппетита, – сказал он, расставляя закуски. – Что же касается напитков... вина, коньяка и всего прочего...

– Нет-нет, что вы! – испуганно воскликнула Рита. – Этого – не надо!

– Я так и понял, – сказал официант. – Еще раз – приятного аппетита.

– Первый раз в этом гадюшнике? – наблюдая, как Рита ест, спросил мужчина.

– Да, – ответила Рита. – Первый...

– Да-да, – рассеянно сказал мужчина. – В первый раз... Все бывает в жизни в первый раз... А вы что же – и в самом деле не пьете вина?

– Нет, – сказала Рита, – не пью...

– Да-да, – повторил мужчина, и щелкнул ногтем по стоявшей напротив бутылке. – А я вот – пью.

– Зачем? – спросила Рита.

– Ну, это вопрос философский, – сказал мужчина. – А на философские вопросы ответов обычно не бывает. Философия, барышня, состоит из одних вопросов... в том, вероятно, и есть ее предназначение в этом поганом мире.

– Понимаю, – сказала Рита.

– Неужели? – прищурился мужчина. – Вы и вправду понимаете?

– Да, – сказала Рита, и смущаясь его пристального взгляда: – У этого официанта такое чудное прозвище. Как у оленя...

– Скорее, как у лося, – усмехнувшись, сказал мужчина. – Здесь у каждого свои прозвища.

– Почему? – спросила Рита.

– Почему? – вдруг задумался мужчина. – Вы, барышня, задали очень непростой вопрос. Да-да, очень даже непростой. Ну, наверно, потому, что такова жизнь.

– А вот этого я не понимаю.

– Мне кажется, – сказал мужчина, – что прозвище гораздо больше определяет сущность человека, чем его имя. Ну, например, если бы я вам сказал, что вашего официанта на самом деле зовут Иван Иванович – что бы вы подумали по такому поводу?

– Ничего, – сказала Рита.

– Вот видите – ничего. А то, что он Сохатый – вы, сами того не желая, запомнили. Прозвище – потаенная сущность человека. Оттого и запоминается.

– Так что же – у этого официанта потаенная сущность лося?

– В какой-то мере, – впервые засмеялся мужчина, и Рита поневоле отметила, что смех у ее собеседника хороший, а вот глаза – грустные. – Должен вам сказать, – отсмеявшись, продолжил мужчина, – что вы – очень неглупая барышня, коль задаете такие вопросы. И потому напрасно вы пришли в этот гадюшник.

– Почему же напрасно? – спросила девушка.

– Потому что умному привыкать ко всему этому свинству гораздо тяжелее, – непонятно сказал мужчина, и неожиданно вернулся к прежней теме разговора: – Здесь у всякого свои прозвища... Он – Сохатый, вон тот – Собака, вон тот – Кореец, а, например, старик в рваной шляпе – Мыка... Привыкайте, барышня.

– Зачем? – удивленно спросила Рита.

– Затем, что... – начал мужчина, но не закончил.

У их столика стоял какой-то тип – прилизанный, вкрадчиво-изящный, весь глянцево-и лощеный. Тип, улыбаясь, смотрел на Риту.

– Ах, какая ягодка выросла в нашем палисаднике! – заговорил тип, заметив, что Рита недоуменно взглянула на него. – Каким же ветром занесло к нам такую ягодку? Черт меня побери! Нераспустившийся бутон в нашем изрядно заросшем сорняками огороде! Как же я завидую тому, кто этот бутон сегодня сорвет!

И лощеный вдруг полез Рите за пазуху.

– Что вам надо? – испуганно спросила Рита, отталкивая его руку.

– Тебя, дитя мое, – певуче сказал тот, – исключительно тебя! Это же так ясно! Ведь ты же пришла сюда ради меня, не так ли? Учти, что я всегда расплачиваюсь щедро и честно – сей факт может подтвердить кто угодно! Ну, так как, ягодка, – пообщаемся ко взаимному удовольствию?

И рука лощеного совсем уже откровенно стала подбираться к Ритиной груди. Пытаясь защититься, Рита испуганно и умоляюще взглянула на своего недавнего собеседника.

– Ты ошибся адресом, землячок, – сказал мужчина лощеному. – И намерениями ты ошибся тоже. Этот цветочек – со мной.

– Неужели? – в притворном испуге схватился за голову лощеный. – Неужели я ошибся и адресом, и намерениями? Неужели меня опередили? Неужели у меня имеется соперник, прежде меня покусившийся на сей прелестный бутончик? Ай-ай-ай... И кто же он такой, мой таинственный соперник? Ба, да это же писатель! Давненько нам не доводилось встречаться!

– Давненько, – сказал мужчина. – Бывай здоров.

– Нет, но это же несправедливо! – капризно сказал лощеный. – Почему ты, а не я? Где здесь логика, и где тут смысл? В чем тут, так сказать, философия? Предлагаю компромисс: вначале – я, ну а затем – ты. Договорились? Чувствую, что договорились. А потому – вот тебе моя рука...

– На! – выдохнул мужчина, и лощеный вдруг оторвался от земли и всем телом грохнулся прямо на недоеденный Ритой ужин. Столик опрокинулся, зазвенела посуда, кто-то в зале взвизгнул, кто-то взревел, какие-то мрачные личности тут же устремились к месту побоища.

– А теперь – бежим! – сказал мужчина, хватая Риту за руку. – Бежим, барышня, бежим!..

– Вообще-то трезвым, – сказал мужчина, когда они остановились, чтобы отдышаться, – я бегаю намного быстрее... Фу!

– Значит, мне повезло, что вы нетрезвый, – сказала Рита. – Иначе бы я за вами не успела.

– Да уж, – хмыкнул мужчина, осматриваясь. – И куда это нас с испугу занесло? А, черт... темно, и еще дождь... Ого... ну и ну! Сдается, барышня, мы с вами находимся где-то в окрестно-

стях железнодорожного вокзала. Точно! Слышите – вдалеке гудки?

– Да... – прислушалась Рита.

– Далеко же мы с вами убежали – с перепугуто, – сказал мужчина. – Вот ведь незадача...

– А кто он такой... этот... который?.. – спросила Рита.

– Красавчик, – нехотя сказал мужчина. – Мразь.

– Красавчик – это его кличка?

– У них там у всех клички.

– Это мы от него убежали?

– От них, – поправил мужчина. – Их там таких – не перечесть. Компания. С ножами, кастетами и прочими удовольствиями.

– И все из-за меня. Зачем я только туда пошла?

– И зачем же вы туда пошли?

– На улице было холодно, а там – тепло. И еще я хотела есть...

– И – все?

– Конечно.

– Разве вы не эта... не шлюха? – удивленно спросил мужчина.

– Что? – вспыхнула в темноте Рита.

– А, черт! – крикнул мужчина. – Действительно... А я вас поначалу принял именно за такую... Да и Красавчик, сдается, тоже. Из-за этого и вся катавасия... Простите. Должен, вам, барышня сказать, что неудачное место вы выбрали, чтобы поужинать. Туда из женского пола, кроме этих самых... никто и не заходит. Не удивительно, что Красавчик принял вас за одну из них.

– Но я же ничего не знала, – откликнулась девушка, чувствуя, что вот-вот заплачет.

– Ладно... Вас как хоть звать?

– Ритой, – буркнула Рита.

– А меня – Андреем... Андреем Васильевичем. Вы все-таки на меня сердитесь, Рита?

– Нет, я на себя сержусь.

– Вот это – правильно. Это – сколько угодно. Это – занятие полезное. Кстати говоря, где вы живете?

– В поселке Веселом, – сказала Рита.

– Да-а, – присвистнул мужчина. – Далековато нас занесло с испугу. Но – дело даже не в том, что далековато, а в том, что возвращаться-то нам придется через город, и никак иначе. Вот в чем дело-то, барышня...

– Ну и что? – спросила Рита.

– А то, что эти волки нас наверняка сейчас ищут. Знаю я их повадки. Они очень не любят,

когда кого-нибудь из них бьют по морде. Это ро-
няет их авторитет в глазах окружающих. И пото-
му, если они нас с вами случайно встретят, то...

– А, может, они меня не узнают, – предполо-
жила Рита.

– А если узнают?

– И что же теперь делать? – в совершенном
расстройстве прошептала Рита.

– Относиться ко всему как к нестандартному
приключению, – сказал Андрей. – У вас, барыш-
ня, бывали когда-нибудь в жизни нестандартные
приключения?

– В моей жизни не бывало вообще никаких
приключений. Холодно здесь... и темно.

– Значит, будем искать ночле г. Доживем до
утра, а утром я попытаюсь все расставить по
своим местам. Такое у меня будет к вам, барыш-
ня, предложение.

– И где же мы его найдем, этот ночлег? –
спросила Рита испуганно. – Холодно-то как...

– Возьми мою куртку. Возьми, возьми...

– А вы сами как же?

– А я – пьяный. А пьяному холодно не быва-
ет. Одедась? Тогда – пошли.

– Куда?

– Только вперед! – как можно бодрее произ-
нес Андрей. – В поисках ночлега.

– Только вперед! – покорно повторила Рита, ⁷²
и на душе ее вдруг стало легко и как-то по-
особенному тревожно...

3

На старый, на веки вечные забытый вагон-
чик, закоченевший на заброшенных путях, они
наткнулись совершенно случайно: шли-шли, и
вдруг впереди замаячило что-то черное и непод-
вижное.

– Так, – сказал Андрей, обойдя вагончик кру-
гом. – Терем-теремок... Эй! Кто в тереме живет,
кто в невысоком живет? Отзовись! А в ответ –
тишина... Барышня, как вам нравится такой те-
ремок в качестве места для ночлега?

– Я не знаю, – растерянно сказала Рита. –
Это же вагон... А вдруг там внутри – что-нибудь
такое...

– А вот мы сейчас увидим, что там, – сказал
Андрей. – Отыщем дверь, отворим теремок – и
посмотрим.

Несмотря на темноту, дверь отыскалась лег-
ко, и еще быстрее она открылась.

– Сено, – сказал Андрей. – Слышите, барыш-
ня, внутри – свежее сено. Почти полвагона. Чем

не место для ночлега? Ах, какой запах! Нет ни-
чего лучше запаха свежего сена. Барышня, как
вы считаете – есть что-нибудь на свете лучше,
чем запах свежего сена? Вам когда-нибудь дово-
дилось ночевать на сене? Эй ты, дух, обитаю-
щий внутри! Отзовись! Похоже, никого... Барыш-
ня, там, внутри, никого нет. Ну, что вы скажете,
барышня?

– Я не знаю, – повторила Рита. – Это же ва-
гон...

– Разумеется, – сказал Андрей. – Именно ва-
гон. Вас что-то в этом смущает? А, ну да... Вы
боитесь ночевать со мной в одном вагоне! Я уга-
дал ваши мысли?

– Я не боюсь. Просто...

– Как это так – не боитесь? – притворно-воз-
мущенно сказал Андрей. – Обязаны бояться! А
то даже как-то обидно. Я – пьяный и почти не
знакомый вам тип, который единым ударом ку-
лака уложил пристававшего к вам мерзавца – и
вы меня после этого не боитесь? Честное сло-
во – мне обидно!

– Потому и не боюсь! – невольно рассмея-
лась Рита. – Мне кажется, что вы – хороший...
Мне это показалось еще там, в кафе.

– Неужели? Мне кажется, что у вас все-таки
маловато обо мне информации, чтобы сделать
такой лестный для меня вывод. Да будем вам из-
вестно, барышня, что все люди постоянно ходят
в масках. Не судите о человеке по его маске, ой,
не судите... Однако же, сударыня, и впрямь хо-
лодновато. И – дождь. Так что, если вы меня и
впрямь не боитесь, давайте продолжим разго-
вор о человеческих масках и лицах внутри ваго-
на. Такое у меня к вам будет предложение.

– Давайте, – поколебавшись, сказала Рита.

– Как здесь тепло! – удивилась девушка. –
Будто в жаркий день на лугу.

– Солнце за день нагрело вагон, и он не
успел еще остыть, – сказал Андрей. – К тому же
сено, насколько мне известно, отлично сохра-
няет тепло. Все на этом свете просто, барышня.
Так что – располагайтесь. А дверку, если вы не
возражаете, я прикрою. Чтобы тепло не выхо-
дило.

Они уселись на теплую, пахнущую тысячью
соцветий траву, и долго молчали, слушая, как по
крыше вагончика нескончаемо барабанит дождь.

– Интересно, откуда здесь сено? – первой за-
говорила Рита.

– Не знаю, – ответил Андрей. – Может, ната-скали какие-нибудь бродяги. А, может, путевой обходчик. Для своей козы. Чем не сенохранилище? Сухо и никто не украдет.

– Наверно, путевой обходчик, – сказала Рита.

– Наверно, – согласился Андрей.

Они опять надолго замолчали, и опять первой заговорила Рита.

– Я хочу вас спросить, – сказала она. – Скажите, зачем вы заступились за меня там... ну, в том кафе?

– Честно говоря, сам не знаю, – сказал Андрей. – Так получилось...

– Спасибо вам...

– Пожалуйста. Хотя на месте вашего отца я бы вас выдрал, как следует. Чтобы вы не болтались по вечерам по всяким двусмысленным местам.

– У меня нет отца.

– Ну, на месте матери.

– А ей – все равно, где бы я ни была, и что бы со мной ни случилось.

– То есть как это – все равно?

– Ну, она постоянно выходит замуж. Выходит – и все никак не выйдет. Сколько себя помню, столько она и выходит... И из-за этого она всегда расстроенная, и почти не обращает на меня внимания.

– Да, бывает... – неопределенно хмыкнул Андрей.

– А у вас есть жена? – спросила Рита.

– Уж не хотите ли вы меня сосватать за вашу маму? – усмехнулся он во тьме.

– Нет, – сказала Рита. – Не знаю, почему, но – нет... И все-таки – у вас жена есть?

– И да, и нет. Вы, наверно, этого не поймете.

– Почему же? Я понимаю.

– Ну, это вряд ли. В ваши-то годы... Сколько вам – семнадцать, восемнадцать?

– Шестнадцать.

– Вот видите – всего лишь шестнадцать. Мо-ей дочери – восемнадцать, и то...

– А я – понимаю.

– Ну-ну...

– Хватятся, наверно, вас жена с дочерью?

– Не думаю.

– И меня моя мать тоже не хватится. Наверно, даже и не заметит, что я не ночевала дома. А вы говорите – я вас не понимаю. Что ж тут понимать? И вас никто не хватится, и меня никто не хватится... все просто и понятно.

– Вы, наверно, хотите спать? – спросил Андрей.

– Нет, – сказала Рита. – В вагоне хоть и тепло, а все равно – зябко...

– Это – он мокрой одежды, – сказал Андрей. – Снять бы ее да просушить... одежду-то. А то ведь так и простудиться недолго.

– Да где же ее тут просушишь? – удивилась Рита.

– А тут и просушишь. До утра – высохнет.

– Но как же... – недоуменно спросила Рита. – А во что же мне переодеться?

– Укутайтесь в мою куртку. Затем – заройтесь в сено. Оно – теплое.

– Но... – в нерешительности сказала Рита.

– В вагоне темно и я ничего не увижу, – усмехнулся Андрей. – Так что – не бойтесь.

Какое-то время Рита сидела неподвижно, затем зашуршала сеном. Она шуршала долго, затем шуршание прекратилось.

– Ну и как, получается? – спросил Андрей.

– Уже получилось, – сказала Рита, и вдруг рассмеялась. – Сено-то какое... щекотливое. Я ужас как боюсь щекотки.

– Но, по крайней мере, тепло? – спросил Андрей.

– Еще не знаю, – сказала Рита.

Они опять надолго замолчали, и опять первой заговорила Рита.

– Я хочу вас спросить... еще один вопрос, – сказала она. – Там, в том кафе... этот Красавчик назвал вас писателем. Вы что же, и вправду писатель?

– Да нет. Какой там писатель? Журналист.

– Ух, ты, – сказала Рита. – Первый раз в жизни разговариваю с настоящим журналистом! А журналист – интересная работа?

– Нет, – ответил Андрей. – Омерзительная.

– Тогда зачем же вы этим занимаетесь?

– Точно такой же вопрос я задаю себе и сам. Но... Знаете, когда тебе за сорок, то менять уже ничего не хочется. Ни работы, ни жены, ни места проживания, ни привычек, ни... Короче говоря, ничего.

– Почему?

– Почему? Наверно, потому, что уже бессмысленно. И чем ты старше, тем бессмысленнее.

– Я не понимаю...

– Это потому, барышня, что вам – всего шестнадцать. Вот когда вам будет сорок один...

– Мне иногда кажется, что мне совсем не шестнадцать, а целая тысяча лет. Как, напри-

мер, сейчас. И еще мне сейчас кажется, что и вам не сорок один год, а также тысяча лет. И что мы – ровесники. И что кроме нас на всей земле больше никого нет. И что именно от нас зависит, будет ли кто-нибудь жить на земле, или мы с вами так и останемся – первыми и последними...

– А вот теперь, барышня, я не понимаю вас.

– Меня зовут Рита, и мне страшно жить на земле одной. И – холодно... Одиночество создано из холода и страха. Холод и страх – и больше ничего... Можно, я приду сейчас к тебе? И тогда мы будем вдвоем, и ты меня согреешь, и мне не будет страшно...

– Рита...

– Что?

– Мне – сорок один год. У меня дочь старше тебя на два года...

– Неправда. Зачем ты мне врешь? Нам с тобой – по тысяче лет. Мы – единственные люди на всей земле. Целую тысячу лет – все одни и одни... Сегодня ты спас меня от смерти. На меня напало жуткое чудовище... саблезубый тигр, а ты меня – спас. Зачем же ты меня спас, если мне – по-прежнему холодно и одиноко? И тебе тоже – холодно и одиноко... это – неправильно. Согрей меня, пожалуйста. А я – согрею тебя...

– А говоришь, что ты не проститутка... – брякнул Андрей, и тут же пожалел о сказанном.

Но Рита ничего не ответила. Она зашуршала сеном, и Андрей услышал, что она идет к нему. Она подошла, несколько мгновений постояла, опустила на колени, затем легла рядом и свернулась калачиком. От ее тела веяло теплом и пахло дождем и летним лугом.

– Рита, – в третий раз сказал Андрей.

– Что? – спросила она.

– Зачем тебе это надо? – спросил Андрей. – Ты не понимаешь, что делаешь...

– Молчи, – сказала Рита. – Не говори ничего... не надо. Зачем говорить, когда можно понять друг дружку без слов? Давай будем разговаривать не словами, а молчанием. Я тебя молча спрошу, ты мне молча ответишь. Ты меня молча спросишь – я тебе молча отвечу... Молчание – лучше, чем слова. Не спрашивай, зачем мне это нужно. Просто – я так хочу. Я хочу... а все остальное – не имеет значения. Ничто не имеет значения, когда нас – лишь двое на всей земле...

...Потом она лежала у него на плече и плакала. Дождь закончился, и в вагончике было слышно, как на вокзале перекликаются ночные гудки.

Только гудки да плач Риты – и никаких более звуков не было в мире.

– Почему ты плачешь? – спросил Андрей.

– Не знаю. Мне кажется, что сейчас внутри меня поселился какой-то таинственный голос, и он мне говорит, что женщина после этого... ну, когда в самый первый раз... обязательно должна плакать... что так бывает со всеми.

– Со всеми? – усмехнулся Андрей в темноте. – Разве мы с тобой не одни на земле?

– Нет, – убежденно сказала Рита, всхлипывая. – Какие же мы одни? Десять минут назад... ну, до того... мы и вправду были одни... но за эти десять минут столько изменилось и мы теперь не одни. Теперь таких, как мы, много... они там, далеко... они везде... Это мы заселили ими всю землю. – И что же именно изменилось за эти десять минут? – спросил Андрей.

– Я изменилась, – сказала Рита. – И, наверно, ты тоже... А коль так, то, значит, изменился и весь мир. Весь мир – от одного края до другого края. А сейчас мне хочется спать. Можно, я немножко посплю?

– Конечно, – сказал Андрей, целуя ее влажное от слез лицо. – Спи. А я тебя буду охранять и согревать.

– Когда я подходила к тебе, – сказала Рита, – то почему-то боялась, что ты встанешь и выкинешь меня из вагона... туда, в темноту, где холодно и дождь. Скажи, у тебя было такое желание – выкинуть меня в темноту?

– Нет, – сказал Андрей.

– Значит, ты не презираешь меня... за все это?

– Тогда мне надо было бы презирать и себя самого, – сказал Андрей.

– И ты больше не считаешь меня шлюхой?

– Вот ведь дуреха...

Они помолчали, прислушиваясь к стучащему по крыше дождю.

– Я тебя люблю, – сказала Рита. – Слышишь, я тебя люблю... Потому что – мне так же одиноко, как и тебе. И – так же холодно. Хоть мы с тобой и заселили всю землю. Я тебя люблю. Согрей меня... скорее меня согрей, слышишь?

Утром они проснулись одновременно и по одной и той же причине. Оказывается, в самом верху вагончика было оконце, сквозь которое сейчас пробивались утренние солнечные лучи. Лучи упали на лица спящих Андрея и Риты, что и послужило причиной их пробуждения.

– Доброе утро, барышня... то есть Рита, – сказал Андрей, взглянул на Риту, не выдержал и рассмеялся.

– Я такая смешная? – спросила Рита, смущенно улыбаясь в ответ.

– Как полевая русалка, – сказал Андрей. – Обнаженная, вся в цветах и траве...

– Да, – вспыхнула Рита. – Отвернитесь... отвернись, мне надо одеться. И не смотри, пока я не скажу... Все, можешь смотреть.

– Теперь отвернись ты, – сказал Андрей. – И – также не смотри, пока я не скажу.

Одевшись, Андрей подошел к двери вагончика и распахнул ее. Умытое ночным дождем и освещенное солнцем летнее утро ворвалось в вагончик. Андрей помедлил, спрыгнул на землю и протянул Рите руки – прыгай, мол, и ты. Рита прыгнула, Андрей подхватил ее на лету, удержал, прижал к себе...

– Пусти, – сказала Рита, встала на землю и отошла на несколько шагов в сторону.

Помолчали. Воспоминания о минувшей ночи невидимой стеной стояло между ними, и непонятно было, как разрушить эту стену, да и стоит ли ее разрушать вообще. Ночь с ее колдовскими чарами прошла, наступил день.

– Ты, наверно, хочешь есть? – спросил Андрей у Риты.

– Хочу, – едва кивнула Рита.

– Значит, сейчас мы пойдем на вокзал, – сказал Андрей. – Там мы поедем, затем мне нужно будет кое-куда позвонить, затем... а затем посмотрим.

– Пойдем, – опять едва слышно сказала Рита.

Идти до вокзала оказалось и впрямь не так долго. Они шли, не разговаривая и не касаясь друг друга. Вышеупомянутая незримая стена существовала вместе с ними и разделяла их. По одну сторону стены был Андрей, по другую – Рита.

– Вот, – сказал Андрей, – шашлычная. Хочешь шашлык?

– Хочу.

Они ели, стараясь не смотреть друг на друга. У Риты горели щеки, и она то и дело касалась их ладонями.

– Мне надо позвонить, – вспомнил Андрей, когда они закончили есть. – Где-то я видел телефон.

– Разве у тебя нет мобильного? – спросила Рита.

– Ненавижу мобильник, – сказал Андрей. – Он похож на веревку. Куда бы ты не пошел, эта

веревка тянется за тобой. И всяк, кому не лень, дергает за эту веревку. Дергает, и дергает – хочешь ты того или нет...

– Да, – сказала Рита. – Мобильник похож на веревку... Я пойду с тобой.

– Пойдем, – Андрей внимательно взглянул на Риту, хотел что-то добавить, но промолчал.

Андрей позвонил своему редактору Якову Ефимовичу. Яков Ефимович слыл человеком в городе известным, у него был широкий круг знакомств, и если люди Красавчика Андрея действительно разыскивали, то Яков Ефимович мог урегулировать дело.

– Это я, – сказал Андрей после того, как Яков Ефимович поднял трубку.

– А то кто же еще на мою голову? – недовольно отозвался шеф. – Ты откуда?

– Так, из одного места, – сказал Андрей. – А что такое?

– Он еще меня спрашивает, что такое! – возмутился шеф. – Сломал челюсть Красавчику из-за какой-то девки – и еще имеешь нахальство спрашивать, что такое! Кстати, что это за девка?

– Понятия не имею, – сказал Андрей.

– Он не имеет понятия! Сломал челюсть главному городскому бандиту – и не имеет понятия! Ой, ой... Так откуда ты сейчас звонишь?

– Из одного места, я же сказал.

– Вот и сиди в своем одном месте – денька два, а, может, и все три. Пока они не успокоятся, и пока я не встречу с серьезными людьми, и кое о чем с ними побеседую. Потому что это же просто удивительное дело – сломать бандиту челюсть из-за гулящей девки! Если бы они нашли тебя вчера, то точно бы застрелили!

– Ефимыч, все было совсем не так...

– Он мне будет говорить, что все было совсем не так! Они тебя искали всю ночь и даже сегодня приходили в редакцию, а ты мне будешь говорить, что все было совсем не так! Сиди, говорят тебе, и не смей казать своего скандального носа в общественное присутствие! Я уже объявил, что ты в командировке.

– А эту самую девицу – они не ищут?

– Он говорит мне о девице! Ой, ой... Они ищут тебя, халамидника! Для чего им девица? Разве это девица сломала челюсть Красавчику?

– Ладно, Ефимыч, спасибо. Я еще позвоню...

– Что? – спросила Рита, когда Андрей повесил трубку.

– В общем – ничего. Все, как я и предпола-

гал. О тебе они даже и не вспоминают. Им нужен я. Так что можешь спокойно идти домой.

– А ты? – глядя в землю, спросила Рита.

– А мне нужно где-нибудь отсидеться. Денька два, а лучше – три...

– И где же ты будешь отсиживаться? – по-прежнему не поднимая глаз, спросила Рита.

– Где-нибудь, – сказал Андрей. – Например, в том же вагончике...

– Значит, ты будешь отсиживаться в вагончике, а мне можно идти домой?

– Именно так.

– Я не хочу домой, – сказала Рита, глядя в сторону. – Я хочу остаться с тобой... Вот...

– Понимаешь, Рита, я – опасный компаньон, – не сразу откликнулся Андрей. – Если они меня найдут...

– Я думаю, что они ни за что не догадаются искать нас в нашем вагончике, – взглянула на Андрея Рита. – Как они могут догадаться? Конечно, если ты задумал меня прогнать... то – тогда, конечно...

– Рита, – сказал Андрей, – ах ты ж, Рита... Замри! Слышишь, замри... и старайся не обращать на себя внимания!

– Что? – испуганно спросила девушка.

– Видишь тех двух типов? Я их знаю. Они – из банды Красавчика. Не исключено, что они ищут меня... нас. Значит, так. Сейчас мы встанем из-за столика и постараемся затеряться в толпе. Только не бойся... вставай.

– А я и не боюсь.

– Умница. Пойдем... вот так...

Типы из банды Красавчика их не заметили. Андрей и Рита смешались с выходящей из электрички толпой, вместе с толпой прошли привокзальную площадь, затем свернули за угол и остановились.

– Уф! – сказал Андрей. – Вроде как пронесло. Нет уж, барышня... Рита, вокзал сейчас не для нас. Лучше уж и впрямь вагончик... Ты еще не передумала идти со мной в вагончик?

– Я – не передумала, – с подчеркнутым вызовом сказала Рита.

– Тогда сделаем так, – взглянул на Риту Андрей. – Сейчас мы забежим вон в тот магазин, ну а затем – уже в вагончик.

– А в магазин-то – зачем? – спросила Рита.

– Должен же я тебя чем-нибудь кормить, – улыбнулся Андрей. – И – надо же нам чем-то укрываться по ночам!

– Да, – согласилась Рита, – конечно...

До вагончика они добрались никем не замеченные. Время близилось к полудню. Стены вагончика были горячи от солнца.

– А вдруг сюда кто-нибудь все же явится? – подумалось Андрею вслух. – Ну, например, хозяин сена...

– Не явится, – очень уверенно заявила Рита.

– Это почему же ты так уверена? – удивился Андрей.

– Потому, что я этого не хочу, – сказала Рита. – Пока я сама не захочу, никто сюда не явится.

– Да? – смеясь, сказал Андрей. – Тогда – прошу в купе. Подоспело время обеда!

Обеденным столом им служило расстеленное на сене одеяло. На одеяле лежало копченое мясо, хлеб, огромная вяленая рыба, фрукты и стояла бутылка вина.

– Я хочу вина, – сказала Рита. – Налей мне вина.

Андрей налил, протянул Рите стакан.

– Нет, – сказала Рита. – Не так. Я хочу, чтобы было иначе... чтобы ты держал стакан в своих руках, а я из него пила. И чтобы вино пролилось мне на грудь. И чтобы вся моя блузка пропиталась вином... и грудь также была в вине... а затем ты снимешь с меня блузку и станешь пить вино с моей груди. Вот так... Совместными стараниями Андрея и Риты вина на Ритину грудь вылилось изрядно.

– Ну же! – сказала Рита. – Разве ты не видишь... уже можно... снимай же с меня блузку!

У Ритиной груди был едва распустившихся березовых почек. Запрокинув голову, зажмурив глаза и вытянувшись в струнку, Рита лежала на сене, изнемогая от поцелуев и стремясь навстречу рукам Андрея. Она подставляла его рукам и губам каждую частичку своего вытянутого струной, благоухающего вином и березовыми почками тела. Ей казалось, что она – это не совсем она, а кто-то иной, не имеющий к ней никакого отношения, а сама она лишь наблюдает откуда-то сверху за этим иным... а затем Рита стала завидовать этому иному, ей захотелось с ним слиться и стать с ним единым целым – и она тотчас же так и сделала, слилась, и растворилась сама в себе...

– Мне хочется говорить, – прерывистым шепотом сказала она. – Мне хочется говорить, не умолкая... мне кажется, что в это самое время я должна говорить и говорить... мне этого хотелось еще ночью... но я не знала, можно или

нельзя... может быть, в это самое время полагаются молчать...

– Можно, – сказал Андрей, – можно все, что ты хочешь...

– Тогда я буду говорить. Знаешь, когда я была совсем маленькой... рядом с нашим домом росло большое дерево... рябина. На этом дереве каждой осенью было много красных ягод... много-много красных ягод... так много, что не было видно даже самого дерева... так мне казалось тогда, в детстве... и каждую осень на это дерево садились птицы... это были большие, черные и строгие птицы... их было очень много. Они сидели на рябине и внимательно смотрели на меня... и мне было так странно от их взглядов. Черные птицы – и красные ягоды... птицы и ягоды, птицы и ягоды... ягоды, ягоды...

... – Откуда это все в тебе? – спросил Андрей, когда они, уставшие и потные, лежали рядышком на превращенном из пиршественного стола в любовное ложе одеяле. – Откуда ты столько всего умеешь?

– Я ничего не умею, – сказала Рита. – Это все – не я... это кто-то внутри меня... и тот, кто внутри меня, говорит мне, как нужно делать и что нужно делать... это все не я, а тот, кто внутри у меня. Вот.

– Ты становишься женщиной, – улыбнулся, сказал Андрей.

– Правда? – подняла голову Рита. – Именно так и становятся женщинами? Все-все так и становятся женщинами?

– Насчет всех-всех не знаю, – сказал Андрей, – а вот насчет тебя – теперь знаю.

– Как странно, – сказала Рита. – Будто бы кто-то меня выпотрошил и оставил от меня одну лишь мою кожу, и в эту кожу вложил меня дру- гую... И сейчас это я и не я...

– Прекрасной женщиной, – добавил Андрей.

– А ты хотел отправить меня домой, – укоризненно сказала Рита. – Отправил бы – и одной женщиной на свете сейчас было бы меньше...

Потом они спали, и проснулись уже тогда, когда мир укутали вечерние сумерки.

– Единственное, чего мне сейчас не хватает, – сказала Рита, – это ванны или душа. Ах, как мне нужен душ!

– Потерпи до утра. Утром тебе будет душ, – сказал Андрей.

– Вправду? – радостно удивилась Рита. – И где же ты его возьмешь?

– А вот увидишь, – улыбнулся Андрей. – Только чур, душ будет холодным.

– Это ничего, – сказала Рита. – Ведь ты меня потом согреешь.

...Ночью они говорили об одиночестве.

Тема одиночества была понятна и близка обоим.

Андрей говорил о том, что можно быть одиноким, даже если ты, по сути, и не одинок, Рита же вначале таких слов не понимала, а затем согласилась, что, наверно, – можно быть одиноким даже и тогда, когда вокруг тебя множество людей. Тут, сделала для себя великий вывод Рита, дело вовсе не в количестве людей вокруг тебя, а в том, какое отношение эти люди имеют к тебе, и какое отношение ты имеешь к ним. Если между тобой и окружающими людьми нет никакого единства – это и есть одиночество.

А затем Рита изнемогала под поцелуями Андрея, и сбивчивым, горячечным шепотом рассказывала ему о том, как в детстве во дворе дома, где она жила, всякий раз после дождя образовывалась огромная лужа, в которой отражалось небо, и как Рита всякий раз боялась ступить в эту лужу, потому что ей казалось, будто она непременно провалится в отраженное в луже небо...

– Я вспотела до самых пяток, – сказала Рита, когда все закончилось. – Я хочу на улицу, чтобы остыть.

Андрей, отодвинул дверь вагончика, и они вышли на улицу.

Кустарник, разросшийся вокруг, шумел таинственными ночными голосами. Вверху сияли безмолвные августовские звезды. Вдалеке высокими голосами перекликались электровозные гудки, им сильными голосами вторили гудки тепловозов.

– Наш вагончик... – сказала Рита. – Уехать бы куда-нибудь в этом вагончике... Ехать бы и ехать... и чтобы никаких других пассажиров, кроме нас с тобой, в нем не было. Ведь правда же, нам с тобой не надо никаких попутчиков?

– Конечно, – сказал Андрей. – Зачем нам попутчики?

– Тогда давай уедем прямо сейчас! Прямо сейчас! Что нам делать в этом городе? Здесь – одиночество и бандиты... давай уедем, а?

– Давай, – сказал Андрей. – Только – куда мы поедем?

– Куда-нибудь, – сказала Рита. – Чтобы только далеко-далеко... Ты мужчина, ты и решаешь. Куда ты меня повезешь, туда я с тобой и поеду.

– Вот как... – сказал Андрей, внимательно глядя на Риту. – Что ж... А давай мы поедем в город Зурбаган.

– А где это – Зурбаган? – полушепотом спросила Рита.

– Далеко, – сказал Андрей. – У самого-самого дальнего на свете моря.

– Как здорово, – совсем уже шепотом произнесла Рита. – А кто там живет?

– Хорошие люди. Старые моряки, сошедшие на берег пираты, веселые и беспечные бродяги, щедрые торговцы, прекрасные смуглолицые женщины...

– А море там – какое? – спросила Рита.

– Хорошее, веселое, – сказал Андрей. – Бескрайнее и теплое. Иногда, когда шторм, оно бывает сердитым, но затем, когда шторм утихает, оно опять становится ласковым и добрым.

– Ура! Поедем в Зурбаган! Поедем туда немедленно! Вот только...

– Что? – спросил Андрей.

– Я вдруг подумала... – сказала Рита. – Вот мы уедем в Зурбаган... и мы обязательно туда приедем... а только – кем я там тебе буду? И – кем будешь ты мне?

– Ты будешь мне там женой, – сказал Андрей, и сам удивился тому, что сказал. – Ты хочешь быть моей женой?

– Я не знаю... – в раздумье сказала Рита. – Я не знаю, что такое жена. Это, наверно, то, что было сейчас между нами?

– И это, и еще многое-многое другое. Впрочем, я и сам не слишком-то знаю, что такое – жена. Хотя у меня и есть жена... как будто бы есть.

– Это хорошо, что и ты не знаешь, – сказала Рита. – Потому что... Мне кажется, что строить на пустом месте намного проще, чем перестраивать то, что уже было построено кем-то и когда-то.

– Наверно, – согласился Андрей.

– Вот видишь, какая я у тебя умная. Я сейчас чувствую себя взрослой-взрослой! Я хочу быть твоей женой. Мы приедем в Зурбаган и поселимся в домике возле самого моря. И ты будешь работать, например, рыбаком, и каждый день уходить в море...

– А ты будешь меня встречать.

– Мы будем тебя ждать и встречать, – поправила Рита.

– Вы? – удивился Андрей.

– Мы, – сказала Рита. – Я и он... тот, который сейчас у меня внутри. Он еще совсем-со-

всем крохотный... но я его чувствую... я знаю, что он там.

– Рита...

– У тебя такой испуганный голос... Ты не хочешь, чтобы у нас, когда мы будем жить в Зурбагане, был малыш... наш с тобой малыш? Мы оденем его в матросский костюмчик... и вместе с ним каждый вечер будем встречать тебя на берегу...

– Ну, хорошо... Просто мне кажется, что еще рано говорить о малыше... откуда мы можем это знать?

– Я знаю! – засмеялась Рита. – Я чувствую! Он внутри меня... где-то глубоко-глубоко... но я его все равно чувствую... потому что он – мой и твой... он – частица меня и тебя!

– Как просто у тебя все получается.

– А дети вообще получаются просто! – засмеялась Рита и прижалась к Андрею. – Теперь-то я это знаю! Погоди-ка...

Рита высвободилась из объятий Андрея и подбежала к вагончику. Рядом с ним белел в темноте большой закаменевший кусок извести. Рита подобрала известь и принялась что-то писать на стене вагончика.

– Только ты пока не смотри! – крикнула она Андрею. – Посмотришь тогда, когда все будет готово. Еще не готово... и еще не готово... а вот теперь – готово! Смотри!

Андрей повернул голову. На вагончике белела надпись «Прокопьевск-Зурбаган». Андрею вдруг захотелось плакать. Он не знал, почему ему захотелось плакать. Может быть, из-за смутного предчувствия, которое вдруг возникло где-то глубоко в нем. Это было нехорошее предчувствие, тягостное и смутное. Будто бы он отправился в дальнюю дорогу, и позабыл взять с собой что-то крайне необходимое и важное. Что-то такое, без чего и само дальнейшее путешествие, и вся последующая жизнь непременно должны превратиться в тягостную бессмыслицу...

– Пойдем спать, – сказал он Рите. – Уже поздно.

– Пойдем! – охотно согласилась Рита. – Мы будем спать, а наш вагончик будет ехать и ехать, ехать и ехать... Как называется поезд, который едет без остановок?

– Кажется, экспресс, – сказал Андрей.

– Экспресс в Зурбаган, – сказала Рита. – Тебе нравится такое: экспресс в Зурбаган? Помоему, очень красиво.

* * *

Андрею не спалось: он думал. Он думал о себе и о Рите. Последние Ритины слова – наивные, полудетские и исполненные бесконечного доверия к нему, Андрею, растревожили его душу до самого основания, если, конечно, у человеческой души может быть какое-то основание.

Он не хотел ни в чем обманывать Риту, он не считал, что воспользовался случаем и Ритиной неопытностью, ему не было дела до того, что Рита, по сути, годится ему в дочери... Возраст Риты и его собственный возраст в данном случае были неважны: важно было другое. Он не сожалел сейчас, что неосторожно предложил Рите стать его женой. Да, действительно, слова эти были весьма неосторожны, они как-то сами собой сорвались с губ, но – он не жалел о сказанном. Кроме того, Рита с чисто женской интуитивной предусмотрительностью сообщила, что у них может случиться ребенок – да, у них может случиться ребенок. От того, чем они с Ритой занимались и, вероятно, будут заниматься еще, родятся дети. Рита – нормальная, здоровая, вполне взрослая девочка – стало быть, у них и впрямь может быть ребенок. Андрей не жалел и об этом пока что в высшей степени гипотетическом ребенке. Ребенок так ребенок: он, Андрей, покамест достаточно еще молод, он еще успеет поставить на ноги своего ребенка...

Итак, что же получается в итоге? А получается, что Андрею и впрямь надобно жениться на Рите.

Впрочем, надобно – не то слово.

Он хочет жениться на Рите.

По сути, он сделал Рите предложение, и она согласилась.

Стало быть, они поженятся и уедут из этого города. Они уедут в Зурбаган. Нет, и в самом деле – что Андрей потеряет, женившись на Рите и уехав из города? Нелюбимую работу? Такую же нелюбимую жену? Сам зачумленный город? Нечего ему терять, а, стало быть, не о чем и раздумывать. Тем более Рита – весьма, кажется, славное существо. Просто-таки подарок небес...

Конечно, будут сложности. Неведомо еще, как отнесется к замужеству дочери Ритина мать, которая, наверно, ровесница ему, Андрею. Известна также и грядущая реакция его собственной жены, да и дочери тоже. Впрочем, все это – пустяки. Тут главное – решиться. И второе, такое же главное, – надобно будет очень серьезно и обстоятельно потолковать с самой Ритой. Рита –

ребенок: что она может смыслить в замужестве? Он и сам-то в нем мало чего смыслит, а уж Рита...

Сам не заметив как, Андрей уснул, а проснулся оттого, что Рита его поцеловала. Андрей открыл глаза: сквозь оконце под потолком пробивались утренние лучи.

– Доброе утро, – улыбаясь, сказала Рита. – Я не сплю уже тысячу часов. Я смотрю на тебя... то есть как ты спишь, и думаю. Сказать тебе, о чем я думаю?

– Конечно, – сказал Андрей, протягивая к ней руки.

– Я думаю о том, как мы с тобой будем жить в Зурбагане... какой у нас будет дом, какие будут занавески на окнах и какие цветы разведем в нашем палисаднике. И еще я думаю, как мы назовем нашего маленького. Мне почему-то кажется, что это будет мальчик, и он будет похожим на тебя. Я придумала уже двадцать семь имен, и все никак не могу выбрать самое лучшее...

– Как странно получается, – сказал Андрей. – Вчера вечером ты заснула, а я не спал и смотрел на тебя... вернее, слушал твое дыхание, а тебя не видел, потому что было темно. И – думал о том же самом... то есть о том, как мы с тобой будем жить в Зурбагане. Я думал о тебе, о нашем ребенке... то есть о том же, что и ты сейчас.

– Мы с тобой думаем одинаково! – торжественно сказала Рита. – А, значит, ты сможешь угадать, о чем я подумала буквально сию секунду!

– Да тут и гадать-то нечего, – рассмеялся Андрей. – Ты подумала о душе, который я тебе вчера обещал.

– Точно! – в восторге воскликнула Рита. – Ты вчера обещал мне душ! И еще ты говорил, что душ будет холодным, и ты меня потом согреешь.

– Тогда – готовься! – сказал Андрей, вскакивая.

– А как это – готовиться? – спросила Рита.

– Ну, раздевайся.

– Совсем-совсем?

– А то как же! Кто же идет в душ одетым?

Рита принялась раздеваться, но на полпути остановилась.

– Знаешь, – сказала она, – я не могу сама... до конца. Я еще не умею... чтобы так, легко и до конца. Я, наверно, научусь потом, позднее... в Зурбагане. А пока – раздень меня сам...

Обнаженная, при дневном свете, Рита до такой степени походила на девочку-подростка, что у Андрея перехватило дыхание. Он укутал ее в одеяло и вынес из вагона на улицу.

Великолепное, наполненное солнцем утро. Невдалеке от вагончика среди кустарника высился самодовольный молодой ясен. Мириады утренних росинок, будто драгоценные камни, сверкали на его листьях. Вот к этому-то ясеню Андрей Риту и принес. Это и был обещанный холодный утренний душ.

– Ух, ты! – восхищенно прошептала Рита. – Как красиво...

– Прощу! – сказал Андрей, распеленав Риту. – Становись под дерево и встряхни его! И – сразу же ко мне, под одеяло!

– Я боюсь, – нерешительно сказала Рита. – Эта роса, наверно, такая холодная. Встряхни дерево сам.

– Ну, тогда держись! – сказал Андрей, подходя.

– Давай! – отчаянно зажмурившись, сказала Рита.

И – мириады блистающих на солнце холодных бриллиантов тотчас же обрушились на нагую Риту и одетого Андрея!

– Ух, ты! – едва выдохнула Рита, взглянула на Андрея и расхохоталась. – И тебя тоже! Прямо в одежде! Еще! Давай еще!

Андрей встряхнул дерево еще – и новые мириады бриллиантов обрушились на него и Риту.

– Еще! – радостно вопила Рита. – Еще!

– Может быть, хватит? – стараясь перевести занявшее дыхание, спросил Андрей.

– Еще! – требовала Рита. – Еще!

Андрей встряхнул дерево еще дважды, а затем бриллианты иссякли.

– Душ закончился до завтрашнего утра! – сказал Андрей и скомандовал: – Скорей под одеяло! Немедленно греться!

Он укутал Риту в одеяло, подхватил ее на руки и побежал к вагончику. Рита смеялась.

– Завтра мы уедем в Зурбаган! – хохоча, кричала Рита. – Завтра! Завтра!..

4

...Ну, любовники, ну в вагончике, – размышлял редактор, – подумаешь, сенсация!

Однако вскоре Яков Ефимович посмотрел на дело иначе.

– Так ты говоришь, – спросил он у присутствовавшего при разговоре Мыки, – что эта самая девица – совсем еще малолетка?

– Чистое дитя! – вместо Мыки клятвенно заверил Вася Нечитайло. – Он, то есть Мыки, са-

молочно наблюдал... будьте уверены! Титьки, говорит, еще толком не выросли...

– Гм... – сказал Яков Ефимович, и надолго задумался. – Вот что, братва лихая. Мне тут надобно слетать в одно местечко. А вы ожидайте меня... ну, скажем, в «Трех свиньях». Да-да, естественно... понимаю... вот вам деньги в качестве аванса. Но – не напивайтесь в тех «Трех свиньях» как свиньи. Потому что в любое время вы мне можете понадобиться для дела.

Получив аванс, Вася Нечитайло с Мыкой отправились в «Три свиньи», где их ожидали Валька Астролябия и безучастный Владик, а Яков Ефимович тем временем набрал телефон милиции.

Если бы трубку тогда поднял я сам или, скажем, Батя, то эта история имела бы, наверно, совсем другое продолжение. Потому что мы с Батей знали, что такое этот Яков Ефимович, и не стали бы с ним размазывать кисель по чистой скатерти. Да и он сам, думается, заслышав в трубке наши с Батей голоса, поспешил бы откланяться – иначе непременно нарвался бы на справедливую грубость с нашей стороны.

Но – случилось то, что случилось: трубку подняли не мы, потому что в тот день случился выходной и мы отсутствовали, а – дежуривший по отделу Федя Гвоздев. Этот Федя Гвоздев был милиционером тишайшим, исполнительным, пришибленным, нерассуждающим и абсолютно не способным к абстрактному мышлению. Вот на него-то искушенный Яков Ефимович и вышел.

– Это говорит редактор газеты «Сплошная сенсация» Яков Ефимович, – услышал Федя в трубке. – Да-да, Яков Ефимович... А это, стало быть, Федя Гвоздев... Наслышан, наслышан... Да какой там выходной, мама моя родимая! Какие у меня выходные, Федя! Тружусь на старости лет как последняя ломовая лошадь! Так и помру на рабочем месте, Федя!

– А чего звоните-то? – спросил Федя, весьма смутно представляя себе, кто таков Яков Ефимович.

– А дело у меня имеется, Феденька. Очень важное, между прочим. Имею информацию о совершающемся сейчас тяжком преступлении. Как порядочный человек и как гражданин, считаю своим долгом поделиться важной информацией, потому что... ну и все такое прочее.

– Преступление? – насторожился Федя. – Какое преступление?

– Наитягчайшее, – сказал Яков Ефимович. – Я так думаю, что совращение малолетней.

– Что-что? – удивился Федя. – Это как же?..

– Он мне говорит «это как же»! Ой, ой... Ну, слушайте, молодой человек, что я имею вам сказать по этому поводу... – и Яков Ефимович поведал Феде вкратце то, что сам недавно услышал от Васи Нечитайлы и Мыки.

– Ну, – засомневался Федя Гвоздев, – какое же это совращение? Развлекаются ребята... Я за них... хи-хи-хи... даже рад.

– Он мне будет говорить «развлекаются ребята»! – всплеснул руками Яков Ефимович на другом конце провода. – Он-то, может, и развлекается, а она-то, если судить по имеющейся у меня информации, малолетняя! Неразумное, так сказать, дитя!

– Ну, так и что же? – не мог взять в толк Федя Гвоздев. – Ну, малолетняя... Сейчас эти самые малолетние – ого... сами знаете, какие! Нас с вами еще научат... Короче говоря – развлекаются.

– Ой, ой! – горестно произнес Яков Ефимович. – Развлекаются – в густых кустах и вдалеке от мира... А если, например, он ее там держит насильно? Или даже не насильно, а просто – купил дурочку за шоколадку и пачку дешевых сигарет? А если, прямо сказать, он сексуальный маньяк? Маньяки – они любят, чтобы все было именно в кустах... а потом придушит девчонку, и поминай как звали.

– Да какой еще маньяк... – неуверенно сказал Федя.

– Я так считаю, – змеиным голосом произнёс Яков Ефимович, – что эти ваши слова, Федя, есть официальное мнение всей нашей милиции? И, стало быть, в качестве таковых я могу их присовокупить к своей будущей статье?

– Это к какой еще статье? – насторожился Федя Гвоздев.

– К разоблачительной, Федя, – сказал Яков Ефимович. – По поводу злодействующего в городе маньяка и реакции нашей милиции в связи с таким прискорбным фактом нашей жизни. Вернее – о полном нежелании нашей милиции реагировать на сей прискорбный факт.

– Ну... – впал после этих слов в размышления Федя. – А вы-то сами, к слову говоря, для чего мне об этом рассказали?

– По двум причинам, – сказал Яков Ефимович. – Во-первых, потому, что я честный человек и не могу, получив наиважнейшую информацию, не уведомить о том родную милицию... о чем,

между прочим, семь минут назад я вам, Федя, уже докладывал. А во-вторых, я прошу у вас позволения самолично присутствовать при поимке маньяка в качестве репортера. Это же будет замечательный репортаж! О том, как наша славная милиция вовремя среагировала на сигнал от обеспокоенных граждан и разоблачила маньяка! Готовьте дырочку для ордена, Федя...

– А другие обеспокоенные граждане, помимо вас, еще имеются? – спросил Федя.

– А то как же! Ждут в условленном месте и готовы к выполнению своего гражданского долга!

– Стало быть, свидетельская база имеется, – констатировал Федя.

– А то как же ей не быть, – сказал Яков Ефимович. – Они же заодно и понятия.

– Ну... – сказал Федя. – Ладно. Этим делом я займусь самолично. Вот прямо сейчас и займусь.

– Можно, разумеется, и сейчас, – сказал Яков Михайлович. – Но, я так думаю, лучше вечером... даже ночью... где-нибудь ближе к рассвету. Чтобы, значит, этот маньяк меньше всего нас ожидал и не оказал нам сопротивления. Вот они-то, эти сознательные граждане, о которых мы только что с вами беседовали, нас с вами туда и отведут. Ой, ой, какие мерзкие дела творятся в этом собачьем мире...

– А ежели, – засомневался Федя Гвоздев, – они до вечера того... исчезнут в неизвестном направлении?

– Я вижу, Федя, – назидательно сказал Яков Ефимович, – что вы ни черта не разбираетесь в жизни... уж простите старика за такие резкие эпитеты! Вы, судя по всему, очень слабы в психологии! Скажите-ка, а вы сами, будь вы на месте того маньяка, разве не пожелали бы продлить, так сказать, процесс наслаждения на как можно более длительное время? Ну, вы только себе вообразите: ночь, тишина, одиночество и тут же – на все готовая юная особа... эдакий сладкий персик! Ведь это же, скажу я вам, такое удовольствие, которое может длиться вечно... до самой зимы! Или вы, Федя, станете меня уверять в том, что я-таки не прав?

– Ну... – отвечивал Федя Гвоздев, на чём, собственно, разговор и закончился.

* * *

Андрей и Рита, разумеется, не знали, что это – их последняя совместная ночь, да даже и не вся ночь целиком, а всего лишь – половина ночи. Они не знали, что скоро для них всё закончится...

Вначале они ужинали. От купленных вчера на вокзале продуктов осталось всего ничего, так, какие-то крохи и еще – огромная вяленая рыба. Рыбину по просьбе Риты они есть не стали. «Это, – сказала Рита, – рыба из самого Зурбагана. Пускай она с нами и вернется в Зурбаган, хорошо?» «Само собою!» – смеялся Андрей, целуя Риту.

Вина в бутылке оставалась самая малость, и эту малость Рита откровенно, демонстративно, медленным взмахом руки частью выплеснула себе на грудь, а частью – себе на бедра.

– Ну? – глядя Андрею в глаза, призывно сказала Рита. – Я женщина, или я не женщина?

– Конечно, женщина! – сказал Андрей.

– Тогда чего же ты ждешь?

Рита снова и снова подставляла свое тело под поцелуи.

– Однажды, – лепетала она, – на мою ладонь упал желтый лист... Была осень. Я, конечно, и раньше знала, что осенью листья желтые, и что они облетают... но почему-то не придавала этому значения. А тут вдруг удивилась. Лист был резной и крупный... это был кленовый лист... и я вдруг увидела, что весь мир наполнен падающими листьями... и все вокруг было таким удивительным и непостижимым, что мне захотелось плакать. Это было в городском сквере... я нашла скамейку, где никто не сидел, присела на нее и всплакнула... а желтые и красные листья все падали и падали... И каждый из них словно бы пел. Мир был наполнен тихими голосами падающих листьев... это была удивительная и непостижимая музыка... они падали, падали, падали...

Потом Андрей, лежа на сене, сквозь полуоткрытую дверь вагончика задумчиво смотрел во тьму, а Рита, смеясь, играла с рыбиной.

– Когда мы приедем в Зурбаган, – сказала она Андрею, – я отпущу ее в море, там она оживет. Вот увидишь, оживет и уплывет – далеко-далеко! Как ты думаешь, когда мы доберемся до Зурбагана?

– Завтра, – сказал Андрей.

– Завтра? – тут же прекратила свою игру Рита. – Нет, и впрямь – завтра?!

– Завтра. Настанет утро, мы отправимся с тобой в город... я думаю, что все утряслось, и никто нас уже не ищет... я рассчитаюсь с работы, ты соберешь свои вещички, предупредишь свою маму – и мы уедем.

– В город, – задумчиво сказала Рита. – А, может, не надо в город? Ты знаешь, я почему-то

боюсь... Я боюсь, что если мы пойдем в город, он нас разлучит... он нас проглотит... мы там затеряемся... и больше никогда уже не встретимся. Я не хочу в город. Давай уедем так... без возвращения в город. Если не в этом вагончике, то в каком-нибудь другом...

– Пока мы не обрежем все веревки, которыми привязаны к этому городу, мы никуда не сможем уехать, – сказал Андрей. – Мне нужно рассчитаться с работы, забрать документы, тебе – поговорить с матерью.

– Наверно, ты прав. Но я все равно боюсь... Я боюсь не только за себя и за тебя, но еще и за него... за того, кто сейчас живет внутри меня. Мы с ним боимся вместе... у нас один общий страх на двоих.

– Иди ко мне, – сказал Андрей. – И – ничего не бойся. Будем считать, что мы только на несколько часов завернули в этот город, а следующая остановка – уже Зурбаган. Спи, моя девочка, спи. Завтра у нас будет непростой день...

– Завтра мы попрощаемся с нашим замечательным душем, – сказала Рита, – и с нашим вагончиком. Надо обязательно попрощаться и с вагончиком, и с душем... и еще нам надо не забыть про рыбину, чтобы отпустить ее затем в море.

– Конечно, конечно...

– Мне будет жаль расставаться с нашим вагончиком, – сказала Рита. – Так жаль, что я, наверно, буду плакать. И еще я буду плакать, потому что... можно, я не скажу, почему я завтра буду плакать?

– Ну и не говори...

Они уснули одновременно. Впрочем, Андрей тут же и проснулся. Его разбудило какое-то непонятное и тоскливое ощущение вдруг возникшей в нем тревоги.

Он осторожно поднялся, стараясь не потревожить Риту и прислушался к ночной тишине. Вроде все было как всегда: легкий шелест ночного ветра за дверью, далекие вокзальные гудки, еще какие-то невнятные шорохи, которые бывают лишь ночью.

И вместе с тем – что-то было не так. Что-то было не так до такой степени, что Андрей, помедлив, решил разбудить девочку.

– Вставай, – сказал он, опустившись перед ней на колени. – Просыпайся...

– Что? – вскинулась спросонья Рита. – Уже

утро, да? Разве уже утро? но почему же тогда так темно?

– Одевайся, – деревянным голосом сказал Андрей.

– Да-да, – засуетилась сонная и ничего не понимающая Рита: каким-то непостижимым образом невнятное ощущение тревоги, томившее душу Андрея, вдруг передалось и ей. – Да, конечно... скажи, что-то случилось?

– Мы – приехали, – тускло сказал Андрей. – Конечная станция – Зурбаган. Дальше поезд не идет...

– Я не понимаю...

– Иди ко мне, – сказал Андрей. – Садись. Посидим рядышком... у нас еще есть несколько минут.

– Хорошо, – покорно сказала Рита, садясь и интуитивно прижимаясь к Андрею. – Мне холодно... обними меня, пожалуйста.

Андрей обнял Риту за плечи и закрыл глаза.

Ощущение тревоги стало невыносимым.

Снаружи вагончика раздались голоса, вспыхнули острые, проникающие сквозь вагонные щели, лучи света, и в дверь забарабанили кулаки.

– Отворяйте! – закричали снаружи сразу несколько хриплых голосов. – Сказано – отворяйте! Иначе мы ломаем дверь! И – не пытайтесь сопротивляться! Ваше логово окружено... мать-перемать!

– Что это? – испуганно выдохнула Рита.

– Зурбаган, – безучастно сказал Андрей. – Мы приехали...

– Но... как же... Зурбаган? – не могла взять в толк Рита. – А где же это... добрые пираты, веселые бродяги, прекрасные женщины, ласковое море? Я не понимаю...

– Пираты, женщины... – раздраженно сказал Андрей, отстранил от себя Риту, встал и отпер дверь вагончика.

И тотчас в вагончик ворвались люди: режущие лучи фонарей исчертили темноту и полоснули по лицам Андрея и Риты.

– Не двигаться! – приказали Рите и Андрею. – Милиция!

– Какая к дьяволу милиция? – мрачно спросил Андрей. – Что вам здесь нужно?

– Тебя и нужно, – сказал чей-то голос. – И, само собою, твою деваху. Я сказал – не двигаться, пока не явится Медуза... тьфу, черт... следователь.

Вскоре в вагончик влезла и Медуза: в ту ночь она была дежурным следователем, и во-

лей-неволей ей пришлось ехать на место происшествия, чему, разумеется, она была никак не рада.

– Ага! – сказала Медуза, светя фонарем в глаза Андрею и Рите. – Вот они, голубки! А что, неплохо устроились! Вагон, сено, одеяльце... Ну-ну!

В это самое время в вагоне возник и Яков Ефимович собственной персоной и с фотоаппаратом наперевес. Щелкнув несколько раз фото вспышкой, Яков Ефимович вдруг замер.

– Ты? – растерянно сказал он Андрею. – Какого черта ты тут делаешь... это, стало быть, ты и есть тот самый маньяк? Ой, ой...

– Вы его знаете? – тотчас же накинулась на Якова Ефимовича Медуза. – Вы его знаете?

– К сожалению, – неохотно сказал Яков Ефимович. – Это корреспондент моей газеты Андрей Евдокименко.

– Ага! – торжествующе воскликнула Медуза. – Значит, так... значит, личность преступника установлена! Вот этого, – она указала на Андрея, – взять и запереть в машине, а ты, – Медуза ткнула пальцем в грудь Рите, – подожди меня снаружи. Мне еще надо тебя допросить, а затем на экспертизу... так что подожди, пока я осмотрю место происшествия. Где понятые? Почему я не вижу понятых?..

Тотчас же в вагончике возникли и понятые – Вася Нечитайло и Мыка.

В понятых и, по совместительству, в свидетелях они оказались не по своей воле. Оба они не любили иметь дела с милицией, ибо за свою жизнь предостаточно от нее натерпелись всяких несправедливостей, но... дожидаясь в «Трех свиньях» Якова Ефимовича, они дождались и его самого, и милицейского наряда, возглавляемого Федей Гвоздевым.

– Стало быть, – сказал Федя Гвоздев, обращаясь одновременно к Васе Нечитайло и Мыке, – вы покажете нам то самое место! А вы двое, – обратился Федя к Вальке Астролябии и флегматичному Владуку, – пошли отсюда к трепаной матери, а завтра явитесь к Медузе... то есть к следователю для допроса! И попробуйте только не явиться!

– Мы так не договаривались, и ничего не знаем! – сказали хором Вася Нечитайло и Мыка, обращаясь одновременно к Якову Ефимовичу и Феде Гвоздеву.

– Поговорите у меня еще, шантрапа косоупая! – гаркнул Федя и единым махом съездил

сразу двоим по шее, от чего тот и другой моментально пришли в унылую готовность помогать родимой милиции, в чем только той заблагорассудится.

И вот ровно в полночь Вася Нечитайло и Мыка во главе небольшого милицейского отряда и в сопровождении увешанного фотоаппаратами Якова Ефимовича двинулись к вагончику. Угнетенный безрадостными перспективами и вероломством со стороны Якова Ефимовича, Мыка скверно ориентируясь на местности. Трижды уводил отряд в неверном направлении, за что трижды же был чувствительно бит Федей Гвоздевым по шее и прочим частям организма.

Наконец, пришли, и сейчас Вася Нечитайло и Мыка в качестве понятых присутствовали при осмотре места происшествия Медузой.

Повторимся: настроение у Васи Нечитайло и у Мыка было преотвратнейшим. Вася мысленно костерил втравившего его в это дело Якова Ефимовича, а Мыка так же мысленно корил черта, без которого – Мыка был в том уверен – он не вляпался бы в столь двусмысленную, а главное, бесплатную историю. «Схожу завтра в церковь и поставлю свечку, – мысленно сулил Мыка черту. – Будешь у меня знать, поганец ты эдакий! Вот как только меня отпустят – так сразу же и схожу... попомнишь ты у меня, кривая твоя жога!»

Примерно через час осмотр места происшествия Медузой был закончен, то, что она вещественными доказательствами, было изъято, и только тут обнаружили, что главного действующего лица, то есть Риты, нигде не видно.

– Где эта малолетняя потаскушка? – заорала Медуза. – Я вас спрашиваю, уроды – куда подевалась девка? Отыскать... вашу перемать! Доставить!

Тут же кинулись Риту искать, но, как известно, нигде ее не нашли, развели руками, усадили беснующуюся Медузу в машину и убыли.

Около раскуроченного маленького мирка – допотопного вагончика с непонятной надписью на борту «Прокопьевск-Зурбаган» – остались лишь Мыка да Вася Нечитайло. Зародившийся предрассветный ветерок свободно залетал в отворенные двери вагончика и ворошил пахучие сухие цветы и травы...

5

Мы с Андреем беседовали долго – так долго, что даже флегматичный тюремный надзиратель

и тот не выдержал и несколько раз заглянул к нам – не случилось ли чего непредвиденного.

Верил ли я Андрею? Скорее да, чем нет. Конечно, теоретически рассуждая, Андрей мог и наврать: журналист, сочинитель, фантазер, да еще, к тому же, подозреваемый в препаскуднейшем преступлении – с такого станется. Но, рассуждал я, именно потому, что он журналист и сочинитель – он мог бы наврать и поскладнее. Гораздо складнее, вот ведь какое дело.

Он, к примеру, мог бы все отрицать, и поди уличи его во лжи, пока Рита отсутствует.

Он мог бы также оклеветать Риту – навязалась, дескать, сама до такой степени, что невозможно ее было от себя отогнать...

Он мог сочинить героическую историю о том, как их преследовали люди Красавчика и как он спас Риту, а заодно и себя от бандитской расправы.

Он мог соврать что-нибудь и еще – но он сказал то, что сказал. Поэтому-то я ему больше верил, чем не верил.

– Ну, хорошо, – подытожил я, и набрал номер телефона Бати. – Алло. Слушай, Батя, а не обращался ли к тебе на днях редактор газеты «Сплошная сенсация» с просьбой о том, чтобы ты защитил одного его журналиста от людей Красавчика?

– Ко мне – нет, – сказал Батя. – А вот к моему заму Венгерскому – обращался. Кажется, был какой-то инцидент в «Трех свиньях». Да-да... Какой-то журналист повздорил с Красавчиком из-за некой девицы, и сломал тому челюсть. Красавчик и компания искали этого журналиста, но Венгерский их урезонил... А что?

– А то, что все сходится, – сказал я. – Это тот самый журналист, и та самая девица...

– Совратитель и совращенная? – удивился Батя. – Гляди, как оно складно получается! Просто-таки романтическая история любви! Если бы не разница в возрасте между любовниками...

– Да и ляд с ней, с разницей, – сказал я. – Батя, его нужно отпустить.

– Думаешь? – после молчания спросил Батя.

– Почти уверен, – сказал я.

– А дело, естественно, прекратить? – спросил Батя. – Так следует понимать движение твоей милосердной души?

– Да.

– А Медуза?

– Перетопчется.

– А уголовный кодекс?

– Жизнь – штука сложная и многогранная. Ее всю целиком в уголовный кодекс не втиснешь. А судьбу всем этим девчонке сломать можно – и очень даже запросто.

– Философствуешь? – спросил Батя. – А отвечать, конечно, мне...

– Отобьемся, – сказал я. – Впервой, что ли?

– А если с девчонкой что-нибудь случилось? – спросил Батя.

– Не думаю, – сказал я. – Даже уверен: ничего с ней не случилось. То есть, конечно же, случилось, но – жива она и здорова. И не позднее, чем завтра я предоставлю тебе о том доказательства.

– Охо-хо, – сказал Батя. – Ладно. Заканчивай там – и ко мне на доклад. Со всеми, так сказать, частностями и нюансами.

– Я тебя отпускаю, – сказал я Андрею. – Дело мы постараемся прекратить.

– Я это уже понял, – дрогнувшим голосом сказал Андрей. – Спасибо вам.

– Пошел ты со своими благодарностями, сам знаешь, куда. Я тебя отпускаю не ради тебя самого, а ради нее. Ради Риты.

– Я понимаю...

– Ну-ну, – сказал я. – Я хочу тебя спросить... Я хочу спросить – как у вас будет дальше... ну, между тобой и Ритой?

– Я обязательно должен отвечать на этот вопрос?

– Нет, – сказал я.

– Тогда – я не стану на него отвечать, – сказал Андрей.

– Ну, а встретиться-то с ней ты намерен?

– Я не знаю, где она, – сказал Андрей, и добавил. – Правда же, не знаю...

– Я думаю, – сказал я, – что она отыщет тебя сама. Как только ты отсюда выйдешь, так сразу же и отыщет.

– Если бы, – ответил Андрей.

– Что ж... Распишись вот здесь. И здесь тоже... Командир! – кликнул я надзирателя. – Я его отпускаю. С разрешения Бати.

– Понятное дело, – равнодушно сказал надзиратель, и обратился к Андрею. – Пойдем, горемычный, в камеру за твоими вещичками. И – на свободу с чистой совестью.

– Спасибо.

– Все, иди, – сказал я.

– Стало быть, прекращаем дело? – спросил у меня Батя.

– Надо бы.

– Медуза заест, – тоскливо взглянул он. – Да и всякие проверяющие тоже могут... Да и Моня к тому же...

– Отобьемся, – повторно заверил я Батю. – Идут они все...

– В особенности Моня, – подытожил Батя. – Что хоть у них там было, в том вагончике, если не разврат?

– Жизнь была. Любовь между двумя одинокими людьми. А, скорее всего, односторонняя любовь.

– Она его любила, а он ее – нет, – сказал мудрый Батя. – Понятное дело...

– Дите, наверно, у нее будет, – сказал я.

– Моей дочери тоже семнадцать лет. Эх, жизнь-житуха... Ты думаешь, у них что-нибудь сладится?

– Думаю, что нет, – ответил я. – Напуганный он какой-то после всего. И – равнодушный. А, может, он был такой всегда – кто знает? Плюс огласка. Плюс – все-таки – разница в возрасте. Плюс – у него уже имеется семья. Хоть и стерва, судя по всему, его жена, а все же... Жизнь – как никак не романтический вагончик...

– Маршрутом «Прокопьевск-Зурбаган», – вставил Батя. – Да... А с девчонкой-то, я думаю, тебе все равно надо увидиться. Хотя бы для того, чтобы убедиться – жива ли?

Как мы с Батей и предполагали, ничего у Риты и Андрея в смысле их дальнейшей совместной жизни не вышло.

Риту я увидел вечером того же дня – у вагончика. Зачем я туда явился? Мне казалось, что она, Рита, непременно побывать там еще хоть один раз. Я не верил, что Рита и Андрей придут туда вместе, а вот то, что туда придет одна Рита – знал почти наверняка.

Откуда я о том знал? Ну, тут все просто. Я был сыщиком, и я искал Риту. Найти человека проще всего тогда, когда ты нарисуешь для себя его психологический портрет. Я нарисовал для себя психологический портрет Риты, и из этого следовало, что рано или поздно она непременно придет к вагончику. Еще хотя бы один раз. И, стало быть, незачем мне шастать по белу свету в поисках этой девочки...

Там я ее и увидел – вечером того же дня, как отпустил Андрея. Хрупкая девчонка с густыми, пепельного цвета волосами клоком сена стира-

ла с борта вагончика надпись «Прокопьевск-Зурбаган». Это и была Рита, это не мог быть никто иной, кроме Риты...

Увидев меня, Рита замерла, какое-то время смотрела на меня испуганно, затем взяла свежий клочок сена и продолжила свою работу. Работы ей оставалось немного – стереть последние пять букв: «...баган».

– Я его сегодня отпустил, – сказал я. – Андрея...

– Я знаю, – не сразу ответила Рита. – Наверно, теперь вы хотите арестовать меня?

– Нет, – сказал я.

– Тогда зачем же вы сюда пришли? – спросила Рита.

– Чтобы увидеть вас, – сказал я.

– Зачем?

– Ну, чтобы убедиться, что вы живы, и никуда не пропали, – сказал я. – Впрочем, если честно, я и без того знал, что вы живы, и никуда не делись. Хотя и не знаю, где пропадали все это время.

– Так, в одном месте, – не сразу ответила Рита. – Даже — в нескольких местах. Села на самый дальний автобус, и поехала. А затем — обратно...

– Я так и подумал...

Мы помолчали, а затем Рита спросила:

– Откуда же вы знали, что я буду именно здесь?

– Знал вот... Это не так и сложно – знать... да. Скажите, а зачем вы стираете эти слова?

Рита ничего не ответила, закончила свою работу, вытерла руки. Какое-то время молча смотрела на меня, затем подошла и присела со мной рядом на штабель гнилых и напрочь заросших травой шпал.

– Я хочу спросить, – сказала она. – Если, конечно, можно...

– Можно, – сказал я.

– Я хотела спросить... он вам все рассказал... там, в тюрьме?

– Почти.

– И вы теперь все-все о нас знаете?

Я ничего не ответил, да, видимо, Рита и не ждала от меня никакого ответа.

– Зачем же он это сделал? – спросила она больше у самой себя, чем у меня. – Зачем он все рассказал?

– Он боялся остаться в тюрьме, – сказал я. – Там ведь очень плохо. Он очень хотел выйти на свободу.

– Да, – сказала Рита, – да... Он такой слабохарактерный...

– Вы считаете, что он вас предал? – спросил я.

Рита пожала плечами, помолчала, а затем спросила:

– Скажите, а откуда о нас... обо всем этом вам... то есть милиции... стало известно?

– В общем – случайно, – сказал я. – Один тип вас случайно увидел, и донес.

– Зачем же он это сделал?

– Надеялся заработать.

– Заработать? – устало удивилась Рита. – Но как же... как же на этом... как же на этом можно заработать?

– Можно. На всем можно заработать... В особенности – на предательстве и доноситељстве. Предательство и доноситељство – выгодный товар в этом мире.

– И что же – он заработал?

– Нет.

– Почему?

– Зачем вам знать, – сказал я.

– А я знаю... Это вы не дали ему заработать. Ведь правда же?

– Это неважно, – сказал я.

– Это вы не дали ему заработать, – с каким-то непонятым для меня упрямством повторила Рита. – И он, этот... который... он предал нас бесплатно. Но для чего же он предал бесплатно? Я не понимаю...

– Просто – он учуял, что между вами любовь. Между вами и Андреем.

– Вы считаете, что между нами была любовь? – взглянула на меня Рита.

– Наверно, – не сразу ответил я. – Я так думаю... Андрей был одинок, и вы – тоже. Одиночество – это плохо и страшно. От одиночества можно защититься любовью. Только любовью, и ничем больше.

– Может быть, – сказала Рита. – Но все-таки – зачем же он нас предал... тот, который бесплатно? Я не понимаю...

– Люди ненавидят любовь, и стараются ее уничтожить... стереть. Всю свою жизнь люди, по сути, ничем более и не занимаются, как только тем, что уничтожают любовь.

– Почему? – спросила Рита.

– На этот вопрос не существует ответа, – сказал я. – Просто – люди ненавидят любовь.

– Когда есть вопрос, но не существует ответа, это называется философией, – сказала Рита.

– Может быть, – согласился я.

86

– Скажите, а как зовут того, кто нас... ну, предал? – спросила Рита.

– Зачем вам его имя? – взглянул я на неё.

– Я не знаю, – ответила Рита. – Просто мне нужно знать его имя. Для целостности картины...

– Их много – тех, которые предают, – не сразу ответил я.

– Вот как, – без удивления вздохнула Рита.

– Да, – сказал я. – Мыка, Медуза, Яков Ефимович, Моня, Вася Нечитайло, Валька Астролябия... Много...

– Имена-то какие...

– Какие люди, такие и имена.

– Вы очень похожи на него... на Андрея, – вдруг сказала она. – Чем-то очень похожи...

– Скажите, – спросил я, – а вы, как я понял, с ним уже виделись... после всего?

– Да, – ответила Рита.

– И – что же? – осторожно спросил я.

– Ничего, – сказала Рита.

– То есть? – все так же осторожно выговорил я.

– Вы знаете, что означает слово Зурбаган? – спросила Рита.

– Знаю, – сказал я.

– Это он рассказал вам... там... о Зурбагане?

– Да.

– Мы ехали с ним в Зурбаган, – сказала Рита. – Я – приехала, а он – отстал по дороге. Навсегда. И теперь я одна – в Зурбагане. Только и всего.

– Может, вам надо чем-то помочь? – спросил я после молчания, пристально глядя на эту рано и внезапно повзрослевшую девочку.

Мне вдруг показалось, что между нею и мной запросто могли бы возникнуть некие отношения. Не такие, разумеется, как между нею и Андреем, а – какие-то другие. Как, предположим, между

двумя цветками, которые произрастают на одном и том же лугу. И эти отношения закрыли бы зияющую где-то в глубине меня смутную и то скливаю прореху, которую я постоянно в себе ощущал, и из-за которой мне жилось на свете неприкаянно и худо. Но вместе с тем я отчетливо понимал, что никогда никаких отношений между мной и этой девочкой быть не может из-за тысячи самых разнообразных, больших и малых, и всяких причин. И, стало быть, мне только и оставалось, что повторить свой вопрос:

– Вам надо чем-нибудь помочь?

– Нет, – просто сказала она. – Я пойду... можно?

– Разумеется, – сказал я. – Всего вам доброго.

– Вам – тоже, – сказала Рита. – И все-таки вы чем-то так на него похожи...

– Если оно и впрямь так, – сказал я, – то для меня это очень огорчительно. Потому что – ваш Андрей мне не понравился. Вот не понравился – и все тут. А вы мне – нравитесь.

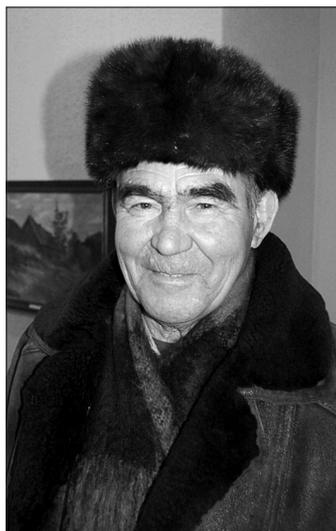
Рита ничего не сказала, вздохнула и медленно пошла в сторону вокзала. Отойдя метров на тридцать, остановилась, обернулась и помахала мне рукой. У меня вдруг ни с того, ни с сего защипало в глазах...

...Вновь об этой истории мне напомнил Мыка. Он угодил в психиатрическую лечебницу. Он очень поправился, даже помолодел, у него просветленный и осмысленный взгляд. Меня Мыка признал и заявил, что как только его выпустят из лечебницы, он тут же сядет на поезд и уедет в город Зурбаган. «Начальник, – спросил меня Мыка, – ты знаешь, где находится город Зурбаган?» «Знаю», – ответил я.

**Дмитрий
КЛЁСТОВ**

ПЫЛЬ-ДЫМ

РУКИ

*Нередко я руки теряю,
Как – будто и не было их:
Ладоней шершаво-корявых
И пальцев избито-кривых.*

*Чужие – по самые плечи:
Ни болей, ни судорог нет.
За что меня, кто покалечил
В расцвете задористых лет?*

*Какой суеверный фанатик
Загребы мои уволок?
Наверно, породу лопатит,
Наверно, крушит уголёк,*

*А может, таинственным сводом
Красивые крыши вершит...
«Опять ты раскинул колоды», –
Жена среди ночи ворчит.*

СОВЕТСКАЯ ФАЗАНКА

*На работу идут гроботёсы,
В шепелявых зубах папирасы,*

*Вороватыми смотрят глазами –
Топорки у них за поясами.*

*С Волги-матушки, тихого Дона
Безотцовщина, да из детдома.*

*Государственные фуфайки –
ФЗУшники это, хобзайки.*

*Присмотрела Отчизна, пригрела
Для насущного, общего дела.*

*Есть жильё и кормежка от пуза.
И великая стройка Союза.*

ШАХТА «СЛЕПАЯ»

*Она обижена судьбой:
Служить в сырой земле.
И обзывать её слепой
Позволено молве.*

*Она состарилась впотьмах
За много-много лет,
И не способна как-никак
Восславить божий свет.*

*Сиянье Млечного пути
И утренней зари
В ней имитируют, поди,
Скупые фонари.*

*Вечерний клетот пустельги
И ветер грозовой,
И благовоние тайги
Я привношу в забой.*

Клёстов Дмитрий Петрович родился в деревне Евтино Беловского района Кемеровской области в 1942 году. Служил в Советской Армии командиром танка в Германии. Работал на шахтах и рудниках и в геолого-поисковой партии. Печатается в газетах и журнале «Огни Кузбасса». Издал четыре книги «Земная ноша», «Оглянись с большака», «Любо-дорого», «Избранное». Член Союза писателей России. Живёт в городе Гурьевске.

За трудный опыт горняка,
За радость хлебных дней
Я канонадой взрывника
Отсалютую ей.

А за колониальный гнёт,
За много-много лет
Она единожды рванёт
На весь на белый свет.

НА СПЛАВУ

Бурлит и клокочет таёжный поток,
Резвится и кружится в заводи вешней.
Я клоун, мальчишка, я просто игрок
В работе горячей, отчаянной, спешной.

Ослизлые бревна – живые тела –
Вскипают и дыбятся в тесном заторе.
Азарт и бравада. Была ни была –
Фатальная пуля в ружейном затворе.

Осечка, промашка и жабам на дно
Утащат вериги – тяжелые бродни.
В лесную деревню прибудет кино,
И спирт настоящий прибудет сегодня.

Девчат-скороспелок примчится гурьба
Из дальних и ближних таёжных заимок.
И первой любовью ошпарит судьба
В порочно-пристойном кругу вечеринок.

В брезентовом фраке, с багром на плече
Явлюсь я в деревню пред милые очи,
Наполненный удалью русских мужей
И силой и славой рабочей.

* * *

Обильные, размашистые вьюги
Легли лебяжьим пухом в тополя.
Красивые, улыбчивые други
Из чёрных рамок смотрят на меня.

В эпоху знаменитых пятилеток
Из них по праву каждый знаменит.
Забой последний пройден, напоследок
Землём и снегом ласково укрыт.

Мои друзья, как в раскомандировке,
Сошлись рабочей силой поиграть.

И наплевать друзьям на забастовки,
На власть блатную тоже начихать.

До лампочки и гибнущее втуне
Чахоточное чрево рудников.
Они сошлись, как будто накануне
Собрания былинных горняков.

ВЗРЫВНИК

Торопясь и не трусливой прытью
Я шагаю к добромому укрытию.

Позади, в расщелине породной
Полыхает шнур огнепроводный.

Искрами всё ближе к аммоналу,
Жахнет вдруг! – скалы, как не бывало.

Станет в небе облако метаться,
И земля и воздух – колыхаться,

Сверху падать острые каменя
За мои лихие прегрешенья.

Но меня, как друга-ротозея
Смерч взрывной по капле не рассеет.

Не хочу я быть распятым взрывом
На лугу до одури красивом.

САНИТАРНАЯ РУБКА

Санитарная рубка в тиши
Беззащитного бора,
Санитарная рубка – афёра
Низкопробной корявой души.

Мы нечаянно. Мы за чай
Корабельные сосенки пилим
Могутным оборотистым «Штилем»
Прямиком в ненасытный Китай.

Наш кондовый, реликтовый лес
Оборотистый Ванька спровадит,
Сам на полном скаку переседет
В бронированный Мерседес.

Смажет Ваньку, как некую тлю
Бронебойная пуля-голубка...
Чу! Идёт санитарная рубка
В милосердном тишайшем краю.

* * *

*Лезхозовский балок –
Таёжная избушка,
Залётный мужичок
У нас на побегушках.*

*– Савелий, поднеси!
– Сгоняй-ка по дровишки!
Откуда на Руси
Беспечные людишки?*

*Он хвалится: в НИИ
Был первым инженером.
Никто ему – ни-ни –
На этот счёт не верит.*

*И вроде не балбес,
Но и, увы, не пахарь.
А наш сибирский лес
Не бублики, не сахар.*

*Ненастье да нужда,
И низкая зарплата.
И злобу, как всегда,
Мы сдабриваем матом.*

*Кто виноватый в том,
Что мы осатанели?..
Идёт на ключ с ведром
Безропотный Савелий.*

* * *

*Над синью таёжной
Белесая дымка
Струится дремучим
Заснеженным логом.
Под кедром могучим
Изба-невидимка –
Забитая снегом,
Забытая богом.*

*Пустынная келья
Не знает кручины.
Среди перевозанных
Сугробов-заносов
Она разговееется
Светом лучины
Да сочивом сладким
Лесных дикоросов.*

ПЛАЧ-ГОРА

*Я вчера спросил буровика,
Хорошо знакомого с тайгой:
– Эта горка с прядью тальника
Отчего зовётся Плач-горой?*

*Каждая колдобина трясла
Работягу – мощного «Урала»,
Что за тайна горькая легла
У её подножья – пьедестала?*

*– Мудрствовать лукаво не могу,
Философий тоже не приемлю:
Самоходка траками в логоу
Человека затоптала в землю.
Вот и всё, – ответил буровик. –
Наша повседневная работа.
Впрочем, был бесхитростный мужик,
Да себе на горе полоротый.*

*Выходы из мифа-тупика
Вряд ли я когда-нибудь открою...
Эта горка с прядью тальника
Пусть себе зовётся Плач-горой.*

* * *

*Я топором взмахну и крикну
(Мне дело это по зубам),
И годовые кольца кряжу
Пересечёт глубокий шрам.*

*Крепись, увесистая чурка,
Несокрушимый делай вид.
Трещит игривая печурка,
И банька русская дымит.*

*Окно обильно запотело,
Вдыхаю, и не надышусь.
Задорно крякая, по телу
Я свежим венником пройдуся.*

*До одури, молодцевато,
Я исхлещу все мощи всласть,
Водой холодной из ушата
Я обольюсь, перекрестясь.*

*И тело розово обмякнет
Иду на воздух, чуть дыша,
А стопку поднесут, и крякнет
Достойно русская душа.*

БЛАГОВЕСТ

Синь морозная, воздух вольный.
Бездна чистая, как слеза.
Воздымается колокольня
В Салаирские небеса.

Седину свою запрокину
В переливчатый перезвон.
Вековечную боль-кручину
По-отцовски врачует он.

По холмам – разливанной негой,
По распадкам – блаженный шум.
Он посредник Земли и Неба
И моих застарелых дум.

«ПЫЛЬ-ДЫМ»

Дядя Ваня «Пыль-Дым»,
Клана некогда падшего,
Под окошком моим
На похмелку выпрашивал.

Дашь, не дашь – пилигрим
Отойдет, не обидится.
Лишь ругнется: в пыль-дым,
На том свете увидимся.

Осенила меня
Вроде выгода шкурная,
Будто книжка моя –
Что клубничка гламурная.

Вот подам-подарю,
Может быть, не побрезгует,
И за чтивом зарю
Встретит – зореньку трезвую.

Сочиненье моё
Нрава доброго, строгого
Пусть украсит жильё,
Бомжеватое логово.

Вроде, от кулака
Отшатнулся от подлости,
Мол, нашел дурака
Изучать ваши повести.

Одарил бы рублем –
Взял бы он без зазрения.
Горе горькое в нем
Моего поколения.

Под окошком другим
Руки жмет заскорузлые
И поносит в пыль-дым
Сочинителя русского.

* * *

Мне гнушаться-чваниться
Было некогда.
Омываю девку-пьяницу –
Больше некому.

Разбежались тертые
Собутыльники.
Будто врежет мертвая
Подзатыльника.

На дрянном половике
Обнаженная.
Мыло есть в моей руке
Благовонное.

Русы косы расплету –
Раскудрявятся.
Я увижу красоту –
Раскрасавицу.

И отмою добела
Руки-ноженьки.
Чтобы чистенькой была
Перед боженькой.

* * *

На моей белоснежной Родине
Вихри всякие колобродили.
Посреди зимы морось-оттепель
Непогодушка завернет теперь,
Или стынь-мороз по-над пашнями
Грянет вдруг по-сибирски, по-нашему.

* * *

Откукует кукушечка скоро
На опушке окрестного бора,
Насчитает лихие години,
Не осилить мне и половины.

Но коснётся коса травостоя
На макушке Петровского зноя,
Да нальются медовые злаки –
Я забуду кукушечьи враки.

*И забудет родная сторонка,
Но овсянка – приёмная мать
Будет нянчить её кукушонка
И научит по жизни порхать.*

* * *

*С пилой да рубанком, с топориком вещим,
Повсюду своим и повсюду нездешним,
Я брёл по родной, благодатной Сибири,
Меня беспризорные бабы любили,
А я перво-наперво доброе дело,
Потом лишь Тургеневско-Бунинских девок
Я слушал напевы, стихи-переливы
И самым несчастным и самым счастливым.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ШАХТА, ШАХТА, МАЛАЯ ОТЧИЗНА...

Помню всегдашний упрёк поэтам Кузбасса, мол, живём в индустриальном крае, а вы пишете о природе, о любви, берёзках и цветочках. Где стихи о героической профессии, о шахтёрах? И действительно, отчасти вопрос и упрёк были справедливы. Но всё это происходило, по-моему, потому что настоящие поэты, а они всегда были в нашем крае, не могут писать о том, что не знают, или, зная, – неправду. Это недоехавшему или проезжему поэту из Москвы можно было бросить что-нибудь «нетленное» типа: «Через четыре года / Здесь будет город-сад!» Или совсем надуманное, как про детей в песочнице (о шахтёрах): «Порой копаться в собственной душе / Мы забываем, роясь в антраците». И пошли-поехали строчки письменно и песенно колесить по стране.

«Нравственность есть правда», – сказал наш современник, сибиряк, имея ввиду и то, что писатель, поэт должен отвечать за написанное.

В нашем шахтёрском крае появились и окрепли своим словом поэты-шахтёры: Дмитрий Клёстов, Николай Бацевич, Александр Курицын. Причастность к делу, превратившаяся в родство, даёт им право говорить открыто, с выстраданным знанием – с гордостью и горечью о шахтёрском труде.

Знаю, Дмитрий Клёстов шёл именно к этим стихам далеко не прямым и торным путём. Полнота жизни захлёстывала отзывчивый его талант.

* * *

*Я пас коров в березняке,
В крушинном логе.
Я ноги грел в коровяке,
Босые ноги.
В грозу от хлёсткого дождя,*

*Стального града
Меня, как юного вождя,
Спасало стадо.
Бурёнки, жертвуя собой,
Они, скотины,
Смыкали дружно надо мной
Рога и спины.
Грозой омытый березняк
Был чист и ясен.
Не обзывал я их никак
И не дубасил*

И нужно было время, чтобы наметился основной вектор в его поэзии – шахтёрский. Но не подумайте, что я восхищаюсь узким специалистом, посвятившим себя целиком и полностью написанию стихов на заданную тему, а узкая специализация нынче особенно приветствуется – можно больше заработать. Здесь другое, о чём бы ни писал поэт Дмитрий Клёстов, работая в шахте или, выйдя на пенсию, рубя баньку или часовенку в тайге, он остаётся шахтёром, современником, рабочим человеком, закса такая.

*Мы в старую шахту пробились забоем.
Бабахнули взрывом над вечным покоем.*

Оказывается, «здесь золото рыли мятежные предки». Вот тесный штрек, вот тяжеленная тачка. Но концовка стихотворения высвечивает, как во мраке, горькую нашу историю:

*Балда деревянная, цепи, колодки,
А всё остальное, как в нашей проходке.*

А это уже наши дни, и опять они почему-то не слаще:

*Горловина смердящего кратера,
Иступленно разинутый зев.
А над ним – нелюбовь Богоматери
И Всевышнего истовый гнев.*

Или:

*Камыш и осока и бледный тальник,
Фабричные грязные стоки...
А я не волнуюсь, я как-то привык
К иронии жизни жестокой.*

Разные ипостаси лирического героя Дмитрия, но тоже связанные с землёй, земные, насущные:

*Я копаю колодец насущный
С недокучливой песней щегла.*

И в другом стихотворении как продолжение, как подтверждение кредо:

*Баньки русские рублю.
Для благого омовения
Нашей русской голытьбы.
И горжусь до умиления
Даром плотницкой судьбы.*

И кто ему запретит сказать правду, выстраданную, как подземный стаж, но не только для пенсии.

*Ущелье. Фабрика. И пруд.
Рудой груженные составы.
И в шахту, словно в пасть удава,
Шахтёры медленно идут.*

Но и, вроде бы противоречиво, так нет! – от пол-

ноты ощущения жизни, глубоких размышлений о своём труде, он говорит:

*Шахта, шахта, малая отчизна,
Вечный зов в чистилище её.*

Все теперь наперебой цитируют: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...» Но давайте не забывать, что стихи также растут из ощущения нужности труда – для продолжения рода, искренности молитвы, физической радости (и не только для Олимпийских побед, которые теперь уже всё чаще откровенно ради денег). Труд, который отодвигается «сором» всё дальше и дальше. А «сор» становится всё воинственнее и воинственнее. И, слава Богу, что поэту Дмитрию Клёстову из старинного сибирского города Гурьевска хватает мужества сказать своё крепкое слово.

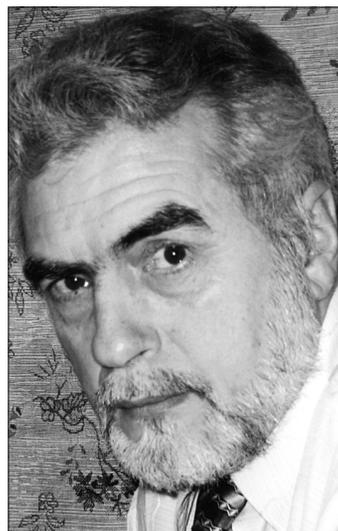
Сергей ДОНБАЙ

**Сергей
ЧИНЯЕВ**

В ОДНОЙ ЛОДКЕ

Из записок геолога

В погожий августовский денёк деревянная десятиупружка¹ с тремя пассажирами, где с хрустом гальки под днищем, а где и волоком по почти сухим перекатам, но потихоньку ползла вверх о горной реке. В межень такое продвижение с подвесным-то мотором по Усе дело вполне обычное. Но вот моторка вылезла на широкий плёс, и пассажирам можно было, наконец-то, расслабиться – передохнуть от усердий бурлацкого труда.

Новенький «Вихрь» теперь уверенно тащил «деревяшку» по глубокой спокойной воде. Разомлев от солнечных лучей, моторист на корме стал потихоньку засыпать под монотонно-убаюкивающий шум двигуна. Лишь изредка кормчий приподнимал голову и вновь входил в состояние полудрёмы – по всему было видать, что путь этот он проделывал не первый раз и хорошо знаком с фарватером. Уже минуло около четырёх часов, как лодка отошла от городского причала Междуреченска, а прошла она только чуть более половины намеченного пути.

Пассажиры, привалившись на брезентовые тюки, совсем уж откровенно дремали. Только новый сотрудник геологической партии – бывший «газетчик» Володя Валиулин, решивший в които веки отдохнуть от рутинной работы в редак-

¹ Самодельная лодка в Горной Шории. Названа по числу шангоутов.

ции и побродить с геологами по тайге, не смыкал глаз и, очевидно обдумывая будущий очерк, неотрывно и пристально всматривался в разрезаемую деревянным носом водяную синь – ему ведь эта таёжная экзотика была внове. Вдруг «газетчик» приподнялся со своего места и, опираясь одной рукой на правый борт, стал показывать другой на воду:

– Смотрите! Смотрите! Плывёт кто-то?!

97 В десятке метров по правому борту лодки старательно грёб к берегу какой-то маленький зверёк. Из воды торчала только его мокрая с прижатыми ушками головка.

– Белка!!! – опознав мокрое существо, закричал Володя мотористу, – давай спасём её...

Повернув румпель, моторист зашёл на круг и осторожно приблизил лодку к зверьку. Володя свесился с борта, намереваясь руками подхватить белку.

– Осторожно! У неё зубы мощные – тяпнет за палец, будь здоров, до самой кости, – торопливо предостерег моторист его решительные действия.

Первая попытка подхватить пловчиху не удалась. Пришлось снова заходить на лодке по кругу, стараясь как можно ближе подплыть к отчаянно работающей лапками белке. Хвост у зверька уже намок и был почти не виден на поверхности воды, а это явный признак того что силы белки

ЧИНЯЕВ Сергей Викторович родился 3 октября 1953 года в селе Терехино Новокузнецкого района Кемеровской области. Служил в армии. В 1981 года окончил Томский государственный университет. Отработал в полевой геологии более тридцати лет. Прошел путь от маршрутного рабочего до главного геолога. Работал в Монголии.

Печатался в областной газете «Край», в журнале «Огни Кузбасса». Живет в Кемерове.

были на исходе и она могла просто не добраться до желанного берега.

Передав Володе черпак, изготовленный из шахтёрской каски с приделанным берёзовым черенком (в шахтёрском городе Междуреченске, считай, все лодки были оборудованы такими черпаками), моторист замедлил ход – почти остановился. Володя ловко подхватил зверька черпаком и перекинул его из реки в лодку.

Оказавшись на сухом брезенте, белка ничуть не удивилась новой обстановке и, даже не поблагодарив спасителя, сразу же принялась деловито лапками отжимать намокшую шубку и хвост, а потом и вовсе елозить тельцем по брезенту – тщательно вытирая речную влагу. Закончив эту процедуру, нашла удобное место и, свернувшись калачиком, улеглась досушивать шёрстку на солнце.

Взбодрившиеся от происшествия пассажиры были весьма удивлены непринуждённому безбоязненному поведению этого маленького дикого существа, наверняка никогда ранее не встречавшегося с людьми. Некоторое время белка, вроде как, дремала, укрывшись пушистым хвостом, затем вдруг резко вскочила, уселась на задние лапы и стала поглядывать на людей своими глазками-бусинками. Опасений соседи у неё не вызвали – они ведь теперь были все в одной лодке и, наскоро оглядевшись, она решила исследовать содержимое судна. По узкому деревянному борту белка направилась в носовую часть. На пути ей попала лежащая на борту рука Володи. Она остановилась и, внимательно посмотрев на него, цокнула, как бы намекая: «Не могли бы вы, сударь, убрать руку – мне нужно пройти?!» Володя намёк понял, убрал руку, и белка засеменила по борту дальше. На носу лодки она пошныряла по ящикам, но ничего интересного для себя не обнаружила и вскоре вернулась тем же путём на прежнее место.

Но видно еще не всё было суетливой гостьей проверенно и обследовано: внимательно посмотрев в сторону кормы, она снова прыгнула на бортовой отбойник и направилась по ребру тонкой дощечки – к мотористу. Не обращая внимания на неприятный гул мотора и запах бензина, перебралась к нему на сидение и, нисколько не стесняясь, прикоснулась лапкой к ноге. Моторист немного опешил, но знакомству был рад, смотрел на рыжую гостью сверху вниз и не шевелился. Но белка устремилась дальше – перепрыгнула на высокий транец, потом на плоский

колпак мотора и с него уже вдруг вскочила кормщику прямо на правое плечо. Это было неожиданно и совсем уж, как-то по-свойски – парень даже немного обомлел от такого особого внимания и панибратства. Он теперь даже ухом боялся шевельнуть, потому как перед ним белка, щекоча его усами, чистила лапками свою мордочку – похоже, что марафет наводила.

Наблюдавшие эту умилительную сцену пассажиры оторопели от такой непосредственности зверька, но вот опомнились и, расплывшись в широких улыбках, полезли в рюкзаки за фотокамерами.

Вскоре белке надоело позировать, она прыгнула с плеча кормщика и снова вернулась в середину лодки – брезентовая постель её вполне устраивала. Геологи уже начали подумывать, что белка теперь стала совсем ручной и, наверное, прокатится с нами до самого лагеря, а там останется у них жить до окончания сезона. Но спустя какое-то время белка вновь резко вскочила с брезента и, как будто вспомнив о каких-то своих важных делах, воззрилась в сторону левого берега. Она снова перебралась на деревянный борт и – даже не попрощавшись, сиганула в воду. Моторист невольно сбавил газ – белка быстро плыла по воде с поднятым хвостом; видно какой-то инстинкт неумолимо гнал её на противоположный берег, заставлял преодолевать довольно широкую реку ради поставленной цели. Теперь было понятно, что в воде она оказалась совсем не случайно, а по собственной доброй воле.

Оказывается, в неурожайные на кедровый орех годы, белки, спасаясь от «голодухи», мигрируют, преодолевая порой большие расстояния – до сотен километров. Мигрируют белки, как правило, поодиночке – не подвержены они стайному образу жизни, каждая принимает решение самостоятельно, подчиняясь лишь собственному природному инстинкту. Форсируя встречающиеся на пути реки, иногда гибнут, выбившись из сил в длинных стремительных водах.

Выловленная геологами белка благополучно добралась до желанного берега, ведь перехватив её на середине реки со спасительной целью, люди только предоставили ей возможность малость передохнуть, обсушиться и удовлетворить своё откровенное любопытство. И эта, весьма кстати, встретившаяся ей на пути лодка была для неё – неожиданно откуда-то

взявшись плавающим спасительным остро-
вом со странными и, как оказалось, вполне до-
бродушными существами, и она на нём была
лишь гостьей. Ну что ж – погостила, обознакоми-
лась и отправилась далее по своим неотлож-
ным и весьма важным беличьим делам. Уро-
жайных тебе кедров, пловчиха!

ГОРНОЕ СУБИТО

Склон горбился могучей спиной, обросшей
щетиной чахлах пихтушек и далее уходил куда-
то под облака. Восемьсот метров чуть не по вер-
тикали геологам нужно было преодолеть «в
лоб». Там за перевалом был намечен участок
для изучения разреза древних отложений; пред-
стояло штурмовать эту крутую горку.

– Ну что, передохнули? – нарушил молчание
начальник отряда Копьев. – Тогда, вперёд! – и
первым полез на крутизну, разгребая длинной
берёзовой ручкой геологического молотка густой
высокорослый травостой; пять человек устреми-
лись за ним следом.

Вскоре гора выгнала на спинах пот. Штор-
мовки, и без того просоленные за лето в марш-
рутах, покрылись влажными тёмными пятнами.
В небольшом островке пихтача остановились
для передыха. Закурили. Начальник, обтирая
платочком лицо и шею, произнёс:

– Я как-то встречал в одном из старых гео-
логических отчётов выражение: «Травяной по-
кров в Кузнецком Алатау в летний период скры-
вает всадника на лошади». – И не дождавшись
реакции спутников, подытожил: – Верно,...
джунгли, да и только...

Сигаретный дым окутывал лица, но мошка
всё равно надоедливо лезла в глаза. Пот на при-
липших к спине рубашках стал остывать. Доку-
рив сигареты, геологи двинулись к перевалу.

По мере продвижения к водоразделу идти
становилось легче: трава стала приземистее,
сверху потянуло свежим прохладным воздухом.
Наконец, вырвавшись из душных зарослей, от-
ряд вышел наверх. Взорам предстали просторы
субальпийских лугов и горной тундры. Травы
здесь едва доходили до щиколотки, стали скуд-
нее, жёстче и суше. Хвойный стланик да зарос-
ли кустарниковой берёзки с мелкими – разме-
ром с ноготь листочками, устилали водораздел.
Вся растительность, даже редкие горные цве-
ты, были словно прижаты к земле сдерживаю-
щей их рост гнетущей силой. Просто лилипутия
какая-то. Неприятна взору горная тундра – не-

кая ласковость в ней присутствует. Лишь одино-
кие приземистые пихты на этом фоне поражают
своим неповторимым уродством, их корявые
длинные сучья цепляются за одежду – они
словно бессменные и замшелые часовые на пу-
ти пришельцев.

Свежий ветерок быстро иссушил липкий пот
на лице, исчез надоедливый гнус – своеобраз-
ный комфорт высокогорья. А тут ещё – пожа-
луйте вам, необозримые плантации черники –
ну как же не отведать угощенья. Маршрутные
рабочие, молодые ещё парни, не сговариваясь,
опустились на корточки и стали расползаться
по ягоднику.

– Э-э! Ребятки, – окликнул их начальник – не
увлекайтесь! Торопиться надо. Вот на обратном
пути, пожалуй, наберём ягоды... Если время
останется.

По водоразделу пошли быстрее. Веточки
карликовой берёзки шумно зашаркали о кирзо-
вые сапоги, отчего те вскоре зарыжели разлох-
маченной кожей. Но путь лежал дальше: нужно
снова спускаться в травостой черневой тайги.

Горный ручей на дне ущелья по другую сто-
рону перевала встретил геологов прохладой и
радостным звонким журчанием. Место времен-
ной стоянки выбрали сухое, закрытое от ветра
стенкой невысоких пихт. Спешили. Торопливо
развели костёр, подогрели стандартный обед
геолога, именуемый, согласно этикетке на банке,
«Завтраком туриста», и вскоре разбежались по
намеченным маршрутам. Времени на изучение
разреза древних толщ оставалось мало, и нужно
было успеть сделать основную часть работы в
первый же день. Работали «до упора» – пока
глаза могли различать горные породы.

Из маршрутов геологи вернулись уже в су-
мерках. Маршрутный рабочий Паша сразу же
взялся готовить ужин, а геологов Копьев собрал
на совет. Но вот ужин уже поспел и Паша при-
глашает к костру:

– Ну, идите вечерять, геологи! Всё готово!

За ужином Копьев похвалил временно на-
значенного повара:

– Павел, в тебе, однако, пропадает кулинар...
Какой ужин приготовил!

– Да чего там... лапша с тушёной. Ну, луку
добавил, кое-какие специи, вот и получилось
вкусно. – И, немного помолчав, Паша искоса по-
смотрел на лежавшую рядом одностволку и меч-
тательно произнёс. – Вот если бы свежего мяс-
ца... Я бы вам такое блюдо приготовил!..

– Это намёк?! Ладно, ловим на слове – будет тебе свежее мясо! – ответил обладатель «ижевски» на его ненавязчивую просьбу.

Ночь наваливалась на стоянку чёрно-синей бодрящей свежестью. Это холодное дыхание, прилетевшее с горных вершин, понудило к спешной заготовке дров для ночного костра.

– Брр! Как резко похолодало, – заметил Павел, сбросив с плеча приволоченный им сухой ствол дерева. Он снял очки и стал протирать запотевшие стёкла.

– Зато мошка исчезла – нет худа без добра, – вмешался геолог Волков. – А кстати, чего это Паша ты притащил?!

– Как чего?! Дрова!

– Какие же это дрова? Это не дрова, а колода с патронами, – и, посмотрев на недоумевающего рабочего, добавил, – пихта! – горит с треском, – не знаешь, когда и куда стрелять будет. – Затем поучительно с расстановкой: – Кедр нужен! Он горит ровно без треску и жару даёт больше. Понимаешь?!.. Ну, на крайний случай сгодится берёза аль тальник.

Павел уважительно посмотрел на умудрённого опытом геолога; Волков не упускал случая блеснуть перед зелёной молодёжью своими практическими навыками походной жизни и, почесав рыжую бороду, закончил: «Учись, пока я жив, студент!»

Заготовка дров продолжалась общими силами до тех пор, пока тьма окончательно не поглотила окружающее пространство.

Ночь выдалась звёздная и необычно холодная, пришлось всю ночь поддерживать огонь и попеременно подогрывать возле костра зябнущие бока. Сна практически не было: лишь на короткое время удавалось сомкнуть глаза, и вновь кто-то начинал ворочаться и подбрасывать дрова в костёр. Павел, укутавшись брезентовым плащом, свернулся калачиком и улёгся головой к костру. Копьев, приподнявшись с пихтовой подстилки, повернулся к нему и спросил:

– Павел, ты зачем голову греешь?

– Так холодно ведь! – возмущённо огрызнулся Павел и резко запахнулся плащом.

– Надо не голову подогрывать, а зад. Зад – он же, как аккумулятор для всего организма. Если задница в тепле, то и телу будет тепло.

Павел приподнял лацкан плаща, подозрительно посмотрел на начальника, но всё же развернулся спиной к костру.

– И верно, так намного теплее, – заявил он через некоторое время, когда Копьев уже начал ловить минуты сладостной дремоты. – Интересное свойство организма...

Рассвет открыл перед геологами удивительную картину: за ночь окружающая природа поседела – выбелилась, словно в сказке. Сильный заморозок покрыл белым инеем всё, что находилось вокруг ореолом костра. Листва на деревьях и лапки пихт покрылись серебром и словно околдованные замерли в тихом ожидании. Изморозь выткала дивные узоры на ещё зелёном травяном ковре. Ягоды смородины и кислицы превратились в подобие стеклянных цветных бус, сияющих в первых лучах восходящего солнца. Всё умолкло: не было привычного щебета птиц, исчезли насекомые. Лес казался неживым и таинственным. Воцарившуюся тишину нарушал только лениво журчащий ручей.

Но вот солнце пробилось через хвойные макушки пихт, и под его жгучими лучами иней на деревьях – сначала стал переливаться сверкающими россыпями драгоценных камней, а затем таять и крупными прозрачными каплями падать на землю...

Ярко-синие небо со дна ущелья казалось в это утро бескрайне глубоким, похожим на бездонное море. Но внезапно на его фоне стали появляться белые облачка, их становилось всё больше и больше...

Работа по изучению разреза практически была закончена, и оставалось уточнить только некоторые детали. Памятуя заявление Паши, молодой геолог Чуров обратился к начальнику отряда:

– Алексеич, на разрезе работы осталось немного, пожалуй, обойдётся и без меня. А я заберу образцы и пойду вперёд, заверну на пригильцовые ягодники – глухарей проверить. Павел обещал жаркое из свежатины...

– А-а-а... Точно, вчера был разговор, – вспомнил Копьев. – Ты как, Павел, от своих слов не отказываешься? – полушутя промолвил начальник.

– Конечно, нет. Будет мясо – будет и жаркое! – затем с гордостью: – Приготовлю блюдо с грузинским акцентом!

– Хорошо. Договорились. – И, повернувшись к молодому геологу, Копьев, как всегда с иронией, добавил: – Дождёшься нас на верху – птицу поможем нести.

Собрав в рюкзак добрую часть образцов гор-

ных пород, Чуров вышел на тропу и начал медленно подниматься по склону.

Между тем, появившиеся с утра лёгкие облачка на небосклоне начали быстро сгущаться, и, взглянув вверх, Чуров увидел над собой белое ватное и очень близкое небо, опускавшееся на вершины гольцов. Воздух стал быстро мутнеть, – словно молоко в него подливали. Охотник и не заметил, как вошёл в огромное облако. Стало совсем сыро и холодно; прямая видимость – не более десяти-пятнадцати метров. Страна-лилипутия, ещё вчера такая приветливая, была покрыта беспросветным и каким-то зловещим мраком.

Облако густого тумана медленно опускалось на горную тундру. Мягкие лапы его, как бы в предвкушении сладостного сна, уже лениво ощупывали хвойную подстилку пихтового стланика.

Неожиданно несколько глухарей один за другим шумно выпорхнули из зарослей можжевельника, и расселись на коряжистых ветвях приземистого пихтача.

«Вот оно, Пашино жаркое!», – промелькнуло в голове геолога.

Прогремевший выстрел, казалось, был неуместным в воцарившейся дремотной тишине. Попавшая под выстрел птица рухнула на землю, остальные глухари сорвались с веток и со свистом в крыльях унеслись в туман. Чуров сошёл с тропы и быстро направился в направлении упавшей птицы.

Раненый молодой глухарь при всей своей кажущейся громоздкости весил не более трёх килограммов. Некоторое время геолог любовался оперением птицы: чёрный веерообразный хвост, мощные коричневато-бурые крылья и отливающий металлом зеленоватый зоб. Затем торопливо засунул птицу в рюкзак; охотничий азарт толкал его дальше в окутанные туманом заросли стланика.

Однако глухари стали сторожкими и уже не подпускали к себе на расстояние выстрела. Птицы поочередно выпархивали при приближении человека и уносились всё дальше и дальше. Охотник увлёкся и совсем забыл о тумане. Скрадывание птиц не приносило успеха, и Чуров вскоре наконец-то прекратил преследование. Остановился.

В обозримом пространстве были видны только расплывчатые однообразные заросли стланика, чередующиеся с кустарниковой берёз-

кой, а далее стеной стояла непроглядная мгла. Нужно было возвращаться на тропу, но теперь он не мог точно определить направление.

Облако тумана тем временем уже навалилось на водораздел всем своим «тучным» телом и потихоньку начало сползать в распадки. Чуров медленно брёл, как ему казалось, в направлении оставленной им тропы. Короткая жёсткая трава практически не оставляла следов, и он просто шёл наугад. Навстречу из тумана выплывали кряжистые стволы уродливых деревьев. Ему стало казаться, что раньше – таких вот уродцев он не встречал. В сомнении он повернул назад, прошёл сотню метров и вновь остановился.

«Уж не закружил ли я в погоне за глухарями, – промелькнуло в его голове, – может, я иду не в том направлении?»

Оглядевшись по сторонам, он вдруг пришёл к выводу, что находится в совершенно другом участке водораздела – куда он врюхался в погоне за глухарями. Чуров достал из сумки карту, компас, но что толку – не за что было зацепиться глазу, а при таком сложном изрезанном рельефе, ошибись он на сотню метров, то непременно должен бы свалиться в другой водоток. Свойство тумана менять очертания местности были ему теоретически известны, но от этого легче не становилось: вкравшиеся сомнения уже не покидали геолога. Запаниковал парень и вновь неуверенно пошёл по хребту, но так и не обнаружил, ни тропы, ни знакомых примет, и это только усилило его волнение. Мысли спутались, и в отчаянии, побродив еще по водоразделу, он благо-разумно решил переждать – пока туман рассеется, а то ведь можно уйти чёрте знает куда, что потом и вовсе не сыщут.

Холодная сырость начала пробираться до костей; о костре нечего было и думать: набравшая влаги скудная трава и мелкий хворост вовсе не хотели гореть. Взобравшись на скалистый гребень, парень стал ждать – сейчас, ох как нужен был ветерок.

Через полчаса стало совсем холодно; подстреленная птица была ещё тёплой под крыльями и согревала ему мёрзнувшие руки, но всё равно зубы уже начали отстукивать лихорадочный танец.

Была единственная надежда на перемену погоды, – парень до рези в глазах всматривался в туманные очертания местности, пытаясь увидеть хоть какой-нибудь просвет. Представи-

лось ему вдруг: каково же здесь в лютую зимнюю стужу, когда свирепые ветры с неистовым воем носятся по открытым просторам поднебесья. Мелкие, острые льдинки колючего снега, гонимые ветром, бороздят чёрные скалы и всё то, что попыталось прорасти и подняться на их скудной почве. В этих-то суровых условиях и сформировались те редкие приземисто-уродливые деревья – невольные заложники этих мест. Ведь когда-то, скорее всего, принесённое залётной птицей семя попало меж камней в почву и возшло нежным зелёным ростком, и здесь-то «заботу» о нём взяли на себя местные «няньки» – колючий ветер да лютый холод: из года в год гнули, морозили, ломали, обдирали кожу и выпестовали тех стойких одиноких коряжистых часовых.

...Вдруг дуновение... и лёгкий ветерок шмыгнул через перевал – туман шевельнулся, сдвинулся. Надежды Чурова оправдались: в распахнутом ветром окне среди тумана он узнал очертания скального обнажения, описываемого им в маршруте на прошлой неделе. Радость его была безграничной – как будто он встретил знакомого близкого человека. Обнажение находилось в верховьях ручья Гольцового – сомнений в этом у него не было, и до того, как окно вновь закрылось, он успел сориентироваться и выбрать верное направление к лагерю.

Уверенным шагом Чуров дошёл до границы леса и вскоре выбрался из туманного облака, которое, всё ещё медленно расползаясь, отдыхало на поднебесном ложе. Солнце ещё не могло пробить огромную массу тумана: его лучи застряли где-то вверху в его белых нечёсанных космах. А в лесу среди деревьев и травостоя казалось намного уютней и теплее. Чуров не попал на проторенную вчера тропу, но это уже его не смущало. Далеко внизу серо-голубой лентой призывно и приветливо извивалась горная река, на которой и стоял их лагерь.

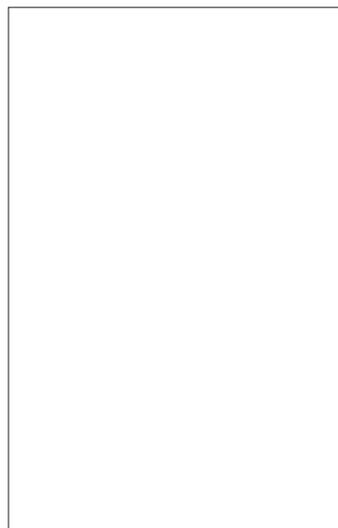
Его товарищи наверняка волнуются, а может, и ожидают его, не встретив на тропе, как условились. Чуров, подумав, выстрелил в воздух – обозначив тем самым место своего пребывания. Звук выстрела прогремел раскатисто и, как показалось, радостно. Через несколько секунд сверху донесли еле-еле слышные ответные крики и свист.

«Будет мне нахлобучка от начальника, – подумалось Чурову, – договаривались ведь встречаться наверху». Однако теперь, вырвавшись из холодных объятий тумана, ему всё одно было приятно и радостно на душе. Да и будущее жаркое, Пашей обещанное, что тянуло его рюкзак, тоже ему в плюс зачтётся. «Перемелется, – рассудил молодой геолог, – главное, что всё обошлось – на этот раз, а впредь будет наука».

**Иван
ЖДАНОВ**

**ПУСТАЯ ТЕЛЕГА
УЖЕ ПОЗАДИ**

БЕСЕДА С ПОЭТОМ

**О ШУКШИНЕ, О ПУШКИНЕ, О ЛИТЕРАТУРЕ И...
О СПАСАЮЩЕЙ ФОТОГРАФИИ**

В конце восьмидесятых годов прошлого века, после знаменитых шестидесятников – Евтушенко, Вознесенского, Рождественского... – неожиданно скандально громко зазвучали имена «мета-метафористов», как их тогда наскоро окрестили многие представители «передовой» литературной критики, – Ивана Жданова, Александра Еременко и Алексея Парщикова. Что это за мета-метафоризм такой, и, вообще, «был ли мальчик»?

Удалось побеседовать «без галстука» с одним из представителей той скандально знаменитой троицы поэтом Иваном Ждановым. Впрочем, насколько авангарден его авангард, судить вам уважаемый читатель. Вот лишь некоторые основные тезисы нашей беседы.

Почему приехал на чтения

Меня уже давно приглашали, а я всегда отказывался. Говорил, ну какое отношение я имею к Шукшину, мы вообще люди разного поколения, и по своей литературной направленности – разные. Ко-

нечно, творчество Шукшина – выдающееся. Ну и что. Мне, допустим, Фолкнер нравится, что я должен гореть желанием рядом с его именем выступать? В общем, все это – такое зыбкое и условное...

Но в этот раз у меня мелькнул такой интерес – не, то чтобы праздный, – просто, сижу я у себя в Крыму, как в какой-то дыре, грубо говоря. Захотелось куда-то прокатиться, проветриться, на людей посмотреть...

О самих чтениях

Такие мероприятия меня очень тяготят. Слишком уж много народу. Все-таки, фестиваль – это фестиваль, кто-то споет, кто-то спляшет, потом стихи прочитают... И очень трудно во всем этом найти определенный тон для своего выступления.

Думаю, коллективные выступления – это больше для молодых, когда человек пытается себе что-то доказать. И если публика его встречают с каким-то ажиотажем, он как-то самоутверждается, в правильности своего выбора.

Причем, иногда в таких выступлениях дело до смешного доходит – кому первому читать, кому последнему. Люблю, как цитату, приводить такой эпизод. Ахматова еще молодая была, и на одном из выступлений возникла ситуация кому из них с Блоком первому выступать. Она – дама, он – мэтр. Вот так

100

ЖДАНОВ Иван Федорович родился в 1948 году в селе Усть-Тулатинка Чарышского района. 11 ребёнок в семье крестьянина, раскулаченного и сосланного на Алтай. Когда Ивану было 12 лет, семья переехала в Барнаул. В 16 лет Жданов пошёл работать на завод «Трансмаш». Закончил вечернюю школу. Начинать учиться на факультете журналистики МГУ, завершил учебу в Барнаульском пединституте.

Совместное выступление в ЦДРИ Жданова, Александра Ерёменко и Алексея Парщикова, представленных Константином Кедровым вызвало много откликов. Первая книга «Портрет» принесла Жданову всесоюзную славу.

Жданов лауреат премии Андрея Белого, первый лауреат Премии Аполлона Григорьева Академии русской современной словесности, лауреат литературно-кинематографической премии имени Арсения и Андрея Тарковских.

С 1998 года активно профессионально занимается фотографией.

вспоминает об этом сама Анна Андреевна: «К нам подошла курсистка со списком и сказала, что мое выступление после блоковского. Я взмолилась: «Александр Александрович, я не могу читать после вас». Он – с упреком – в ответ: «Анна Андреевна, мы же с вами не тенора...»

О возрасте. На вопрос – а как же Жданов, Еременко, Парщиков конца восьмидесятых?..

Мы ж тогда молодые были! Нам еще и по 30 не было. Хотя, конечно, с точки зрения 19 века, даже 25 лет – много. А в 20, например, Павла Васильева, расстреляли почти в таком же возрасте как Лермонтова. Но это же большая разница – созревший Лермонтов, и еще не совсем успевший что-то, только-только находивший какую-то ноту свою Павел Васильев...

О смерти Шукшина

Я не верю во всякие метафизические причины смерти Шукшина, но внутренние причины умереть у него были очень мощные. И не в том дело, что ему кто-то что-то сказал... Это все ерунда.

В этот момент он хотел перейти к крупнейшему полотну. Проблема Разина – это одна из первых, которую он хотел освоить, как качественно нечто новое. Такой момент для творческого человека, наверное, можно сравнить с тем, как змея сбрасывает свою кожу. Но змея сбросит и сразу оказывается в другой коже. А человек, если сбрасывает кожу, становится беззащитным и очень слабым. И очень уязвимым.

Это касается не только Шукшина. Примерно так же все было и у Пушкина. Есть внешняя причина, его просто убили на дуэли. На самом деле все – не так просто. Он же сам очень сильно нарывался – это же понятно. Это даже равносильно самоубийству...

Хотя внешне он был спокоен. Например, в тот же день когда он собирался на дуэль, написал письмо детской писательнице. Деловое такое письмо, будто завтра они встретятся и продолжат общение...

Уверен, подобное было и с Гоголем. Люди великие часто попадают в такое состояние, и, к сожалению не всегда им удается одержать над ситуацией верх. Тут есть еще очень мощный момент самоотрицания. Не то чтобы человек отвергает свое прошлое творчество, а просто переходит к другому этапу. Помнишь, как по Гегелевской диалектике – закон отрицания отрицания. А если этого нет – нет и творческого роста. Это вообще присуще любому человеку, но у творческих людей это выражается особенно болезненно: им таким моментом, будто в лоб вцепить может, помните, как Пушкин сказал: «Иль чума меня подцепит, Иль мо-

роз окостенит, Иль мне в лоб шлагбаум вцепит Непроворный инвалид...»

Почему Жданову до сих пор не вцепило

Часто, когда люди переходят к другому качеству, они не успевают прыгнуть и твердо встать на другую платформу. И попадают в опасное положение – спиваются, заболевают... И в одночасье сгорают. Мне в этом отношении, считаю, просто повезло...

Я сейчас меньше стал заниматься литературой, больше – фотографией. Но, когда я стал осваивать фотографию, ощутил примерно такой же кайф, как в тот момент, когда только начинал писать стихи. Это не то чтобы какая-то замена, или вытеснение одного другим – это просто переход к какому-то другому делу.

О приоритетах в творчестве

Считаю, в любом творчестве, тем более в фотографии, важно следующее. Допустим, идешь и видишь какой-то интересный момент. Но спешишь куда-то, и сам себе говоришь, ладно, потом... Знайте, потом не бывает никогда! Либо свет не так ляжет, либо пленка кончится... Поэтому, если увидел, нужно сразу хватать. А бывает, не судьба...

Сергей ФИЛАТОВ

*Пустая телега уже позади,
и сброшена сбруя с тебя, и в груди
остывшие угли надежды.
Ты вынут из бега, как тень, посреди
пустой лошадиной одежды.*

*Таким ты явился сюда, на простор
степей распростертых, и, словно в костер,
был брошен в веление бега.
Таким ты уходишь отсюда с тех пор,
как в ночь укатила телега.*

*А там, за телегой, к себе самому
буланое детство уходит во тьму,
где бродит табун вверх ногами
и плачет кобыла в метельном дыму,
к тебе прикасаясь губами.*

*Небесный табун шелестит, как вода,
с рассветом приблизятся горы, когда
трава в небесах закружится
и тихо над миром повиснет звезда
со лба молодой кобылицы.*

* * *

Прыщут склоны перезрелой глиной,
 синева кристаллами сорит.
 Дерево и тень его былинной
 невозможной бабочкой парит.
 Оттого-то и гора прозрачна,
 словно духом возведенный скит.
 Вряд ли возраст знает однозначно,
 Где ему приткнуться предстоит.
 Здесь покой метрического круга,
 словно эту местность с двух сторон
 два врага, убив в бою друг друга,
 видят как один и тот же сон.
 Или ангел из последней пяди,
 сунув руки в рукава креста,
 черноту и жар воздуха вдыхая
 налагает на свои уста.
 Узы братства – то цветок, то битва
 в пересчете на сухой песок.
 Не развяжешь македонской бритвой
 малой смерти тонкий волосок.

* * *

Снег сыплет парадоксами Вийона.
 Вот пень в снегу, на нем сидит ворона
 цитатой из Эдгара По.
 Ей невермор, что мор во время оно,
 и пень под ней совсем не бюст Платона,
 она – как повесть без приставки «по».

Так кованая роза, остывая,
 выносит цвет, отсутствием живая,
 за скобки лика своего.
 Необходимость пустоты знакома
 как поздний цвет садам металлолома,
 он – только ржа, и больше ничего.

Где полночь та и где тот час угрюмый,
 когда я, утомившись от раздумий
 у фолианта одного,
 услышу стук и в отрешенных шторах
 пурпурным шелком заверченный шорох,
 и гость войдет, и больше ничего.

* * *

Дождя отвесная река
 без берегов в пределах взгляда,
 впадая в шелест листопада,
 текла в изгибах ветерка.

Она текла издалека
 и останавливалась где-то.
 И, как в мелодию кларнета,
 в объем вступали облака.

Я не видал подобных рек.
 Все эти заводи, стремнины
 мне говорили: без причины
 в ней где-то тонет человек.

И лужи, полные водой,
 тянулись вверх, когда казалось,
 что никому не удавалось
 склоняться, плача, над собой.

* * *

Памяти сестры

Область неразменного владенья:
 облаков пернатая вода.
 В тридевятом растворясь колене,
 там сестра все так же молода.

Обрученная с невинным роком,
 не по мужу верная жена,
 всю любовь, отмеренную сроком,
 отдала вечности она.

Как была учительницей в школе,
 так с тех пор мелок в ее руке
 троеперстием горит на воле,
 что-то пишет на пустой доске.

То ли буквы непонятны, то ли
 нестерпим для глаза их размах:
 остается красный ветер в поле,
 имя розы на его губах.

И в разломе символа-святыни
 узнается зубчатый лесок:
 то ли мел крошится, то ли иней,
 то ли звезды падают в песок.

Ты из тех пока что незнакомок,
 для которых я неразличим.
 У меня в руке другой обломок –
 мы при встрече их соединим.

Анатолий ШАЛИН

У ОКОН ДОМА МОЕГО

Я рад, что мое раннее детство проходило не в многоквартирном и многоэтажном курятнике, а в своем, бабушкином доме, доме сохранявшем что-то старинное, дедовское, атмосферу, если не Новониколаевска, то раннего Новосибирска, еще маленького города с одно-двухэтажной застройкой, деревянными тротуарами и грунтовыми дорогами, заросшими по краям лопухами и чуть не до середины бархатистой травкой – спорышем.

Вспоминаются палисадники с кустами сирени, яблоньками, цветочными грядками гладиолусов, пионов и китайской ромашки, потемневшие от времени деревянные скамеечки почти перед каждым домом, на них так любили посидеть наши старики и старушки, пощелкать семечки и обсудить какие-то свои новости или поговорить о политике.

Двор и огород при доме играли не последнюю роль в детском воспитании. Свое пространство, на котором жили и кот Васька, и пес Шарик, а до него пес Барбос, и куры, и разбойник-петух... И где можно было: и строить из старых досок шалаши, и держать голубей, и мастерить разные поделки на верстаке рядом с двухэтажным сараем-курятником.

ШАЛИН Анатолий Борисович – писатель прозаик, фантаст, сказочник, эссеист. Родился в 1952 в Новосибирске. Окончил факультет естественных наук (химия) Новосибирского университета в 1975 году. Один из основателей ВТО. Участник семинара молодых фантастов Сибири и Дальнего Востока (Новосибирск, июнь 1987). Работал в НИИ неорганической химии Сибирского отделения АН СССР, редактором Западно-Сибирского, потом Новосибирского книжного издательства. Публиковался в периодике, различных сборниках и персональных изданиях. С 2000 г. – председатель правления Новосибирской писательской организации Союза писателей России, продолжает писать книги. Живет в Новосибирске.

Копание грядок каждой весной, цветение сирени и черемухи под нашими окнами, поливание огорода, расчистка дорожек от снега зимой, строительство снежных крепостей в огороде – все как-то будило воображение, заставляло двигаться, мечтать, творить – что-то создавать своими, пусть неумелыми, детскими руками.

103

А сколько игр придумывалось, игралось в наших дворах, какие только игрушки, доспехи мы ни изобретали. Среди моих сверстников попадались настоящие умельцы, семилетние мастера...

Да и соседи на таких улочках знали друг друга от рождения и до смерти, и дружили, и ссорились, и мирились. И свадьбы, и похороны отмечали вместе. Была атмосфера улицы – свой уличный коллектив.

Частный сектор, скажете вы, необходимость каждый день зимой, весной и осенью топить печь, колоть дрова, возить или носить воду с колонки – все удобства, как правило, во дворе. Да, не коттеджи с центральным отоплением тогда стояли на нашей улице, и все же... все же... Многие неудобства той жизни как-то переходили из области недостатков в область достоинств, что ли. И были мало заметны, а кое в чем эти свои дома обладали несомненным преимуществом перед квартирами со всеми удобствами.

Уход за домом с детства приучал детей к определенным обязанностям, к трудолюбию. Например, как отче наш, мы мальчишки знали: наша святая обязанность чистить снег, копать огород, колоть дрова, привозить воду и, поскольку, эти обязанности стали нашими чуть не с трех или пяти лет, никакого протеста или недовольства не возникало, все это было разновидностью гимнастики, больше развлечением, чем трудовой повинностью. И в самом деле, если понимать психологию ребенка, то какая гордость, какое творческое удовольствие получаешь, когда ты, еще шестилетний или семилетний сопляк сам деревянной лопаткой перебрасаешь с тонну снега, сделаешь это быстрее, качественнее, чем взрослый сосед – и уже гордость, не хуже взрослого, значит, и сам почти взрослый. Или расколоть хитрое, сучковатое полено здоровенным колуном, едва ли не большим, чем ты сам. Тут ли не радуется результат? А вкушать плоды с огорода, вскопанного и многократно поливаемого своими руками? Если вы не попробовали этого в детстве, вам, боюсь, трудно понять эту ребячью радость.

Свои дома и для стариков, проживших в них долгие годы и буквально изнывавших от нетерпения, когда же снесут их жилье и они получат благоустроенные квартиры, были, по-видимому, все же благодетельней, чем бетонные девятиэтажки. Стариков, как и детей, свой дом заставлял понемногу двигаться, крутиться – хозяйство обязывало ежедневно тренировать и сердце, и ум, и ноги, как бы ни хотелось немощному деду или бабке расслабиться, полежать в тепле у печки. Не знаю, существует ли на сей счет какая-либо статистика, но подозреваю, что продолжительность жизни в своем добротном деревянном доме, при прочих равных условиях, больше, чем в уютной квартире со всеми удобствами, особенно, если у такого хозяина квартиры еще и нет садового участка, где он мог бы применить свои творческие и физические силы.

Мысль эту подтвердило одно печальное наблюдение, подмеченное после долгожданного сноса нашей улицы. И старики, и молодежь получили наконец то, о чем мечтали, квартиры в разных районах города на разных этажах.

Конечно, когда дошло до порушения родных жилищ, у многих сердца заныли – форменное разорение явилось миру. Садовых участков и дач в то время почти ни у кого на улице не было и огромное количество теперь ненужного скарба валялось по всем дворам. Лари, сундуки, еще

прадедушкины, старинная, хотя и не замысловатая мебель, иногда попадался и шкаф из орехового дерева еще дореволюционного производства – все выбрасывалось или отдавалось за бесценок. В самом деле, не попрешь же тот же шкаф высотой 2,5 метра в квартиру, где потолок от пола отстоит на 2,3 метра, а, значит, или руби на дрова или забирайте, люди добрые. И люди добрые забирали.

Бочки, корыта, телеги, коромысла... Из амбаров и с чердаков извлекались прабабушкины прялки, веретена, какие-то хитрые ткацкие станочки, из подпола, погребов огромные глиняные корчаги, горшки полуметровой и метровой высоты, из которых в пору богатырям пить. Старинная посуда, бутылки-четверти, одно блюдо, помню, было метровой, если не больше величины.

Конечно, приезжали на машинах, на «волгах» какие-то расторопные тети и дяди, представлялись работниками музея (Бог ведает, кем они были на самом деле – документов у них никто не спрашивал), и та же моя бабушка Тася махала рукой: раз вам надо, забирайте и прялки, и скалки, и чугунные горшки, и утюги, и ухваты... Хотя в музее, может, что-то сохранится.

Так вот, о печальном наблюдении... Если относительно молодые и крепкие новоселы еще как-то быстро адаптировались и вписались в жизнь бетонных девятиэтажек, то старики, как правило, в курятниках заскучали и мало кто из них пережил свой дом на год, на два. Многие переселились в иной мир буквально в первые полгода с момента слома своих старых, так долго ими же прокливаемых домов. Не прижились, значит, в квартирах с удобствами.

Ныне таких стареньких одноэтажных улочек в городе уже мало. А от той улицы Омской, что рядом с вокзалом «Новосибирск-главный», на которой мы жили в бабушкином доме, не осталось почти ничего. На месте двадцати или сорока снесенных домов построены две многоподъездные бетонные девятиэтажки – китайские стены, как их называют в народе. Двор между ними залит асфальтом, разбито несколько стандартных детских площадок – сломанные качели, железная горка и несколько железных перекладин, на которых жители домов выбивают пыльные половики.

На газонах хилые кустарники и многочисленные автомобили у подъездов. Где здесь развиваться воображению и творчеству малышей?

Уже и дышать скоро будет нечем от выхлопных газов, пыли. Теперь одно развлечение и у стариков и у детей – телевизор, видики со всей их дурью и пожиранием времени. С младенчества культивируем лень, гиподинамию и атрофируем всякие творческие и трудовые инстинкты.

И вот ведь удивительно, теперь часто соседи по подъезду и даже лестничной площадке почти не знают друг друга и не стремятся к познанию ближних. Пожалуй, самая распространенная форма общения, это удары по трубам парового отопления с требованием «прекратите, дескать, шуметь, чего разгалделись, нет покоя...» Или какая-нибудь коллективная жалоба в ЖЭК. И все... Этим чаще и исчерпываются добрососедские отношения в наших многоквартирных бетонках. Бывает, умрет в своей благоустроенной квартирке одинокая старушка или старик, а родичи или соседи только через неделю это обнаружат, да и то не сами, а чаще их собачки забеспокоятся, учуют... Редко между жильцами одного дома завязывается что-то вроде дружбы, обычно, для этого нет точек соприкосновения, какие бывали между соседями частных домов одной маленькой улицы.

Так и старых-то моих соседей разметала жизнь в разные стороны, многих уже и нет в живых, а об иных и вспомнить почти некому.

С грустью захожу я иногда в асфальтированный огромный двор, что теперь на месте нашей, когда-то утопавшей по весне в яблоневом цвете, запахах цветущей сирени и зелени молодой листвы кленов и тополей Омской улицы. Кажется, ни одного прежнего дерева не сохранилось, ни клена, ни тополя, ни высоченных яблонь-дичков, а уж про черемуху, которую посадил под окном еще отец, и вспоминать не хочется – все кануло, все минуло... Каким-то чудом уцелела, торчит из земли одна железная рельса, когда-то она служила основанием деревянного столба электропроводки и на этом столбе горел и раскачивался в пуржистые зимние ночи электрический фонарь, освещающая заснеженную дорогу, по которой ушло наше детство.

УЛИЦА ДЕТСТВА

Грустное чувство охватывает, когда, случайно, после многих лет отсутствия попадаешь в места, где прошло детство.

Тебя уже никто здесь не знает и не помнит. Сколько лет прошло – тридцать, сорок или уже целый век канул в бездну? Те же, кажется, пере-

улки, домишки, дворы, по которым когда-то носился с утра до вечера с соседскими мальчишками, играл в чижы, в прятки и какие-то военные игры. Да нет, многих строений уже не найти, иные совсем развалились, и даже тот двухэтажный кирпичный дом, в котором жил в те годы в квартире под номером тринадцать на втором этаже, даже этот дом постарел, стал, кажется, пониже ростом. Молоденькие же тополя и клены с той поры вымахали выше дома и почти закрывают его со стороны дороги. Правда, дорога все та же, те же колдобины и те же лужи с вечной грязью. Так же по ней грохочут панелевозы и грузовики.

И двор, в котором я жил, состарился, одряхлел, облупились стены домов, выросли новые деревья, разрослись кустарники, почернели и покосились сарайки. И люди, что населяют этот двор, уже иные, а из тех прежних жителей двора никого уже и не найти. Старики ушли, молодые постарели, кто-то из моих сверстников уехал, кто-то спился, кто-то умер. И памяти ни о ком из прежних обитателей не осталось в старом дворе.

Другие люди, другие песни, другая жизнь.

ПУСТЯКОВИНКИ

*Фразочки, сказочки, стишочки...
и прочие литературные мелкие грешочки.*

Из отчета о посещении Земли марсианами:
«... Разумной деятельности пока не обнаружено...»

К вопросу о реформаторстве
Нет ничего, что нельзя было бы усовершенствовать.

А с другой стороны, любой объект, «улучшая и совершенствуя», можно угробить окончательно.

Хворают 1-е лицо государства. По ТВ трогательно каждый день передают подробные сводки о его здоровье.

Академик от медицины с умным видом:
– Стул хороший...

Про человека, который никому и ничему не верил, в том числе и самому себе не доверял. Смотрит в зеркало:

– Ух, хитрая морда! Типичный жулик...

С каждым днём больному
становилось всё лучше
и лучше...

И наконец он умер.
То бишь, ушёл в другой,
очевидно, лучший из миров.

За свои заблуждения, как и за убеждения,
надо страдать. Но не хочется...

Избыток жизненных сил в юности обычно вы-
плескивается какой-нибудь глупостью на окру-
жающих. Нехватка сил в старости порождает
клокотание глупости в себе, со стороны-то ка-
жется: дед – мудрец, а у мудреца просто нет си-
лы выплеснуть из себя свою дурь.

Общее впечатление: человечество глупеет...
С чем это связано? Возможно, количество разу-
ма (мудрости, таланта) в природе ограничено (к
примеру: за столетие на планету полагается
столько-то гениев и – ни штукой больше – лимит
на гениальность), а с ростом народонаселения
каждому жителю планеты достается все мень-
шая часть вселенской разумности, и, естествен-
но, и гении пошли похлипче, и таланты, так себе,
среднестатистические... А уж с дураками...

Эпизод из какого-то фильма

– Эта дорога к кладбищу?

– В жизни, милочка, туда ведут все дороги,
но некоторые длиннее, а другие короче...

Каждый при своем, но своего маловато...

Семейная жизнь – ещё не повод для фами-
льярности.

У мышей не принято кричать на кошку.

Не рой другому яму. Вокруг полно готовых,
вырытых твоими ближними...

Листая книгу рекордов Гиннеса
Сколько первоклассной дури
выставлено на всеобщее обозрение.

Обилие слов ведет к потере мысли, к её рас-
творению в болтовне.

Наблюдая некоторые выверты современной
моды,
Как-то остро начинаешь чувствовать
правоту теории Дарвина –
Все ж таки мы произошли от обезьяны.

Э!.. Нет! Если вдуматься поглубже,
Приходишь всё же к заключению:
Дарвин ошибался,
это обезьяны произошли от нас.

Счастье его было совершенно безоблачно.
– Ничего удивительного:
этот старый верблюд всю жизнь
бродил по пустыне Сахара.

Воздушные замки! А какие прочные сооруже-
ния!

См. историю Ада
И для святых в Аду найдётся место.

Сказка о долгожительстве
Интервью даёт мумия фараона.
– Как вам удалось так хорошо и долго сохра-
ниться?

– Только положительные эмоции. От мозгов
меня избавили еще три тысячи лет назад. Поэто-
му ни о чем не думаю. Постоянный настрой на
долголетие. Благоприятный эмоциональный кли-
мат. Общение только с мумиями своего круга...

Не сотрясайте планету, её и так лихорадит.

Так и прожил жизнь, не приходя в сознание...

«О творчестве А. С. Пушкина». – Сочинения
месяе Дантеса.

А супчик-то оказался ядовитым.

Надпись на могильной плите:
Когда-нибудь и вам будет хорошо...

Елена
ВОРОБЬЕВА

Я НЕ ЗНАЮ, ГДЕ РАЙ

* * *

Я не знаю, где рай, и на что он похож, я не знаю,
Только ад близок мне, и его я представить \
могу –
Чтоб ни делала я, все равно лишь грешу
и страдаю,
Перед Богом, людьми и душой своей вечно
в долгу.

Я не знаю, где рай, только верую – есть он ¹⁰⁷
у Бога,
А сама я однажды нечаянно сбилась с пути,
И с тех пор, как ни бьюсь, все петляет
и рвется дорога,
И в открытые настезь врата не могу я войти.

Я не знаю, где рай – он всегда от меня
ускользает,
Был рукою подать, а шагнула опять в пустоту.
Только ад предо мною опять, я упала, но знаю:
Надо встать и идти, и искать, и молиться
Христу.

* * *

В доме моём есть иконы, лампада,
Книги с молитвами есть...
Господи, я бы молиться и рада,
Только препятствий не счесть.

Трудно в рассеянной жизни собраться,
Трудно взять в руки себя,
Чтобы над миром душою подняться,
Ближних своих возлюбя.

Трудно молиться словами чужими,
Трудно их сердцем понять.
Смотришь, а мысли опять закружили
И далеко благодать.

Так что, увы мне, я в суетных битвах
Редко и плохо молюсь...
Боже, зачти мне стихи за молитвы,
Может, хоть ими спасусь.

* * *

Т. А. Елесиной

Мой корабль идёт ко дну,
И на помощь нет надежды.
Я стою, судьбу кляню,
Но штурвал держу как прежде.

Крысы шустрые бегут,
Чтоб спастись, пока не поздно.
Знаю, мой напрасен труд,
Но стою, глотая слёзы.

ВОРОБЬЕВА Елена Сергеевна родилась в 1972 году в Междуреченске. Окончила библиотечный факультет КемГУКИ. Печаталась в местных и региональных газетах, в альманахах «Полифон», «Огни Кузбасса», «День поэзии», в журналах «Библиотека» и «Природа и человек. XXI век», а также в коллективных сборниках. Выпустила сборник стихов «Когда утихнут страсти» (2008). Член редколлегии литературного альманаха «Полифон» (Междуреченск) и литературной газеты «Экспромт» (Мыски). Работает заведующей библиотекой в школе №1 г. Мыски

«Брось, – доносятся слова, –
Сколько можно верить в чудо?»
Всё равно держу штурвал
И упорно жду, что будет!

* * *

Я иду – худая, бледная,
И от солнца прячу взгляд,
Рвётся с крыш капель победная,
Птицы празднично галдят.

И пускай земля пока ещё
Под сугробами лежит –
Воздух пахнет снегом тающим
Так, что голову кружит.

Даль прозрачная и ясная,
Дует лёгкий ветерок...
Как нелепо быть несчастною
В этот радостный денёк!

БАБОЧКА И МАЛЬЧИК

Был ярк узор моих крылышек тонких,
Легко я порхала с цветка на цветок.
Увидев меня, засмеялся ты звонко,
Навстречу шагнул и набросил сачок.

Потом я меж пальцев твоих трепетала,
Ты, глядя, стирал шелковистую пыль.
От близости нашей невзрачной я стала,
И ты на свободу меня отпустил.

Махая сачком, ты отправился дальше –
О, как хорошо среди цветов на лугу!
В живых я осталась, спасибо,
мой мальчик,
Вот только взлететь...
Не могу...

* * *

Великий пост. Агония зимы.
Весна корежит грязные сугробы,
Отбросы жизни обнажая, чтобы
Напомнить нам, что есть такое мы.

И кажется, что город без стыда
Стоит в исподнем – серый и убогий,
Куда не глянь – залиты все дороги
Холодной кашей тающего льда.

И лишь в святой небес голубизне
Предчувствие того, что скоро – Пасха,
Что мир воскреснет в самых ярких кра-
сках,
И радоваться будем мы весне!

РАЗМЫШЛЕНИЕ О СУДЬБЕ

Мне сорок лет. Живу без мужа,
Хотя... имела я мужей.
Ну, значит, муж не так уж нужен,
Раз Бог не дал – Ему видней.

А за детей мужьям спасибо –
Мне дети не дают скучать,
Короче, счастлива я, ибо
Теперь ни замуж, ни рожать!

* * *

Нет, не среди листвой покрытых веток –
Я вью себе гнездо на проводах.
Оно открыто и врагам, и ветру –
Со всех сторон следит за ним беда.

И всё-таки, надежды не теряя,
Увидеть свет иных, спокойных дней,
Опять в гнездо былинки я таскаю,
Чтоб было в нём птенцам моим теплей.

КАК БЫ

Не замужем, но как бы с мужем
С недавних пор я стала жить:
Варить ему, стирать утюжить,
Во всём стараясь угодить.

Ребёнка он не хочет, ясно, –
Зачем? Обуза не нужна.
И жизнь моя как бы прекрасна,
Ведь я в ней – как бы не одна!

г. Мыски

**Руслана
ЛЯШЕВА**

УКРОЩЕНИЕ СТИХИИ – ПРИРОДЫ И ГЛОБАЛИЗМА

Обзор прозы и публицистики

Афоризм древних римлян: «У книг своя судьба», – и поныне у всех на слуху, но к нему так и напрашивается дополнение: «Книги притягивают друг друга». Не случайно же собрались у меня вот эти пять книг.

Лидия Сычева. Государственное управление в России в 2000–2012 гг. : модернизация монетизации. – СПб. : Алетей, 2013. Серия «Историческая книга».

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. , «Наука», 1991. Серия «Древнейшие источники по истории народов СССР». Издается с 1977 г.

Владимир Тыцких. Мы еще здесь. Дни славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. 2011. Владивосток. 2012. Серия «Народная книга».

Константин Леонтьев. Избранное. «Рарогъ». «Московский рабочий». Москва, 1993.

Владимир Мазаев. Синь-Тайга: повести и рассказы. Кемерово, ООО ПК «Офсет», 2012.

Словом, тут есть о чем поразмышлять.

«ИГРУШКИ» ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Ребенка, из любопытства сломавшего новую игрушку: что да как там в ней устроено, родители наказывают. Впрочем, сами взрослые любопытны не менее детей, только игрушки, которые они могут раскурочить «до основания, а затем...», называются иначе: искусство, государство, Бытие, и т. д. и т. п. Понимающие это, пренебрегают экзекуциями, наоборот поощряют и наставляют ребенка, как получше «игрушку» разобрать и вникнуть в ее устройство.

Византийский император Константин Багрянородный не поленился целое сочинение для сына Романа настрочить: «Об управлении империей». Чтобы, значит, у пятнадцатилетнего «пацана» не осталось никаких секретов устройства важной игрушки, государства, которым ему, наследнику престола доведется управлять. Чиновники сбились с ног, собирая информацию изо всех пределов православной державы. После обобщения оказавшегося под рукой у Багрянородного писателя материала получился гу-

стой замес политики, экономики, истории и этнология IX-X веков в контексте общеевропейской и ближневосточной ситуации, эпохи раннего Средневековья.

Я благодарна Лидии Сычевой за то, что она своей книгой подтолкнула меня открыть и прочесть мощный фолиант в красной обложке, половину коего занял обстоятельный научный комментарий. А то ведь сочинение византийского правителя затерялось было на книжной полке среди современных книг на два десятилетия. Руки все как-то не доходили открыть. Привязки к нашей бурной «эпохе» вроде не было. Когда же я углубилась в текст актуальной новинки Сычевой «Государственное управление в России в 2000–2012 гг.», то живо смекнула, – не та ли это самая игрушка, о внутренних пружинах которой Константин VII распинался в своем сочинении для наследника? Мы как-никак у Византии позаимствовали христианство (православие) вместе с античной культурой; и, конечно, не могли не приобщиться одновременно к чему-нибудь из основ управления государством. Много воды утекло с тех достопамятных времен (988 г. после Р. Х.), но не все уплыло с нею. В общем, стала я читать обе книги как бы параллельно.

Поражает сосредоточенность Константина VII на том, что нынче называется внешней политикой. Оказывается, Ближний Восток и тогда, как и теперь, был горячей точкой планеты. Не менее жарким регионом был и Кавказ, этот извечный перекресток цивилизаций, где торговля и война чередовались на протяжении тысячелетий с неизменным постоянством под воздействием движения народов. Но то, о чём император говорит беглым намёком, например, о двух восстаниях славян на Пелопоннесе, нам уже для ясности нужен научный комментарий историков. Это мы сейчас с полунамека поймем все, если речь пойдет об Ираке, о Югославии, Ливии или Сирии. Те события, естественно, нуждаются в пояснении, почему армяне и грузины толкались локтями и т. п. Требование славян снизить налоги добавляло головной боли Константину, как сейчас стойкость сирийской армии не дает покоя президенту США Барак Обама, особенно загадка с химическим оружием: кто применил, армия или повстанцы?

Советские историки, готовившие второе издание знаменитого сочинения византийского правителя Константина VII, своим толкованием намеков и полунамеков, автора (росы – это скандинавы, русские – это русские) сделали понятной ту эпоху. Мы всё же, отдавая должное современному ученому Г. Г. Литаврину и А. П. Новосельцеву, должны признать, что самый полный комментарий – теоретический и концептуальный – дал Константин Леонтьев в работе «Византизм и Славянство» в 1875 году. «Византизм и Славянство» К. Леонтьева соединяет нашу современность, представленную в сборнике прозаика и

публициста Лидии Сычевой «Государственное управление в России в 2000–2012 гг.», с далеким прошлым, когда завязывались связи Византии с молодой Русью, как это схватывает в деталях и фактах Константин VII в работе «Об управлении империей».

ПЕРЕКЛИЧКА АВТОРОВ И ЭПОХ

Писатели – будь то наша современница Лидия Сычёва, русский мыслитель XIX века Константин Леонтьев, византийский император Константин VII и другие – в сочинениях сосредотачивают внимание на главных проблемах своей эпохи, но проходят десятилетия, столетия или тысячелетия, и голоса авторов как бы перекликаются, потому что проблемы оказываются похожими, если и все-то не одни и те же.

Сычёва в статье «Наши люди на Ближнем Востоке» пишет о поездке в «небольшую страну» Иорданию в 2010 году. Там пять миллионов населения, бедность природы – «кругом пустыня да полупустыня, скудость полезных ископаемых – есть фосфаты, но доход от них не может решить всех экономических проблем, например с энергоносителями и с пресной водой». Зато есть легендарная Петра, «древний город в скалах», целебное Мертвое море, притягательные для христиан святые места, связанные с жизнью Христа. В Иордании около 17 тысяч выпускников вузов СССР, СНГ и России, почт 10 тысяч жен-славянок, выросли дети, многие говорят по-русски. Переживают за Россию. Общество дружбы «Иордания – Россия» есть, но «ответная организация» к удивлению выпускников скончалась в постперестроечные времена. Лидия Сычева пишет статью в 2010 году, но словно предвидит ситуацию на Ближнем Востоке в конце лета-начале осени 2013 года, когда возникла напряженность вокруг Сирии. Президент США Барак Обама, основываясь на провокации боевиков с химическим оружием, грозит лидеру Сирии Башару Асаду и правительственной армии бомбежками и только ждет согласования с Конгрессом о сроках бомбежки, не сомневаясь в согласии сенаторов на военную операцию.

Сычёва сожалеет, что мы не крепим дружбу с Иорданией, и вообще с арабскими странами.

Борислав Милошевич, бывший Чрезвычайный и Полномочный посол Югославии в РФ, в интервью назвал «новый мировой порядок», который тщится утвердить в мире США, «ничем не сдерживаемой имперской политикой» (стр. 276). Светлая память Бориславу Милошевичу. Его определение внешней политики США, как агрессии подтверждает нынешний сирийский кризис. Леонид Ивашов анализирует события: «У США остался последний аргумент, чтобы заставить человечество повиноваться Вашингтону, – это военная сила... Прошло два с половиной года, как они запланировали операцию по уничтожению

Сирии. За Сирией должен был последовать Иран, а далее Россия. Но Сирия держится как форпост сопротивления...» (Советская Россия, 31 августа 2013, № 97). Тревожная статья Л. Ивашова называется «На пороге Третьей Мировой».

Как видим, Борислав Милошевич дал толкование термина «имперская политика» на примере США как агрессии.

А вот византийская империя, по наблюдению Константина Леонтьева осуществляла внешнюю политику противоположного агрессии типа. «Как государство, – обобщает в финальной части труда Константин Леонтьев, – Византия провела, однако, всю жизнь лишь в оборонительном положении. Как цивилизация, как религиозная культура, она царила долго повсюду и приобретала целые новые миры, Россию и других славян».

Сразу набегают вопросы: почему? Потому что Византия завоевывала сторонников не силой, а христианскими идеалами, в которые сама искренне верила. А США используют разглагольствования о демократии в качестве дымовой завесы, чтобы скрыть свое стремление к господству: пресловутый однополярный мир. Ну да, ну да, в том смысле, что пусть всем будет плохо, лишь бы нам было хорошо.

Вот Сирия и держится стойко, как мы под Сталинградом! Гитлер ведь тоже мечтал «однополярный» порядок утвердить от Атлантики до Урала. В такой ситуации у народа, который, как говорится «на фене», стремятся нагнуть, нет иного выхода, кроме борьбы и победы. Иначе гибель. Даже союзники США – Англия и Канада – участвовать в бомбежке Сирии отказались. Ей бы! Позор перед всем миром. На все века истории! И ради чего? Чтобы таскать каштаны (т. е. ближневосточную нефть, газ) из огня для союзников, для США. Хороши союзники! Как известные фольклорные персонажи «с большой дороги».

Константин Леонтьев рассматривает взаимоотношения Византии со странами Запада, с южными славянами, с Россией в аспекте своей известной концепции. Вот она: «Триединый процесс: 1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности и 3) вторичного смесительного упрощения, свойствен точно так же, как и всему существующему, и жизни человеческих обществ, государствам и целым культурам мира» (стр. 75). Можно принимать или не принимать эту концепцию, но логика его рассуждений, исторические факты и аргументы – безукоризнены.

«Оборонительную» политику Византии хорошо иллюстрирует 4–6 глава сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей». В ней он рассказывает сыну историю подчинения территории в области пограничной между Арменией и Грузией (Ивирией), которые были полем боя между обеими царствами. Византия укрепляла свои позиции в За-

кавказье с помощью политико-дипломатических мероприятий, а информаторами императора были армяне, считают комментаторы.

Заканчивает 46 главу Константин VII наставлением Роману: «Что же сказать относительно случившегося в какие-либо времена между ромеями и различными иноплеменными народами? Ибо достойно, дражайший сын, чтоб ты не избегал знания об этом, дабы в подобных случаях, когда произойдет то же самое, у тебя благодаря предварительной осведомленности нашлось удобное противодействие». Дескать, шествуй тою же стезею – дипломатией и соглашениями, а не силой.

Сравнение с сиюминутной современностью так и напрашивается само собой. Завтра – 5 сентября 2013 г. в Петербурге открывается саммит G-20, на котором председательствует Россия. Сегодня еще утром в «Новостях» на «Радио России» прозвучало сообщение о первых ракетах, выпущенных с американских кораблей в Средиземном море в сторону восточного побережья, а также озвучено мнение президента РФ В. В. Путина, что толки о химическом оружии у правительственных войск Сирии – провокация, но уже с середины дня и до вечера в «Новостях» на «Радио России» информация о ракетах больше не повторялась. Зато позиция В. В. Путина, оставшись неизменной (против военного вмешательства США в дела суверенной Сирии) приобрела более мягкую, дипломатическую форму. Отвечая на вопросы журналистов на пресс-конференции перед открытием форума, В. В. Путин сказал, что Россия даст согласие на военную операцию против Сирии, если будет доказано, что химическое оружие применили правительственные войска и решение о военной операции примет Совет Безопасности ООН. То есть в мягкой форме высказанное, но настойчивое предложение решить сирийский конфликт дипломатическим путем, за столом переговоров. Так это же и есть византийская традиция! У России, конечно.

ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ

Б. Н. Ельцин начинал реформу с обличения парноменклатуры в привилегиях и этим снискал доверие народа, далеко, мол, пойдет в утверждении справедливости. Но далеко пошли чиновники, которые расплодилось наподобие бюрократической саранчи, а в сравнении с их поборами и «откатами» льготы предшественников показались мизерными, как кукушкины слёзы.

Лидия Сычёва, конечно, ломится в открытую дверь, живописуя в первой же главе – «Бремя бюрократии» – чиновничью братию. Об этом столько уже говорено, и разве что ленивый не прошелся по проторенной тропинке. Впрочем, цифры она приводит изумительные: по подсчетам историков, в конце XVII века один служащий приходился на 2250 жителей

России. И ничего, справлялись: огромная разноплеменная империя сохраняла государственное единство и экономическую целостность. Конец брежневских времен считается апофеозом советской бюрократии – один чиновник на 253 жителя. Но хочется напомнить, что сфер для госрегулирования тогда было существенно больше, не говоря уж о территории страны в целом, наличии республиканских управленческих аппаратов и проч. Потому нынешний рекорд – один чиновник на 68 человек, это уже что-то запредельное... В СССР политический класс составлял примерно 0,1 процента от численности населения. «Сегодня «слуги народа», партийцы, идеологи составляют более 2 процентов населения».

Приехали! Пословицу «Один с сошкой, а семеро с ложкой» надо модернизировать в духе нашего времени: «Один с сошкой, а 70 с ложкой».

Нельзя сказать, что модернизация обошла стороной эту сферу. Сычева видит эту цель в Указе премьер-министра Дмитрия Медведева об утверждении федеральной программы на 2009–2013 годы по реформированию и развитию системы госслужбы... Первый тезис в графе «ожидаемые результаты» звучит так: «Формирование и развитие видов государственной службы!» Если перевести это на русский, получается то же, что и было – численность бюрократии будет расти! Одна из задач программы – снижение увольнений чиновников до пенсии со своих постов по собственному желанию на 30 процентов – исторгает из глубин души Лидии Андреевны просто стенания. Ну зачем же так убиваться?! Дмитрий Медведев в модернизации госаппарата идёт по следам Екатерины II Великой. Императрица, когда ей сообщали, что какой-то чиновник проворовался, его собираются уволить и принять на его место нового, возразила, дескать, оставьте прежнего: он уже наворовался, а другой начнет воровать по нему.

Вот и федеральная программа наметила не увольнять чиновников до пенсии! Разве это не модернизация госаппарата? Модернизация! Наворовались, ну и пусть сидят теперь спокойно до пенсии, а то новички пустятся во все тяжкие со свежими силами. А то, что воруют сверху донизу по всей «вертикали», общеизвестно. Президент РФ Владимир Путин, посетив Приморье в дни наводнения на Амуре, представлял местных госслужащих, чтобы федеральную помощь выдавали именно пострадавшим от паводка, а не родственникам и знакомым приморских начальников. Все верно. Еще Владимир Высоцкий пел о похожей ситуации: «Жираф большой, ему видней».

Да и как не увидеть, если умыкают миллиардами рублей. Народ же всё видит, и всегда видел, поэтому и поговорку придумал: «Шила в мешке не утаишь». Нет, не утаишь.

Тут ведь, как говорил Александр Твардовский в «Василии Теркине», «бой идет не ради славы, ради

жизни на земле». Когда реформы начинались в 90-е годы, мне в качестве журналиста доводилось делать для газеты «Ваше право» статьи и интервью в Минэкономике (это бывший Госплан СССР), сотрудники которого (вовсе не все чиновники воры!) сетовали, что мы в РФ отказываемся от государственного планирования в то время как на Западе, за которым мы припустили вдогонку, оно существует лишь под другим названием: программирование. Некоторые сотрудники Минэкономики по-настоящему страдали, наблюдая разбалансировку и развал мощной экономики страны.

Год 2013-й от Р. Х. Минули два десятилетия. Статью Екатерины Польгуевой «Сэм наехал» (Советская Россия, № 100, 2013 от 7. 9. 13) с подзаголовком «Как «оптимизируют» успешно работающий уникальный НИИ» вполне можно было бы назвать «Модернизация... и шлагбаум». Вкратце история такова. В 30-ые годы в Москве был создан небольшой химический завод, он в годы войны обеспечивал нашу авиацию и танки маслами. В декабре 1945 года завод по постановлению правительства СССР был реорганизован в научно-исследовательский институт с опытным производством. «Так сложился научно-исследовательский институт химии и технологии элементоорганических соединений (ГНИИХТЭОС)», – пишет корреспондент Е. Польгуева, переходя затем к современной конфликтной ситуации. ФГУП «ГНИИХТЭОС» выстоял в трудные 90-ые благодаря генеральному директору П. А. Стороженко. Он, по словам сотрудников НИИ, – мозг и мотор всей деятельности предприятия, вставшего все-таки на ноги, и что же? Радоваться бы успехам представителям властной вертикали да помогать при необходимости, то есть двигать модернизацию на отдельном, конкретно взятом предприятии. Нет! Присоединили стабильно работающий коллектив к тем, кто дышит на ладан. Новый начальник – С. М. Сокол 16 августа сего года на расширенном заседании Ученого Совета огласил приказ об увольнении П. А. Стороженко, генерального директора ФГУП «ГНИИХТЭОС». Это называется «оптимизацией», иными словами рейдерский захват. Опустился шлагбаум! Его ресурсы перельют в тех, кто уже завалился набок (в лучшем случае!), и не будет ни тех, ни этого. Печальный финал модернизации вопреки звучащим лозунгам и призывам в ее поддержку.

Обожженный на молоке, на воду дует – твердит пословица. Статья в газете «Московская правда» – «О хлебе, сделанном с душой» («МП», № 19Ф от 5 сентября 2013 г.); журналист Ольга Селиванова рассказывает о самом крупном в московском регионе комбинате – ЗАО «Щелковохлеб», продукция которого от хлеба до разнообразной выпечки пользуется хорошим спросом у покупателей. Это пример предприятия пищевой промышленности, оно тоже крепко сто-

ит на ногах и успешно работает и развивается. Не случится ли с пекарями напасть вроде «оптимизации» у химиков? Не ухватятся ли за них модернизаторы, а точнее говоря маразмодерзатели? Упаси Боже! А ведь таких историй в нашей промышленности миллион. О сельском хозяйстве и начинать не хочется, там «модернизаторы» поработали еще хлеще.

Взгляд мой машинально задержался на книжке Лидии Сычёвой, и до меня дошел сатирический смысл подзаголовка публицистического сборника: «Модернизация монетизации». Ну да, конечно! Модернизировался отъем денег у предприятий, более или менее успешно работающих, и у граждан менее защищенных категорий, например у пенсионеров.

Есть ли свет в конце туннеля? Есть! В интервью Первому каналу и Associated Press Владимир Путин назвал себя прагматиком с консервативным уклоном (См. : «Независимая газета», № 188, от 5 сентября 2010 года в статье Петра Твердова и Александры Самаринной «Государство само порождает спрос на политический радикализм» с подзаголовком «Современная концепция стабильности базируется на регулярной и легитимной смене власти»). Президент добавил, что имеет в виду «консерватизм с обязательным элементом, нацеленным на развитие». Слова президента обнадеживают, тем более, что их подкрепила организация честных выборов 8 сентября. Событие примечательное. Может быть, и до честной организации дел в экономике дойдем. А то ведь разница в зарплате между 10-ю процентами богатых и 10-ю процентами бедных не 16 раз, о чем сообщает официальная статистика, а 30 или 40 раз, даже до 50-ти доходит, как утверждают наши профсоюзные деятели. Между тем, напоминают те же деятели, пора налаживать внутренний рынок. И пусть мужик, то есть народ, Белинского и Гоголя, а также продукцию отечественных предприятий с базара понесёт.

«ПРОВЕТРИЛАСЬ АТМОСФЕРА»

В начале сентября параллельно разворачивались два события – в один год: во внешней политике (угроза бомбардировок Сирии со стороны США) и другой во внутренней (подготовка к выборам 8 сентября). В конце первой декады месяца напряженность разрядилась там и там. Выборы прошли, 9-го и 10-го числа называли победителей и обобщали результаты. Мэром Москвы остался Сергей Собянин: набрал выше 50-ти процентов голосов. Новый лидер либеральной оппозиции Алексей Навальный на 2-м месте, у него 27 процентов. На 3-м расположился кандидат от КПРФ Иван Мельников с 10 процентами. «Мы прошли с вами экзамен на чистоту и честность выборов, – сказал на митинге С. Собянин. – Сделали все возможное, чтобы никаких подтасовок во время выборов не было. Мы набрали не так много, как нам предрекали социологи, но дело ведь не в социоло-

гах, а в реальной борьбе, которая была в Москве за последние годы, а может быть, за весь период существования выборов в Москве. Это были самые честные и самые конкурентные выборы» (См. : «Советская Россия», № 101, 10 сентября 2013 г.).

И не только в Москве. По всей России, где в этот день проходили выборы мэров, губернаторов или депутатов местных законодательных собраний, выборы получились «самые конкурентные» при участии многих партий разной политической направленности. Это подтвердил политолог Михаил Виноградов, возглавляющий Фонд «Петербургская политика», в беседе с журналистом Виталием Ушкановым на «Радио России». В программе «Персона-грата» 11 сентября как раз обсуждались итоги «8 сентября». Поделившись своими наблюдениями и впечатлениями, М. Виноградов предрек, что этот день выборов войдет в историю и даже в учебники, дескать, в этот день «проветрилась атмосфера». Политическая, конечно.

И в этот же день 11 сентября в Государственной Думе депутаты обсуждали ситуацию в Сирии, поддержали предложение Владимира Путина передать химическое оружие Сирии под международный контроль (можно уничтожить на полигонах России под контролем представителей ООН, как высказался Владимир Жириновский) и разрешить ситуацию мирным путем на переговорах в Женеве правительства Башара Асада и боевиков. Исключить, таким образом, военное вмешательство во внутренние дела Сирии, которое может стать взрывоопасным для всего Ближнего Востока.

Утром же 11 сентября в новостях на «Радио России» прозвучало сообщение о том, что президент США Барак Обама в телевизионном обращении к нации 10-го числа выразил согласие с предложением президента РФ Владимира Путина и передвинул на месяц голосование в Конгрессе США о бомбежке Сирии. Все-таки американцы вынуждены были прислушаться к выводам ООН, перестали «бряцать оружием» и стали ждать ее резолюции по Сирии.

Прямо бросается в глаза, что Владимир Путин действует в полном соответствии с советом Константина Багрянородного сыну Роману, дескать, в конфликтной ситуации надо знать предысторию и договариваться, договариваться... Вряд ли он читал сочинение Константина VII «Об управлении империй», но, объявив себя консерватором, действует в русле национальной традиции, сформировавшейся в России под влиянием Византии.

Константин Леонтьев называл политику Византии оборонной, её нынешняя Россия противопоставила агрессивной политике США, чтобы поддержать друзей в Сирии.

Вникая во все эти перипетии внешней политики, об одном невольно жалеешь, о том, что оборонная защита не распространилась на Югославию, когда

НАТО принялось утюжить страну наших друзей сербов ковровыми бомбардировками. Что ж, поздно горевать, поезд давно ушел. Слава Богу, мы очнулись от либерального летаргического сна и хоть во внешней политике обретаем самих себя.

С ТАЕЖНЫХ ТРОП

Сборником прозы «Синь-Тайга» кузбасский писатель Владимир Мазаев отметил свое 80-летие (Синь-Тайга: повести и рассказы / В. М. Мазаев, ООО ПК «Офсет»; 2012). Это истинно сибирский прозаик; с каким-то почти языческим изумлением смотрит он на мощную стихию природы. Острый сюжет, характерный для его стиля, цепляет душу читателя; он тоже широко раскрытыми глазами пялится на матушку-природу: ого, какая ты непредсказуемая, матушка! Особенно заметна его стилевая пружина в шести коротких рассказах (этюдах?) в главе «Картинки с таежных троп».

В рассказе «Под сенью северной ночи» четверо охотников на Таймыре «поздно причалив на ночлег» на реке Котуйкан (приток Котуя) сидели вокруг костра, разморенные ужином, слегка придавленные картиной северного заката». В настроении сентиментальной размягченности они услышали «таинственный далекий звук... с другого, высокого берега Котуйкана».

Однотонный вой, будто длинный стон прозвучал и пропал. Через минуту возник ближе. «Это был, без сомнения, вой, как-то враз поделенный на волокна многих голосов». Звук стекал по склону сопки на другом берегу.

И вот впечатление человека цивилизованного, но чуткого к природе: «Что-то жутковато-мистическое нес он в себе – своей непонятностью и неожиданностью и в то же время какой-то непостижимой для разума гармонией с окружающим стильным пейзажем». Вой катится по тому берегу, выплескиваются влаивания, скулеж и затем – густой надсадный рев тяжело бегущего животного. «Волки! – сразу поняли мы. – Гонят оленя или лося!» Даль ступшевывала зрительную картину, но звуки выражали происходящее.

«Я никогда не слышал голоса волчьей стаи, преследующей свою жертву... Но сейчас я отчетливо узнавал его. И не только узнавал, но и – на какие-то мгновения! – ощутил состояние тревожного языческого трепета перед ним. Уж не гены ли предков отозвались во мне, предупреждая об опасности?».

Волки вели загон, охватывая лося полукольцом и прижимая к обрыву Котуйкана. Зверь все чаще останавливаясь, хрипло трубил: «То ли для устрашения, а скорее от боли и осознания обреченности». Порыв цивилизованных мужчин выстрелами спасти бедное животное (слабейшему же надо помогать) тут же угас. Злое торжество сильных над обессилевшим, «освященное миллионлетней эволюцией живой

природы», потрясало размягченные сердца охотников минут 10–15. Потом все стихло «с последним вскриком поверженного лося».

Таежная драма уместилась на двух страницах.

Повесть Владимира Мазаева «Набат сердца» заняла побольше – целую сотню страниц; еще бы, ведь здесь показана драма цивилизации: выстоит или нет под напором природной стихии.

После июня – знойного и засушливого – на реку, обмелевшую до предела, и на цеха металлургического гиганта на ее берегу обрушилась гроза и настоящая буря. На озере гидроотвала, где собирались все технические стоки завода, закачались волны, они подмыли насыпную дамбу, и ядовитая вода хлынула по руслу соседнего ручья Есаулки, ринулась к реке. А на берегах – пионерские лагеря, рыбаки, туристы и жители индустриального города, куда стоки, подхваченные течением реки, доплывут через шесть часов.

Ночь. Буря. Природа повела «загон» на цивилизацию: защитится от стихии или падет под ее напором? Вся советская вертикаль общества от бригадир участка водоснабжения Тютикова до секретаря горкома партии Каржавина, включая главного инженера завода Ротова, начальника цеха водоснабжения Куклина, заведующую санслужбой Перепелкину и других – мобилизуется и отбивает атаку стихии. Все характеры проявляются в реакции на тревожную ситуацию – будь то ловкач и врун Тютиков, принципиальная Перепелкина, отважные вертолетчики, бесшабашные туристы Вика и Алеша, незадачливые рыбаки-браконьеры, каждый в опасный для всех момент проявляет подлинное нутро. У большинства проявился благородный коллективизм («Прежде думай о Родине, а потом о себе...») – как поется в популярном шлягере тех лет).

На фоне дружной работы всех по преодолению кризиса ярко вывился негативный типаж – начальник отдела водоснабжения Куклин, который сбегал с аварийной засыпки размытой дамбы, чтобы спасти свою дачу! Его не могут отыскать, где он, где он? Наконец, он появляется у Каржавина и расстроенным голосом спрашивает: «Дачи, сады... Должно же будет государство... возместить?...» Все захвачены общим порывом спасти людей, спасти город от гибели, только Куклин сокрушается о потерянной даче, то есть о личной собственности. В груди у Каржавина вместо жалости к облепленному грязью, несчастному Куклину поднялось что-то темное: «Я постараюсь сделать все возможное, чтобы ущерб твой лично – не возмещался. Возьму грех на душу! Уходи же наконец! А то тут все... проваляло...»

Конечно, само собой напрашивается сравнение повести В. Мазаева «Набат сердца» с реальной ситуацией наводнения в Приморье в наши дни. Для сравнения можно процитировать статью «Суровые уроки Амурского потопа» Рудольфа Лившица из

г. Комсомольска-на-Амуре («Советская Россия», № 102, 12 сентября 2013 г.).

«В борьбе с бедствием принимали участие и волонтеры, – пишет Р. Лившиц. – Люди всех возрастов, повинувшись зову сердца и не рассчитывая на вознаграждение, дни и ночи строили и продолжают строить дамбы. Многие комсомольчанки привозят спасателям домашнюю еду, чтобы те подкрепились не только казенными харчами. Красноречивые факты! Два десятилетия промывания мозгов в либеральном духе не смогли разрушить нравственного ядра народа. Наши люди так и не превратились в расчетливых эгоистов, пекущихся только о собственном благополучии. Хотя масштабы жлобства, выявившегося в эти годы, не могут не поражать».

Комментарии не требуются. Все ясно. Масштабы «жлобства» велики, чего скрывать, то есть количество Куклиных выросло в неимоверном количестве, но народ остался прежним. Кумиры – бессребреники! В минуты опасности проявляется все истинное, проявляется душа народа.

А ВСЕ ЖЕ «ТРЕТИЙ РИМ» ДЕРЖИТСЯ

Вернемся, так сказать, на круги своя, точнее к теме, с которой началась наша статья, – о модернизации. В подзаголовке книги Сычевой: модернизация монетизации – звучит откровенная ирония. Естественно, не лишено грустной пародийности и содержание. По этой гротесковой тональности в интерпретации модернизации перекликается с Лидией Андреевной дальневосточник Владимир Михайлович Тыцких, Его очередная книга-хроника о «крестном ходе на колесах» по Приморью в «Дни славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия», проходившем в 2011 году, вышла во Владивостоке в 2012 году, книга называется «Мы еще здесь», встречи и общение участников автомобильной поездки с жителями городов, поселков и деревень воссоздали панораму трудной жизни в Приморье. Религия и публицистика тесно переплелись, что было обусловлено целью поездки: празднование с народом Дня славянской письменности.

Глава, в которой речь идет о модернизации – попутно и о коррупции, обо всем остальном и прочем, – называется под стать афоризму Сычевой так: «Стоить сюда – иди на месте». Суть иронии ясна. Обсуждаемая тема потеряла балансировку, и смысл исчез. Тыцких цитирует рассуждения журналиста Нателлы Болтынской из Интернета: «Борьба с коррупцией... результат один: нет никого, кто бы усомнился в том, что коррупция в России победила. Как только начинается пролог перед закрытым занавесом, тут же возникает опасность раскрытия имен высоких и высочайших и... коррупционер выходит сухим из воды. Все всё знают. Никто ничего сделать не может. Вот до чего доборо-

лись». (11 октября 2011, 08:41 – Все блоги. Версия для печати. Название: «Приплыли»).

Не поленюсь процитировать дальше большой кусок текста: «Организаторы и главные (те, от которых что-то зависит) участник сей «борьбы», как правило, друг дружку не больно корят за поражение, поведение их резко меняется, если кто-то выпадает из обоймы. Тут народ прозревает, тут начинаются «неожиданные» открытия и «честные» признания. Допустим после долгожданного снятия с должности столичного мэра руководитель администрации президента РФ Сергей Нарышкин выводит его на чистую воду в связи «с крайне неэффективным управлением городом» и «запредельным уровнем коррупции, допущенным Лужковым и его окружением».

«Мы видим просто бешеный распил Москвы», – не отстают от обидчиков Лужков, добавляя (видимо на всякий случай): «Я не могу сказать конкретно, кто участвует в этом распиле. И все-таки не может удержаться от обобщения, публично признавая давно и слишком хорошо известное всей Москве всей России: «Мы живем в больном государстве, в котором отсутствует эффективная правоохранительная система, которая сама погрязла в коррупции, отсутствует объективная судебная система. И, к сожалению, мы живем в государстве, в котором отсутствует объективная президентская власть. Вот это – страшно. Потому что президент – это гарант Конституции».

Автор хроники добавляет еще один аргумент Нателлы Болтянской: «О модернизации экономики и говорить неловко». Ей вторит Михаил Фишман в «Московских новостях»: «Туман модернизации рассеялся...».

Владимир Тыцких обобщает тему: «И тогда остается одно – «Аншлаг» и КВН, очень и не очень злые остроуи, очень и не очень пошлые шуточки...»

Нет, есть еще и второе – обратиться к религии, к ее масштабам мысли; это покруче КВН.

Вячеслав Огрызко в статье о поэте Юрии Кузнецове («Литературная Россия», № 37, 13 сентября 2013 г.) написал: «Взахлеб о «Пути Христа» писал, по моему, один лишь Игорь Тюленев. Но он все свел к пересказу отдельных сюжетов. Подробный разбор текста (поэмы. – Р. Л.) оказался ему не по зубам». Если уж профессионалам, литераторам тема Христа не «по зубам», то что же остается на долю бедного крестьянина (то бишь читателя)? Воздух, один токмо воздух! Такими одичавшими атеистами вошли мы, славяне, в XXI столетие после Рождества Христова. И все же, я смею заверять, что наш «Третий Рим» держится! Да-да, он держится христианской основой нашего славянского мирозерцания.

Очень любопытно объяснил модернизацию Византии (нашей «крестной матери». – Р. Л.) Константин Леонтьев: «... Византия пережила западный языческий Рим на 1100 с лишком лет, т. е. почти на са-

мый долгий срок государственной жизни народов. (Более 1200 лет ни одна государственная система, как видно из истории, не жила: многие государства прожили гораздо меньше)». Далее он конкретизирует причины живучести Византии.

«Итак, повторяю, кесаризм византийский имел в себе, как известно, много жизненности и естественности, сообразной с обстоятельствами и потребностями времени. Он опирался на две силы: на новую религию, которую даже и большая часть нехристиан (т. е. атеистов и деистов) нашего времени познает наилучшей из всех дотоле бывших религий, и на древнее государственное право, сформулированное так хорошо, как ни одно до него сформулировано не было (насколько нам известно, ни египетское, ни персидское, ни афинское, ни спартанское). Это счастливое сочетание очень древнего, привычного (т. е. римской диктатуры и муниципальности) с самым новым и увлекательным (т. е. с христианством) и дало возможность первому христианскому государству устоять так долго на почве расшатанной, полусгнившей, среди самых неблагоприятных обстоятельств». (Византизм и Славянство. Избранное, М., 1993, стр. 23–24).

Выходит, для нас еще не вечер? Тысячелетие крещения Руси мы отметили в конце XX века, значит, у нас в запасе – худо-бедно – два столетия набегает, чтобы под стать большинству государств дожить свои законные 1200 лет. Одна опора у нас – наилучшая из всех религий, христианство, вот со второй опорой – государственным правом Первого Рима мы, увлекшись марксизмом, дали маху, поэтому и оступились опять в дряхлый капитализм, из которого сами буржуи во все лопатки улепетывают в глобализм. Надо, стало быть, укрепить законодательную «опору»; Государственной Думе работа обеспечена под завязку. Президенту РФ Владимиру Путину, хорошо проявившему себя во внешней политике (по его инициативе Сирия передает химоружие под международный контроль, что избавляет ее от бомбежек со стороны США), надо так же продуктивно поработать на поле внутренней политики. А то ведь здесь, как народ говорит, и конь не валялся.

Р. С. Два десятилетия наш народ претерпевает тяжелые реформы, но обрушилась на Приморье общая беда – наводнение, и обнаружилось, что народ сохранил христианскую нравственность. Это справедливо отметил Рудольф Лившиц. Отраднo, что интеллигенция оказалась под стать простому народу. Театральный фестиваль в Благовещенске, совпавший по времени с наводнением, артисты не отменили и сделали благотворительным мероприятием: привезли из разных городов продукты, детское питание, теплую одежду для пострадавших от паводка, а десятую часть выручки от билетов на спектакли, перечислят в Фонд помощи для приморцев.

**Нина
ЯГОДИНЦЕВА**

КНИГА ПРОТИВ ХАОСАУКРОЩЕНИЕ СТИХИИ – ПРИРОДЫ И ГЛОБАЛИЗМА

В сентябре этого года по приглашению руководителя Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадия Григорьевича Елфимова мы побывали в удивительном городе, который со времён Семёна Ремезова называют «ангелом Сибири». Самое большое впечатление произвели книжные богатства Тобольска, которые и сегодня не просто бережно сохраняются, но и умножаются благодаря издательской политике фонда. Книжный капитал Сибири должен быть передан потомкам – это понимают сегодня многие, но сама книга, оставаясь источником знаний, теряет свои позиции в общественном сознании, и это не может не волновать писателей, издателей, библиотекарей и книготорговцев. Об этом мы много говорили и на встречах в Тобольске.

Наивно полагать, что в информационном обществе при стремительном развитии технологий роль книги в культуре и её статус останутся неизменными. Однако ещё более наивно считать, что всевозможные гаджеты полностью вытеснят книгу из культурного пространства. Поединок гаджетов и книги уже давно и очевидно превратился в глобальный поединок информации и знания, и победителю достанется ни много ни мало – сам человек, его образ мысли и степень адекватности действий в окружающем его очень непростом мире.

Технический прогресс неостановим и стремителен, он будет предлагать нам всё новые и новые средства, возможности, скорости и объёмы, но почему мы при этом забываем, что психическая природа человека меняется очень медленно? Для нормального существования и развития ей нужны средства соответствующие, со-размерные её реальным возможностям. И определяющую роль здесь играет не количество, а качество информации, её эмоциональная насыщенность, чёткие ценностные ориентиры, нравственные основания.

Чтобы правильно воспринять новое, усвоить его, нужно уметь выбрать, что важно, а что второстепенно. Нужно время, чтобы во всей полноте эмоционально пережить вторжение нового во внутренний

мир. Нужно, чтобы в сознании вызрели собственные мысли, собственное отношение к тем или иным сведениям. Только тогда отвлечённая информация становится живым и действенным знанием, а человек получает право называться самостоятельной личностью. Книга воспитывает и учит индивидуально, лично, неторопливо, в соответствии с внутренним темпом жизни каждой человеческой души.

Что происходит, когда знания подменяются информацией, да ещё и в непомерно большом количестве? В первую очередь атрофируются, огрубляются эмоции – они просто не успевают вызреть в душе. Дальше – больше: теряется непосредственный контакт с миром реальности, и всё больше предпочтения отдаётся миру виртуальному, не объективному знанию, а предрассудкам. Вместо самостоятельных, выстраданных мыслей, личных убеждений, дающих уверенность и устойчивость, в сознании появляется зыбкое множество разрозненных фактов, которые могут толковаться диаметрально противоположно и бесконечно вариативно. Разрушается ценностный ряд, определяющий жизненную стратегию человека. Общество превращается в аморфную массу, не объединённую ни общим пониманием проблем и перспектив, ни согласованностью действий, и его ожидает неизбежный хаос.

А ведь ещё недавно книга была универсальным спутником многих и многих людей – предметом общего обсуждения и личным собеседником. Книжки жадно «глotalи» или медленно перечитывали, носили в сумке или с гордостью ставили на полку личной библиотеки. Истрёпанные издания карманного формата и роскошные иллюстрированные фолианты были полноправными обитателями книжной вселенной. В каждом городе дружески сосуществовали два главных привилегированных мира страны – «Детский мир» и «Книжный мир». Сегодня нас окружают иные миры – «Мир дверей», «Мир обуви», «Мир косметики», «Мир шин», «Мир шкафов»... Они множатся – и в них безнадежно теряется человек.

Увлечённое освоение новых возможностей неизбежно уводит внимание от главного – от смысла. Средства становятся целью, а цель постепенно забывается и исчезает. Технологическая и потребительская гонка за новинками оставляет в стороне главный вопрос: зачем? Какой процент возможностей нового гаджета человек способен использовать продуктивно, имея в виду, что все остальные технические чудеса просто крадут у нас бесценное время жизни и саму возможность развития? Эта вопиющая несоразмерность психических и технологических возможностей больше всего бьёт по молодёжи. И если мы хотим, чтобы они были людьми самостоятельно думающими и адекватно действующими, нужно сделать всё, чтобы они книгу из рук не выпустили.

Резкое увеличение количества информации неизбежно ведёт к её обесцениванию. Зачем запоминать, если в любой момент есть возможность «погуглить» прямо с телефона? Как разобраться, где значимое и главное, а где сиюминутное и засоряющее память и чувства? Смысловая иерархия рушится, классиками предсказуемо становятся Пелевин, Акунин и Донцова с Марининой, спросом закономерно пользуются чернуха с клубничкой, особо изощрённые из них выдаются за символы времени и его героев. Но если послать мысль хоть немного вперёд, возникает ещё один вопрос: хотим ли мы, чтобы потомки составляли представление о нашей эпохе по этим «зияющим высотам» сюжета и стиля?

Впрочем, зачем задумываться, если всё относительно, зачем тянуться к высокому смыслу, если вокруг тьма удобных «низких истин»? Место вдумчивого читателя-собеседника уверенно занимает обыватель-потребитель, охочий до скандалов и катастроф, и только суперсовременный гаджет способен мобильно предоставлять информацию для его скудного скучающего ума... А вслед за этим объективно следует печальный вывод: нарастающему усложнению технологий парадоксально сопутствует примитивизация сознания. «Эпоха катастроф, – сокрушаются культурологи, – как и было предсказано...»

Конечно, книгу нельзя назвать панацеей от всех бед и проблем. Не нужно преувеличивать её значение – но не стоит и приуменьшать. Книга может и должна стать тем «золотым звеном», за которое постепенно вытягивается вся долгая цепочка печальных причин и следствий: падение культуры, экономический кризис, растущее социальное напряжение... Ведь никуда не делся богатейший мобилизационный опыт культурного строительства в России XX века, и даже за прошедшие двадцать с лишним лет не разрушилась, почти полностью сохранилась в нашей литературоцентричной стране вся иерархия книжной культуры.

У нас по-прежнему есть писатели – «нераскрученные», как теперь говорят, но честно осмысливающие непростое время, пишущие «в стол» или издающиеся за свой счёт ничтожно малыми тиражами. Их имена не мелькают в новостных хрониках и светских скандалах, но вдумчивому читателю всё-таки известны. Есть журналы, так или иначе стремящиеся отражать текущий литературный процесс – хотя тиражи их ничтожно малы, и многие из них не попадают даже в библиотеки. Есть книжные издательства, в жёстких тисках рынка вынужденные делать почти неизбежный выбор в пользу сугубо коммерческих изданий. Есть книготорговые сети, и библиотеки, отчаянно пытающиеся «достучаться» до читателя. Есть, наконец, и сам читатель – читать не разучились, слава Богу. Но читатель дезориентиро-

ван – ему в разных упаковках подаётся одна и та же обойма «распиаренных» и чаще всего псевдолитературных имён, и он недоумевает: или и правда он ничего в литературе не понимает, или что-то в этой жизни пошло не так...

В нашей книжной культуре опасно долго остаются разрушенными вертикальные связи: между писателями и издательствами, между издательствами – и книжным рынком, библиотеками, между предложением и спросом на книгу. То есть разрушена инфраструктура. А главное – книга перестала быть символом, если хотите – модой, знаком успеха. На символическом «пьедестале» её заменили вещи – автомобили, коттеджи, гаджеты, шубы... Атрибутика «красивой» жизни вытеснила атрибутику жизни осмысленной, творческой, устремлённой в будущее.

Откройте любой роскошно изданный «глянцевый» журнал. Сплошные «волшебные» картинки – платья и костюмы, часы, чудодейственные крема, модные аксессуары, интерьеры – и чуть-чуть собственноручно журнального текста: гламурная история любви, неперемнная история успеха, решение самой насущной проблемы – как похудеть, простенькие советы психолога, и пр. Этакое увлекательное путешествие из мира дверей в мир шкафов через миры косметики и шин. Жизнь упростилась до невозможного – в каком пространстве существуют эти люди? Что их волнует? В какой стране они живут? Есть ли у них история, память, будущее? Есть ли вообще жизнь вокруг? Это не просто глянец – это модель идеального потребительского сознания. И сегодня она активно противопоставляет себя книге – с приключениями и душевными метаниями, гибельными страстями и благородными порывами, мучительными поисками истины и обретением нравственных опор в решениях трагических коллизий...

Что же нужно, чтобы сохранивший свои ряды книжный мир снова обрёл полную силу? В первую очередь, ясное государственное понимание перспективы развития: если технологии становятся сложнее, а человек примитивнее – это прямой и короткий путь в перманентно нарастающую катастрофу. Но если эти же современные технологии будут в полной мере служить развитию личности, они могут сделать многое. Нужна государственная воля, которая заново соединила бы все «этажи» книжного мира. В конце концов нужно, чтобы о книге вновь заговорили руководители, знаковые личности, чтобы она появилась как атрибут интеллекта и символ успеха на фотографиях и рекламных плакатах. Любовь к книге должна быть очевидной!

Технологически обеспечивая широкий доступ к знаниям, необходимо сохранять высокий статус первоисточника, подлинника – бумажной книги,

иначе литературный статус спокойно обретает любая текстурка – даже пасквиль на коллегу, размещённый в ЖЖ (что сегодня, собственно, и происходит, многие блогеры спокойно называют себя писателями). Бумажная книга – это коллективный труд множества людей, помимо содержания она имеет неповторимый облик, созданный художниками и дизайнерами, это ряд вариантов оформления (от практичного карманного до изысканно-коллекционного), это начальный повод для общения с книжным продавцом, библиотекарем, затем – с друзьями и близкими по духу... И потому ценность обладания книгой-первоисточником должна быть приоритетной, а электронные варианты – лишь одним из способов тиражирования, облегчающим доступ к тексту, таким, как карманный формат книги.

Необходим государственный заказ на издание достойной современной литературы и проверенной временем классики. Сегодня литературное сообщество разработало целую систему премий, которые так или иначе помогают сориентироваться в рукописных и журнальных новинках, выбрать достойное массового издания. Во многих областях есть издательские комиссии и выделяются гранты на книгоиздание, но чтобы вернуть статус самой читающей страны, этого явно недостаточно: тиражи мизерны и практически не выходят за пределы региона.

Мало книгу издать – она должна дойти до читателя. Сегодня упразднены бибколлекторы, разрушена централизованная система комплектования библиотек книжными новинками. Местные авторы и издатели так или иначе благотворительно передают книги в родные библиотеки – хотя и далеко не все, центральные издательства тоже имеют шанс определить свои издания в региональные книгохранилища, но книжный обмен между регионами большой страны стал почти непреодолимой проблемой.

И в книжной торговле неблагополучно: система небольших уютных магазинчиков в почти шаговой доступности сменилась системой книжных супермаркетов, в лабиринтах которых хорошо, может быть, искать литературу учебную и справочную, а вот художественную – увы... И полки её съеживают год от года, а ведь именно литература, по меткому выражению одного из классиков, «самая точная наука о жизни»! Здесь опять нарушается соразмерность человеческого восприятия и возможностей. Во-первых, за книгой в большой магазин надо ехать специально, целенаправленно. Во-вторых, там продаются преимущественно столичные издания – местные, малотиражные, безнадежно нерентабельны. В-третьих, затерявшись в книжных лабиринтах, далеко не всегда удаётся получить помощь и совет от продавца в выборе книги – в супермаркетах свои правила покупки... Интернет-магазины, уделяющие

больше внимания каждому изданию, несколько выигрывают, но их «выигрыш» на фоне общего падения интереса к книге, увы, незначителен.

Ну и, наконец, читатель, перед которым крутится один и тот же хоровод распаренных имён, дезориентирован полностью, и всё чаще предпочитает телевизор – там ведь почти на каждой кнопке по сериалу. Хотя в молодёжной среде уже давно гуляет слоган: «Тот, кто читает книги, всегда будет править теми, кто смотрит телевизор». И в общественный транспорт возвращается привычный персонаж – читатель, хотя преимущественно с электронной книжкой, а не с бумажной...

Вся эта книжная проблематика с каждым годом становится всё острее, ведь культура накапливает свой запас и свою высоту медленно, а обрушивается почти мгновенно. И писатели, и книгоиздатели, и книжные торговцы, и библиотекари, и самые стойкие и активные из читателей – выход из создавшейся ситуации ищут все. И в ожидании государственной воли, «идеологической моды» на «учебники жизни» делают всё возможное и невозможное, чтобы сохранить культурную высоту.

Книгоиздательский опыт общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», празднующего своё двадцатилетие, показывает пример верного служения книге, поиск путей преодоления книжного кризиса. Фонд избрал непростой, уникальный путь: каждая из его книг – тот самый «первоисточник», о котором мы уже упоминали. Это произведение искусства, коллективный труд профессиональных авторов, ярких дизайнеров, опытных редакторов и блестящих полиграфистов. Не случайно известный русский поэт Юрий Перминов, главный редактор альманаха «Тобольск и вся Сибирь» и ряда других издательских проектов Фонда, уподобляет общение с бумажной книгой живой встрече с другом, а электронный вариант издания – интернет-письму, когда вполне можно быстро передать или получить нужную информацию, но невозможно ощутить чувства, настроение, душевное тепло, эмоциональную энергию.

Направления издательской политики Фонда разнообразны. Но главный акцент делается именно на качество издания: каждую книгу можно смело причислить к коллекционным. В таком статусе они и передаются в главные библиотеки Сибири, московские книгохранилища, вузовские библиотечные центры. Выпуски альманаха «Тобольск и вся Сибирь» рассказывают не только о крупнейших сибирских городах, их истории и культуре, но и о тех небольших поселениях, славная история которых до сих пор обидно оставалась в тени, о роли сибиряков в переломных событиях Отечества (в частности, это битвы за Москву и Сталинград). Эти уникальные мини-энциклопедии собирают и хранят культурные

сведения для возрождения, восхождения русской культуры, о необходимости которого сегодня уже в полный голос говорят все.

Библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь», главным редактором которой является В. Гуминский, доктор филологических наук, ведущий специалист ИМЛИ РАН, представляет и поэтический двухтомник «Слово о матери», объединивший вокруг святой темы материнства целую плеяду сибирских поэтов, и объёмные тома сочинений сибирских писателей – С. Маркова, Е. Милькеева, В. Распутина, В. Арсеньева, С. Заплавного, А. Сорокина, Б. Василевского, который много писал о людях Сибири и Севера... Взяв на вооружение лучшие издательские традиции, создатели серии возводят бумажную книгу на достойную высоту, каждый том – целое культурное событие, и очень важно, чтобы серия продолжалась, ведь литературная сокровищница Сибири неиссякаема.

Четыре альбома серии «Сибирский художественный музей» представляют самые разные грани художественной культуры Сибири – живопись, книжную графику, скульптуру... У этих книг необычен дизайн, который невозможно передать в электронном отображении, у них свой внутренний ритм, своё художественное пространство. Серия начата недавно, и верится, что у неё впереди много открытий.

Но к числу, пожалуй, самых уникальных, штучных изданий относятся в точности, до нюансов воспроизведённая с оригинала «Хорографическая книга Сибири» и издание «Возвращение Тобольска» – книга, созданная признанным современным классиком В. Распутиным и замечательным художником-графиком Н. Казимовой к юбилею города. И

здесь бумажная книга возводится в абсолютную ценность, обретает подлинный первосмысл, поскольку она единична, несопоставима по смыслу и энергетике ни с каким электронным вариантом.

Альбомы «Тобольское серебро», «Солонки» (коллекция Д. Мизгулина), поэтический «Солнечный скворечник» Юрия Перминова, путевые заметки и фотоальбомы создателя и бессменного руководителя Фонда Аркадия Елфимова – коллекционные издания высокой книжной культуры, это видно в каждой детали, начиная с мягкого блеска бумаги до художественного образа каждой страницы. А те, кто не имеет возможности держать эти книги в руках, могут познакомиться с ними на сайте «Возрождения Тобольска»: электронные варианты изданий Фонд активно использует для пропаганды своих книг, для возможности широкого массового доступа к ним.

Книжная коллекция изданий Фонда – своеобразный отчёт к двадцатилетнему юбилею – убеждает нас, что искусство книги – коллективное искусство, и оба слова в этом сочетании – главные. Решать проблему возвращения статуса самой читающей страны – это значит решать проблему возрождения самой страны, её осмысленного движения в достойное будущее. Книга не только хранит знания, она их щедро отдаёт, она освещает настоящее и проектирует будущее, она, по выражению Д. Мамина-Сибиряка, даёт возможность вместить в свою единственную жизнь тысячи других. А значит, стать богаче и мудрее на эти тысячи жизней, освоить – сделать своими – исторический опыт, духовный поиск, обретение прекрасного.

г. Челябинск

**Виктор
КОНЯЕВ**

ЭПОХА ТОТАЛЬНОГО КОРМЛЕНИЯ

Заметки неравнодушного

«Кормленье, жалованье, содержание от казны и самые места, должности вне столицы; поместье, волость или город, и посылка чиновников на управление ими, наместники и волостели звались кормленщиками.

Кормленье с боярским судом, место с правом суда и расправы, за кои вместо жалованья, правитель взимал пошлину» (В. Даль. «Толковый словарь живого великорусского языка»).

* * *

Кормились наместники царя в отведенных им пределах не скудно: сытно, на золоте, ели, сладко, на перинах спали, держали большой двор с многочисленной челядью, с богатым выездом. Такие были в те давние века общественно-экономические отношения на Руси, не могло государство платить денежное довольствие региональным правителям по нехватке финансов, управитель кормился от трудов населения.

Однако, главной задачей кормленщика было блюсти интересы Державы, оборонять от ворогов родную землю. При этом мощными заслонами от воровства и лихоимства кормленщика должны были служить духовные скрепы христианства и страх пред Самодержцем.

Не всегда эти заслоны удерживали мутнеющие от соблазна богатством и властью умы, а жалобы обираемых и угнетаемых людишек порой достигали ушей государевых, шел тогда зарвавшийся кормленщик в пыточный подвал, потом на плаху.

* * *

Шли годы, бежали века, более цивилизованными делались формы управления людьми и территориями. Мы не будем рассматривать весь процесс эволюции государственного устройства, нам интересно присмотреться к тому, как управляется Российская Федерация от Кремля до самых окраин в настоящий момент, оценить сам способ управления на некоторых примерах.

При этом присматривании надо обязательно учитывать те задачи, которые ставили «прорабы пе-

рестройки» при сломе социализма и построении капитализма, тогда станет понятнее, почему именно эта форма управления стала наилучшей для правящей верхушки.

Результаты решения тех задач по прошествии четверти века стали видны четко, как муха под лупой, по результатам, ибо о пользе дерева всегда судят по плодам его.

Оказались плоды сладки для десятков, от силы сотен тысяч людей, горьки же – для десятков миллионов.

Исходя из этого, автор утверждает, что, несмотря на весь научно-технический прогресс, смена строя отбросила Россию экономически и нравственно вспять.

Читатель, не спешите записывать автора в обитатели палаты №6, а вдруг в его словах есть хотя бы доля истины.

Дело в том, что любая экономическая модель, в других странах более-менее соответствующая жизни, в России-матушке мутирует по неизвестным никому законам и обретает столь причудливые свойства, что не втискивается в рамки классического определения.

А вот идеологи правящего слоя сумели втиснуть в этот самый чиновничье-олигархический и сырьевой кормление как важнейший компонент экономической жизни государства. Автору неизвестно, изучали ли внимательно Историю России, эти самые идеологи, возможно, они действовали интуитивно, но нашли они для себя в Истории Отечества самый привлекательный образ жизни.

Но, что особо важно, нынешнее кормление не классическое, времен Ивана III, а есть современная мутация, лишённая обратной стороны явления – заботы о кормящем народе. И ещё, что особо цинично, кормленщики получают от государства кто зарплату, а кто помощь в виде финансовых льгот и различных послаблений.

Вот в таком виде этот плод эволюционного сбоя оказался наиболее подходящим способом существования управленческой вертикали, потому что основной ее принцип «Не отвечать никогда и ни за что и при этом иметь все».

* * *

В доказательство безответственности верхов можно привести немало громких дел, с человеческими жертвами, всколыхнувших страну, даже за последние несколько лет, можно привести примеры грандиозных хищений и убедиться, что никто из высших чиновников или олигархов не понес адекватной вине ответственности.

В итоге нарастает недовольство, идёт постепенное разрушение России до мелких зависимых княжеств. И это было заложено в программу создания нового государственного устройства

Почти получилось в девяностые, народ стерпел, и покатила неуклюжая Россия в кювет при дороге, по которой Запад тащит человечество в сияющую бездну.

Несомненно, роль Путина велика в вытаскивании страны из кювета. Сейчас Россия вернулась на «общемировую дорогу», но она еще только поднимается и недоуменно трясет головой, приводя мозги в порядок, а вот стоит ли ей вообще идти туда, куда волокут всех англосаксонские вожатые (или конвой?), кого пряничком маня, кого штыком коля?

Это вопрос из вопросов.

* * *

За четверть века жизни под гнетом золотого идола Русское государство изменилось почти неузнаваемо. Клань олигархов и бюрократов, напившись деньгами, налились упругой тугостью, ни с какой стороны не уцепить, карающие длани скользят, но не ухватывают, оттого и власть их стала почти абсолютной.

Все эти глухие годы идеологи выросшего класса собственников, ненасытного и ненасытимого, засевали сердца людские личинками алчности и во многих, печально, но очень во многих, паразиты нашли питательную среду. Неутолимо голодные, они готовы пожрать своих носителей, изгрызть их изнутри.

Все эти глухие годы идеологи выросшего класса собственников, ненасытного и ненасытимого, засевали сердца людские личинками алчности и во многих, печально, но очень во многих, паразиты нашли питательную среду. Неутолимо голодные, они готовы пожрать своих носителей, изгрызть их изнутри.

Эта категория людей есть мобилизационный резерв капитала, латентный, дремлющий, но реально существующий. И имя им – легион.

* * *

Президент В. Путин заявлениями своими и некоторыми делами оживляет надежду в тех, кто не может смириться с остыванием жизни в теле Родины нашей. Они мечтают о временах, когда в десятках тысяч брошенных деревень вновь зазвонят плотницкие топоры, замычат по утрам коровушки, в открывшихся сельских школах заплещется детский смех. Когда вместо сорного подлеска на покинутых пашнях заколосится пшеница, и снова потянется рабочий класс к проходным восстановленным заводам.

Но чтобы увидеть все это воочию, нужна огромная государственная воля, нужна любовь к простому народу и нужно зажечь сердца миллионов людей великой идеей, идеей созидания и благоустройства Отчизны нашей.

Пламень сердца спалит любую заразу.

Как мы надеемся, чтобы Президент захотел и смог стать искрой, от которой вспыхнут сердца людские.

* * *

А пока. Кормятся – пасутся на тучных нивах от Балтики до Курил непуганые стада чиновников-бюрократов, собственников-кровососов и бандитов-отморозков. А народ-кормилец воспринимает это уже не с ненавистью, а равнодушно, потому что многолетняя пропаганда наживы как главной цели человеческого бытия сделала свое черное дело.

Следующим, решающим, результатом должна стать любовь к «хозяевам жизни». Вот тогда наступит полное благолепие в земле Российской.

Тогда, возможно, и начнется «развитие» государства. Начнет рабочий класс «пахать» без больничных и отпусков да по двенадцать часов чисто из любви к олигарху-хозяину, чтобы было тому что пропивать-проедать – проигрывать в заморских странах. Возможно, так будет. А пока. Не желает очень-то народ горбатиться на хозяев-небожителей, оттого потихоньку и хиреет государство наше.

На равнодушии развитие не строится.

* * *

Ну а теперь окинем взором некоторые структуры кормления.

Смотреть нужно с головы, которая у рыбы гнить начинает первой.

Правительство.

И сразу в памяти возникает фигура улыбчивого Касьянова, ныне подзабытого главы Кабинета. Москвичи не зря его прозвали «Мишка – два процента», он когда еще показал, как надо кормиться.

Пример пошел впрок министру обороны – он, пожалуй, даже дальше пошел.

Министр образования и науки фактически работает на уничтожение российских вузов и школ, на дебилизацию молодежи и ... тоже, как с того гусака вода. А кормление в высшей школе таким махровым цветом полыхает, аж дух от «восхищения» захватывает.

Некогда лучшие вузы страны, готовившие научную элиту СССР, ныне плодят под своим крылом и именем образовательные учреждения-суррогаты, в которых за дензнаки «нарисуют» диплом хоть «негру преклонных годов», ни слова не понимающему по-русски.

Неплохая прикормка для руководства вузов.

Не лучше и со здравоохранением.

Небольшие города остаются без роддомов, поселки без поликлиник, деревни и села без фельдшерских пунктов. Скандалы, скандалы: с закупками импортного оборудования, со взятками высоких начальников в белых халатах.

Главврачи в золоте и на иномарках, медсестры и санитарки – на прожиточном минимуме.

Оттого, что в поликлиниках и больницах пригрелись частные медицинские конторки, прямо или косвенно принадлежащие руководству.

Ничего личного, милостивые государи, обыкновенная кормушка.

* * *

А если осмелиться и задрать голову на небоскреб «Газпрома» в Москве или Питере? Что там увидим? Да то же самое. В несчетное количество этажей напичкано столько всякого люда: друзья-приятели высоких лиц, любовники-любовницы, тещи-тещи, сватья и шурины, и всем кормиться надо сытно, на то оно и «народное достояние».

Ну и приведем пример из более приземленных сфер нашей действительности. Вот металлургическая промышленность.

Казалось бы, то место, где первейшим должно быть само производство: план по выпуску продукции, сбыт, ремонты оборудования, оснащение новым для увеличения выпуска готовых изделий и улучшения качества. Оказывается, действительно только казалось.

Но истинные хозяева (а по сути временщики-кормленщики) предприятий иногда так далеко или высоко, что до них не могут дотянуться ни региональные власти, ни правоохранительные.

Для них главное – дивиденды, которые они ежемесячно выгребают из предприятий, а все проблемы производства должны решать наемные управленцы, которым назначаются оклады раз в 50 выше, чем у рядового рабочего.

Но инфляция не стоит на месте, значит, надо увеличивать дивиденды, а как? Вроде штаты ремонтного и технологического персонала сократили за пределами, все, что можно и не можно из зарплат, отпускных и больничных изъяли, чего бы еще придумать? Есть умные ребята, за хорошие деньги они много чего надумают на пользу хозяевам.

Надумали, придумали.

Теперь о любой самой пустячной травме на любом предприятии компании извещают всех рабочих всех заводов – под личную подпись: мол ознакомился, значит, извещен и в случае травмы компания вправе лишиться тебя выплаты по больничному листку, как нарушителя требований охраны труда, а следом и уволить.

Зато не надо закупать новое оборудование, можно старое покрасить и обзвать новым. А еще можно экономить на тендерах для найма подрядных организаций, но это уже кормушка для заводского и цехового начальства.

Закупки материалов для больших ремонтов, например, доменной печи – раздолье для махинаций,

благо разброс цен приличный, особо если брать китайские, а на больших количествах набегают хорошие суммы.

Вот и задумайся, читатель, есть ли перспектива роста у такого предприятия металлургической отрасли России?

Задумавшись над этим, рассудительный человек обязательно поставит вопрос более обобщенно. А есть ли перспектива роста с такой системой управления?

Ответ будет однозначный – с таким управлением есть только перспектива медленного умирания.

Когда в душах и сердцах людей убивают дух созидания, тогда на пустое место приходят другие духи, противоположные по свойствам: злобы и зависти, жадности и лицемерия, гордыни и тщеславия.

И дело становится сделано – человек отныне раб своих душевных недугов, которые есть страсти.

Вот это и проделали с великим народом великой страны.

Ну не мог мир, погрязший в стяжательстве, терпеть рядом с собой живой пример, как укор, совершенно иной морали, абсолютно отличной от него нравственности, он всеми силами стремился уничтожить его, оттого что зло всегда агрессивно.

* * *

122

Россия не сможет существовать в системе координат, в которую ее втащили. Она изначально собиралась на других основаниях и жила многие столетия.

Как разбудить у народа волю к жизни, вернуть дух творчества, дух созидания?

Нет у автора готового ответа.

А есть слова Иисуса Христа ученикам: «Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе вместилища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает. Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет».

У человека есть Дар Божий – разум, он должен осознать погибельность скотского существования, именно он должен привести человека к вере в Бога, который есть Любовь.

Только вера возродит волю к жизни, изгонит злых духов в безводную пустыню, тогда и вернется присущий человеку дух созидания, который жидется на любви к ближнему, а это и есть сокровище неоскудевающее на небесах.

* * *

А пока кормятся все от трудов рабочего человека, на котором еще стоит мировая цивилизация, ведь виртуально есть-пить, одеваться-обуваться до

сей поры человечество не научилось и кто-то должен производить вещественные, материальные ценности. Рабочий человек их и производит, а присваивают его труд, да им еще и помыкают все, кому не лень.

Присосанец шоу-бизнес кормится за его счет, развлекает кормильца и попутно отвлекая от ненужных мыслей. Кормятся мелкие чиновники, усложняя пустяковые проблемы до взятковомогательства. А уж как кормятся спекулянты, то бишь, по современному, торговые люди, читатель убеждается чуть не каждый день, смотря ценники в разных там маркетах.

* * *

Ну а ежели пошире охватить проблему кормления, не в масштабе слоев населения одного государства, а целых государств? Что мы увидим?

Да совершенно то же самое. За чей счет подкармливаются США и богатые страны Европы, потребляя больше, чем производя?

США кормятся за счет всего остального человечества, печатая ему свои доллары и на штыке их поднося. США и Европа грабят слабые страны третьего мира, а сейчас и страны бывшего соцлагеря, выкачивая из них ресурсы и полезные ископаемые посредством кабальных договоров.

Так устроен современный мир и так устроили Россию.

Так было всегда (за исключением времени существования СССР).

Но должно ли так быть всегда?

Думайте, читатель, думайте.

Как в известной песенке: «Думайте сами, решайте сами – иметь или не иметь».

г. Новокузнецк

Сергей ЗАПЛАВНЫЙ

В ЖИЗНИ ВСЁ РЯДОМ

случилось чудо

Лучшим кинофильмом 1973 года читатели журнала «Советский экран» назвали художественный фильм «Мачеха» с Татьяной Дорониной в главной роли. Ему отдали предпочтение более двадцати тысяч участников опроса. Вошел он и в число самых кассовых кинолент страны. Затем началось его триумфальное шествие по планете. 76 государств мира предоставили «Мачехе» свои лучшие кинозалы. Секрет столь широкого успеха один из зарубежных обозревателей определил так: «С удивительной проникновенностью в фильме показано рождение материнской любви к чужому ребенку».

Людам старшего возраста нет надобности говорить, о чем этот фильм. Гораздо меньше знаком с ним сегодняшней зритель. Поэтому вкратце напомним его содержание. Начинается он празднично: семья лучшего совхозного тракториста Павла Олеванцева (его играет артист Л. Неведомский) готовится отметить долгожданное новоселье, а заодно двадцатипятилетие его жены Шурки (Т. Доронина) и трудовую премию, полученную Павлом за самоотверженную работу в поле. И вдруг это не успевшее начаться торжество рушится. Его обрывает письмо, полученное с севера от бывшего соседа Олеванцевых. В нем говорится: так, мол, и так, Павел Егорович, «Наташа неделю назад скоропостижно умерла и осталась после неё дочь Светлана, семи лет. Обличьем вылитый твой портрет, и не только обличем, но, более того, характером: такая же серьезная и башковитая; училась нынче в первом классе на одни пятерки. Наташу сватал наш прораб, мужик одинокий, самостоятельный, только она не пошла. Жила со Светкой при нас такой же монашкой, как и до тебя жила. Я бы Светку взял, да не надеюсь на здоровье. И своих ребят навалом. А в детский дом отдать при живом отце руки не поднимаются. Так что решай сам, как тебе совесть подскажет».

Кто такая Наташа, объясняет плачущей Шурке Павел: «Я ей не раз предлагал расписаться, когда про ребенка и помину не было. Она сама не соглашалась. Не хотела жизнь мне портить, потому что

старше была и нездорова. А про ребенка скрыла и уехала, чтобы руки мне развязать».

Ну какое после таких объяснений может быть торжество? Разругались Олеванцевы, потом через «не хочу» помирились да и поехали вместе за

девочкой. Не успели остынуть от одного конфликта, на смену ему другой разгорелся. Светка-то нелюдимо оказалась, недоверчивой. Слабая здоровьем мать внушила ей, что надеяться в этой жизни следует только на себя, потому как чужие люди могут любить только из милости. Или просто жалеть. Вот девочка и замкнулась в себе, *кособочиться стала*. А тут еще теща Олеванцева Анфиса Васильевна (актриса Н. К. Федосова) масла в огонь

подливает – не по душе ей эта *приблуда*, эта, спаси господи, *немтырка*. И маленького Юрку против неё настроила. А Павлу недосуг детьми заниматься: в поле работы невпроворот, тут не до воспитательных бесед. Сердиться стал, Шурку отчитывать: что это Светка у нас такая молчунья растет? Кажется ему, что жена зря во всем ей потакает. Кормит отдельно, беседует за закрытой дверью, там, где строгость надо проявить, только улыбается. Тут и не хочешь, а подумаешь, очень уж *лёгонький* у Шурки умок.

А у неё свои терзания: экую ответственность она на себя взвалила! Ну как Павлу объяснить, что только терпением, только лаской и заботой они Свету к людям могут приучить, пробудить в её замкнутой душе дочернее чувство? Смахнёт тайком слезу, вооружится улыбкой и опять всё по-своему делает: мать и Юрку усовестит, Павла с работы сердечным словом встретит, обиходит, но главное для неё – хоть чем-то Свете помочь, завязать с ней более доверительные отношения, дать почувствовать, что это её дом, её семья.

Трудная миссия на долю Шурки Олеванцевой выпала, но она упорно и по-матерински мудро движется к своей цели. И своего добивается. Это ключевой момент в фильме. Он никого не оставляет равнодушным. Даже у самых сдержанных зрителей теснение в груди вызывает, а то и слезы сопереживания. Такой уж это фильм.

Татьяне Дорониной, народной артистке СССР, ныне художественному руководителю Московского Художественного академического театра имени М. Горького, удалось создать яркий, трогательный, западающий в душу образ Шуры Олеванцевой. Работа над ним стала важным этапом в её творческой судьбе. Однако не менее важную роль этот образ сыграл в судьбе томской писательницы Марии Леонтьевны Халфиной, автора повести «Мачеха», по которой поставлен фильм. Повесть эта была опубликована несколькими годами раньше в одном из номеров журнала «Огонек». Прочитав её, Доронина поняла: вот он – сценический материал, о котором

она давно мечтала, вот тема, которая волнует многих, вот автор, который ей интересен и по-человечески близок, – и она послала Халфиной письмо с предложением экранизировать «Мачеху».

Столь неожиданное предложение застало Марию Леонтиевну врасплох. Свою первую художественную книгу – сборник рассказов «Мои соседи» – она издала в 56 лет, вторую – «Живёт рядом семья» – в 57, в Союз писателей СССР принята в 58; повесть «Мачеха» отдельным изданием вышла, когда ей исполнилось 59.

«Ну почему всё приходит ко мне с таким запозданием? – разволновалась она и тут же с характерной для нее самоиронией решила: – Быть *поздним дарованием* не грех, а награда. Привыкай...».

Успокоившись, Халфина подготовила немногословный ответ Дорониной и стала ждать «куда судьба выведет».

Судьба оказалась к ней благосклонна. Вскоре её пригласили на студию «Мосфильм». Там она подписала договор на экранизацию не только «Мачехи», но и еще трех рассказов. Сценаристом был утвержден опытный драматург В. Смирнов. И началась новая для Марии Леонтиевны, сложная и увлекательная работа. Во время съемок не обошлось, конечно, без творческих разногласий с режиссером и сценаристом, но уже после первого просмотра фильма всё отошло на задний план, а то и попросту забылось.

«Случилось чудо, – признавалась позже Халфина, – Я помолодела. Да, да... Причем, не только душой, но и физически. Мне стало как-то легче ходить, дышать, радоваться жизни. А еще я осознала, что во мне сидит не только беллетрист, но и драматург. Беллетрист трудится в одиночку. Его основные инструменты – тема, сюжет, воображение... А драматургу этого мало. Ему еще сцену подай и слово, да не письменное, а *вслух, в разговорное*».

Проза Халфиной и впрямь сценична. По природе своей она не бытописатель, не автор производственных романов, а, если так можно выразиться, *житейский психолог*. Её волнуют вечные темы – любовь, верность, ответственность, взаимоотношения детей и родителей, вопросы воспитания – словом, истории, в которых ставятся вопросы нравственности и морали. Излюбленный её жанр – *семейный рассказ*. Даже «Мачеха» опубликована была сначала как рассказ «Законная жена» (газета «Известия» от 20. 08. 1963) и лишь потом в процессе доработок выросла до повести. Язык её житейских историй красочен и в то же время по-народному прост, энергичен, диалоги естественны. А это уже часть сценического искусства.

Вот почему повесть «Мачеха» привлекла внимание не только Т. В. Дорониной, но и режиссера Томской студии телевидения С. Л. Сапожниковой, по-

ставившей к тому времени телеспектакли по произведениям А. Островского, Ч. Айтматова, Р. Роллана, В. Липатова и других разноплановых писателей и драматургов. По её признанию, повесть Халфиной читалась как готовый сценарий, осталось подобрать актеров и сделать нехитрые декорации. В марте 1971 года телеспектакль «Мачеха» впервые был показан по томскому телевидению. Случилось это за полтора года до выхода кинофильма «Мачеха». Конечно, успех телеспектакля был гораздо скромней, но и он стал заметным событием в культурной жизни области и в творческой судьбе Марии Леонтиевны.

За экранизацией «Мачехи» последовала экранизация её рассказа «Безотцовщина» (1977). И снова на «Мосфильме». На этот раз одну из главных ролей исполнила начинающая в ту пору актриса Е. Драпеко. Роль удалась. За неё она была удостоена премии Ленинского комсомола, стала если не популярной, то заметной среди молодых актеров. Добавила эта кинолента известности и Халфиной. Однако известность и популярность не одно и то же. Обычно зритель запоминает имена актеров и режиссеров, и лишь немногие обращают внимание на имена сценаристов и авторов произведений, по которым фильмы поставлены.

В 1978 году по договору со Свердловской киностудией Мария Леонтиевна подготовила сценарий фильма, в основу которого легла её «Простая повесть» из книги с похожим названием «Простые истории». Сценарий был принят. Главную роль в будущем фильме должна была сыграть набирающая популярность актриса Инна Чурикова. Но цепь непредвиденных обстоятельств сорвала эти планы. Дальше сценария дело не пошло.

«Чудеса скрашивают жизнь, но они, увы, недолговечны, – с обычной для нее самоиронией отреагировала на эту неудачу Халфина. – Будем работать дальше. Не зря говорится: не поймал карася, поймаешь щучку».

В ту пору ей исполнилось семьдесят лет. На юбилейном вечере она сказала:

«В сегодняшние семьдесят я смотрю на вещи иначе, чем в двадцать, но мне, я считаю, не за что краснеть».

Впереди у Марии Леонтиевны было еще два юбилея – 75 и 80. А позади – большая, наполненная трудом и подвижничеством, потерями и обретенными, яркая творческая жизнь. Она вполне могла бы стать сюжетом еще одного художественного фильма.

ЧУЖАЯ БОЛЬ

«Я росла среди книг и не помню себя неграмотной, – писала в автобиографии Мария Леонтиевна. – С трехлетнего возраста старшие брали меня с

собой в Бийскую народную библиотеку. Она и стала колыбелью моей будущей профессии».

Но не только чтение увлекало её. В школе она записалась сразу в несколько кружков – танцевальный, пения, драматический. А знакомый родителям Халфиной художник дал им дружеский совет: «Вашего ребенка надо учить основам изобразительного искусства. У неё есть способности».

Еще она любила играть в рифмы. Интересно ведь так подбирать слова, чтобы они звучали складно и умещались в определенный ритм. Шагаешь себе по улице и рифмуешь всё подряд – машины, людей, мороженое, птиц, дождь, солнце, деревья... И вдруг в этом хороводе слов обнаруживаешь смысл, настроение, одно четверостишие тянет за собой другое.

В 13 лет Халфина стала завсегдатаем литературного кружка при бийской газете «Звезда Алтая» и параллельно – активисткой городского театра рабочей молодежи (у нее было сильное контральто и актерские способности). В 14 лет опубликовала свое первое стихотворение и выразительно прочла его со сцены ТРАМа:

*За окном скользят снежинки.
Листья по земле сплетаются в ковер.
На окне мороз изящной кистью
Написал причудливый узор.*

*По углам уже таятся тени,
Меркнет день закатной полосой.
Со стены, прищурясь, смотрит Ленин,
В сумерках понятный и родной.*

*Так родны мне в отблеске заката
Сонные родимые поля.
Серые заснеженные хаты
И до боли близкая земля.*

Детство – особый возраст. Это время познания окружающего мира, безудержных фантазий, первой любви и желания поскорее утвердить себя среди сверстников, показать свой характер. Тут у Халфиной проблем не было. Она росла здоровой, напористой, энергичной девчонкой; таких принято называть заводилами.

Наблюдая за частой сменой её увлечений, отец как-то заметил, что у неё тринадцать с половиной талантов и ни одного настоящего. Пора определяться. Важнее всего для человека понять свое призвание. Пусть оно будет небольшое, негромкое, но обязательно своё.

Эти слова и повлияли на её выбор. Окончив семь классов, Халфина решила поступить в библиотечный техникум, и не в какой-нибудь, а непременно томский. По словам родителей, Томск – это первый

университетский центр Сибири. 121 год он был столицей губернии, в которую входили территории нынешних Томской, Новосибирской, Кемеровской, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской областей и Алтайского края. Здесь готовились лучшие кадры в самых разных областях производства и культуры. А Халфиной хотелось стать непременно лучшей.

Училась она с охотой, но, как и в школьные годы, *разбрасывалась* – пела, плясала, сочиняла для самодеятельности программы со скетчами, монологами, частушками, оформляла стенгазеты, писала для них стихи. Верховодила не только в своей, но и в других группах. Стипендия у нее была крошечная, трудностей хватало, но учеба в техникуме запомнилась ей как время счастливой юности, верной дружбы и больших ожиданий.

Распределение она получила в село Излап Солтонского района Алтайского края. Библиотеки в полном смысле этого слова там не было. Требовался ликвидатор неграмотности. Так она стала избачом. И началась новая, самостоятельная, полная тревог и испытаний жизнь. *Внедрение книги* в сознание людей, не знавших прежде, что это такое, оказалось делом крайне сложным, ответственным, но и увлекательным.

Как-то в Излап приехал сотрудник краевой газеты «Алтайская правда». Он сразу понял, что Халфина – человек литературно одаренный, и без труда уговорил её стать рабкором (рабочим корреспондентом) газеты. Вскоре на её страницах стали появляться корреспонденции девушки-избача, затем короткие *рассказы из жизни*, стихи и даже поэмы.

В 1925 году в Москве начал выходить журнал «Крестьянка». Для молодого избача он стал не только методическим подспорьем, но и литературной трибуной. Халфина послала в него рассказ о том, как она организовала в алтайском селе первую женскую артель. Однако имя героини изменила. И получилось нечто художественно самостоятельное, не привязанное лично к ней и её работе произведение. Рассказ был опубликован. За ним второй. Это доставило ей радость, но и только. С библиотечного пути она сворачивать не думала, зову «тринадцатого с половиной» таланта не поддавалась. Да и некогда стало заниматься сочинительством. Её пригласили на работу в Томск – преподавателем библиотечного дела сначала в краевой Совпаршколе, затем в родном техникуме. Ну как же от такого предложения отказаться?

Работы и ответственности заметно прибавилось. Теперь Халфина отвечала не только за себя, но и за судьбы своих воспитанниц. Учила их всему, что сама успела постигнуть. Старалась найти к каждой материнский подход, а там и сама стала матерью.

О том, как она трудилась в суровые военные годы, говорят медали «За доблестный труд» и «За трудовую доблесть в Великой Отечественной войне».

В 1949 году по направлению областного отдела культуры с младшим сыном Алексеем (старший вырос и уехал по распределению на восток) Халфина переехала в поселок судоремонтников Моряковский Затон, проще говоря, Моряковку. С собой она привезла более двух тысяч книг г. Они и стали основой библиотеки, которую ей предстояло здесь открыть.

Поначалу библиотека размещалась в парткабинете судоремонтного завода, но через полгода переместилась в деревянное здание, которое строил буквально весь поселок. Дети называли его «Терем-теремок». Для ребятни, да и для взрослых он стал родным домом. Днем это была изба-читальня, вечером – народный театр. А еще Мария Леонтиевна организовала хор пенсионеров и установила связь с одной из пражских библиотек. Они прислали в дар сибирякам роман «Красное зарево над Кладно» тогдашнего президента Чехословакии Антонина Запоцкокого с надписью: «*Работникам и читателям городской библиотеки Моряковки в честь дружбы и сотрудничества с кладненцами. Прага. 1955 год*».

Сценарии для концертов художественной самодеятельности и театральных постановок, тексты на мелодии популярных песен «с местным содержанием», красочную стенгазету *сотворяла* тоже Халфина. Все поселковые праздники проводились, как правило, в библиотеке. Не удивительно, что Мария Леонтиевна трижды избиралась в Моряковский Совет депутатов трудящихся.

История, как мы знаем, имеет свойство повторяться, пусть и в другом варианте. На этот раз, как когда-то в Излап, в Моряковку нагрянул корреспондент еще более авторитетной, чем «Алтайская правда», газеты «Советская культура». Ознакомившись с многообразной работой поселковой библиотеки, он загорелся желанием посвятить рассказу о ней целую полосу. Предложил поделиться своими *размышлениями* и Халфиной. Так родилась её статья с деловым названием «Труд библиотекаря». Её публикация вызвала в душе Марии Леонтиевны бурю чувств и воспоминаний. Оказывается, желание писать у неё не исчезло, оно по-прежнему теплилось в ней, как уголек в золе. Неужели она даст этому угольку погаснуть?

Словно наверстывая упущенное, Халфина подготовила еще несколько статей для «Советской культуры». И неожиданно для себя получила от Госкультпросветиздата предложение объединить их, доработать и сделать информационно-методическую брошюру под общим заголовком «Библиотека Моряковского Затона. Из опыта работы».

В 1957 году эта, пока еще не художественная книжка, увидела свет. В 1958 году по итогам Всероссийского общественного смотра культурно-просветительных учреждений страны созданная Халфиной библиотека получила диплом «Лучшая библиотека РСФСР», а в 1960-м признана лучшей библиотекой области.

Следующие пять лет жизни Марии Леонтиевны связаны с работой в библиотеке совхоза «Рыбаловский» Томского района. Именно в эти годы она написала рассказы и повести, принесшие её литературную известность. И вновь они пришли к всесоюзному читателю через газеты – на этот раз через «Комсомольскую правду», где был опубликован её рассказ «Два слепых сердца», и «Известия», где появился цикл из четырех рассказов «Живет рядом семья». А уже после этого журнал «Огонек» напечатал «Мачеху».

В 1966 году Халфина вновь стала томичкой. Тогда мы с ней и познакомились. Случилось это вскоре после Кемеровского совещания молодых писателей Западной Сибири, в котором довелось участвовать Любове Асеевой и Тамаре Калёновой (семинары прозы), мне и Станиславу Федотову (семинары поэзии). Себя с нами Мария Леонтиевна уравнила тогда коротким определением: *новобранцы*. Это следовало понимать так: она только что получила билет члена Союза писателей СССР, а мы – боевое крещение на серьезном литературном форуме. Чем не новобранцы? А то, что нам до писательского билета было еще далеко, её не смущало: *служить-то* нам теперь вместе.

Узнав, что творчество Калёновой обсуждалось в семинаре Сергея Антонова, автора повести «Дело было в Пенькове», по которой поставлен одноименный фильм, и других не менее талантливых произведений, Халфина оживилась: это один из её любимых советских писателей, мастер *короткой прозы*. Вот у кого нужно учиться умению строить сюжет, лепить характеры. Минимум описаний, максимум действия. Всё образно и вместе с тем экономно. Его опыт свидетельствует, что учиться лучше всего на *маленьких* сюжетах, а под *большими* с непривычки можно и надорваться.

Завязался живой заинтересованный разговор. Замелькали известные и мало известные имена. Халфина посоветовала нам прочитать опубликованный в журнале «Молодая гвардия» рассказ Валентина Распутина «Мама куда-то ушла». Прежде всего потому, объяснила она, что он участник Читинского совещания молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока, состоявшегося годом раньше, но у него уже есть чему поучиться и молодым, и опытным литераторам.

В свои 58 лет Мария Леонтиевна выглядела молодо: плотная, статная, лицо хорошо вылепленное,

глаза большие, внимательные, брючный костюм, недорогие бусы из янтаря, минимум косметики; и только седые волнистые волосы напоминали о её возрасте.

Годом позже Мария Леонтиевна подарила нам с Калёновой свою книгу «Простые истории» с короткой надписью: «Дорогим братьям-писателям Тамаре и Сереже от старого коллеги». К тому времени мы с Тamarой уже четыре года были женаты и чувствовали, что Халфина воспринимает нас не только как коллег, но еще и по-матерински. Ей хотелось, чтобы в нашем доме всегда сохранялись любовь и согласие, ведь союзы творческих людей чаще всего недолговечны.

Так же примерно она относилась к другим людям, особенно молодым. Чем могла, помогала. Радовалась успехам, ободряла при неудачах, постоянно за кого-то хлопотала, была окружена читателями и почитателями. Со стороны казалось, что жизнь её течет ярко, наполненно, сверхблагополучно. С такой волей, с таким характером иначе и быть не могло!

Поначалу так думал и я. Но однажды, прочитав её новый рассказ «Игорь» из цикла «Живет рядом семья», вдруг понял, что в основу его положена история её непростых отношений с сыном Алексеем.

Знакома меня с ним на одном из литературных праздников, она ласково сообщила: «Мой *последышек* Алексей». А когда он отошел, добавила: «Сообразительный мальчик, правда, *веселый лентяй*». И стала вспоминать, как в детстве прививала ему любовь к книге, учила понимать музыку, чувствовать красоту природы и даже штудировала вместе с ним английский язык, чтобы ему было легче его освоить.

Правду сказать, на мальчика Алексей походил мало: ему было уже за тридцать. Среднего роста, рыжеволосый, лицо, словно обожженное весенним солнцем. Держался свободно, непринужденно. Позже я не раз встречал его в Научной библиотеке университета, на поэтических вечерах и просто на улице. И всегда в руках у него была книга или журнал. Сразу видно: книголюб. Однажды я стал свидетелем его спора с диссидентствующими гуманитариями. Он вёл его умело, к месту цитируя Камю, Хайдеггера и других западноевропейских писателей и философов. В другой раз Алексей по-свойски попросил у меня займы трешку и, прощаясь, не без подначки заметил: «Матушка отдаст». Ходили слухи, что он женился, но ничего хорошего из этого не вышло. Зато возник «квартирный вопрос», а они легкими не бывают.

Рассказ «Игорь» был похож скорее на конспект рассказа, чем на развернутое художественное произведение. Речь в нем шла о матери, в одиночку

воспитывающей сына-*последышка*. («Знакомое слово», – отметил я). Потом подалось «веселый лентяй»... Мать в сыне души не чаяла. «Жила только для него». Но пришло время, и она почувствовала, что скучна сыну, не интересна. Его потянуло к экзистенциалистам и философии Хайдеггера, компаниям эрудитов, коротающим время в жарких спорах, к свободе и независимости от её нудной опеки. Игорь стал приводить в дом друзей-приятелей, под всякими предлогами выпроваживая её в кино или к знакомым. Как-то утром она услышала в его комнате женский смех. Спросила: кто эта девушка? невеста? И поняв, что это его *очередная* подруга, «впервые закричала на сына истерично, визгливо». А он посоветовал ей выпить валерьянки и разойтись – разменять квартиру.

Финал рассказа поистине драматичен: «Они не разошлись. Потому что она не представляет себе жизни без Игоря. Так и живут под одной крышей: он – свободный и независимый, со своим неприкосновенным «внутренним миром», и она – притихшая, опустошенная, тоже со своим внутренним миром, до которого её сыну нет никакого дела»...

Как-то Мария Леонтиевна пригласила меня к себе на мичуринский участок. Находился он за жилым городком Томского аэропорта. День выдался солнечный, но не жаркий. Участок утопал в цветах и разнообразной зелени. Он был невелик – около четырех соток. Вместо домика – будка для инвентаря, рядом синяя скамейка. Улучив момент, я спросил Марию Леонтиевну, насколько рассказ «Игорь» автобиографичен?

Она сделала вид, что не услышала меня. Однако через время не без гордости сообщила, что будку и скамью, на которой мы сидели, сколотил её Лёша, а ведь он с 16 лет инвалид второй группы. И, не дожидаясь дополнительного вопроса, продолжила:

– В детстве он перенёс хорею. Это болезнь такая. По рекомендации врачей я увезла моего мальчика в Крым. Там он лечился более года, но безрезультатно. Затем началась возрастная ломка. Как могла, я отвлекала его от отчаяния, от желания уйти из жизни – книгами, музыкой, живописью, работой по дому. Зазывала к нему сверстников. И своего отчасти добилась. Экзамены за среднюю школу он сдал экстерном. Казалось, жизнь налаживается. В 1967 году Лёша женился. Жену свою он очень любил, но согласия у них не было. Всё его раздражало. Он начал пить, сошелся с местными «антисоветчиками». Так их называли за то, что они читали в «самиздате» Сахарова, Солженицына и других инакомыслящих. Я тоже читала. Ну и что?.. Сыну стало казаться, что его преследуют. Он мечтал об отдельном жилье. Был уверен, что это поможет ему восстановить отношения с женой. В конце концов мы разменяли квартиру, в которой жили, на две отдель-

ные. Лёше досталось благоустроенная *однушка*, мне – смежные комнаты в сыром деревянном доме. Там я заболела от холода и внезапного одиночества. Три месяца провалялась в больнице с воспалением легких. Возвращаться в мое неприятное логово было смерти подобно. И тогда меня забрала на время в теплую Алма-Ату одна из моих техникумовских учениц. А Лёша в это время проходил курс принудительного лечения в психобольнице. Вот и посуды сам, насколько рассказ «Игорь» автобиографичен.

– Когда это было – до или после кинофильма «Мачеха»? – спросил я.

– Одновременно, – усмехнулась она. – Ведь фильмы в один день не снимаются.

– А вы говорили, что *случилось чудо...*

– Одно другому не мешает. В жизни всё рядом...

Больше мы с ней так откровенно о семейных делах не говорили, хотя не раз сидели рядом на писательских собраниях, участвовали в литературных «десантах» по области. У неё выходили новые книги – «Баба Груня», «Ульяна Михайловна», «Что старикам надо», переиздания прежних. Всё чаще она стала болеть, надолго исчезала из вида. Обострился у неё и «квартирный вопрос», связанный, как и прежде, с сыном. В 1982 году неожиданно для многих Мария Леонтиевна поселилась в доме-интернате для престарелых и инвалидов «Лесная дача».

– Продолжаю работать над циклом рассказов «Что старикам надо», – объяснила она нам. – Где как не здесь об этом писать? Можно сказать, с натуры. Отсюда проблемы нашего брата лучше видать. Заодно помогу навести в интернате порядок. Все-таки я человек общественный, заслуженным работником культуры зовусь. Люди не должны чувствовать, что их здесь собрали в ожидании смерти. Вот и будет от меня хоть какая-то польза.

В голосе её, как всегда, проблескивала самоирония, а в глазах читалась давняя неизбывная печаль. Готовясь принять на себя чужую боль, она надеялась, что это не оставит места для своей.

Вскоре вышло значительно дополненное издание книги «Что старикам надо». Свой долг Мария Леонтиевна исполнила. За три года, что она провела здесь, в интернате многое изменилось. Пополнилась новыми книгами и читателями библиотека. Окрепла художественная самодеятельность. Стали проводиться выставки всевозможных поделок, рисунков, вышивок. Обнаружилось немало поэтических талантов. Улучшилось медицинское и бытовое обслуживание обитателей интерната, отремонтировали дорогу к «Лесной даче».

В эти годы у Халфиной возникла идея о создании подобных домов-интернатов для творческой интеллигенции. С этой целью она отправилась в

Красноярский край. Затем вернулась в Томск, из которого, по её словам, никогда не уезжала.

Когда её спрашивали, кем она считает себя в первую очередь – писателем или библиотекарем, Мария Леонтиевна отвечала:

– Человеком!

Такой она и осталась в нашей памяти – искренней, доброжелательной, талантливой, простой и вместе с тем знающей себе цену.

Недавно в одном из современных торговых центров у большого настенного телевизора я увидел скопление посетителей. Подошел и тоже остановился. Над моей головой Шура Олеванцева неповторимым голосом Татьяны Дорониной что-то говорила напряженно замершей Свете, да так ласково и заботливо, что одна из посетительниц центра, пожилая, бедновато одетая женщина не выдержала:

– В советское время к детям особый подход был. Их по заграницам не спроваживали. Беспризорных и неграмотных вовсе не было. А нынче сплошь да рядом!

– И наркоманов, – подсказал мужчина тех же примерно лет. – Всё теперь купи-продай. Дожили, – потом добавил: – Я этот фильм раз десять смотрел. Хороший фильм, поучительный.

ПАМЯТЬ

Девять лет назад в Моряковской библиотеке, носящей имя Марии Леонтиевны, состоялись первые Халфинские чтения. Эстафету от моряковцев приняла областная библиотека имени А. С. Пушкина. Возможностей сделать чтения не только разговором о творчестве писательницы, но и литературным праздником с участием писателей, артистов, научной и творческой интеллигенции у нее было гораздо больше. Третьей площадкой для Халфинских чтений стал дом-интернат «Лесная дача», расположенный в живописном лесном массиве на берегу матушки-Оби. В 2009 году здесь открыт литературный музей писательницы. Он даёт возможность познакомиться со всем многообразием её исканий, дел, заслуг.

Очередные Халфинские чтения прошли в два этапа – в марте и сентябре 2013 года. Они были посвящены 105-летию со дня рождения Марии Леонтиевны. В марте она родилась, а в сентябре свое 50-летие отметило Томское отделение Союза писателей России. Двадцать два года из них Халфина была одним из самых активных и именитых его членов. К её вескому слову прислушивались все «братья-писатели». В спорных случаях оно, как правило, становилось решающим.

Кроме томских писателей – Вениамин Колыхалов, Владимир Крюков, Николай Хоничев и автор этих строк – в сентябрьской поездке по халфинским местам приняли участие поэт из Кемерово, главный

редактор литературного журнала «Огни Кузбасса» Сергей Донбай и московский писатель, уроженец села Могочино Молчановского района Томской области Василий Дворцов.

Сначала мы отправились в Моряковский Затон. «Терем-теремок», построенный в далеком 1949 году, до наших дней не дожил. Сгорел. Библиотека имени Халфиной расположена теперь в кирпичном административном здании. А жаль. Как хорошо было бы увидеть всё, как было *при ней*. Для музея-читальни бревенчатый терем больше подходит.

Но и в новом помещении библиотеки жив дух Халфиной. Он ощущался в той особой атмосфере, которая царит среди стеллажей с книгами, красочных стендов, возле установки для просмотра учебных и художественных фильмов, среди моря комнатных цветов. В марте здесь звучали любимые песни Марии Леонтиевны, отрывки из её произведений, демонстрировались фрагменты из кинофильма «Мачеха», а теперь мы читали по кругу стихи, говорили о литературе, знакомились с творческими работами победителей литературного конкурса «Простые истории», радовались тому, как богата талантами русская глубинка, как искренне и содержательно сельские жители размышляют о проблемах, затронутых в произведениях землячки.

А в «Лесной даче» мы стали участниками торжественного события – открытия мемориальной доски над входом в литературный музей Халфиной. На

черном мраморе рядом с портретом было высечено её имя, даты жизни (1908–1988) и бесхитрое писательское признание: «*Это потрясающее чувство понять вдруг, что то, что ты пишешь, может кому-то помочь*».

Потом состоялся круглый стол, за которым снова звучали стихи и раздумья о путях современной литературы и искусства, о людях, значимость которых определяется тем, что они сделали, памятью о них. Слушая товарищей, я невольно вспомнил строки покойного ныне Михаила Карбышева, посвященные Марии Леонтиевне. Как и она, он тоже был из числа *поздних*, но ярких *дарований*. И знаменательно, что он успел подарить ей эти строки в день её 80-летия, а она успела их прочитать и услышать.

*Ветер дует с большой реки,
До Шегарки дорога скатертью.
Там в приюте живут старики,
Ты им снова стала не мачехой – матерью.
Всем дала доброты своей
При такой вот внешней суровости.
Это качество у людей
Называется чистой совестью.
Да хранит Вас и дальше Бог,
Повесть жизни еще не окончена.
Сто путей Вам и сто дорог,
Дорогая Мария Леонтиевна!*

Геннадий МОРОЗОВ

ГЕНИЙ ЧИСТОГО БЕЛЬКАНТО

Поверьте на слово, дорогие читатели, мне трудно и горестно писать о Борисе Тимофеевиче Штоколове, как об ушедшем от нас великом и неповторимом певце, с которым меня связывала не только сцена, но и преданная мужская дружба. Видимо, еще не пришло ко мне скорбное и трагическое осознание того, что этого замечательного артиста, к большому сожалению, уже нет с нами. Но его исключительной красоты и уникального тембра голос продолжает звучать во мне, заполняя осиротевшую душу, возвышая её, утешая и облагораживая.

Такая огромная потеря никогда и никем не будет восполнена, ибо лишился я в своей жизни очень дорогого и близкого мне человека, чье замечательное творчество оказало на меня духовное и нравственное воздействие. Я видел вживе, как совершается *художественное чудо*, когда он пел на сцене. Кроме того, часто присутствовал на репетициях певца, на радио и телевизионных записях, принимал участие в его выступлениях – читал стихи и был ведущим многих аншлаговых концертных программ. Выступления проходили чаще всего в филармонии, Большом концертном зале «Октябрьский» (БКЗ), консерватории, «Карнавале», Театре эстрады, Тронном зале Екатерининского Дворца, в концертном зале у Финляндского вокзала, не считая многочисленных «малых» сценических площадок Санкт-Петербурга и городов России.

Тот, кто хоть раз услышал в своей жизни сольное выступление или был на оперных спектаклях с участием Бориса Тимофеевича, всякий раз испытывал глубокое духовное потрясение, вызванное мощью его голоса и блистательной игрой на сцене. В Кировском (ныне Мариинском) театре, где певец проработал более тридцати лет, он пел, в основном, ведущие партии обширного оперного репертуара. Публика ходила, как правило, на Штоколова, своего любимца, когда он исполнял труднейшие партии: Мефистофеля («Фауст» Ш. Гуно), Сусанина, Руслана («Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила» М. Глинки), Гремина («Евгений Онегин» П. Чайковского), Досифея, Бориса и Пимена («Хованщина» и «Борис Годунов» М. Мусоргского), кня-

зя Галицкого («Князь Игорь» А. Бородина), Дона Базилио, Рамфиса («Аида» Д. Верди) и другие произведения русских и зарубежных классиков. Кроме того, он принимал живейшее участие в популяризации современных композиторов. Создал мужественный и правдивый народный характер солдата Отечественной войны, рядового Андрея Соколова в опере «Судьба человека» И. Дзержинского, по произведению М. Шолохова.

В музыкальном мире хорошо известно, что созданный на оперной сцене трагический образ Бориса Годунова навсегда связан со многими прославленными именами, в том числе и с именем Бориса Штоколова. Он раскрывал этот сложный и величественный образ, играя на сцене в костюме самого Шалапина, авторы которого – художники Коровин и Головин.

В этом прославленном театре и пришла к певцу заслуженная и поистине легендарная слава. В 1962 году Штоколову присуждается звание Народного артиста России, а в 1966 – он уже народный артист СССР. Помимо этого, становится лауреатом Государственной премии, кавалером орденов Ленина, Октябрьской Революции, двух орденов Трудового Красного Знамени, ордена Отечественной войны второй степени, многих медалей и престижных наград.

В самых известных музыкальных энциклопедиях мира Штоколова называли великим русским басом. Проникновенной жизненной правдой и подлинной достоверностью всегда отличались созданные им на сцене образы. «Борис пел струнами своей души» – так зачастую отзывались его друзья и коллеги по искусству. Певец, которому рукоплескали лучшие концертные залы мира, выступал с большим успехом почти на всем пространстве России, извездив вдоль и поперек нашу незабвенную глубинку, причём, как он отмечал особо, именно для нее он пополнял свой репертуар ариями из опер, русскими былинами, песнями и романсами. Его могучий талант обладал необыкновенным обаянием, ибо он изначально был глубоко народным.

А вот что говорил сам Борис Тимофеевич в одном из интервью: «...*Отличительная особенность русской музыки и русской оперы – в их глубокой народности. Вот самый незамутненный и чистый источник вдохновения и творческого озарения – живая ткань народной культуры*».

Конечно, сейчас, в наши дни, невозможно до конца представить и оценить творческий масштаб его яркого и самобытного певческого дарования, весь его грандиозный оперный и концертный репертуар: для этого должно пройти ещё какое-то время, потому что, как сказал Есенин, большое видится на расстоянии. То, что он сделал в музыкальном искусстве, – бессмертно. И уже новые поколения любителей классической музыки будут смо-

треть его неповторимую игру на сцене – уже на киноэкране и в телевизионных записях, а также слушать его чарующее пение, сохранившееся на грампластинках, магнитофонных пленках и компакт-дисках. И я верю, как, радуясь и восторгаясь, наши просвещенные потомки, возможно, более углубленно, чем мы, оценят всю прелесть и красоту штоколовского баса, конгениального басу самого Федора Ивановича Шаляпина, о чем не раз писала отечественная и зарубежная пресса.

Объявляя выход на сцену Бориса Тимофеевича, я всегда добавлял от себя изысканной петербургской публике о том, что сейчас перед ней выступит обожаемый и любимый народом певец, как бы современный Шаляпин, перевоплощенный в Штоколова, но у которого абсолютно свой самобытный, рельефный голос, неподражаемая, проникновенная интонация и оригинальная, доведенная до совершенства, пластическая манера исполнения. Эти два великих певца, обладатели *чистого бельканто*, по своим не только вокальным, но и физическим данным, были равновелики: высокие, статные, одним артистическим видом вызывавшие восторг и восхищение у публики, ибо выглядели настоящими русскими былинными богатырями. Они были безусловно самыми известными и знаковыми фигурами своего времени: Федор Шаляпин – в конце девятнадцатого и вплоть до середины тридцатых годов двадцатого века, а Борис Штоколов – с начала пятидесятых и до начала 2005

года. Характерно и то, что у них и фамилии-то очень близкие по звучанию: Шаляпин – Штоколов, чему я всегда удивлялся и о чем говорил не раз самому Борису Тимофеевичу и его блестящему, ныне тоже, к сожалению, покойному аккомпаниатору Сергею Гурьевичу Яковлеву.

Коротко коснусь человеческой и творческой судьбы Штоколова. Ничего не бывает случайного в земной жизни, есть в ней всегда некая закономерность. Она просматривается и в судьбе нашего великого певца, дар которому передан по наследству, о чём я ещё скажу ниже. А пока что поговорим о его детстве, начавшемся в небольшом сибирском городке Кузнецке Кемеровской области, где 19 марта 1930 года родился младенец Боря. У его родителей Тимофея Ильича и Елизаветы Ивановны этот мальчик – второй ребенок в семье, сестра Дина была старше его на два года. А следом за Борей появился на свет его братишка Вадик.

После переезда семьи в Свердловск, будучи еще мальчишкой, Боря Штоколов ходил на вокальные занятия в капеллу. Там он пел высоким дисконтом, а верха у него не имели предела. В хоре из оперы «Князь Игорь» «Улетай на крыльях ветра» он пел сопрановую партию. В своей книге «Гори, гори, моя звезда...» Штоколов приводит текст письма своей

матери к нему, где она пишет: «Твой дедушка, Боря, Иван Григорьевич Юрасов, чистокровный татарин, родился в городе Елабуге на Каме, в молодости пел на клиросе в соборе, числясь регентом. У него был небольшой тенор, но очень красивого и мягкого тембра. Год или два он проучился в Московской консерватории, до 1917 года, пока не началась революция. А когда они с твоей бабушкой поженились, то переехали в город Воткинск, где родились и мы. Наша семья состояла из шести человек...».

Мать певца тоже была одаренной женщиной, училась в гимназии, талантливо рисовала, занималась живописью, брала уроки игры на фортепиано и хорошо пела. В своей книге Штоколов пишет: «Папа Тимофей Ильич и мама Елизавета Ивановна пели в самодеятельности. В компании папа часто исполнял под гитару: «Мой костер в тумане светит»... «Далее идет перечисление многих музыкальных произведений. «Мама тоже пела под гитару и сама себе аккомпанировала. Она исполняла «Накинув плащ, с гитарой под полою», «Меж высоких хлебов», «Пой, ласточка, пой!», «Вот вспыхнуло утро». Моя мама, кроме того, прекрасно рисовала. Мои способности к художествам мне достались от нее. Я в ранней юности поступил в художественное училище. Так что не стань я певцом, то, возможно, стал бы художником, но мне по наследству от дедушки достался голос, только не тенор, а бас. Теперь-то я хорошо знаю, что голос, как правило, переходит не к сыну или к дочери, а через поколение, он достается обычно нашим внукам. И еще я думаю, что от дедушки мне перешло *волевое желание* во что бы то ни стало раскрыть тайну пения, так называемого *чистого бельканто*».

Но учиться на художника Боре было не суждено, семья лишилась своего кормильца-отца. Потому-то из-за постоянного голода и практически нищенского существования пришлось подростку-Штоколову оставить учебу в училище. Ему было всего 14 лет, когда он стал юнгой Северного флота, освоив профессию торпедного электрика. Служил на знаменитых Соловках, восторгаясь морской стихией и величием Соловецкого монастыря и, конечно, самим эсминцем «Строгий», ставшим ему в годы службы родным домом. Потом был он переведен на один из лучших боевых кораблей – крейсер «Киров». А учиться пению ему настойчиво советовал его друг по службе на флоте Володя Юркин, прослушав в штоколовском исполнении под гитару некоторые песни и романсы, в частности, «Маменька родная, сердце разбитое». Штоколов пишет: «Меня словно током пронзило, где-то в подсознании эта мысль давно жила во мне. Я понял тогда, что пение – мое призвание». Но задолго до профессиональной сцены у него была учеба в Свердловской спецшколе ВВС № 11, где молоденький курсант Боря Штоколов стал заниматься в вокальном кружке.

Проникновенно и задушевно пел он русские народные песни и романсы, особенно нравилось ему исполнять произведения военных лет, часто вспоминая своего отца, ушедшего на войну добровольцем и погибшего на Ленинградском фронте.

«Осенью 1947 года руководитель этого кружка поставил меня с голубоглазой, с большими косами девушкой Надей...» – вспоминает певец в своей книге. Впоследствии она станет его женой и у них родятся двое сыновей Александр и Тимофей. Забегая вперед, скажу: Борис Тимофеевич перенесет страшное горе – у него прямо на руках умрет его жена Надежда Петровна. Однажды он рассказывал мне: «Днем Надя поливала цветы в той большой комнате, где я репетирую. Наденька вдруг тихо вскрикнула: «Боренька!..» – и стала падать. Я успел подхватить ее и на руках донес до дивана. Стою, плачу и не знаю, что делать. Зову ее: Надя! Надя! А она уже не реагирует, потеряла сознание. Потом вспомнил: у нас же есть телефон. Вызвал «скорую помощь», но Надю, милую мою Наденьку спасти не удалось... Долгое время я не мог поверить, что ее нет со мной». Ее отпевали и хоронили в Сестрорецке, под Санкт-Петербургом, где сухая и песчаная земля. Мир ее праху!»

Говорят, что одна беда не приходит, – жди вторую. Так, к несчастью, и случилось: прошло не так много времени, как заболел неизлечимой болезнью старший сын Бориса Тимофеевича – Саша, крепкий, розовощекий, еще совсем недавно пышавший здоровьем, имевший мягкий и добрый характер. В течение многих лет он часто на своей машине возил нас на концерты. Овдовела его жена Людмила, осиротели дети: мальчик Костя и очень подвижная ласковая девочка, которую пианист Сережа Яковлев в шутку называл «колючкой». Борис Тимофеевич улыбался, ему нравилось это домашнее прозвище. Нетрудно представить, какую нда иметь волю, чтобы пережить одно за другим эти два несчастья. Борис Тимофеевич преодолевал черную полосу в своей судьбе, продолжая петь сквозь слезы, он не потерял при этом своей великолепной вокальной формы, радуя певческим искусством самую требовательную и преданную публику.

Помнится, сразу же после похорон жены он должен был петь под орган в Санкт-Петербургской капелле. Все думали, что он отменит концерт. Но певец вышел на сцену и объявил публике, что посвящает свое выступление памяти жены. Зал затих, воцарилась мертвая, гробовая тишина. Торжественная поплыла под сводами капеллы величественная органная музыка в исполнении профессора Нины Оксентян, и Борис Тимофеевич, собрав всю свою волю, вдохновенно и божественно запел. Я сидел с пианистом в самом конце зала. Сережа и я были охвачены мистическим ужасом от могучей музыки и скорбного, возвышенного пения Штоко-

лова. Мы шепотом говорили друг другу, что присутствуем будто бы не здесь, на земле, в зале капеллы, а совсем в другом месте – в светящемся и мерцающем поднебесном мире...

Но вернемся снова назад, в раннюю молодость певца. В конце мая 1946 года Штоколова отпускают с флота домой, на побывку. Он едет в Свердловск, где живет его семья, состоящая из пяти человек. Певец вспоминал: «Мама заплакала, когда узнала, что я решил не возвращаться на флот и что я хочу учиться вокальному пению. Бывает же такое: я как-то утром рано вышел из дома и пошел по городу искать работу. Не помню, как оказался на улице Малышева, где совершенно случайно увидел объявление о приеме в спецшколу ВВС № 11. Пройдя медкомиссию, я был зачислен курсантом в третью роту. Помню, как на госэкзаменах учительница русского языка и литературы, очень любившая мое пение, вызвала меня к доске и говорит: «Боря, прочитай стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...». Я прочитал... «Ну а теперь спой, пожалуйста, один куплет». Я спел. Весь класс заржал, а она говорит: «Молодец! Садись, «три»».

На выпускной вечер в школу ВВС приехал командующий Уральским военным округом маршал Г. К. Жуков. Он поздравил курсантов с успешным окончанием спецшколы, пожелал им хорошей воинской службы. После торжественной части состоялся концерт художественной самодеятельности. Штоколов спел «Грустные ивы» М. Блантера и «Дороги» А. Новикова. Маршал сердечно поблагодарил за пение и сказал: «Таких, как ты, в авиации много, а тебе надо петь...». Потом будущего певца направили в Серпуховское училище ВВС. Туда-то и пришел приказ Жукова, в котором говорилось о направлении на учебу в консерваторию курсанта Штоколова. И он поехал в Свердловск, где был принят без экзаменов в этот музыкальный вуз. Стал заниматься баритональным пением у педагога А. В. Новикова. Но заведующий кафедрой В. Г. Ухов первый почувствовал, что у студента природный бас-контранто, и перевел на втором курсе молодого певца в басы.

Вскоре Борис был приглашен на пробу в Свердловский театр оперы и балета. Он спел арию Сусанина и был зачислен в труппу стажером. Это было в 1951 году. С этого времени стал исчисляться его трудовой стаж на оперной сцене. В этом театре Штоколов пел партию Лорана в «Ромео и Джульетте», кардинала в «Орлеанской девице», Гремина в «Евгении Онегине», Кичигу в «Чародейке», Златогору в «Пиковой даме», где выступал вместе со знаменитым Н. К. Печковским, народным артистом СССР, отсидевшем при Сталине 10 лет вместе с Лидией Руслановой. Потом были спеты партии Кошевого в «Богдане Хмельницком», стольника в «Гальке» и, наконец, партия Мельника в «Русалке».

В выпускном спектакле в консерватории была партия Черевика, а Юрий Гуляев (друг и сокурсник) пел в нем баритоном партию парубка. Спектакль прошел на «отлично».

Однажды совершенно случайно Борис Тимофеевич купил в Москве книгу «Как необходимо петь», где были исследованы многие вокальные школы. Из этой книжки Штоколов подчерпнул немало дополнительных сведений по вокалу. Он пишет: «У меня было в жизни три отца: Тимофей Ильич, породивший меня, а затем – «крестный отец» маршал Жуков и Энрико Карузо. Я стал усердно заниматься по системе знаменитого итальянского тенора. А она состоит в том, что надо брать высокие ноты только при широко открытой (расширенной) глотке. Для этого существуют специальные методики и упражнения по открытию гортани». Однажды Борис Тимофеевич пел вместе с П. Г. Лисицианом, приехавшем на гастроли в Свердловск. Замечательный баритон показал Штоколову *свой метод пения* с опорой на ремень и попаданием в «маску». В этот момент звук, как на лебединых крыльях, вырывается наверх. После совместного выступления Штоколов пел только с широким ремнем под фраком, который и был главной опорой для звука во время пения. Позднее он говорил: «Я ученик Карузо, у меня школа вокала итальянская, но душа русская...». В 1958 году он спел партии Дона Базилио, Рамфиса в «Аиде», а 30 января 1959 года пел Бориса Годунова. Эту партию он готовил два года. Потрясающий успех превзошел все ожидания.

А далее было прослушивание уже в Кировском театре у дирижера Э. Грикурова. Молодой исполнитель спел арии Сусанина, князя Галицкого, Гремينا, где взял самую низкую ноту, – как у певцов принято говорить, «шубой по полу». После этого прослушивания, гуляя с женой по набережной Невы, неожиданно простудился. У него даже воспалилась трахея. Несмотря на недомогание, Штоколов решил петь. Звучание его голоса в спектакле «Иван Сусанин» было «матовым». А вот аплодисменты были бурными – они в какой-то мере повлияли на его судьбу: ему предложили спеть арию Мефистофеля. Перед премьерой певец решил вылечиться самостоятельно, как говорится, народным методом – пошел в парилку. Там встретил он давно знакомого певца Н. К. Печковского, а тот почти приказал своему концертмейстеру: «А ну, Абраша, хорошенько попарь его венником!». Русская баня очень пошла на пользу певцу. В театре, прямо перед пробой, Н. К. Печковский, увидев дирижера Э. Грикурова, с восхищением сказал ему: «Берите скорее Бориса, иначе его заберет Малый оперный. Я знаю его, у него великолепный голос».

Спустя годы Штоколов писал: «Я вышел на сцену, надев шаляпинский костюм: шляпу, туфли, шта-

ны, кольцо. В большом красном плаще я чувствовал себя неуклюже, путался в нем. Однако, начав петь, ощутил, что голос возвращается на сцену, эхом идя в зал. И мне стало комфортно, спокойно и хорошо». После спектакля «Фауст» Ш. Гуно Борис Тимофеевич был принят в Кировский театр, где исполнял все заглавные партии обширнейшего репертуара на протяжении более чем трех десятилетий.

В своей книге Штоколов рассказывает: «Мне нравятся многие певцы, но более всего я преклоняюсь перед Энрико Карузо – не только великолепным, величайшим вокалистом, но и великим тружеником в расширении своей гортани, в управлении звуком. Прочитав в 1953 году книгу «Как необходимо петь», я понял: чтобы стать блистательным вокалистом, надо как можно шире открывать гортань. Так я нашел единственно верный путь к постановке голоса. И невольно стал учеником Карузо, оставаясь им до сегодняшнего дня. Хорошо помню, как воспрянул духом, появилась уверенность в себе, что я на правильном пути. Пение – напряженный, каждодневный труд. Я почувствовал, что наконец-то мне пришла безмерная вокальная радость – в голосе моем *появилась трель*. Я стал ее делать в итальянской народной песне «О, мое солнце!», филировать звук, делать *крещендо* в песне «Эй, ухнем!» на концертах. Трель и филировка звука в Италии считаются высшим пилотажем в искусстве владения звуком, голосом».

137

На протяжении всех этих необыкновенных лет нашей дружбы я, к сожалению, не регулярно, но все же нет-нет да и записывал в тетрадь свои ощущения о выступлениях и гастрольных поездках с певцом. В них запечатлены размышления Штоколова о музыке, игре на театральной сцене, его творческих планах и бытовых повседневных заботах. Эти краткие заметки являют собой как бы остановленные мгновения уже ушедшей, счастливой и удивительной сценической жизни, в которой Борис Тимофеевич умел не только прекрасно петь, но и самозабвенно наслаждаться ею. Он тонко чувствовал природу, чутко вслушивался в ее звуки. Особый вкус проявлял к питанию, обожал хорошо покушать, потому что при пении идет большой расход калорий, выпивку тоже не обходил вниманием, но, учитывая свое бережное отношение к голосу и в целом к здоровью, почти всегда воздерживался от лишней рюмки. Вся его жизнь прошла на театральной сцене, в гастрольных поездках, в большом и шумном окружении людей, и он после спектакля или сольного выступления всегда стремился к общению с коллегами и своими зрителями. Ценил их мнения о спектакле или концерте. Умел и любил рассказывать необычные истории из своей жизни или своих друзей, иногда талантливо пародировал известных артистов, порой приправ-

ляя свои байки и ненормативной лексикой – «солевыми» словечками.

Помнится, как во Всеволожске (пригород Петербурга) после концерта Борис Тимофеевич в тесной компании организаторов и гостей, как это часто бывало, рассказывал о том, как он учился петь, о своих планах: «Я – фанатик пения. Если местные руководители помогут мне здесь, при музыкальной школе, открыть класс вокала, то я покажу мальчикам и девочкам, как надо расширять гортань с помощью зевка. Петь будут только на противоестественном дыхании, с кожаным поясом. А девочкам предложим жесткие корсеты под нижнее ребро. Настоящие певцы поют именно на противоестественном дыхании. Естественное – не годится.»

В записи от 10 июня 1999 года сообщается, что в этот день, в четверг, пригласил нас в себе в проектный институт главный конструктор Алексей Федорович Уткин, мой земляк, под чьим руководством в свое время была создана практически неуязвимая ракета, прозванная «Сатаной». Очень хотелось конструкторскому коллективу и многим ученым послушать Штоколова. Через несколько дней мы приехали и выступили там. Сохранилась видеозапись. Я был ведущим, прочитал стихотворение, посвященное Штоколову. А Борис Тимофеевич спел: «Я вас любил», «В лунном сиянье», «Утро туманное», «Ой, мороз, мороз!», «Малиновый звон», «Гори, гори, моя звезда».

Привожу текст своего стихотворения.

* * *

Борису Штоколову

*Примолкла публика... И вновь заликовала!
В который раз поёт артист на «бис».
И потрясает зрительную залу
Великим басом Штоколов Борис.
Влекомый страстью песенного зова,
Выпархивает звук из горла золотой.
И полнится есенинское слово
Сверкающей вокальной чистотой.
С неистойвой духоподъемной силой
Поёт певец... Лицо просветлено.
Не так ли просветляется Россия,
Где столько лет и смрадно и темно?
Где столько лет коварством и обманом
Страшит нас жалкий рыночный урод
И ядовитым дьявольским дурманом
Зомбируют доверчивый народ.
Как ласково к смертельному порогу
Ведут его продажных душ ловцы!
Нет, нет, не мафия укажет нам дорогу.
А только Бог! И русские певцы.
Да, путь России, верю, вдохновенен,
Хоть он сейчас над бездною завис.
Ее от бед стихом спасет Есенин,*

*Поддержит песней Штоколов Борис.
Ведомая сквозь муки Провиденьем,
Сотрет слезу с прекрасного лица.
И одарит, Святая, озареньем
Великого и малого певца.*

1995, С. -Петербург

Штоколов, прослушав, сказал: «Хорошие, ёмкие стихи. Я их поставлю во второе издание моей книги «Гори, гори моя звезда...».

Потом был небольшой банкет, на котором Штоколов рассказывал о своих заграничных гастролях. В одном из зарубежных театров за день перед спектаклем Борис Тимофеевич внимательно осмотрел театр и понял, что в нем – специфическая акустика, при которой надо петь по-особому, главное – орать не надо, петь следует чуть тише обычного, но петь волнительно и лирично. Помню, он рассказывал: «В нашей труппе были два прекрасных певца Анджапаридзе и Огнивцев»... Штоколов сделал при этом потрясающую гримасу, изображая Огнивцева. Перед самым спектаклем Борис Тимофеевич поделился своим наблюдением – относительно акустики со своими коллегами. Огнивцев отреагировал так: «Да я, Боря, как рвану во всю свою мощь – и всех зрителей бросит в озноб! Я их потрясу!». Штоколов продолжал: «Но потрясения на этот раз не случилось. Газеты дали предельно сухие информации, а положительных отзывов и глубоких рецензий не было совсем».

135

Вообще Борис Тимофеевич, как личность легендарная, вел себя зачастую настолько вольнолюбиво, что позволял себе то, чего не смог бы себе позволить другой артист. В его душе, как мне представляется, до конца дней жила дерзкая мальчишеская задирость, веселая озорничка, бравада и удалство. Так, на одном из выступлений, проходившем в Петербурге, в Большом концертном зале «Октябрьский», посвященном 300-летию русского флота, Штоколов перед тем, как петь, довольно образно поведал зрителям о том, как он, будучи юнгой, служил на Северном флоте. Затем приветливо улыбнулся, а улыбка у него была поистине лучезарной, процитировал известную матросскую шутку, произнес перед огромной аудиторией буквально следующее: «Друзья мои! Поздравляю вас с этим прекрасным праздником! Я ведь тоже был когда-то моряком, и у меня тоже была вся задница в ракушках!» И сразу же запел, заглущая мощным басом раскатистый хохот зала. Как вдохновенно и божественно пел он в тот удивительный вечер! Зрители азартно и долго аплодировали, кричали: «Браво!». И всё бисировали и бисировали... Я стоял за боковой кулисой среди артистов, мы тоже кричали, яростно хлопали и от всей души поддерживали певца...

А теперь обратимся непосредственно к моим кратким, документальным записям.

31 марта 1995, С.-Петербург

Творческий вечер, посвященный 100-летию юбилею С. Есенина. Петербургские поэты выступали в Царском Селе. На этом вечере я прочел поэму «Есенин и Блок». Заканчивал концерт Борис Штоколов. Он спел несколько вокальных произведений, в том числе и романс собственного сочинения на стихи Есенина «Пой же, пой! На проклятой гитаре...». После концерта Борис Тимофеевич сказал мне: «Ваша поэма – поэтична. В ней разлит лиризм, она проникнута одухотворением...». Так мы познакомились. Местный фотограф снимал нас, но обещанные снимки, естественно, не прислал. Ладно, это не главное. Иное дорого мне, а именно: на этом вечере, посвященном моему земляку Сергею Есенину, судьба предоставила мне счастливый миг знакомства с Борисом Тимофеевичем, нашим великим русским певцом. Выходит, что как бы Есенин познакомил меня со Штоколовым. В любом случае: не будь этого вечера – знакомство бы не состоялось.

7 декабря 1997, С.-Петербург

В новой квартире на Васильевском острове, из окон которой открывается прекрасный вид на Гавань, Борис Тимофеевич рассказывал нам – мне и своему аккомпаниатору Сергею Яковлеву: «Когда мы начинали жить с Надей, то у нас ничего не было. Даже стола. Я пошел на свалку, нашел там рейки, заляпанные цементом, очистил их, обстругал и сам сколотил круглый стол. Надя накрыла его плюшем малинового цвета. И стало уютно в нашем бедном быте. Вот так мы начинали жить... Я благодарен Наде за то, что она всю жизнь свято верила в меня, как в певца. Поддерживала духовно».

11 декабря 1997, С.-Петербург

Сегодня Борис Тимофеевич делился своими планами: «Я сейчас готовлю книгу, она называется «Тайна бельканто». В ней будет кассета. Эта книга – букварь по вокалу. Для всех, кто хочет петь. Для фанатиков. Я буду рекомендовать своим ученикам делать из своей глотки то, что сделал я из своей... А Федор Шаляпин этим не занимался – такая уникальная открытая глотка досталась ему от природы. Я хочу создать вокальный класс, где буду обучать молодых певцов открытию и расширению гортани. Они будут петь на противоестественном дыхании, с применением широкого и жесткого пояса, на который будет опираться дыхание и звук, издаваемый певцом. Запоют, как соловьи. Кстати, эти птицы поют именно открытой глоткой, исключительно виртуозно филируя каждое коленце».

9 марта 1998, С.-Петербург

Вечером около 18 часов Борис Тимофеевич записывался на фирме «Мелодия», которая находится в здании лютеранской церкви великомученицы Екатерины, расположенной на Васильевском острове (1-я линия). Зал имеет хорошую акустику, но микрофоны фирмы – старые, им уже по 25 лет. Поэтому при прослушивании записей певец их забраковал. Оставил только две, что были записаны с третьим микрофоном АКТ, который Штоколов принес из дома: «Ямщик, не гони лошадей» и «Хризантемы». Записи спонсирует «Газпром» (Рэм Вяхирев).

Когда шла запись, я видел, как Штоколов переживает, волнуется, уходит всем своим духом в глубины музыки. Порой он закрывал глаза или наоборот – как бы выкатывал их и распахивал. Они сверкали, как ночные кинжальные молнии, а иногда становились приветливыми, наполненными неизъяснимым мерцающим светом. Этот свет являлся из трепетной души певца, наполненной стихийной силой вдохновения. В этот необыкновенный миг он стоял перед микрофонами, как истинный рыцарь русского вокального искусства. Был он статен, высок, порывист и одновременно предельно сдержан в жестах и движениях рук. Помнится, что в этой студии во время затяжной паузы я сказал Штоколову: «Вы поете сегодня прекрасно, с особым воодушевлением, превзошли самого Шаляпина». На что Борис Тимофеевич с долей грусти ответил: «Не забывай, Гена, Шаляпин – наш гений. Он – недосыгаем». И стал прогуливаться по студии, отдыхая от только что спетой песни «Дивлюсь я на небо». Об этой песне он говорил: «Вещь страшно тяжелая, я боялся ее петь. А теперь исполняю с огромным наслаждением».

29 мая 1998, С.-Петербург

Ровно в 13 часов я у Бориса Тимофеевича. Дверь (железную) открыла жена Надежда Петровна. Певец еще спал. Потом вышел из боковой комнаты. Обнялись. Борис Тимофеевич басит: «Гена, укладывай кассеты и мои книги. Они лежат на рояле». Вскоре подъехал Сергей Яковлев. Вышли из квартиры и пошли к машине, ждавшей нас напротив Домика Петра. Едем в «Ленконцерт», а оттуда – в Тосно. День яркий, солнечный. Борис Тимофеевич наслаждается дарами весенней жизни. На нем длинная джинсовая рубашка навыпуск, светлые стального цвета брюки, легкие белые летние ботинки. Настроение хорошее, потому что наступает лето. Хлынули волны тепла... После концерта Борис Тимофеевич был в отличном настроении. Мы вышли на улицу. Он восторженно воскликнул: «Да! Как все прошло хорошо! Как тепло! Какое солнышко! Пожить бы побольше, попеть! Правда, ребята? Еще бы лет 20 пожить». В этих словах сквозило какое-то тревожное подсознательное предчувствие. Оно

осозналось мною в полной мере только теперь, после того, как певец так неожиданно ушел от нас.

Коротко коснусь выступления Штоколова в нашем городе. Спустя два-три дня после нашего знакомства 31 марта 1995 года в Царском Селе я предложил Борису Тимофеевичу дать концерт в нашем Доме культуры, порадовать своим пением моих земляков. Не так-то просто было уговорить Штоколова, характерно не из легких, нрав горячий, строптивый. К тому же огромная занятость, ибо шли бесконечные репетиции, записи на компакт-диски, на радио и телевидении, сольные концерты. Нервы напряжены. Только после нескольких бесед с ним, в которых я подробно рассказывал о моем городе, его старинной истории и даже «нажал» на то, что в Касимове дважды побывал Петр I и наследник престола цесаревич Александр, будущий император Александр Второй, в сопровождении поэта В. А. Жуковского. Напомнил певцу и о том, что в этот год Россия отмечает 100-летний юбилей Сергея Есенина, а в конце разговора добавил: «Вы же написали задушевную, мелодичную музыку на стихи Есенина. Было бы замечательно, если бы Вы исполнили эти произведения непосредственно на родине поэта, в данном случае в моем городке. Такой голос, как Ваш, там никогда не звучал. И вряд ли зазвучит когда-либо в нашей касимовской горестной глубинке – маленьком сердце большой России». Певец грустно улыбнулся, задумался и тихо сказал: «Гена, надо подумать, к тому же предстоит найти «окно» в моей программе, ведь эта поездка займет не менее пяти дней, дорога-то неблизкая...». Дня через два он сам позвонил и сказал: «Заказывай билеты, едем. Лучше всего закажи на «Красную стрелу», поезд отходит в полночь. Поедем трое: ты, я и аккомпаниатор Сережа Яковлев. Когда возьмешь билеты, сразу же сообщи мне...».

21 апреля 1995, С.-Петербург

Около 18 часов позвонил Штоколову. Сообщил ему о том, что Касимов ждет его приезда во второй половине мая. Обговаривали все детали будущей поездки, наши дальнейшие планы и творческие контакты. Он много рассказывал мне о своей системе пения, о великих певцах: Карузо, Шаляпине, Паваротти, Гяурове, Михайлове, братьях Пироговых.

17 мая 1995, С.-Петербург

Звонил Штоколову утром, в 11 часов. Сказал: «Билеты на поезд я купил. Выезжаем 22 мая в Москву на «Красной стреле», поезд 1, вагон 2 (купе). Отправление в 23 ч. 55 минут. Прибытие в Москву в половине девятого утра». Штоколов: «Спасибо, Гена. Очень удобный поезд. Дай Бог, доедем!..». И продолжал: «Я сегодня до 2-х ночи читал вашу книгу «Посветлело». Многое понравилось. Чистые стихи, духовные, хороший язык, народный. А Надежда Петровна читала ваши детские книжки «Я рос на про-

сторе», «Деревянные чубарики». Сказала: как хорошо, что русские поэты пишут для детей. О своем впечатлении она сама лучше расскажет. Книжки пришлишь ей по душе...».

И вот 25 мая 1995 года в Касимовском Доме культуры состоялось первое выступление Штоколова. Он пел русские песни: «Славное море – священный Байкал», «Глухой неведомой тайгой», «По диким степям Забайкалья», «Ах ты степь широкая!», «Есть на Волге утес», «Вдоль по Питерской», «Ямщик, не гони лошадей», «Эй, ухнем!» и другие. А из романсов – те, что так любит публика: «На заре ты ее не буди», «Вам не понять моей печали», «Только раз бывает в жизни встреча», «Дорогой длиною», «Очи черные», «Хризантемы», «Москва златоглавая», «Сомнение», «Пой же, пой! На проклятой гитаре», «Гори, гори, моя звезда».

Через день в этом же здании он пел для жителей района. Причем, в конце этого выступления исполнил вместе со зрительным залом «Тонкую рябину». Это было удивительное зрелище. Люди были очень благодарны певцу не только за прекрасный концерт, но и за сердечное отношение к зрителям. После своего первого выступления на сцене ДК вечером следующего дня Борис Тимофеевич выступил в Касимовской музыкальной школе, где основными зрителями были преподаватели музыки, городская интеллигенция. После концерта директор школы В. И. Ряховский устроил ужин, на котором педагоги смогли напрямую пообщаться с певцом, послушать его размышления о музыке. Кто-то предложил Валерию Шелоумову, педагогу по классу баяна, спеть. Он взял в руки баян и полилась задушевная русская песня «Меж крутых бережков». Затем были исполнены и другие народные песни. Штоколов поблагодарил нашего певца и сказал, что баритон у него теплый, со своей интонацией, в общем есть над чем работать – голос абсолютно природный, и добавил: «Вы истинный самородок. Работайте над техникой. Можете учиться по моей книжке-самоучителю «Как надо петь».

Нигде я так не волновался, ведя концерт и читая стихи, как здесь, на знакомых мне сценах Дома культуры и музыкальной школы. В эти дни стояла прекрасная солнечная погода, температура доходила до двадцати пяти градусов. Помню, на прогулке Штоколов сказал: «Гена, в твоём городке так же тепло, как в Италии. Ты же знаешь – я не так давно пел в Милане, где вместе с Надей посетили Белый мавзолей Карузо». Мягкий и сухой климат средней полосы благотворно влиял на голосовые связки певца, поэтому исполнял он русские песни и популярные романсы с особым воодушевлением, в буквальном смысле потрясая своим искусством людские души.

Спел Штоколов на касимовской сцене и две сложнейшие партии из оперного репертуара: кава-

тину Алеко из одноименной оперы С. Рахманинова «Алеко» и арию Ивана Сусанина из оперы М. Глинки «Жизнь за царя». Ему вдохновенно аккомпанировал на рояле Сергей Яковлев, выступивший и со своей сольной программой, виртуозно исполнив сложнейшие произведения А. Скрябина, С. Рахманинова и Ф. Шопена. Мои земляки приняли выступления певца превосходно. Народ слушал замечательные классические произведения в исполнении не каких-то там корчащихся на сцене «шептунов», а выдающегося оперного певца, обладателя уникального чистейшего бельканто, истинно золотого звука.

Сейчас я вспоминаю эти гастроли с обостренной ностальгией, ибо великого певца, к сожалению, уже нет с нами. До сих пор многие люди, те, кто был на концерте, вспоминают эти мгновения жизни, как одни из редких и счастливых.

После летних гастролей успешно прошли осенние выступления в Нижнем Новгороде и Муроме в здании Дворца культуры, названного в честь 1100-летия со дня основания этого города.

В те осенние дни по просьбе работников завода «Цветмет», тех, кто весной не смог послушать выступления певца, я предложил Борису Тимофеевичу дать один концерт в Касимове. Директор завода А. Н. Драенков, как всегда, проявил отзывчивость – выделил машину «Волга», на которой мы приехали в Касимов. 24 октября 1995 года состоялся вечерний концерт в Доме культуры.

Пел Борис Тимофеевич на рязанской земле и в следующий раз, правда, спустя четыре года, а именно – 1 декабря 1999 года. Чтобы организовать этот концерт, я специально поехал в Рязань, где вел переговоры с администрацией филармонии о выступлении Штоколова. Надо сказать, эти переговоры были нервными и безрезультатными. Бывшая директриса В. Н. Кириллова сказала: «Я не могу принять Штоколова». Я спросил: «Странно, почему? Он же великий певец!». Директриса: «Когда он пел у нас, во время концерта неожиданно погас свет, Штоколов прекратил петь. Его просили продолжать, но он заявил, что, пока не включат электричество, он не издаст ни одного звука, не возьмет ни одной ноты». Я возразил: «Валентина Николаевна, ни в одном контракте-договоре не отмечено, что певец должен петь в темноте». Дальнейший разговор был бесполезным, и я прекратил его. Меня задело за живое такое отношение к моему другу – и я сделал всё, чтобы его выступление состоялось. Мы приехали в Рязань, где был дан полнокровный аншлаговый концерт в Большом зале областной филармонии им. С. Есенина. Борису Тимофеевичу устроили настоящую овацию. Он много раз выходил на «бис». После концерта нас принял у себя, в здании администрации, губернатор области.

С того дня, когда пел Штоколов в Касимове, прошло почти 10 лет. Я задумал летом 2005 года повто-

рить, в обновленной программе, его выступление в нашем городе. Голос певца звучал по-прежнему свежо, а кантилена была пластичной и ровной на всех регистрах. Но случилось непоправимое... Утром шестого января, включив телевизор, я по каналу НТВ вдруг увидел в левом углу экрана лицо Бориса Тимофеевича в траурной рамке. Поначалу не хотелось верить в это неожиданное, страшное и непредсказуемое несчастье. Я почему-то подумал: должно быть, произошла какая-то катастрофа – Штоколов в последние годы панически боялся летать на самолете, ибо все чаще случались в небе аварии во время полетов, как наших, так и зарубежных лайнеров. Но все оказалось не так.

Некоторые СМИ вводили в заблуждение своих слушателей и читателей, сообщая, что «после тяжелой и продолжительной» болезни скончался выдающийся певец. Когда люди слушают или читают такой текст, то думают, что у человека онкологическое заболевание. У Штоколова его не было. Врачи констатировали: элементарное защемление грыжи. Первая операция прошла успешно. Собственно говоря, она была совсем несложной. Через несколько дней пришлось делать вторую операцию, ибо обнаружили у певца обострившийся перитонит. Во время повторной операции сердце Бориса Тимофеевича остановилось.

Ведущие средства массовой информации опубликовали обширные некрологи, а телеканал «Культура» посвятил светлой памяти великого певца свою ночную передачу. На телеэкране миллионы зрителей снова увидели бессмертный образ Штоколова и услышали его чарующий голос. Думаю, что все поклонники выдающегося певца вряд ли смогли в эти минуты сдержать горестные слезы. Плакали, не стесняясь слез, многие артисты Мариинского театра. Смерть Бориса Тимофеевича стала для них шоком – ведь совсем недавно певец выступал с концертами. Выглядел подтянутым, ежедневно делал зарядку, совершал продолжительные пешие прогулки. Попутно отмечу: однажды пианист Сергей Яковлев пригласил нас на дачу в Токсово. Там, на природе, мы все трое гуляли целыми вечерами, любуясь живописной озерной окрестностью. Борис Тимофеевич любил эти мгновения жизни, рассказывал нам о своих заграничных турне, о том, как легко и вдохновенно пелось ему в Австралии, где мягкий и благотворный климат способствовал более сочному и насыщенному звучанию его голоса.

Когда приближалось его 70-летие – он говорил: «Ведь если вдуматься, очень короткая наша жизнь на этой земле. Семьдесят лет – это вообще ничто. Вот в ветхозаветные времена жили по 700 – 800 лет. Вот это, я понимаю, срок! Но пусть и короткая, но какая прекрасная наша жизнь, если жить в ладу с совестью и в гармонии с окружающей природой! Поэтому хо-

телось бы жить не в аду, как многие сейчас живут, а в красоте, справедливости и любви. Хотел бы пожелать всем, чтобы у нас вот так повернулась жизнь – к прекрасному и чтобы каждый жил как можно дольше». Сейчас, после неожиданной кончины певца, эти слова воспринимаются мною как его завещание.

Собственный корреспондент «Труда» Людмила Безрукова в некрологе о Борисе Штоколове писала: «Сегодня Мариинский театр, Петербург и вся Россия прощаются со Штоколовым. Артиста такого масштаба, такого яркого национального колорита в Питере больше нет – нынешняя Мариинская труппа построена по «среднеевропейскому» образцу, где традиционному русскому басу (культура, которая, безусловно, восходит к православному церковному пению) просто не находится места. А жаль – мы в очередной раз демонстрируем, с какой легкостью растрачиваем собственные бесценные традиции».

До конца жизни Штоколов сохранял блестящую вокальную форму, и у него было много всевозможных проектов и планов в наступавшем 2005 году. Незадолго до Нового года – 23 декабря Борис Тимофеевич выступал в Петербургской консерватории, а потом уехал по творческим делам со своей второй женой Ниной Сергеевной в Москву. Он, видимо, готовился к будущим совместным выступлениям с певцами мирового уровня. В последние годы Штоколов, как мне кажется, стал все острее чувствовать уходящее время. Поэтому интенсивно работал над голосом, гастролировал, проникновенно пел свой особый репертуар, составленный для участников войны и блокадников. Борис Тимофеевич любил их рассказы о пережитом, сам делился своими воспоминаниями о горестных годах военного лихолетья.

Сейчас вспоминаются даже незначительные эпизоды, связанные с тем ушедшим временем. Не забудутся наши разговоры в просторной квартире певца на Петровской набережной, не только о большой, огромной, как океан, музыке в широком смысле этого слова, но и глубокие, полные сердечного сострадания размышления Штоколова о преданно и самоотверженно любимой им России. Вообще он был постоянно поглощен только двумя темами – музыкой и Россией, переживающей сейчас очередную жесточайшую ломку своего бытийного и государственного уклада. Неисчислимо количество раз певец печально повторял: «Если да же м н е сейчас живет в н а п р я г, то каково теперь простому человеку?».

На днях я перечитывал его книгу «Гори, гори, моя звезда...», думая о том, что в жизни Штоколова было так много поистине восхитительного, а зачастую и мистического, начиная прежде всего с того, что родился он среди величественной сибирской природы, сам был ее частью, эдаким крупным и глыбистым самородком, одаренный редкой певче-

ской мощью. Совершенно исключительной красоты голос был дарован ему. И он со всей серьезностью отнесся к своему великому дару и постоянным, фанатичным трудом добился высшего совершенства в вокальном пении, заняв достойное место среди певцов мирового экстракласса.

Все в жизни Штоколова складывалось так, чтобы его талант не погиб, а крепко укоренился на родной почве. Совершенно не могу представить себе певца, скажем, в роли эмигранта, а тем более – перебежчика (слово-то какое жестокосердное!) из родной страны в страну чуждадельную, несмотря на то, что такие горестные трагедии здесь пережили его самые близкие люди: бабушка была расстреляна и заколот штыками белогвардейцев, а отец по доносу в НКВД своим же земляком и подчиненным, занявшим потом его должность, был лишен работы, исключен из партии. Семья, к тому времени состоящая из пяти человек, осталась без средств к существованию. Пришлось срываться из родных мест и уезжать за десятки сотен километров к своим милосердным родственникам, приютившим пострадавшую семью. Правда, со временем Тимофей Ильич был в партии восстановлен. Дух и вера в нем не были сломлены. Он и на войну-то, как пишет в своей книге певец, ушел добровольцем, хотя и не призывался – был освобожден от воинской службы, имел так называемую законную бронь.

139 Думаю, что Штоколова, должно быть еще в самом раннем, бессознательном детстве осенило провидение, а Бог тайно поцеловал его, потом ласково взял за руку и повел к заветной певческой цели по тернистым кругам прекрасной земной жизни, которую он покинул так, как будто сошел со сцены – тихо, никого не беспокоя. Но от этой «тихости» обостренная боль невосполнимой утраты еще горячей обжигает душу, потому что певец был полон живительных и неуязвимых творческих сил.

И все же наш народный певец не умолк – звук его бархатного баса, записанный на самой современной аппаратуре на лазерные компакт-диски, *будет звучать на земле* и, как всякое великое творение – радовать и удивлять тех, кто будет жить после нас.

Похоронили певца 11 января 2005 года в Петербурге на Волковом кладбище, где покоится прах многих выдающихся корифеев отечественного искусства, с некоторыми из них он вместе когда-то выступал и дружил не один десяток лет.

Я рад и счастлив оттого, что у меня в этой жизни были и есть отзывчивые и высокоодаренные творческие друзья, написавшие замечательные книги и картины, поставившие фильмы, сыгравшие сложнейшие роли на сцене, прекрасно поющие на театральных подмостках. И среди них – гений чистого бельканто – Борис Тимофеевич Штоколов.

Март 2005, Касимов

Вера ЛАВРИНА

БОСОЙ БОГ

Притчи

ДВА ИГУМЕНА

Игумен Питирим каждый вечер обходил кельи монахов и осматривал их имущество. Найдёт ненужную по его разумению вещь и уничтожит, увидит лишнюю плоску – разобьёт, посчитает рубахи, да порвёт лишние, так чтоб только две рубахи осталось: одну – на тело, другую на смену.

– Господь спросит за каждую мелочь, потраченную расточительно, ради страстей и пустого удовольствия, – приговаривал он.

Монахи потом уже ничего в кельях не держали: рубаха-перемываха, жбан для воды, Библия да иконы – вот всё, что можно было найти у них.

Отшел Питирим в мир иной, на смену ему выбрали другого игумена – Петра. Тот по монашеским кельям не стал ходить, имущество у монахов не проверял, разносы за лишние вещи не чинил. И завелись в монашеских келейках и книги новые, и одеяла теплые, и рубах по пять штук на брата. Пришёл как-то вечером к Петру эконоом Алексей и говорит:

– Наши братья разжились богатством. Не повредило бы это их спасению. Хороший был устав у Питирима: все лишнее – долой. Как бы и сейчас так сделать, владыка.

– Коли забрать у них все лишнее, им и подарить брату своему нечего будет, и пожертвовать для убогих нитки не смогут, – ответил Пётр. – Будут думать, что они и есть самые нищие, что им все жертвовать должны.

– А разве молитва монаха не есть самый драгоценный духовный дар миру!? Истинное богатство! – воскликнул Алексей. – Что все эти рубахи и плоски стоят в сравнении с ним!

Пётр склонил голову и тихо сказал:

– Нельзя отнимать у монахов соблазны, пусть сами борются с искушениями. Для чистого сердцем и горы золота не искушение, а жадного и рубаха рваная в грех введет. И есть ли среди монахов такие праведники, чтоб по молитве его на замерзающем в стужу тулуп оказался? А коли будет у монаха тулуп и встретит он замерзающего, неужто не отдаст ему,

а вместо того молиться будет о спасении души несчастного, погибающего на морозе?

– Знаю я, что потом будет, – покачал головой Алексей. – Видел такие монастыри. Монашонки в Рождественский пост икрой красной балуются, фрукты заморские потребляют. А все это им – утешение. Тьфу! Прости Господи!

– Не в монастырях дело, а в сердцах. От бедности-то так же гордыни можно набраться и лютой.

– А про богатого что Спаситель сказал? «Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай». Забыл эти слова?

Помолчал Петр:

– Не так прост, брате, путь спасения: коли нищий – в рай, а чуть разжился – грешник. Да ведь и пророк Давид изрек: «Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его, просящими хлеба». Уразумей, Алексей: не были нищими. Значит, Бог подавал им малый недостаток за труды их.

Душа ведь не бедностью, но богатством вернее проверяется.

МАЛЕНЬКИЕ ДЕЛА

Одна женщина по любому поводу обращалась за помощью к Господу. Пойдет на рынок и просит:

– Помоги мне, Господи, хороших горшков купить, чтоб не трескались и не текли.

Начнет кашу варить и приговаривает:

– Дай Бог, чтобы каша не разварилась да не подгорела.

Станет носки вязать и опять:

– Помоги, Господи связать в срок хорошие носочки.

Как-то взялась она кудель прясть, перекрестилась на икону и говорит:

– Помоги мне, Господи, кудельку мою ладно спрясть, чтоб как раз к Покрову управиться.

Вот ей муж и говорит:

– Что ты, мать, часто Господа тревожишь, с куделью да с горшками ему досаждаешь, отвлекаешь по всяким пустякам. На себя больше надейся. Что ты без Бога кудель свою не спрядешь? Сказано же было: «Не поминай Господа нашего всуе»

– Какая же это всуя!? – всплеснула руками женщина. – На себя только черт надеется. Мне Бог во всякой работе помогает.

– Бог он – работник, что ли, чтоб звать его кудель прясть да люльку качать?

– Бог – великий работник, – отвечает.

– То-то и оно, что великий, а ты его ко всяким своим маленьким делам призываешь, – покачал головой муж.

– На моем веку великих-то дел и не будет вовсе: все горшки да каши, да кудель, да люлька. Значит,

Господь ссудил мне маленькими делами спастись. Неужели только те, кто большие дела делают, имя Господне призывать могут и о помощи его просить? Бог милосерден, он всякого слушает и в маленьких делах помогает, и через маленькие дела спасает.

– Смотри-ка, речиста стала, разумные речи говоришь, – подивился он.

– Не я – Господь мне помог. Ведь я сижу да приговариваю про себя: «Помоги мне Господи, по уму и по истине мужу ответить». Хоть и маленькое это дело, а Бог помог, вразумил меня.

МОЛЧАНИЕ

Старый монах Паисий принял обет молчания ради постоянной умной молитвы. Видели иноки, как через эту молчаливую молитву он просветился зримо. Лик его сиял – посидишь рядом с ним – и будто в благодать окунешься.

Юный послушник Никодим, глядя на него и желая стяжать такую же благодать, тоже принял обет молчания. Слова не скажет, все дни в молчании проводит. Утром придет к настоятелю за послушанием: молча стоит, ждет; получит урок, поклонится и уйдет работу свою делать. Братия с уважением к обету инока относилась. Только блаженный монах Савва как увидит Никодима, руками замашет, закудахчет, закричит громко: «Клушка-пеструшка молчала-молчала, пока яйцо не снесла, а снесла – закудахтала! Кудах-тах-тах! Кудах-тах-тах!» – и начнёт он прыгать вокруг Никодима да головой вертеть, руками махать, будто крыльями. В другой раз как встретит Никодима, поклонится ему низко и скажет важно: «Слышал ли, болтливая кума молчать решила да вдруг залаяла?», – и зальется лаем. «Подь ты совсем!» – злился про себя Никодим, но обета своего не нарушал.

Блаженный Савва был прозорливцем, к его речам всегда прислушивались. «Это он меня так испытывает, – думает Никодим, – а всё равно молчать буду. Господь для смирения мне его посылает».

И вдруг однажды пришла иноку в голову великая мысль, такая важная, что грех не поведать ее миру.

«Я – думает Никодим, – только одному монаху ее скажу, а потом опять молчать буду. А то вдруг я умру завтра, и не узнает никто о великой истине, которую мне Господь открыл молчания моего ради».

Побежал он к своему сопостнику Симону:

– Симон, пришла ко мне великая мысль, чтоб передать ее, нарушаю я обет молчания, запомни ее крепко, я потом опять молчать начну. Мысль сия такова: «Если хочешь спастись, то будь мертв, не приносящая ни бесчестия человеческого, ни чести».

Улыбнулся Симон и говорит:

– Это не твоя мысль, а Макария Великого.

Достал книгу и показал Никодиму эти слова Макария в его сочинениях.

– Как же так, – сокрушался инок чуть не до слез, – она мне в голову пришла, ради нее я обет молчания нарушил.

Пошел он в унынии в свою келью. Навстречу ему блаженный Савва идет.

– Отче Савва, все ты про меня знал наперед. Клушка я и есть. Думал, что великая мысль ко мне пришла, ради нее нарушил обет молчания, а мысль эту давным-давно Макрий Великий высказал.

На сей раз Савва не стал подсмеиваться над Никодимом.

– Не печалься, брате, – говорит он, – рано ты за этот трудный подвиг взялся.

– Но ведь старец Паисий уж третий год молчит, да благодать стяжает.

– Повод к молчанию у вас разный. Паисий молчит, потому, что ему уже нечего сказать. Уразумел он, что истина глубже слов. А ты взялся молчать от того, что еще нечего сказать. И вдруг – на тебе! – мысль появилась. Искушение это было. Не гордись, Никодим, трынди покуда.

Молчание – это речь Бога, далеко нам до него.

ОБ ИЩУЩЕЙ НАСТАВНИКА

Одна девушка искала наставника. Ей сказали, что есть в соседнем городе наставник, праведный человек, да только он очень суров.

«Пойду к нему, – решила девушка, – строгость в наставлениях не помеха, а помощь». Пришла она к суровому наставнику, он как увидел её, застучал палкой об пол и закричал: «Прочь! Прочь от меня, грешница!» Девушка обиделась и ушла. Вернулась в свой город. Вскоре узнала она, что живёт неподалёку наставник ласковый и мудрый «Вот к нему и пойду», – решила она. Пришла к доброму наставнику. Он её с радостью встретил, рядом посадил, мудрые речи с ней завёл. У девушки от счастья душа затрепетала: «Вот это настоящий наставник! Буду теперь у него советов во всём спрашивать».

«Приходи ко мне ещё, славная девушка», – сказал ей на прощание добрый наставник.

Вернулась девушка домой и рассказывает матери:

– Была я у доброго наставника, он мне такие слова ласковые сказал. Какой он хороший! Не чета тому, что в соседнем городе живёт.

– А что тебе сказал тот, что в соседнем городе живет? – спросила матушка.

– Я только зашла, а он как палкой застучал, как закричал: «Прочь! Прочь от меня, грешница!»

– А ты что?

– Я повернулась да пошла.

– Эх, ты, глупая, он тебе первое наставление сделал. Это настоящий наставник и есть. Он говорит тебе о грехах, а не льет елей на пороки твои. Тебе к нему надо идти.

– А коли он меня снова прогонит?

Покачала мать головой:

– Неужто не знаешь, что надо делать?

– Не знаю, – ответила дочь.

– Вот когда поймёшь, что надо сделать, тогда считай, что получила ты первое наставление от праведника, да и самого наставника обрела.

У ПОДСВЕЧНИКОВ

Усердную женщину благословили служить в церкви на свечах. Во время службы она стояла у подсвечников, убирала сгоревшие свечи, счищала капли воска, тёрла пол. Работала она с большим радением и ничего не хотела от своей службы получить, только молила Бога об одном: чтоб сподобил её Господь увидеть Ангела небесного. Всякое служение начинала она с молитвы, молитвой заканчивала и всегда в конце молитвы добавляла: «Господи, сподоби меня, грешную, увидеть Ангела Твоего благого».

Подходили к ней люди, спрашивали, куда свечку поставить, как молиться перед образом, какой святой поможет им в таком-то деле. Поначалу, пока она не шибко истово служила, подробно объясняла людям, куда свечи ставить, как молиться. А потом решила, что разговоры эти отвлекают её от служения и непрестанной молитвы. Спросят её, она головой тряхнёт, рукой махнёт – дальше с усердием свою работу делает и молится. А потом уж и слышать никого не слышала – видеть не видела – так истово делу своему служила, молитвы шептала. И подсвечники у неё всегда в полном порядке – чистотой сияют. Люди к ней уже перестали подходить – знают, что недосуг ей разговоры вести, что великая она молитвенница и праведница.

И вот однажды, стояла она, как обычно, у своего подсвечника, терла, скребла, молилась. Вдруг кто-то её легонько тронул за плечо, женщина и не подумала повернуться. «Клавдия, Клавдия!» – тихо окликнул её голос. Женщина ничего слышать не хотела – она никогда не отвлекалась от своего служения, не прерывала молитву.

А если б она обернулась, то увидела бы, что за спиной её стоял Ангел Господень. Это он коснулся её плеча и позвал по имени. Но Клавдии недосуг было отвлекаться на всякий зов.

Посмотрел Ангел с грустью на женщину, взмахнул крыльями и растаял в золотом сиянии.

ПРИХОЖАНКИ

Две прихожанки давно ходили вместе в храм. Они стояли рядышком у солеи всю службу. Как-то одна сказала другой после службы.

– Смотрю я на тебя, Агафья, ты вся как чистый ангел светишься. Всё, видать, разумеешь, каждое слово, что в храме звучит, и в сердце своё складываешь. Ты спасёшься.

– Что ты, я великая грешница, – ответила Агафья, – умом скудная и неразумная. Ничего не понимаю, что батюшки говорят. Я только на младенца Христа смотрю и говорю: «Малое дитя ничего не понимает, но любит мать так, что ни убавить, ни прибавить ничего к этой любви нельзя. Так и я люблю тебя, Господь, как малое дитя, а ничего не разумею больше».

НЕВСТРЕЧА

Зиновия уверовала в Бога. Она молилась дома и никак не могла решиться пойти в храм, робела. Но слышала она, что храм – тело Христово, и там все истинно верующие в великом благолепии пребывают.

И она решила пойти в Церковь. В воскресный день Зиновия принарядилась, и, волнуясь, отправилась в храм на встречу со Спасителем. В притворе купила свечи и несмело переступила церковный порог. Солнечные свет стоял под куполом, золотые блики играли на иконостасе, на строгих ликах святых.

Зиновия потянула тонкую свечку к подсвечнику.

– Стой! Стой! – схватила ее руку послушница, стоящая на свечах, и суровым взглядом окинула Зиновию. – Сейчас нельзя свечи ставить. Не слышишь, что ли, шестопсалмие читают! Все свечи погашены!

Зиновия в замешательстве отступила от подсвечника. Она долго держала свечи в руках, не решаясь больше подойти к подсвечнику, свечи расплавились в ее ладонях. Зиновия смяла их в кулачке.

Женщина отошла в сторонку, встала у столпа и стала внимать молитвенному пению. Вдруг кто-то сзади больно дернул ее за волосы:

– Почему голову платком не покрыла?

Зиновия в растерянности оглянулась: перед ней стояла сгорбленная старуха с клюкой и злобно выговаривала:

– Пришла в святую Церковь, как на рынок.

– Бабушка, я не знала, что надо платок надевать, я первый раз в храм пришла, – чуть не плача оправдывалась Зиновия.

Закончилась служба, прихожане потянулись к амвону, где стоял батюшка с крестом. Все подходили по очереди и целовали крест и руку батюшки.

– Спаси Господи, – говорил он каждому.

Зиновия пристроилась в конец очереди.

Когда она подошла ко кресту, батюшка вдруг омрачнел и отвел крест от ее губ:

– Как ты покрашенными губами будешь животворящий крест целовать? – с укоризной произнес он.

Зиновия повернулась и вышла из храма, роняя слезы.

«Как же так? Шла на встречу с Богом, а встрети-
лась с недобрыми старухами и какими-то пункта-
ми...»

С иконостаса вслед ей с любовью смотрел бо-
сой Бо г.

МИЛОСТЬ ГОСПОДНЯ

У одной женщины случилось несчастье, и стала она упрекать Господа: «Ты милостив, а со мной со-
творил немилостивое. Молила тебя о благоволе-
нии, и не услышал меня». И так она не раз говорила
Господу.

Вскоре приснился ей сон.

У Церкви сидел и просил милостыню увечный. У
него не было пальцев на обеих руках. Он протяги-
вал идущим в храм свои обрубки, и люди давали
несчастному юноше деньги. И эта женщина всякий
раз стояла рядом с нищим, и радовалась милосер-
дию дающих. Нищему хватало милостыни на про-
стую еду и скромную одежду. Он подолгу просижи-
вал у храма, милость людей не иссякала, и у него
стало больше дене г. Тогда нищий стал покупать
вино и веселить себя им, ведь он чувствовал себя
несчастливым калекой. Появились у него дружки, ко-
торые охотно пили с ним вино, а выпив, ждали, ког-
да он снова наберет денег и угостит их. Калека стал
спиваться, а народ всё жалел его, и бросал монеты
в кружку.

Видя это, женщина стала вразумлять юношу, на-
ставляя его. Но сказанные ею слова, к удивлению
ее, не были слышны даже ей, хотя говорила она,
как ей казалось, очень громко. Она хотела попро-
сить людей пожалеть юношу, и не давать ему денег
на вино, но случилось то же самое – речь её не
имела звука. Сколько она не пыталась что-нибудь
сказать – никто не слышал её. И женщина теперь
молча стояла рядом с пропадающим калекой.

Между тем юноша дошёл до совершенного не-
честия: он выпивал вино возле церковной ограды и
пьяный полз к паперти, чтобы собрать ещё денег на
выпивку себе и дружкам, которые всегда поджида-
ли его неподалёку.

И дальше увидела женщина, что наступила Пас-
ха, и люди в праздничных одеждах отправились в
храм на Всенощную, и она шла вместе со всеми.
Подойдя к Церкви, женщина стала искать калеку, но
его уже не было ни среди нищих, ни среди идущих в
храм.

Проснулась женщина, уразумела все и сказала:
«Слава Тебе, Господи, такова милость Твоя: не да-
вая, Ты спасаешь».

БОГАТЫЙ ГРЕШНИК

Один богач, ленивый несклонный к исправлению
грехов и молитве, пришел в монастырь к игумену и
говорит:

– Я вашу обитель достойно награжу, коли дадите
вы мне, владыка, самого лучшего молитвенника и
прозорливца, чтобы он все мои грехи распознал и
замолил их.

– Как же я вам его дам? – удивился владыка.

– Пусть он у меня с месяц поживёт, мои грехи
все узрит, запишет, да и потом отмаливает их. Спа-
сение души – дело богоугодное, верно, владыка.

Подумал игумен и согласился, дал богачу про-
зорливого молитвенника.

Приехали они в дом богача. Тот ему и говорит:

– Ты везде за мной ходи, что увидишь непра-
вильного и грешного, записывай. Вечером показы-
вай мне мои грехи. А потом проси у Господа за меня
прощения, отмаливай.

Праведник так и делал: все грехи записывал и
вечером показывал хозяину. Несколько листов были
исписаны грехами.

– Что-то слишком много грехов получается у
меня, – злился богач, – и то грешно, и это грешно.

– Да, так оно и выходит, – отвечал праведник.

– Ты как-нибудь там короче пиши, без фанатиз-
ма, а то ведь игумен не похвалит тебя за то, что
обитель ваша щедрой награды лишится.

На следующий вечер богач спрашивает:

– Много сегодня понаписал?

– Да нет, один грех только.

Богач обрадовался:

– Ну, покажи!

– А вот:

«День прожит во грехе».

ПОКИНУВШАЯ РАЙ

Праведная Евфимия попала в рай. Долго она
там блаженно пребывала. Настало время, когда
стали вселяться в рай души тех, кто был на земле
детьми ее ровесников. По всем срокам и ее чада
должны покинуть земную юдоль и прибыть в рай.
Ждала-ждала Евфимия встречи с детьми, а их нет,
все сроки прошли. Кое-кто уже и внуков дождался,
и правнуков. Стало ясно ей, что дети ее в другие
обители попали.

Зарыдала Евфимия и говорит Господу:

– Я здесь, а детей моих нет в раю. Отпусти Ты,
меня, Господи, недостойна я пребывать в Твоей
обители, коли дети мои не спаслись. Значит, не на-
ставляла их в праведной жизни, не молилась за них
с усердием.

И Евфимия с плачем покинула рай.

ПОСЛУШАНИЯ

На вечерней службе батюшка попросил прихо-
жан прийти в день Крещения раздавать святую
воду. Домна с радостью вызвалась прийти в храм на
раздачу крещенской воды. «Это же какое доброе
служение: святую воду православным раздавать –

это ли не награда к празднику!» – с радостью думала она.

Ранним утром Домна пришла в церковь.

– Если будут хорошие пожертвования, то благословим вас на паломническую поездку, – пообещал батюшка, когда поставили блюдо для пожертвований возле больших чанов со святой водой.

– Ну! – возликовала Домна. – Еще и в поездку поедем к святым местам.

Начала она работать в добром расположении. А сама нет-нет, да и посмотрит на поднос с жертвованиями: сколько там уже денег? Народу в храм шло много, очередь стояла за водой. Но чаша для жертвований не сильно наполнялась. Домна стала хмуриться: «Вот люди, какие, жадные! Им Святая Церковь такую благодать дает, а они копейки скупятся выложить, или вовсе ничего не жертвуют».

Потом уже и радости никакой не осталось.

– Что вы так мало жертвуете?! – громко возмутилась Домна, оглядывая очередь злыми глазами. Она потрясла чашу с деньгами. – Какое там паломничество! Пять сотен за полдня пожертвовали.

И после уже Домна угрюмо разливала святую воду, не глядя на прихожан. Руки отяжелели, спину ломило. Очередь закончилась.

«Еще и пол надо мыть, залили все, затоптали», – злилась Домна.

Она взялась за швабру. Вдруг к ней подошла девушка.

– У меня сегодня день Ангела, батюшка мне подарок сделал: благословил пол в храме помыть, – девушка робко протянула руку к швабре, будто боясь, что не сможет удостоиться такой чести.

Домна сунула ей швабру. Девушка просияла.

– Спаси вас Господи! – горячо поблагодарила она. – В Крещение помыть пол в храме – такая награда мне, недостойной! – она рассмеялась и упорхнула за ведром.

Домна тяжело поковыляла к выходу. «Всю радость отбили, жадюги», – бормотала Домна.

Счастливо улыбаясь, девушка летала по храму со шваброй, как ласточка. «Радость-то какая!» – ликовала она.

ПЛАЧ МОНАХА

Пришел молодой монах к старцу и с плачем рассказывает, что одна мерзость ему снится: девки голые, искушения и похоть.

– Молю Бога, отче, хоть бы мне Богородица приснилась или Ангел Господен, или уж просто свет нетварный, божественный, а то одна мерзость в сны лезет.

– Что ты! Что ты! – замахал старец рукой. – Не моли об этом! Как приснится тебе Богородица, считай, соблазн тебя и победил. Так и будешь думать,

что теперь ты святой. А это Господь тебе пока знак дает, на грех твой указывает. Не оставляет Он тебя – наставляет.

ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ ГОРОДА КУЗНЕЦКА (НЫНЕ г. НОВОКУЗНЕЦК).

Просуществовал с 1648 г. по 1769 г. Основан в царствование Государя Алексея Михайловича и служение Патриарха Иосифа. Управлял Сибирской паствой Тобольский архиепископ Герасим, Кузнецким воеводой был Афанасий Сытин.

Монастырь находился на левом берегу р. Томи, в трёх верстах от града Кузнецка и имел важное духовно-просветительское, а также стратегическое значение для юга западной Сибири. Владел большими земельными наделами. Имел 4 мельницы, переправу через р. Томь. Приобрёл две версты по реке, для рыбной ловли. Распорядился пастбищами для скота и санными покосами.

В 1700 г. монастырь был разорён и сожжён кочевниками. Но возродился и продолжал миссионерскую деятельность среди инородцев Кузнецкого края.

В 1740-е годы Христорождественский мужской монастырь приходит в запустение и приписывается к Томскому Богородице-Алексеевскому монастырю под наблюдение архимандрита Лаврентия.

Осень 1769 г., в царствование императрицы Екатерины Великой, по распоряжению из Тобольска Кузнецкий монастырь закрывается. Оставшееся имущество передано в Томский монастырь, а церковь сделана приходской.

Таким образом, обитель просуществовала 121 год, но духовно-православная жизнь села, окружавшего монастырь, продолжалась.

В 1919 г. партизаны-роговцы, уходя из Кузнецка, сожгли Христорождественскую церковь, имевшую столь древние духовные корни и традиции.

В настоящее время на месте расположения монастыря находятся частные дома, в старой части города Новокузнецка. В 2007 г. на месте нахождения монастыря отслужена лития.

Просим Вас уважаемые отцы, братья и сестры помолиться за упокоение душ, первых монахов Земли Кузнецкой.

Настоятели Христорождественского мужского монастыря: **Макарий, Иосия, Трофим, Панкратий, Иринарх, Феофилакт, Адриан**

Братия: **Боголеп, Евагрий, Евгений, Протасий, Платон, Петр**

И всю братию Святые Обители сея.

Подготовил В. ЕРМОЛЕНКО

Айвенго СИРАЗИТДИНОВ

ПИСАТЕЛЬ – ПРОФЕССИЯ МУЖЕСТВЕННАЯ

Очерк-воспоминание

Может, покажется странным, что работу над этим очерком я начал с того что пытался вспомнить эпиграф к произведению Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». А ведь вспомнил. Значит хорошо учили в школе: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй».

Вот с каким образом власти, с каким чудовищем сразился Радищев, избрав оружием мысль и перо.

Да разве он один. Имя им – легион, ставших на роковую черту бесстрашия, оплативших своей жизнью красоту и правду написанного ими!

В эпоху соцреализма в ходу был образ «перо приравнено к штыку». Хороший, боевой. Но вспомним тридцатые годы и другие, не менее окающие. Сколько прекрасных литераторов сгнуло в подвалах Лубянки, в лагерях, не дожив до того дня, когда их перо будет обращено на недруга, как солдатский штык.

Не могу не вспомнить, в связи с этим моего бывшего друга, коллегу, Василия Оглоблина. Он едва избежал печи в Бухенвальде, освободивши себя и товарищей в ходе легендарного восстания узников. А угодил поэт в страшные застенки из лагеря для обычных военнопленных за стихи, найденные у него при обыске.

Не взыщи, читатель, за довольно многословное вступление. Но как без него. Да и вроде бы по сути... Коли зашла речь о мужестве и героизме писательской профессии.

Коротко изложу обстоятельства, в которых мне довелось повезло считаю, познакомиться воочию, с Пикулем Валентином Саввичем, писателем, об известности и читаемости которого излишне говорить.

Произошло это на семинаре военных писателей в Дубулте. В Доме творчества Союза писателей СССР. Тут надо пояснить что это за мероприятие такое. Почти ежегодно собирали нас здесь танкистов, авиаторов, моряков, десантников с литературными задатками, Министерство обороны и Глав ПУР. Нечто похожее на литературные курсы

Армии и Флота. Но не надо полагать ни в коем случае, что это был питомник «соловьев Генштаба». То была державная забота о том, чтобы и таким способом вдохнуть душу в суровый военный быт. Одним словом, чтобы не молчали музы, когда пушки выкатывают на линию огня.

Про себя мы называли это неординарное, периодически собираемое военно-учебное заведение Дубултинским Лицеем. «Благослови, ликующая муза, благослови: да здравствует лицей!»¹ Все было здесь значимо и прекрасно: и наставники наши, и круг друзей-лицеистов, и сама природа вокруг г. Лето, рижское взморье! Голубое небо, синие волны. Ей-богу, ничего не предвещало тогда близкого конца могучего Союза. Обрушившегося, как цунами, и на Юрмалу – престижный курорт процветавшей советской империи.

Вот в эти дни и пригласило руководство нашего семинара В. С. Пикуля в Дубулты, на роль наставника, разумеется.

*«Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам, подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим».*²

Он проживал рядом, в Риге. И, конечно, Валентин Саввич откликнулся на приглашение благосклонно: ведь он сам, прежде, чем стать профессиональным литератором, был военным. А службу он начинал, в годы войны, в чине юнги Северного флота, самого боевого в период Великой Отечественной. Так что, полагаю, он и сам был рад случаю встретиться с военными литераторами.

Конечно, мы – лицеисты, день-деньской занятые семинарскими обсуждениями творческих достижений друг друга, беседами «о Шиллере, о славе, о любви», обрадовались известию о предстоящей встрече с известным писателем.

А надо заметить, интерес к Пикулю был подогрет, будто нарочно, для читающей публики тем, что его обругали на недавнем съезде КПСС. Это ли не апофеоз признания?! С высокой трибуны, в докладе генсека. Легко отделался: «во времена оные» упекли бы его по статье «без права переписки». А обругали В. С. Пикуля, якобы, за «вольное обращение с историей». Всем бы такой секрет популярности – на зависть ПЕН – клуб!

Первую, встречу с Валентином Саввичем я помню четко, в подробностях. Проходила она в просторном актовом зале Дома творчества. Палатой муз – назвал бы я это прекрасное здание, посреди цветов и прибрежной зелени, выстроенное для пи-

¹ А. С. Пушкин: «19 октября»

² Там же

сателей всей страны. Кому ныне достались сии пены, сей писательский дворец, не ведомо мне. Ужель полевой штаб НАТО в нем?..

Зал полон, яблоку негде упасть. Пришли не только мы – лицеисты, но и старшие писатели, проживавшие в Доме творчества, за счет Литфонда, и писавшие в нем многотомные опусы про БАМ, целину и Нечерноземье, а также всякая окололитературная публика; и даже те, что говаривали: «Да что там Пикуль... Да кто такой?» А кто так говорил, просто забыли, как ночи выстаивали у макулатурных пунктов, с чернильными номерами на ладошках. И с мешками томов Плеханова и Мао ЦзеДуна, чтобы выменять их на заветный талон, дающий право на приобретение издания за авторством В. С. Пикуля. Чтобы украсить им бесцветный ряд других книг в своем серванте. Особо следует отметить, что присутствовали также в зале и дамы вольных лицеистов, прекрасные но временные. Они украшали обстановку, как звук трубы в полковом оркестре.

На сцене – Валентин Саввич Пикуль. Рассказы-вая, он постоянно пребывал в движении. Среднего роста, жилистый, порывистый. Пожалуй, хватит прилагательных. Мне лично он напомнил штурмана из нашей эскадрильи морской авиации, которому, донельзя, шло прозвище из бардовской песни: «капитан, обветренный, как скалы». Резковатые черты лица не старили, придавали шкиперскую мужественность. Красивый облик настоящего певца военно-морской романтики. Жесты энергичные, точные, емкие. Фразы выверенные, законченные... Паузы – самые необходимые. В манере речи его узнавался интеллигент в самом благородном, ныне исчезающем значении этого слова. Да что там говорить: кто его раз увидел, услышал, не забудет никогда.

Наверное, ни в одной аудитории Валентин Саввич не был таков, как с нами, военными лицеистами. И ни с кем, полагаю так не говорил. И сколько было в нем искреннего дружелюбия к нам! Перед нами был не мэтр, претендующий на это по праву старшинства и мастерства, нет, он видел в нас, хоть и не дозрелых, собратьев по перу. Свою родню. Благодарность ему за это!

Далее привожу его выступление сколь можно верно, почти со стенографической точностью.

Вопросы шли вразброс. Привожу ответы в той же последовательности.

«Про «Моонзунд» забыл уже. Не потому что вспоминать лень».

«Про «Окини-сан»?.. Мучил лет двадцать. Образ – невыдуманный. Есть и фотография, и даже голый».

«Разочарование бывает по многим моим вещам...»

«У последней черты»? Главный источник – семь томов допросов царской семьи. Обратитесь к Щеголеву П. Е. Этот роман не я писал. За меня все сделали редакторы. А в журнале – интерпретированные выжимки из романа. Копал лет пятнадцать-двадцать. Писать – терпеть не могу, а копаться и строить в голове мне нравится».

Способ, каким был поставлен очередной вопрос, вызвал оживление в зале. Это Володя Смирнов, молодой литератор, отличился. Он не только спросил про роман «Крейсера», но с ходу, наизусть продекламировал чуть не целую страницу, по памяти. Способный парень. Из Полтавы он привез залихватские рассказы про летчиков, хотя сам не летал.

«Роман «Крейсера» написал за 35 дней. Подготовка – 15лет. Люблю написать побольше: треть вылетает при правке. Когда работу закончил, все забываю. Сюжет рождается из материала. Больше интересуют хронология».

«Океанский патруль»? Нашли что вспомнить! 24–25 лет прошло. Каждый писатель стыдится своей первой книжки. После «Океанского патруля» – четыре года депрессии, пока не вышел на материалы «Баязета». Вот его то и считаю первой книгой».

«Нечистая сила»? Использовал исследования Бехтерева: как Распутин соблазнял женщин. Кое-что из мемуаров графа Коковцева. Распутин обладал долей гипноза. Блеклые глаза: бабы за таким мужиком ходили косяками. Умел останавливать кровь. Бадмаев? Есть источники, в которых он оценивается положительно. Я смолodu стал составлять картотеку на людей, живших в страницах. Принцип профессора Модзалевского. Есть и «покойница». Иконография интересует, русский портрет, свидетельство, вплоть до надгробий».

«Фаворит» вызвал жестокий приступ гипертонии, из-за иллюстраций. Работа с иллюстрациями? Попадались одни халтурщики, кроме Рудольфа Алексеевича Яхнина».

«Кто из личностей Петровской эпохи интересен? Петр Алексеевич Толстой – как дипломат. Хотя был человек мерзостный. А кто хороший? Куракин, наверное...»

А из советского периода? Ванников – министр вооружений при Сталине. Адмирал Головкин... А Октябрьский, Трибуц не идут ни в какое сравнение».

«Пером и шпагой», «Битва железных канцлеров»? Материала использовано много».

Среди вопросов, заданных маститому писателю, конечно, главный – о работе. Кого, как не молодых волнуют секреты мастерства. Существует ведь некая тайна: каким образом является вдохновение? А, может, и не в нем дело, и не стоит на него уповать? И просто работать, работать...

Ответы – в стиле Пикуля. Иногда неожиданные, всегда оригинальные. И даже парадоксальные.

«Иногда я задумываюсь: «А может быть, никакой я не писатель?..»

«Критику не читаю. Отношусь к ней? А никак. Первый критик – моя жена. Что критика может изменить? Почему не выколоть родившемуся ребенку левый глаз?

Настоящая проза должна обладать изъяснами. Прочтите внимательно Толстого.

Пишу пером, макаю в чернильницу. Норма – восемь страниц в день. А желательнее бы – половину авторского листа.

На машинке печатаю сам.

А лучше всего, считаю, литературно, выкованы романы «Из тупика», «Моонзунд».

Вопросы об образовании, пути в литературу.

«Официально, образование моё – всего пять классов. А дальше сам себя образовывал. Во время войны служил юнгой на эсминце «Грозном». После направили на подготовительные – в училище. Но из училища сразу выперли.

Потом появился в редакции журнала «Звезда». Там сидел Юрий Герман. Портфели редакций тогда были пустыми. Но я сказал себе сразу: «Чего я, дурак, сюда поперся? С пятью классами в дворники не примут». Подался в кружок начинающего автора, в Ленинграде. Руководил им Всеволод Рождественский (У Блока описан: «скучный человек»). Посоветовал он мне читать Гомера... Но я прочел Сафо и наизусть выучил Катуллу.

Почему не закончил ВЛК³? Терпеть не могу когда надо мной стоят с указкой».

«Отношение к славе... Странный вопрос. «Слава – вещь приятная. Но если говорить честно, где-то мешает. Молодым мечтал о славе»

Говорят, моя библиотека, наверное, лучшая в Риге. Вывез из Ленинграда... Ах, вы об этом... Нет, в библиотеке собрал только то, что для работы. А из художественной литературы немного: Александр Малышкин, Салтыкова – Щедрина «История одного города»; «Автобиография» Нушича – от него настроение улучшается. Мой любимый писатель – Александр Малышкин. Потряс языком, манерой изложения. Да вы прочтите хотя бы «Осажденный Севастополь» – не оторветесь.

Как отношусь к романам Хейли, Яна? Яна считаю очень хорошим. Хейли – большой мастер, берет знанием материала.

Еще кого читаю из прозы? А никого: нет времени. Хотя... Выпало прочесть «Маринеску» Крона, «Полководец» Карпова».

Конечно, не обошлось без самого стандартного вопроса – о планах на будущее... «Современность хватается за волосы и тащит к своим темам, наподобие освоения целины. А я упираюсь. Пока не выберусь из тех эпох. Хочу закончить серию документально-художественных романов сахалинской каторгой. Почему бы и нет? Хочу повозить тачку».

«Власий Дорошевич? Его «Сахалина» я не буду читать».

Литературное кредо? Заметно было, что к этому вопросу Валентин Саввич отнесся нарочито серьезно. Значит, он волновал его. «Есть у нас школы. Учат там десять лет. Зачем? Учебники написаны безобразно. Но каждому хочется пополнить свой пробел. Мой успех вызван тем, что я заполняю пустоты в образовании читателя».

Еще один вопрос. Из ряда неудобных (время-то советское).

«Отношение к богу? Не мешало бы заглянуть в церковь. Может, бог и помог бы...»

Про кино:

«Экранизации своих романов не хотел бы».

Не помню, кто спросил про писательско-жизненные привычки. Нескромно вроде бы, но Валентин Саввич не отмахнулся.

«Когда никто не мешает... Был такой философ, Дени Дидро... Он оставил полезный совет: «Хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался». На время работы такая изоляция необходима. В году пишу месяца три-четыре. Я – большой лентяй, но пишу быстро. В другое время занимаюсь российской генеалогией, иконографией.

Никакой выпивки, когда перо в руке. Работаю с восьми вечера до четырех ночи.

В шесть-семь утра обедаю. Потом ложусь спать.

Курю много».

Ну и, как полагается, в заключение беседы: «Что пожелать молодым литераторам? Литература – профессия мужественная. Если бы легко, от инфаркта не умирали бы.

Был такой замечательный художник Карл Брюллов. Когда его спросили: как ему удалось так верно описать последний день Помпеи, он ответил: «Корпеть надо, тогда получится».

Будем, друзья, корпеть совместно!»

...Были еще встречи с Пикулем, нашим Учителем и старшим товарищем, и в неформальной обстановке. Все здесь, в Юрмале, располагало к общению: лето без нахального зноя, прогулки по взморью-лукоморью, описание красот которого лучше бы поручить поэту. Даже фотографировались на память. У меня хранятся несколько снимков. Жаль, что я на них, угодив в объектив, оказался некстати, в штатском и с бородой. Валентин Саввич был прост с нами, да и к чему

³ Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького.

сложности. Мы и так видели нашего мэтра в объемном, многомерном понимании: перед нами – Человек большого сердца, тонкой души и громадного труда.

... Ну вот, оканчивается мой очерк, к написанию которого я давно примерялся, да, видать, долго собирался с духом. Ко времени ли он теперь? Валентина Саввича уже нет с нами. Да и время встреч с ним кому то покажется безнадежно устаревшим, подлежащим забвению.

Нет, неправда, друзья. Время – категория мудрая. Прошлое столь же реально, как «здесь и сейчас», и как будущее, которое столь же реально – в

физическом смысле. Это я не выдумал: такова точка зрения смелой науки. Так что забвение не имеет ничего общего с законами бытия, не говоря уж о том, что оно не согласуется с нравственностью. Надо помнить и воздавать должное достойным.

К тому же, если вдуматься, слово «современный» – от сочетания: со –временем. Валентин Саввич Пикуль всегда будет читаемым и современным писателем. Он – со-Временем, нашим и будущим, далеко наперед.

И пусть эти строки станут еще одним скромным свидетельством служения мужественному писательскому Делу.

**Станислав
ГРАБУЗОВ**

ЗУБ ДРАКОНА

*Дорогому брату Владлену – пилоту,
ветерану чукотского неба –
посвящаю.*

*Эх, Чукотка! Ух, Чукотка –
чуждая планета:
Десять месяцев – зима,
Остальное – лето...*

– 1 –

Старый голодный волк из последних сил, дрожа изможденным телом, одолел последний уступ. Впалые бока его ходуном ходили, из пасти тягуче сбегала голодная слюна. Еще там, внизу по тундровой долине, гнал он днем одинокого оленя. Гнал, но не догнал – не те уже силы. Ушел олень, юркнул в ущелье и как сквозь землю провалился. Волк чуял его запах, голод придавал ему силы. Весь день прошел в погоне, а на Севере он короток, как оленин хвост: не успеет светило подняться над горизонтом, как тут же падает вспять, и снова в свои права вступает ее величество полярная ночь. И если над этой, богом забытой землей, не буйствует пурга – всю тундру, горные хребты, долины речек и озер заливают призрачный лунный свет. Ночами, в сильнейшие морозы, услышишь порой, глухие удары, подобные орудийной канонаде – это трещат скалы, не выдерживая лютого холода. Горе всему живому в такое глухозимье...

Всё зверьё, вся живность, что зимует тут, загодя запасают себе провиант; и только те, кому каждый день нужна парная, дразнящая свежей кровью пожива, гонят и гонят свои жертвы и днем, и ночью. И если повезет, тогда уж будет гарцевать над поверженной добычей, рвать ее клыками и когтями, набивать свою утробу впрок, урча от удовольствия и услады, озираясь по сторонам. Тут главное – не прозевать тех, кто горазд, примчаться на готовенькое. И в этом случае без схватки не обойтись. И победит тот, у кого крепкие лапы и грудь, остры и могучи клыки. Не даром говорится – волка ноги кормят.

Вот и этого волка много лет кормили ноги, а нынче – осечка получилась. Ушел олень. И теперь, страдая от неутоленного голода, мощный когда-то зверь, из последних сил задрал вверх крутолобую

башку, завыл. Эхо волчьих рулад, многократно отражаясь от скал, падало в бездну каньона и гасло там. Тоска и страх голодной смерти были в этом жутком вое.

Ущелье и впрямь было мрачным: по бокам его отвесные скалы базальта в виде башен и пирамид призрачно глянцевели под лунным светом, а посередине его, разделяя ущелье пополам словно клинком, торчал горный останец – этакий идол, созданный природой. И в любое время года, будь то зима или лето, господствуют тут шквалистые ветры, словно сказочный дракон беспрестанно изрыгает из пасти своей эти вихри, и они, рассекаясь скалой, словно зубом в драконьей пасти, создают дьявольскую какофонию. Дурная слава ущелья кочевала из рода в род, из поколения в поколение. Пастухи оленей, охотники стороной обходили эти места. На вопрос: почему боятся, философски отвечали, посасывая трубку: «Злые духи живут, худой место, однако...»

Кто-то еще в незапамятные времена окрестил ущелье Зубом Дракона. Со временем название это перекочевало на карты геологов и летчиков.

Еще в школе Санька Беленький все прочитал в библиотеке о наших и зарубежных летчиках. А время – то было жёстким и трудным – послевоенные сороковые и пятидесятые годы... Долгими, зимними вечерами просиживал он с книжками при копилке, приходилось беречь керосин. Запоем читал про Чкалова, Байдукова и Белякова, летчиках Севера Ляпидевского и Леваневского. И после окончания школы не было никакого сомнения, куда поступать, чему посвятить свою жизнь. Решил – пойду в летное училище. Ни отец, ни мать не перечили ему: раз хочет, если небо манит, пусть идет этой дорогой. Главное – чтобы дело по душе, тогда и жизнь будет в радость. Что-то в еще неокрепшей душе паренька из глухой сибирской деревушки тянуло в необжитые далекие северные широты.

Как-то еще в училище после полетов инструктор Сергей Левашов спросил Саньку: где бы он хотел летать после выпуска? И тот, недолго думая, выпалил: «Только на Север, и чем дальше – тем лучше». Инструктор оценивающе скользнул взглядом по худощавой фигуре курсанта, хмыкнул: «А папу-маму не закричишь, когда морозы за пятьдесят и пурга с ног сшибает, а? Не побоишься, парень? Это тебе, брат, не романы о Северах читать, сидя у теплой печки; на собственной шкуре придется испытать все прелести. И не один деньги не два. Ну, а коль уж решил, тогда дерзай. Вот послушай, что однажды поведал один знакомый геолог, вместе как-то отдыхали на юге. Так вот, он сказал: – Север – это капкан, попал – пропал. Ну не в полном смысле. Затягивает этот Север человека. Если он не хлюпик какой-то. Казалось бы, ну что там хорошего-то? Холодрыга, всё привозное за исключением рыбы да

оленины. Ты думаешь, большая денюга держит? Ошибаешься. Это раньше так было, когда денюгу гребли лопатой. Выгребли все – остались одни лопаты. Так-то, будущий пилот ГВФ, Беленький. Одно могу сказать – романтики там непочатый край. И ещё: Север проверяет человека на прочность и порядочность. И тех, кто тащится туда за длинным рублём, из шкурных соображений, отгрыгает напрочь. Там, брат, живут и работают настоящие мужики. Для них дело и дружба – превыше всего. Попадешь туда – сам все поймёшь»,

После окончания училища Александр Беленький получил направление в Северо-Восточное Управление ГВФ. А в Управлении дали ему точку, которая и на карте-то еле приметна. Зам по кадрам, лысый в очках мужик, бывший лётчик, подписывая направление, внимательно, поверх очков, окинул взглядом Беленького, причмокнул пухлыми губами

– Вижу, худоват ты, ну да ни хрена. Были бы кости, а мясо нарастет, как говаривала тетка моя, царство ей небесное. Пей в меру, юноша, если душа попросит. Ну, а с прекрасной половиной там напряженка. Раз-два и обчелся. Аборигенок советую обходить, неровен час, запросто на «конец» намотаешь. Ну, а коль уж приспичит, лети к нам в цивилизацию, тут и отойдешь. Все усек? Вот тебе направление в отряд, билет на ближайший рейс. Мигом получи подъемные в бухгалтерии и дуй в порт. Смотри, не опоздай! А то тебе придется кантовать тут с недельку; там глядишь, и запуржит еще. Ну, счастливо! – Рукопожатие кадровика было сухим и теплым.

Открытый сбывшейся мечтой, Санька выскочил из управы. В кармане лежало направление в Авиаотряд, билет на самолет и скромная сумма подъемных. Стояла на редкость в этих краях тихая морозная погода. Дышалось легко и радостно. И куда бы ни бросал свой взгляд молодой лётчик, всюду высились сопки, покрытые искрящимся на солнце чистейшим снегом; а далее виднелись горные хребты в сиреневой дымке... И небо было без единого облачка. Мимо, не спеша, прогуливались горожане, заходили в магазины, стояли просто так на тротуарах, наслаждаясь прекрасной погодой, чем-то делились между собой в разговорах, над чем-то похихатывали. Приметил Санька, что и здесь симпатичных девушек немало. Одним словом, город как город, каких большинство в России. И живут они каждый своей определенной жизнью, своими традициями.

Через пару часов Беленький вместе с пассажирами удобно расположился в кресле салона. Взревев турбинами, лайнер оторвался от бетонки и взял курс дальше, на север...

– 2 –

В отряде его никто не встретил. Вахтерша, сухонькая старушка, на вопрос: где начальство, отве-

тила, что все ушли на обед и милостиво разрешила Саньке подождать на стареньком диване. Жарко топилась печь.

– Ты, касатик, давай поближе садись к печке, да разуйся – ноги –то, поди, задубели в ботиночках-то?

Санька быстро разулся, подвинулся ближе к печке приятная истома наполнила все его существо, даже в дрему кинуло. Благодарить!

Где-то через полчаса хлопнула входная дверь, и вместе с клубами морозного пара ввалилась фигура в летной форме. Стряхнув с себя снег, а пуржило изрядно, вошедший устался на Саньку.

– Кто таков, откуда? – и с ходу протянул руку.

Санька, как и положено, вскочил с дивана и начал было рапортовать о прибытии. Вошедший перебил его:

– Ты, давай, вначале обуйся, а доложишься у меня в кабинете. Командир отряда я, Заботин. Петром Афанасьевичем зовут, – представился он, покашли по коридору, – садись парень, ты теперь дома, путешествие твое закончилось. Так что, с прибытием тебя.

Санька присел у стола на скрипучий стул, протянул командиру документы. Внимательно просмотрев их, Заботин одобрительно крякнул, прочитав в характеристике: – пилотирует уверенно, летать любит. Не спеша, добыл из кармана початую пачку «Беломора», протянул Беленькому:

– Куришь?

– Нет пока.

– Ну и молодец, начинать не советую. А я вот нет-нет, да и побалуясь при случае. Так, Александр, будем работать теперь вместе, покорять бескрайние просторы Севера, как пишут в газетах. Сам по желанию двинул сюда, или по распределению? – Узнав, что новоиспеченный пилот по собственному желанию выбрал эти богом забытые места, глубоко затянулся «беломориной», выпустил носом голубоватые струйки дыма:

– Что хочу тебе сказать, Александр. Можно летать и летают. И неплохо летают: и на благодатном юге, и в Прибалтике наши братья пилоты. Но вот на Севера не очень-то рвутся, особенно молодёжь. Скажу прямо – работа и жизнь тут мёдом не покажутся. Север, он и есть – Север: десять месяцев зима, остальное – лето... Так-то, браток. Ну, сам поймёшь со временем, что к чему. Теперь, значит, так – иди в общежитие, коменданта я предупредил, покажет тебе койку. Потом – на склад, получишь всё по довольствию. А с утра и начнём.

– 3 –

Утром, ни свет, ни заря, Санька был на ногах. Побрился, умылся, облачился в новую, с иголки лётную форму, притопнул унтом и рванул в столовую.

Быстренько проглотил завтрак и бегом в штаб. Пока бежал, почувствовал, как дубеет лицо от морозного ветра. Змеилась поземка. В штабе ждал его лётчик, в такой же меховой форме. «Квадрат»-с ходу окрестил пилота Санька. И было почему: с дивана поднялся кряжистый мужик с широко поставленными серыми глазами и располагающей улыбкой. Во всей его фигуре чувствовалась недюжинная сила. Про таких говорят обычно: что вдоль, что поперёк. Пилот вприщур посмотрел внимательно Саньке в глаза:

– Будем знакомы, – пожал руку, – Загородный Аркадий – твой наставник. Оценивающим взглядом скользнул по фигуре молодого пилота, усмехнулся:

– Готов? Ну, тогда вперед, к машине. Покажешь мне, чему вас там научили.

И начались для Саньки лётные будни. Поначалу не очень-то нравилась ему придирки командира: это не так сделал, здесь поспешил, тут тянешь резину. И того, чему научили его лётчики-инструкторы в училище на практической работе, в условиях Крайнего Севера оказалось, ох как маловато! Приходилось, порой, стиснув зубы, не подавать виду командиру, что тебе всё это – поперёк души. . И только спустя годы, будучи командиром современного лайнера, тысячу раз мысленно благодарил своего северного наставника.

– Запомни раз и навсегда, Александр, простую истину, – говаривал Аркадий, – в авиации нет мелочей. Все инструкции и наставления писаны кровью наших коллег-пилотов. Сечёшь? Ну и лады тогда. И ещё: садишься за штурвал – все оставляй за бортом; в полете только ты и машина, – немного подумав, добавил, – и небо. Помнишь, как в песне? Небо наш, небо – наш родимый дом... Точно сказано, в «десятку». Согласен? То-то же.

– 4 –

Мерно работал двигатель на малых оборотах. АН-2, готовый к полёту, стоял недалеко от взлётной полосы. Мимо прогрохотала снегоуборочная машина, и водитель, оттопырив большой палец, промаячил второму пилоту Беленькому – полоса готова к работе. Кивнув в ответ, понял мол, Санька пнул пустую банку из-под сгущенки в сторону пса.

Тот с ходу схватил ее пастью, аж зубы клацнули, понёс хозяину. Лётчик почесал его за ухом, потрепал холку и пёс, чувствуя привязанность хозяина, благодарно лизнул его щеку, развернулся и рванул к копытёрке, ближе к теплу.

Как-то в прошлом году, зимой в пургу, возвращался Санька в общежитие от знакомой медички. Хоть и одет был тепло: в меховую лётную куртку, на ногах унты, однако, пронизывающий ветер пробирал, порой, до костей, приходилось поворачиваться к ветру то спиной, то боком. Идти задом наперед. И

вот, в какой-то момент, послышался Саньке скулёж собачий. Сделав шаг к обочине, увидел, как у сугроба зашевелился темный комочек – щенок! Быстренько сбросил перчатки, сгрёб дрожащее пушистое тельце, сунул за пазуху и бегом, к теплу.

– Ух, ты! Вот это находка! Сей момент мы тебя отогреем, напоим и накормим. Рванув на себя промерзшую входную дверь общаги, Беленький махом проскочил мимо коменданта к своей комнатенке. – Приспичило парня по всем данным, чуть с ног не сбил-подумал тот. Не раздеваясь, Санька извлек из-за пазухи тёплый пушистый комочек – на него уставилась пара любопытных глазёнок-бусинок. Щенок ткнул прохладным носишком в щеку пилота и осторожно лизнул его.

– Ну, вот и добре. Знакомство, можно сказать, состоялось.

Так и прижился песик у Саньки.

Полоса готова, можно и лететь уже. Что-то командир долго не показывается с «каланчи», все погоду уточняет по маршруту – ходил Беленький во круг самолета, пиная комья снега.

...Всю неделю бесновалась пурга – свету белого не видать. Машины прочно, в этом случае, принаитовываются штормовыми тросами к якорям, для надёжности. Всяко бывало порой... Старожилы рассказывали, как однажды, во время сильнейшей пурги, сорвало с крепежа один из АНов, приподняло его, хряснуло и поволокло по тундре, А когда отбушевала стихия, нашли его в полутора верстах: винт искорёжен, от плоскостей остались одни лохмотья. С Севером не шутят, тут нет мелочей...

«Ага, командир идет. И почему-то с фельдшером. Что-то тут не то, неужто изменили задание? Ладно – ждем, гадать не будем.» – переминаясь с ноги на ногу, поджидал Санька командира.

– Такие дела, второй. Срочно летим по санзадаанию в урочище Усть-Хор.

– А что стряслось-то, командир?

– Да уж, стряслось, хуже не придумаешь. – Аркадий озабоченно бросил взгляд на горизонт, – тот был чист, ни облачка!.. Бездонная голубизна неба, видимость – «миллион на миллион», как говорят пилоты. Так уж бывает на Севере: после неистовой пурги устанавливается благодатная погода. Одним словом – летай и летай.

– Егерь тамошний – Михалыч, пострадал. Да ты его знаешь, Саня, прошлым летом мы у него куковали из-за погоды, ещё на харьгузов нас водил. Ну вот, вчера вечером возвращался егерь из обхода, и в одном из распадков напал на него медведь. Шатун оказался. Все мишки давно уже спят, а этому залечь что-то помешало. Ну и напал на Михалыча сзади, из-за валежины: знать, подкарауливал его. И от неминуемой смерти спасла егеря его лайка Найда, верная спутница и помощница. Шатун тот ударом

лапы перешиб собаке хребтину. Благо, что Михалыч успел сбросить лыжи, а вот выстрелить из карабина не успел. Навалился на него шатун, полоснул когтями по боку. Все же Михалыч успел выхватить нож с пояса, пару раз ударил в брюхо зверю – и кишки вон. Так-то. И погиб бы егерь под тушей медведя, не окажись в ту пору поблизости геологи. Как раз шли они по его путику за провиантом на кордон, ну и натолкнулись на нег Еле, говорят, вызволили Михалыча из-под медведя, здоровущий был зверюга. Соорудили носилки и принесли раненого на кордон. Много крови потерял, бок-то разворочен. Сразу наложили плотную повязку. С ним там отхаживается сейчас жёнка его, Таисия. Всё это передал по радиации начальник геологического отряда. И вылетаем немедленно – надо спасать Михалыча, срочно вывезти сюда, в нашу больницу. Всё, летим!

– Всё в норме, командир, машина к вылету готова. – Санька проскочил вперед, помог фельдшеру подняться в самолет, устроил её на откидное сиденье.

– Командир, смотри-ка!

– Ты чего? – Аркадий уставился на второго пилота.

– Да не на меня, взгляни на нашу каптёрку, – и Санька кивнул в сторону капонира, – там, мелко перебирая лапами по снегу, торчал Санькин пёс по кличке Шаман. И эту кликуху в своё время дал хозяин. Как говорили лётчики – кличка заслуженная. Дело в том, что этот щенок имел удивительную способность. Мистика какая-то. Чем, какими такими датчиками определял он приближение ненастья – одному богу известно. При ясной погоде, при полном штиле, во время собачьих игр, Шаман вдруг замирал на месте, задира морду, судорожно нюхал воздух, а уши его при этом работали словно локаторы. После такой «настройке» пес стоял не шелохнувшись. Только кончик хвоста мелко подрагивал... Не проходило и полусуток, как с той стороны, куда обращал свой нос Шаман, стремительно начинала приближаться пурга. Не раз и не два лётчики были свидетелями: «метео» выдавало погоду на «ять», летай – не хочу. И ничто не предвещало ненастья. И улетали экипажи по заданиям. А спустя какое-то время, резко менялась обстановка: нехотя наползала сумоть-пелена, затягивала кисеёй ясное небо, крепчал ветер и начиналась карусель, пурга...

И вот тут-то порой, «катанут бочку» на метеослужбу: такие-рассякие, что за спецы! Вот Шаман – это спец, с ним братцы, надо контактировать. Так полусутия, полусерьезно, ворчали пилоты. А диспетчерам по движению приходилось изрядно попотеть: всем бортам обеспечить посадку на запасных аэродромах, а запасных-то кот заплакал; и у каждого своя, так сказать, прелесть: то скалы мешают на глиссаде снижения, чуть зевнул – и посыпался в

тартарары; то боковой такой, что приходится садиться поперек полосы, а это не всегда кончается благополучно... А что делать? И рисковали, и сядились... В таких случаях и проявляется характер и мастерство командира экипажа: быстро, без дёрганья оценить обстановку и принять единственно верное решение.

– 5 –

Санька привычно убрал стремянку, захлопнул дверцу. Фельдшер Наталья Алексеевна, всё никак не могла устроиться на откидной скамейке, всё ерзала туда-сюда. Смекнув, что скамья-то холодная, лётчик постелил самолетный чехол.

– Вот спасибо тебе, сынок, теперь-то не окочурюсь небось, лететь-то долго?

– За час доберемся. Ну, все вроде бы. Теперь теплее вам на чехлах? Тогда поехали

Беленький прошёл в пилотскую, привычно занял правое кресло второго пилота. Получив разрешение на взлет, АН-2 легко оторвался от полосы и взял курс на Усть-Хор.

– Надо же было так угораздить Михалычу, черт возьми-то. И мужик-то могучный, да зверь оказался хитрее и коварнее. Шатун и есть шатун, с ним шутки плохи. Ладно, сейчас доберемся до кордона и в обратный путь, в районную больницу. Там и починят Михалыча, уверен. Главное, чтобы погода не подвела, – Аркадий взглянул направо, налево. Горизонт был чист и ничто не предвещало ненастья...

– Ну что, второй, когда пропивать-то тебя будем? Ей богу, душа праздника просит. Да и хватит тебе, Саня, холостяковать. Нина – деваха самостоятельная, не вертихвостка какая-нибудь, себя блюдет и в медпункте всегда полный ажур. И тебе подставить, что лицом, что фигурой – загляденье. Эх, сбросить бы мне годики-годочки, уж я бы не зевал. Смотри, не проворони свою судьбу. Видел, наверно, какие ухаи – геологи прикатывают в поселок, умыкнут – и глазом не успеешь моргнуть. Такой вот монолог выдал командир, поглядывая на Беленького. Санька то краснел, то бледнел! «Что-то сегодня Аркадия на лирику потянуло, с чего бы?»

– А мы, командир, с Ниной решили: как только введусь командиром, – тут же и закатым свадьбу.

– Вот это по-мужски, все верно, Александр. А то с кем ни встретишься, всё пытаются: когда твой второй окольцуются? В таком случае, всей лётной братией нагреем, эх и гульнем!

Под крылом проплывала, слепящая белизной после пурги, тундра, аж глаза резало недели очки-светофильтры. Справа по курсу в голубоватой дымке виднелись горные кряжи, переходящие в тундровую низменность. Промелькнуло видением стойбище оленеводов в две яранги, недалеко пасущееся стадо, два пастуха с собаками. Завидев самолет,

приветливо замахали руками. Самолёт или вертолёт, без разницы – для чукчей всегда событие, всегда праздник. Гостеприимен и доверчив этот северный народ. Если уж ты, волею случая, попадёшь к ним, то будь уверен – тебе будет оказана честь, как самому дорогому гостю.

Промелькнул кордон егеря, стожок сена у подворья. Самолёт, сделав разворот, пошёл на посадку. В зимнее время взлетно-посадочной полосой служило озеро – идеальная площадка! На берегу озера их ожидала собачья упряжка. На нартах лежал, укутанный в ватное одеяло и в волчью доху, раненый егерь. Сбочь на нартах сидела его Таисия, подтыкая одеяло под бока, чтобы не поддувало.

– Ты давай там, Михалыч, поправляйся скорее; вон, видишь, сам Аркадий прилетел за тобой. За меня не беспокойся, я тут сама справлюсь, всё путём будет, – приговаривала Таисия, украдкой смахивая слезу, вглядываясь в бледное бородатое лицо Михалыча. Тот только согласно прикрывал глаза. Быстро подрулили вплотную к нартам. Открылась самолётная дверца, Санька помог фельдшернице спуститься по стремянке.

Та проверила пульс больного, сделала укол со стимулятором и Михалыча, не мешкая, занесли на носилках в салон.

– Ты давай, Михалыч, не горюй, потерпи немножко. Ничего, брат, мы тебя мигом доставим в район, там починят и всё будет в порядке. Терпи, казак, атаманом будешь! – Командир подмигнул егерю, – а летом жди в гости. Прихвачу сынишку – и к тебе, на рыбалку. Тут места-то у вас благодатные. Санька захлопнул дверцу. Взревел двигатель, самолёт запрыгал по снежным застругам, взлетел. У нарты всё ещё стояла Таисия и махала рукой улетающим.

В наушниках стрекотало, сыпало морзянкой, слышались переговоры экипажей с землей – эфир жил своей обычной жизнью. Сразу после взлета командир экипажа Аркадий Загородный доложил на базу: взял на борт тяжелобольного. Добавил – срочно требуется хирургическая операция, больной потерял много крови, жизнь поддерживается уколами.

– Всем бортам! В связи с циклоном следовать на запасные. Повторяю...

– Тьфу ты, мать твою! Какой запасной? Они что, очумели там? Другим – да, а нам-то? Нам в больницу надо, в хирургию. А на всех запасных в лучшем случае есть амбулатория. Так что, как ни крути, а садиться надо на базу, на свой аэродром, – рассуждал командир, – Ну, гадство, ну непраха сегодня. Недаром Шаман гарцевал перед вылетом-то, чуял, стервец, непогодь.

А между тем, прямо по курсу обстановка резко менялась к худшему: с северо-востока нехотя на-

ползала белесая муть, горизонт медленно, но уверенно заволакивало...

– Вот такие пироги, Саня. Давай-ка быстренько в салон, узнай, как там

Михалыч? – Аркадий взглянул на бортовые часы: время связи.

Спустя минуту Санька вернулся:

– Плохи дела, командир. Фельдшер опять только что сделала укол. Состояние тяжелое, – скороговоркой доложил второй. Плюхнулся в кресло, надел наушники

– Понял тебя, второй, – и в эфир: «Рапан» – борт 67342! Доложите обстановку.

– Я борт 67342. Повторяю, состояние больного тяжёлое. Нужна срочная операция. Принимаю решение – сажусь на свой аэродром. Прохожу траверсом сопку Пастухова.

– Борт 67342, я – «Рапан», – это уже голос Заботина командира отряда. – Мы закрылись, уходи на запасной!

– «Рапан», Афанасьевич еще раз повторяю – на борту тяжело больной, необходима срочная операция, иначе – каюк. Аркадий до боли сжал челюсти. – Ситуёвина, мать её... Понял тебя, борт 67342. Ну и ты пойми, нет минимума, как у тебя с топливом? – Только до базы? – Понял тебя. Через пять минут на связь. Жду твоего решения. Все. Конец связи.

– 6 –

Земля просматривалась расплывчато, словно через матовое стекло.

– Сань, иди в салон, вдвоём с фельдшером хорошенько закрепите носилки с Михалычем. Фельдшеру скажи, чтобы не волновалась, крепче держалась. Успокой ее, все будет в порядке, иди. – Командир с беспокойством поглядывал на приборную доску: топлива оставалось только до базы. «Всё, решено. Идем на базу и только туда. Заботин говорит – нет минимума. Ну что ж, так оно и есть, раз говорит. Значит, базовая ВПП отпадает. Так... А что остается? Остается одно – садиться на марь, как тогда с Заботиным. Другого не дано. Выбора нет. Ну, в прошлый-то раз сели, сядем и нынче. Надо только второго подготовить чисто психологически. Парень крепкий и тем не менее...»

Аркадий еще и еще раз прокручивал в памяти, тот незабываемый полет десятилетней давности. Тогда он летал вторым пилотом у Заботина. И попали они тогда в ситуацию, как две капли воды схожую с сегодняшней. Разница в одном: везли они в тот раз золотодобычу с прииска в район. Драгметалл сопровождали двое охранников. Тогда они вполне могли уйти на запасной – базовый аэродром закрылся по метеоусловиям. Кто уж тогда был виновен в случившемся – понять трудно: или прошляпила метеослужба, или ещё кто. Факт остаётся фактом: к моменту

оповещения экипажа о закрытии базового аэродрома, самолёт уже прошел «точку возврата». Выбора не было. Пришлось смертельно рисковать – идти на посадку по ущелью «Зуб Дракона» на марь. Ну и натерпелся тогда страху Аркадий: казалось, вот сейчас самолет врежется в скалу – «Зуб».

Но какая-то волшебная сила прямо перед скалой вздыбила машину, успели только рулями высоты выровнять самолет, не дав ему уйти на «петлю». И «петля» та была бы тогда воистину мертвой для всех. Повезло, ох как повезло! Да, страшно было. После посадки у Аркадия руки – ноги ходуном ходили. А Заботин – хоть бы хны, смолит себе папиросу за папиросой да кроет трехэтажным синоптиков. И ещё запомнил Аркадий командирский приказ, когда самолет перед «Зубом» стал терять высоту, проваливаться: «Второй, держи штурвал ближе к орденам, держи что есть мочи, мать твою за ногу, делай как я». После той посадки и появилась у Аркадия первая изморозь на висках...

– Командир, Михалыч терпит пока. Фельдшерница сбивает ему температуру, бред у него начался. Дела хуже некуда.

– Понял тебя, второй, – командир, в который раз бросал взгляд на указатель топлива, стрелка неумолимо отсчитывала последние десятки литров. «Главное теперь – четко вписаться в ущелье, ни на дюйм, как говорится, не отклониться ни вправо, ни влево – скалы... Пропустить под фюзеляжем на малой высоте этот треклятый «Зуб» и тут же резко уйти на снижение к спасительной марёшке. Всего-то той мари метров сто, не больше. Хватит – в прошлый раз хватило. Так, а дальше там, что у нас? А дальше – сопочник и чахоточный лесок. Не считаешь точно – врежешься в него. Тут уж ухо держи остро, вернее – глаз. Все, с этим ясно. Сейчас, кровь из носа, надо успеть до темноты войти в ущелье, а там уж сядем, один хрен. Риск велик, можно сказать смертельный. Ну, а другого-то выхода нет. Так-то, командир. Все, решено. Точка», – Аркадий взглянул на второго:

– Сань, наше положение, как ты понял, не блестящее – база не дает «добро» на посадку, нет минимума там. Имея право подбора, как командир экипажа, принимаю решение – садиться на марь по ущелью через «Зуб». Другого подлета туда нет, только через него. Помнишь, я тебе рассказывал, как однажды мы с Заботиным вынужденно пошли на этот трюк? Иначе и не назовешь. Выбора не было, как и теперь. Такой трюк и нам предстоит с тобой. Ты понял, второй? – И тут же, не медля, вышел на связь с базой:

– «Рапан», борту 67342.

– Борт 67342, слушаю твое решение.

– Буду садиться на марь по ущелью через «Зуб». Иного варианта нет, топливо на исходе. Большой на

пределе возможного. К месту посадки срочно высылайте вездеход. У меня все. – Аркадий плотно прижался к спинке кресла, проверил крепление ремней безопасности. Тоже сделал и Санька.

– Борт 67342, Аркадий, я понял тебя, понял. В ущелье входи с разворота, как тогда, держи машину строго по центру, не давай ей свалиться на крыло, сам знаешь, какая там турбулентность, особенно на входе. Пройдешь её – считай, полдела с плеч долой. И еще: проинструктируй второго пилота о его действиях перед «Зубом». Ну, ты понял, что я имею в виду. Не зевни момент снижения после «Зуба». А на мари тихо, видимость в допуске, ветерок встречный тебе в помощь. Главное – успевай до темноты. Вездеход высылаю. Ну, ни пуха, ни пера. У тебя всё получится.

– «Рапан» вас понял. Захожу на ущелье. Конец связи.

– Второй, значит так: идём, как я и говорил тебе, на марь через «Зуб». От тебя, Саня, вернее от нас с тобой, зависит успех посадки. Четко выполняй все мои команды, особенно перед «Зубом». Предупреждаю: машина перед скалой начнет падать. Не дрейфь, такое продлится несколько секунд. Потом все придет в норму, понял? И будь уверен, мы одолеем эту напасть. Начинаем входить в ущелье. Каньон узкий, рысканье исключено. Все понял?

– Да, командир – Санька поерзал в кресле, крепче сжал штурвал... Самолет мотало, трепало. Вихревые потоки бешеными псами навалились на машину, стараясь искорежить, превратить в пух и прах, расщепить на мельчайшие частицы и сбросить всё в глубины каньона...

– 7 –

Заложив левый разворот, самолет, как бы прицелившись, крадучись вошёл в ущелье. Быстро темнело. Вот тут-то и началась свистопляска: биплан кидало вверх и вниз, вся конструкция дрожала, как в лихорадке.

– Держим машину, Сань, строго по оси каньона.

– Понял, командир.

Казалось, все бесовские силы навалились. Пилоты изо всех сил сдерживали машину от сваливания. Пот заливал глаза, струйками змеился по спине... В какое-то мгновение показалось Беленькому, даже вроде бы почувствовал каждой клеточкой своей, как правое крыло чиркнуло скалу. Аж зажмурился Санька на ми г. – Нет, летим! – Краем глаза уловил плотно сжатые губы командира, струйку пота, сбегающую с подбородка. И понял второй пилот, уже в который раз утвердился в мысли: здорово ему повезло с командиром. И был уверен Санька на все сто – пройдут они этот чертов «Зуб» и сядут-таки на ту марь. Обязательно сядут. Иначе и не должно быть.

И тут оба почувствовали – обстановка изменилась. Машину увереннее слушалась рулей, почти прекратилась тряска.

«Кажется, наконец-то прошли турбулентность. А второй ничего, крепкий парень. Выдержал. Зажал эмоции в кулак. И так, одно прошли. На очереди – «Зуб». Командир постучал по прибору, показателю топлива, его осталось только-только. «Должно хватить минут на пять-семь, от силы. А больше и не потребуется. Вот он, красавец, нарисовался. Вот он, родимый...»

– Второй, прямо по курсу «Зуб»!

– Вижу, командир!

Скала-штык изваянием торчала посредине ущелья. Лет пять тому назад руководство аэропорта вместе с районным начальством пришло к единому решению: взорвать скалу, освободить ущелье на подлете к мари. Здесь, на Севере, мало ли что может случиться: непогодь, отказ техники. А в воздухе, когда край как надо садиться хоть на «пяточок», чтобы самим уцелеть и машину спасти. Вот таким «пяточком» и была марь с уникально тихой погодой почти всегда – горный кряж надежно защищал ее от господствующих ветров. Договорились с геологами и те согласились свалить «Зуб» взрывчаткой. Но не тут-то было, Дошла эта весть до оленеводов. И те не мешкая отправили свою делегацию в район.

Аргумент у чукчей был весьма серьезный: «Нельзя трогать злых духов, однако – беда будет. Олешки сдохнут – сами сдохнем».

Прислушалось начальство к пастухам, отменили свое решение, дали отбой. С тех пор никто не заикался о подрыве скалы. К чему обижать аборигенов, тремся-то бок о бок...

Самолет неумолимо приближался к «Зубу» с каждой сотней метров.

– Главнее сейчас – подойти на минимальной высоте к скале. Далее машину потянет вниз. Так, берем штурвал на себя. До отказа. И держать его, держать, пока восходящий поток не подхватит нас. А он должен подхватить, как в прошлый раз, иначе... последний этап тернистого нашего пути – это не упустить момент – пропустить «Зуб» под фюзеляжем, не задев лыжами. А там и марь. Ну, вперед – без страха и сомненья. И сжавшись, словно боевая пружина, дал команду Саньке:

– Второй, снижаемся к «Зубу»! – и сбавив обороты, слегка отдали штурвал от себя. Самолет послушно реагировал на действия пилотов, теряя высоту, шел к вершине скалы.

– Сейчас начнется, – успел подумать командир. И тут оба почувствовали – машина начала падать, проваливаться. Стремительно росла перегрузка, самолет дрожал.

– Второй, штурвал на себя постепенно, до упора. И держать, держать, что есть мочи, мать его за

ногу! – крикнул Аркадий. Пилоты изо всех сил держали штурвалы. Самолет лихорадило до последней заклепки. Санька до боли в суставах, удерживая вырывающийся штурвал, заморожено смотрел на приближение аспидно-черной скалы. Казалось, сейчас произойдет самое страшное: машина врежется в скалу – и поминай, как звали. И вот в какой-то миг, когда казалось удара не избежать, благодатный восходящий поток поднял машину.

– Сань, выравниваем по горизонту, – они медленно отдали штурвал от себя. «Зуб» все ближе и ближе. И тут мощным боковым вихрем самолет потянуло вправо, еле успели сработать элеронами – тянуло прямо на отвесную стену ущелья. «Все, выровнялись, машина послушна. Так, снижаемся к вершине «Зуба», – и второму:

– Сань, теперь строго держим вершину скалы по нижнему обрезу лобового стекла. «Только бы лыжами не цепануть?» – успел подумать Аркадий. Руки занемели на штурвале, пот ел глаза. И вот уже треклятая скала прошла под фюзеляжем, осталась позади, канула в сумрак. «Все, прошли, слава тебе, Господи» – бросил взгляд Аркадий на второго пилота.

– Второй, прошли мы с тобой этот вертеп, идём на посадку. Вон и марь наша, да и вездеход на месте. Видишь, маячит нам фарами?

– Вижу, командир. Топливо на нуле! – Мотор, пару раз чихнув, смолк. Стало тихо – не по себе. Самолет, планируя, вынырнул из ущелья, резко пошел на снижение, выровнялся перед марью и плюхнулся на снежные заструги; простучал по ним, как по лестнице, замер у кромки редколесья.

«А если бы заглохли на подлете к «Зубу», где бы мы сейчас были? – вялая мысль мелькнула у Аркадия, озноб пробежал по спине. – Топливо съели встречный ветер и манипуляции в ущелье. Да, точно говорят ведь: ты, Аркашка, в рубашке родился – везёт тебе. Второй раз повезло. В третий раз судьбу пытаться не буду. Всё. Шабаш.» Еле еле разжал пальцы, снял руки со штурвала. И повисли они словно плети, затекли от напряжения. Взглянул Аркадий на Беленького – тот, как сидел, подавшись вперед, крепко сжимая штурвал, так и остался сидеть, словно продолжал этот дерзкий полёт...

– Саня, очнись! Все приехали, мать ее в душу! – хлопнул его по спине командир. – Ба, да ты весь мокрёхонкий, – глянул в лицо второго пилота. Заметил белесые потеки пот успел испариться, осталась соль... С трудом разжал пальцы Санька, убрал онемевшие руки со штурвала, ухмыльнулся Аркадию. В глазах его командир увидел что-то льдистое, – «ничего, оттаёт».

– Да и ты, командир, не суше, – провел ладонью по спине Аркадия, ладонь была сырая, – наша па-

рилка сегодня сто очков даст вперед всяким там саунам, так, командир? Жаль вот только – пивка нет.

– Да уж, это точно ты подметил. Сейчас бы кружечку – другую за милу душу пропустить – все переохло, – Аркадий внимательно посмотрел в глаза Саньке: – Ты, молодец, второй! – и крепко по мужски пожал ему руку.

– 8 –

Фельдшерица так и сидела, вцепившись в сидение и носилки. Стонал Михалыч.

– Все, братцы – приехали! Сейчас в вездеход, и в больницу. Он уже тут, потерпи, Михалыч, ещё трошки, ещё с полчаса, – Аркадий выглянул из дверцы: к самолету тяжело дыша, подбежал Заботин, влетел по стремянке в салон:

– Ну, мужики, молодцы! – и по-медвежьи облапил пилотов, ткнулся одному, другому головой. – Эх, и потрясся я за вас, мать моя родина. До сих пор поджилки трясутся... Давайте быстренько Михалыча в вездеход. Подхватили носилки, бережно вынесли из самолета и – в. теплый салон вездехода. Рядом устроилась фельдшерица. Снег повалил хлопьями, было тихо – ни ветерка. И только там, за сопками, куда уходила колея вездехода, бесновалась пурга. Стемнело.

– А вы что ждете, летчики? – Фельдшерица торопила. – Больной совсем плох, быстрее надо!

– Всё, всё. Давай, Иван, на скорости в больницу. За нами приедешь вторым рейсом. Заботин махнул водителю рукой. Вездеход с места рванул в сторону базы, мигнул на повороте красным и пропал за сопкой. Заботин похлопал по карманам куртки, добыл пачку неизменного «Беломора», прикурил. Жадно затынул:

– Ну, Аркадий, как твой второй, не подкачал? – и к Саньке: – страшно было, а? Только правду.

– Страшно, Петр Афанасьевич. Особенно, когда перед «Зубом» машина стала падать. Казалось – все, каюк... До сих пор не могу понять, что за сила такая подняла нас и перенесла через скалу. Чудо какое-то, даже не верится, – Санька вытянул перед собой руки – пальцы мелко дрожали. – До сих пор не могу успокоиться.

– Все путем, Александр, все вполне естественно. Главное – это не утратить рассудок от страха, не удариться в панику. Запомни: не бояться только дураки, так вот, – Заботин закашлялся, чертыхнулся, выплюнул папиросу, втоптал в сне г. – Мы вот тоже тогда с Аркадием попали сюда же через «Зуб». Бережет нас судьба, мужики. По всем данным тут, видимо, вот какая штука: каким-то макарон образуется воздушная яма на подлете к скале, а ближе к ней идут мощные восходящие потоки. Они-то и спасли нас и тогда, и сегодня. Риск огромный, что и говорить. Но ведь это в принципе, единственный

выход из тупика, другого-то нет. Вот и рискуем вопреки всему и вся. Ну, ладно. Хорошо то, что хорошо кончается. А теперь, орлы, чехлим самолёт – и домой! Пурга закончится, подъедет заправщик и перегоните машину на базу. Разбега для «АНа» хватит, проверено.

– 9 –

Сидели в теплом вездеходе, кидало в сон под урчание мотора, под мерное покачивание на ухабах, после всего пережитого.

– Хорошо, что так обошлось. Второй раз уже попадаем в переплёт. И второй раз везёт. Все, больше таких «номеров» на выживание не позволю. Хватит рисковать. Сегодня пока ждал, думал сердце не выдержит. Пару пачек «Беломора» выкурил, с ума сойти. Завтра буду разбираться с синоптиками. Почему они, чёрт возьми, только в последние минуты дали сведения о циклоне? Кто прошляпил? – Взглянул на дремавший экипаж. – Ухряпались соколики. Досталось по полной программе. А если бы, не «дай бог, произошло непоправимое?» – об этом Заботину не хотелось даже и думать.

Закурил, вспомнил свой полет через «Зуб». Тогда их с Аркадием вызвали в Управление, на «ковер», отстранили от полетов. Московская комиссия около месяца разбиралась с этим случаем и пришла к выводу: экипаж в сложившейся чрезвычайной ситуации действовал грамотно, проявил мужество и свое лётное мастерство; без потерь доставили на базу драгметалл с прииска, спасли жизнь сопровождающих груз, себя и машину.

Приказом по Министерству ГВФ командира экипажа Заботина и его второго пилота Загороднего наградили именными золотыми часами и денежной премией в размере двух окладов каждому.

Начальника метеослужбы за несвоевременное оповещение экипажей о надвигающемся мощном циклоне отстранили от работы, хотели даже отдать под суд. Хорошо, что обошлось без ЧП, без смертей. Пожалели его. После этого случая он вскоре вообще умотал на материк. Скатертью дорога, как говорится. Невелика потеря – забулдыгой он был отменяем, за что и поплатился.

– Ну, мужики, сморило вас, однако. – Закурил, пыхнул дымком Заботин. – Сейчас приедем на базу – и ко мне, на ужин. Там моя Петровна заварганила пельмени, да и повод есть сегодня принять на «грудь». Не против, а? Аркадий толкнул плечом Саньку, – возражений нет, второй?

– Да разве кто откажется от такого?! – Потер ладони Беленький, предвкушая приятное действо.

– Кстати, Аркадий, как думаешь, не пора ли твоего второго вводить командиром? – Заботин уставился на Загороднего. – Как у него с налетом и вообще?

– У Беленького все идет по плану, и в простых и сложных метеоусловиях. Можно сказать – готов.

– Тогда не будем тянуть волюнку. Надо оформляться. К нам поступает пара новых машин, на той неделе должны пригнать. А командиров экипажей не хватает. Всё решено. Так что, Александр, готовься, хватит тебе отсиживаться в правом кресле, усёк? – Заботин потрепал Саньку за вихры.

– А у них с Ниной уговор: как только Беленький введется командиром – сразу отгуляем свадьбу. Эх, и люблю я такие мероприятия! – и Аркадий отбил чечетку унтами на месте, руками по груди, по коленям.

– Вот и добре, пилот. Пора тебе прибавиться к семейному берегу, кончать холостяцкую жизнь, ничего в ней хорошего нет. Нина – девушка заметная, многие за ней увивались. Но, увь! Всем давала от ворот поворот. Это дело мы приветствуем, не забудь пригласила свадьбу. – Заботин хитровато прищурился.

– Само собой, Петр Афанасьевич, и вас с Петровной, и всех коллег наших. А еще попрошу вас быть у меня на свадьбе посаженным отцом, как на это смотрите? – Беленький аж вспотел.

– Спасибо, Александр, благодарю за оказанную честь. Родители-то твои знают?

– Знают, писал им. Пригласили мы их. Да куда там – со здоровьем проблемы. Опять же хозяйство на кого оставишь – не приедут они. Ну, а у Нины никого нет, из детдома она, сами знаете. – Прикрыл Санька глаза, уносясь мысленно в родную деревню...

Вездеход резко тормознул, всех кинуло к кабине. – Что за черт! – Заботин откинул люк, выглянул наружу: пурга буйствовала вовсю, сухим колким снегом хлестало в лицо, выбивая слезу. У кабины стоял мужик на лыжах, за плечами вниз стволом – ружьё. Рядом, на поводке крутились две лайки. «Охотник», – догадался Заботин. Спустя пару минут водитель пожал руку охотника и вездеход, газанув, переваливаясь с ухаба на ухаб, тронулся дальше.

– Что останавливались-то? – спросил Аркадий.

– Да охотник по пути что-то у Ивана спрашивал. И куда только его черти понесли в такую погоду? Недаром говорят: охота и рыбалка пуще неволи.

– Петр Афанасьевич, как там мой Шаман? – Сквозь дрему спросил у Санька.

– Ну, брат, твой Шаман на высоте! Авторитет! Пузо аж лоснится от сгущенки, любит её, стервец; все ему несут – кому не лень. Ведь надо же синоптики, мать их в душу, ни хрена не выдали насчет циклона, а вот пес перед вашим вылетом четко нашаманил, вынес свой вердикт – и баста! Ну, мужики, что-то в этом есть, ей богу! Да, хозяин, не успел я занести твоему воспитаннику. – И Заботин добыл из куртки банку сгущенки, протянул Беленькому.

Береги пса. Цены ему нет. Придется зачислить его в штат метеослужбы на полное довольствие.

Ухмылялись пилоты, подремывая. Пригрелись плечом к плечу. Прокручивали в памяти своей случившееся... Впереди замелькали огоньки базы. Через несколько минут вездеход тормознул у штаба авиаотряда. Летчики вывалились из вездехода, ходили, разминали затекшие ноги.

– Вы тут подождите меня, ребята, я мигом в штаб. Узнаю, как дела у Михалыча. – Вышел быстро. – Все нормально, говорят доктора, уже чинят егеря. Но недельки три придется ему давить больничную койку. Ну, это в порядке вещей. Главное – вовремя успели довести до больницы. Ещё бы с часок – и всё... Завтра по радиации сообщат геологам, а те успокоят Таисию, извелась вся, надо думать... Ну, а теперь ко мне! Петровна там заждалась. Да и не терпится хорошенько расслабиться, как говорит медицина – снять стресс, а, мужики?

– Мы не против, командир, давай команду на посадку!

– Тогда – вперёд! – И трое, обнявшись побратски, двинулись к домашнему теплу. А они и есть братья родного дома, имя которому – НЕБО.

И была у Саньки с Ниной веселая свадьба. Три дня гуляли, благо погода была нелётная. Выделили им комнату в одном из барачков. А спустя год родился у них сын. И нарекли его Александром, Сан Санычем, одним словом.

С тех пор много воды утекло.

ДНЕВНИК ЧИТАТЕЛЯ

«Волим под царя московского
православного!»

«Казацкая держава».

...тонкий процесс
«воссоединения русских земель»

КАК В ТЁМНОМ ЛЕСУ...

(...)Исследователь феномена украинского сепаратизма Н. И. Ульянов утверждал: «Кто не понял хищной природы казачества, кто смешивает его с беглым крестьянством, тот никогда не поймёт ни происхождения украинского сепаратизма, ни смысла события ему предшествовавшего в середине XVII в.» Под событием разумеется ни что иное, как установление в Малороссии гетманской власти или захват Украины казаками. Происхождение же казачества историк связывал со степью – печенегами, половцами, татарами, с которыми сливались беглые крестьяне и прочий люд, искавший воли. Постепенно вся эта орда, усваивавшая нравы и обычаи друг друга, перестала внешне напоминать степняков. Но сложившаяся культура с культурой южно-русской общего имела немного. Казачество, таким образом, стало не просто кастой, но, скорее, мировоззрением. И только поняв, что малороссийский народ и казачество – отнюдь не одно и то же, можно подходить к истории Украины с надеждой на верное истолкование. Помня об украинской неоднородности, можно понять и то, что разворачивается на Украине сегодня. По сей день там существуют и действуют две силы – центробежная (казачество) и центростремительная (народ малороссийский). При этом вновь усилившееся и активизировавшееся казачество активно вербует малороссиян в свои ряды. (...)

(...)Но помимо крестьян и мещан, как мы уже установили, на Украине существовало казачество. Явление в высшей степени романтизированное и мифологизированное. Отчасти благодаря Н. В. Гоголю, отчасти – историкам, причём самых разнообразных направлений. Казаков принято изображать борцами за идеалы. По одной версии, они только и думают, как бы поскорее воссоединиться с единоверцами и присягнуть московскому царю. По другой – борются как раз таки против московского царя за независимость «Казацкой державы». Но есть и третья точка зрения на роль и сущность казачества.

И В. О. Ключевский, и Н. И. Ульянов, и целый ряд других историков пишут о казачестве, как о силе

дикой, стихийной, наклонной, прежде всего, к анархии. Ни о какой организованности в их рядах не было и речи. Выбранного гетмана, в случае несогласия, могли убить. Предательство или измена – вообще составляли казацкий стиль жизни. До печально известного гетмана Мазепы, Москву, например, предавали и гетманы Хмельницкие, и Выговские, и Брюховецкий, и Дорошенко. Благодаря этим гетманским изменам, мнение о малороссах как о предателях распространилось так далеко, что даже заезжих торговцев-хохлов в приграничных с Украиной городах русские называли не иначе как «изменники». Что, к слову сказать, не приветствовали в Москве. Как, впрочем, и любые другие обиды по отношению к малороссам. При Петре I даже запрещалось попрекать малороссиян именем Мазепы. (...)

(...)«Казакование, – пишет Н. И. Ульянов, – было особым методом добывания средств к жизни». И метод этот известен – насилие, грабёж, разбой. Причём грабили не только басурман, но и своих же мещан, и православных соседей-москалей. Не брезговали казаки и продажей единоверцев в рабство магометанам. Вот почему представлять казачество борцами за веру как-то несколько опрометчиво.

В XVI–XVII вв. нравственный мир человека Восточной Европы, по утверждению В. О. Ключевского, основывался на двух китах – Отечестве и Отечественном Боге. Но условия и стиль жизни казачества оказывались таковы, что казак не знал ни Отечества, ни веры. Кочевая жизнь, завязанная исключительно на грабительских походах, постоянное противостояние с властью, национальная пестрота Сечи – как здесь разобраться, где Отечество, где родная вера? То, что казаки гнали и грабили русские храмы – факт бесспорный, свидетельствующий, что ни о каких нежных чувствах казака к православной вере не может быть и речи.

Н. В. Гоголь – великий писатель. Но созданный им Тарас Бульба ничуть не более реалистичен, чем Вий. И уж если принять на веру, что действительные запорожцы только и делали, что сражались за «русское братство-товарищество», то стоит, пожалуй, согласиться, что «в Киеве все бабы, которые сидят на базаре, все ведьмы». (...)

(...)В. О. Ключевский весьма остроумно отмечает, что «московское правительство, присоединив Малороссию, увидело себя в тамошних отношениях, как в тёмном лесу». (...)

(...)«Волим под царя московского православно-го!» Так совершилось воссоединение России с Украиной.

Радость, однако, была недолгой. Присягнув «царю московскому православному», казаки принялись упражняться в изменах и наветах. (...) Памфле-

ты, посвящённые России и производимые, главным образом, в Польше, распространялись в Малороссии с завидным тщанием. И только чудом, по мнению Н. И. Ульянова, можно объяснить, что «малороссийский народ в массе своей не сделался русофобом» . (...)

(...)Любопытно, что за последние четыреста лет немногое изменилось в нравах малороссийского казачества. Снова казачья каста преследует свои, корыстные и хищнические, интересы. Снова предаются все возможные идеалы – и народные, и национальные, и религиозные. Снова в ход идут измышления и подделки, ложь и клевета. Но самое неприятное – снова, как и во времена хмельниччины – казачество не имеет ни внятной идеологии, ни чётко обозначенных целей, ни ясной программы на ближайшее будущее, теряясь в раздумьях, кому бы присягнуть и от кого бы отворотиться. И снова малороссийский народ оказался в заложниках у людей буйных, но равнодушных ко всему, кроме кошелька и булавы.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Сайт газеты «Российский писатель»

23.01.14 г.

360 ЛЕТ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ РАДЕ

(...)Разговор неизбежно коснулся и личности Богдана Хмельницкого. Память героического и многострадального при жизни гетмана, сегодня терзают с обеих сторон. Незалежники, «свидомые» – за то, что присягнул России. Наши недалекие ревнители, лже-патриоты корят Богдана за неверность России. (...)

(...)Но... из-за того, что «незалежники», русофобы то ругмя ругают Богдана «за присягу», то хвалят «за измены» — нам не следует торопиться умножать лжи и глупости. (...)

(...)Да, Хмельницкий, казачья старшина имели право периодически опираться на союз с крымским ханом, интриговать, вести переговоры с поляками... (...)

(...)Ну и по поводу лже-патриотических разоблачений. Линия эта тянется от Николая Ульянова («ПРОИСХОЖДЕНИЕ УКРАИНСКАГО СЕПАРАТИЗМА», 1966) — и все «факты вины» Хмельницкого, казачества по сей день берутся оттуда. Только вошли в русское подданство, а уже и «первый сепаратист»!

«Проколы» Ульянова: отрицание роли козаков как защитников православия против ислама и католичества. Доказательством он наивно приводит, словно отысканный великий компромат:

Данныя, приведенная П. Кулишем, исключают всякия сомненія на этот счет. Оба Хмельницких, отец и сын, а послѣ них Петр Дорошенко, признавали

себя подданными султана турецкаго – главы Ислама. С крымскими же татарами, этими «врагами креста Христова», казаки не столько воевали, сколько сотрудничали.

Так я могу продолжить «черный список Ульянова»: не только оба Хмельницких и Дорошенко, но и патриархи(!!!) Константинопольский, Антиохийский, Иерусалимский многие века были – подданными султанов. И православные Греция, Сербия, Валахия, Молдавия, Македония – целиком лежали внутри султановых владений, и их господаи – тоже были подданными султанов, часто ходившими в его войске. До учреждения Московского патриарха, нам и митрополитов ставили – из Константинополя, который (страшная тайна!) – назывался уже в это время... Стамбулом.

Далее Ульянов: Адам Кисель, православный шляхтич, писал, что у запорожских казаков «нѣтъ никакой вѣры» и то же повторял униатский митрополит Рутский...

Адам Кисель действительно – православный шляхтич, но примерно в той же мере, что и «Власов – русский, советский генерал». (...)

(...)Так что Ульянову ссылаться на оценки казаков, данные Киселем и униатским митрополитом Рутским... – когда именно против униатов казаки и воевали! – это... подобно привлечению работ доктора Геббельса для оценки порядков в Красной Армии. (...)

(...)Факты измен первых гетманов Ульянов, еще один историк Сергей Родин, знают, наверно, лучше меня. Но понимают – хуже. Они требуют от гетманов точно такой же покорности, как от царских воевод! Это непонимание самой сути сложного, тонкого процесса «воссоединения русских земель». Не хватает «широкого формата», панорамного взгляда. (...)

Игорь ШУМЕЙКО

Сайт газеты «Российский писатель».

23.01.14

(Выписывая цитаты из статей этих двух авторов, я был далёк от мысли столкнуть их лбами. События, которые сейчас происходят на Украине, заставляя всё серьёзнее задуматься над нашей общей историей. А глубоко, с пристрастной любовью к предмету понимать историю можно, только учитывая разные точки зрения. В истории нет понятия «золотое сечение» или «золотая середина». Тогда бы, всё решалось с математической точностью, но бездушно. Может быть, надо оставить все войны в прошлом и вспоминать только «золотой мир», который нас соединял. Ведь он был, был между нашими народами-братьями, народами-товарищами! – С. Д.)

КРЕСТЬЯНЕ И ДВОРЯНЕ

(...)Помянем казачество, кое, Бог даст, возродится в былой силе и крепости, избрав службу государеву согласно времени, ибо знаю немало славных казаков, готовых жизнь положить за православное Отечество. Но жили-были среди российских народов некие деды и отцы, что люто ненавидели казаков – оплот черносотенного царизма, бегали от казаков, яко бес от ладана, даже во сне слышали зловещий свист казачьих нагаек, и ненависть к разгульному казачеству некие деды и отцы завещали сынам и внукам. И вдруг сыны и внуки, опустив запорожские усы, напялив на рыхлые ляжки галифе с казачьими лампасами, нацепив есаульские погоны и кресты, возопили на казачьих кругах «Любо, батька!..», а затем, пьяные в дым, загорланили пропитыми, прокуренными голосами и непременно с блатной, тюремной хри-

потцой и надсадой; так хрипит «есаул хазарского казачьего войска», сверкая голым теменем, бреньча на гитаре: «Только шашка казаку во степи подруга!..» Ох, велик искус засветится на весь мир в «голубом ящике», и казачий хор вторит лицедею: «Только шашка казаку в степи жена!..» Ряженные «казаки», опять же, для того и всплыли из перестроечной мути, чтобы опорочить славное русское казачество и саму идею возрождения воинского сословия, многожды спасавшего Россию от басурман, освоившего и оборонившего украинные южно-русские и сибирские земли. (...)

Анатолий БАЙБОРОДИН

Сайт газеты «Российский писатель».

3.02.14

Подготовил **С. Донбай**

ПОЭТЫ РУССКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

О стихах В. Крёкова, И. Куралова

I

Сборник Виталия Крёкова «Деревьев люд смиренный», составлен из стихов разных лет, начиная с шестидесятых годов. Его лейтмотив – любовь к родной Кузнецкой земле. Даже названия стихотворений говорят об этом: «Весна в Берёзовском», «Ночь в Денисове», «На Барзасе букварная осень...»

Выступая проводником между людьми и природой, автор будто растворяется в природном ареале. Люди видятся деревьями. И это. Прежде всего, добрые люди, их большинство. Родной край поэта населён ими.

*Мой край бесценный! – Оттого что мой.
Всем будущим своим и прошлым дорог,
Где в стын и под зелёною листвою
Стволы твоих берёз, что белый порох.*

Поэта тянет к цветам, лугам, на которых они растут, красоте природного пространства. Весна показана, как ожидание чего-то нового, неизвестного, в ней предчувствие лучшей жизни.

*Как отрочество гения, весна
Меня апрельским воздухом встревожит.*

Обладая нежным и трепетным сердцем, Виталий Крёков готов первым ответить на природный зов, обращённый ко всем людям. Но невозможность полного единения человека с другими приводит поэта к отчаянию, он страдает от бессилия что-либо сделать. Зато в любви к матери-природе он находит поэзию. Даже женщину он видит сквозь «природное окно».

*Осталась ты – как ясная дорога,
Которая ведёт в родимый дом.*

Поэт видит в собственном творчестве Божественную суть. Но сознаёт, что взял это всё в природном доме.

*Но ослепительно и жгуче
Из выстраданной мной строки
Прозреет солнцем из-за тучи
Божественная кисть руки.*

Виталия Крёкова по праву можно назвать православным поэтом, что подтверждают заглавия стихотворений: «Весна Господняя», «Весна постная». Часто он обращается к мотиву памяти, оживляя в ней картины детства, прежние события жизни, своих де-

дов, прадедов, как бы совершая тризну. Стихи проникнуты глубоким религиозным чувством. Он видит Бога в деревьях и травах, реках и ручейках. И лишь искусство способно запечатлеть картины прошлого.

Виталий Крёков – прежде всего, деревенский поэт. Он проводит резкую черту между деревней и городом. Всё, что связано с последним, неприемлемо для поэта.

*Забудь её. Она вчера
Уехала в далёкий город.*

Автор осознаёт, что мир суеты, мир города, далеко не совершенен. А совершенство поэт видит в девственных лесах, в ключевой воде, которая сравнивается с крещенской, обладает целебными, живительными свойствами.

Поэт пропускает через себя всё, что встречает, стремится жить полной жизнью. Душа его распахнута.

*Я вижу, как плоты большие, пашни
Устремлены до горизонта всклень.
Во мне запечатлелся день вчерашний
И сквозь меня проходит новый день.*

II

В книге стихов Иосифа Куралова «Живое пространство» перед читателями предстаёт своеобразная городская эстетика. Лирический герой – типичный городской сорви-голова, лихо свистит под окном, ходит на первомайские демонстрации.

*Портреты. Флаги. Серп и Молот.
И почки верб, и – юн мой город!
Со всех сторон людской приборой.
А свет у неба – голубой!*

Тем не менее автору противна городская культура. Даже его идеал в городских условиях – это пусташка.

*Звезда – глупа. Пускай не знает,
С каких высот она сияет.*

Мир города порождает соответствующие создания. Вот и появляются расфуфыренные шпульки, дутые поэтически, пустые актриски.

*С виду актриска. В душе – поэтесска,
Глазки полны негасимого блеска.*

Автор живёт воспоминаниями о далёкой мечте, о первой любви, а реальную жизнь оценивает как бессмысленную, потому что ему тяжело среди пустых и глупых людей.

Иронически автор показывает достижения «нетипичной страны», серость жизни угольного района и невозможность индивида пробиться к идеалу.

*И не могу пробить я лбом
Всю толщу каменной породы.
Мои придавленные годы
Заброшенным лежат пластом.*

Автор переживает, что принадлежит к миру города, к промышленной цивилизации, что не имеет права быть «природным» поэтом. Место рождения определяет тематику лирики.

*Хотел с природой породниться,
Но к дымным городам приник.*

Однако он неразрывно связан со своей родиной.

*По ночам я прилетаю
Из Москвы в Сибирь родную.
Вместе с утром рассветаю.
Бело облако целую.*

Душа поэта воспаряет над «демократией металла» городских пейзажей.

Во многих стихотворениях присутствует весна – как мотив перерождения и обновления. Но до человека, закутанного в промышленные стены, невозможно достучаться. Все порывы глушат стены.

Представлена в книге и своеобразная эпитафия стране, в которой поэт родился, где прошло его детство.

*Я не сумел с народ спиться.
И вижу я сквозь толщу эр:
На всех планетах людям снится
Бессмертный свет СССР.*

«Что-то не то в этом мире творится...»

Отрицая существующую действительность, поэт создаёт свой мир, оригинальный и самобытный в своей основе. В этом и состоит один из основных принципов поэзии. Конфликт идеала и реальности характерен для любой творческой личности.

Главное – не впасть в чувство стадности, которое владеет умами. К сожалению, многие пришли к тому, что легче жить, не выделяясь ничем и не заявляя о себе никак. Поэт вынужден жить в одиночестве. Но хочется верить, что оно светлое и созидательное.

Книга стихов Бориса Бурмистрова «Тёплое дыхание зимы» показывает, как поэту дорог родной край. Здесь, в родной Сибири, он в незримой связи со всем, что его окружает.

Слово – неиссякаемый источник жизни для него. Поиск «светлого слова» происходит среди «мутных речей», что для поэта, я думаю, больно осознавать:

*Загляделся в прозрачный ручей
И над жизнью задумался снова:
Отдохнуть бы от мутных речей
В ожидании светлого слова.*

Книга наполнена горькой иронией. Например, в стихотворении «Погорельцы» поэт отмечает, что российский народ живёт в неизвестности и тревоге за будущее, как те же самые погорельцы:

*И живём мы спокойно на свете,
На душе ни тоски, ни вины.
Тянут воз свой российские дети
По дорогам любимой страны.*

Оттого и тянут, что это родина, горячо любимая. Надо, чтобы народ был увлечён, пусть даже безумной идеей. Она обретает осмысленность и выполняется:

*Не зря бродил по свету –
Всё подобрал по цвету:
Улыбку, волосы, пальто,
И эта – та, и это – то.*

Печальная картина – русская жизнь. Однако люди верны своей земле. Зимняя стынёт дорога,

*Ниточка – две колеи.
Вера дана нам от Бога,
Верность – от русской земли!*

Среди фальши и обмана спасение – в любви:

*Давайте целоваться
У моря на ветру –
И жить, и удивляться
Друг другу поутру.*

Поэт опасается за душевное состояние всего человечества, когда льются слёзы и кровь на перепутье:

*В загуле бешеном зима,
И просят милостыню дети...
Не дай нам, Бог, сойти с ума
На стыке двух тысячелетий.*

Поэт недоумеает, почему кто-то позволяет себе совершить насилие над другим человеком.

*Всё неправильно в мире, не так,
Ни умом не принять, ни душою.
Над землёй, под землёю сквозняк –
Твердь разверзнута волей чужою.*

Такое ощущение, что сны поэта – наша реальность, а реальность – сон. Надежда на то, что в скором времени Россия «вспрянет ото сна».

А пока в окружающем мире нет места для Любви и Бога, где дети несчастливы:

*Без любви проживаем на свете,
Наши чувства затянуты в жгут.*

*Оттого несчастливые дети
Обезнеженно в мире живут.*

Современное словотворчество заполнено пустотой. И автор делает такой вывод о вечном поиске ясных слов:

*Где мысли Таинства полны
Ещё в зачатые слов неясных,
Жить ожиданьем слов прекрасных,
Похоже, мы обречены.*

ГОРОД СЛОВА

Сборник стихов Сергея Донбая «Мы нарисуем город словом», посвящён самому родному для поэта городу. «Всегда хотелось запомнить ускользающие во времени бывшие городские уголки, названия, байки, истории, связанные с ними», – говорит сам поэт в предисловии.

Сборник состоит из трёх разделов. Первый – «...и сладки детства времена» – возвращение в далёкое детство, где поэт впервые познавал окружающий мир.

*Не помню смысл его исконный.
Коней не продавали там.
Мы в детстве бегали на Конный,
И мир приоткрывался нам.*

Весь этот небольшой цикл – как будто кадры кинохроники. Каждое из девяти стихотворений – отдельный эпизод из жизни старого города. А первое как бы выполняет роль запевалы, заявляя сквозную тему памяти.

В стихотворении, посвящённом Б. Бежко, описывается образ одного из старых кинотеатров – «Москва». Для поэта он – место преобразования истории в кинорѐзы. Зачарованный этой магией, автор испытывает трепет. К тому же, оно освящено тем, что здесь когда-то повстречались его родители:

*Здесь юные мать и отец,
Придя на вечерний сеанс,
Случайно, когда-то, давно, наконец,
Увиделись... к счастью для нас.*

Притомская набережная в его сознании – улица жизни, текущая как река Томь, где из ребенка он превращается в юношу.

Город пока ещё похож на деревню, – здесь так же пахнет навозом, грядки ровны, воздух не загрязнён. А вот когда город оденется в бетон, ничего естественного уже не будет. Чувствуется сожаление. Прилетят ли сюда птицы, принесут ли поэзию на своих крыльях?

В стихотворении «Соцгород» ярко показан быт района, где прошло детство со своими заботами и проблемами, смекалкой и дружбой. Замечательно!

Во втором разделе – «...знаю, и полюбил заранее» – автор признаётся в любви к новым ещё не построенным микрорайонам. Строительство развивается бурно – даже Заискировка, связанная в сознании поэта с бывшим кладбищем, заселена. Жизнь торжествует.

Стихотворение «Архитектор» наполнено противоречивым переживанием из-за того, что когда пустырь застроят по проекту архитектора, детям негде будет гонять футбольный мяч.

*Но, друг мой, уж ночь во дворе –
Над ватманом трудно молчишь ты...
Ещё на твоём пустыре
Голы забивают мальчишки.*

Городская цивилизация вытесняет домики для птиц. И поэт переживает, что птице негде ночевать.

Облако от химкомбината пугает рожицу, тальник. Но природа пока ещё самоотверженна и всепрощающа.

*Как природа не устаёт
Всё за нами успеть поправлять?
Недоспит, недоест, недопьёт –
Утром ласковая опять.*

Стихотворение «Городской двор» насыщено парадоксальными деталями, узнаваемыми приметамы урбанистического быта, сатирически окрашенного, энергичной ритмикой.

Последний раздел сборника – «... чтоб нашей Родиною стать» – открывается стихотворением о Знаменском соборе с его сияющими куполами и возвышающей силой.

И опять предстают разделяющие контрасты: с одной стороны – красота храма, а с другой – уродство «Азота».

Можно позавидовать географии места жительства друзей поэта, а значит и друзей Кемерово, тому, что это люди творческих профессий:

*Мои друзья – поэты, архитекторы –
В Новокузнецке, Барнауле, Томске,
Социализмом, перестройкой тѣртые,
Чтоб были там стихи и перекрёстки.*

В стихотворении «День шахтѣра» поэт показывает радостные минуты, когда на праздник в город приезжают всемирно известные артисты. Город будто замирает от предчувствия прикосновения к прекрасному.

Запечатлеть Кемерово в слове – хорошая идея. Читаешь стихи, и город предстаёт как живой!

ТРИ ИСТОРИИ ТАТЬЯНЫ ИЛЬДИМИРОВОЙ

Книга Татьяны Ильдимировой «Солнце» включает в себя три повести. Первая повесть «Солнце» просто превосходна. Два героя – мужчина и женщина, –

расставшись около семи лет назад в Сибири, встречаются в Чехии. Когда-то они испытывали друг к другу некоторую привязанность. Надо было проехать тысячи километров, чтобы понять, настоящее ли это чувство. Они вспоминают школьную жизнь, затем незаметно для самих себя начинают ходить неразлучно, держась за руки. И только в самом финале звучит та сакраментальная фраза, которая соединяет людей: «Я тебя люблю». Происходит своего рода восхождение от чувств земных к любви небесной.

В диалогах героев возникает мотив оторванности от дома. Русские люди считают своей Родиной то место, где живут их родные и близкие, где упокоились их предки. За границей они чувствуют себя неуютно. Кстати, оба героя – романтики в мире прагматизма.

Тема второй повести – «Скажи мне несколько слов» – тоже привлекательна. Автор показывает проблему интеграции русского человека в чужую культуру. Когда потеряна последняя связь между чужой культурой и родным человеком в условиях оторванности от Родины, наступает растерянность перед жизнью. И никто не может помочь нашей нации влиться в другую культуру, если мы сами не захотим этого.

«Где родился, там и пригодился» – говорит народная мудрость. Следуя ей, Татьяна Ильдиминова раскрывает загадку русской души.

Но обратимся к самому повествованию. В Америке Павел Андреевич, герой этой истории, постоянно чувствует тоску по Родине. Его дочь Маша, которая и увезла отца за границу, выйдя замуж за американца, сначала чувствует себя вроде бы неплохо, но потом тоже срывается на тоску по Родине, ищет общения с эмигрантами из России. То есть Маша оказывается, по существу, такой же, как и её отец.

Третья повесть Татьяны Ильдимировой – «Журавли», – я думаю, будет интересна детям школьного возраста. Она о беззаботных каникулах двух подружек – Леси и Юси. Последняя так названа, видимо, по аналогии с первой. Заводила и главная героиня – Олесья. В финале повести Олесья обретает нового друга, в которого она влюбляется незаметно для себя. Андрей слеп, но рядом со своей новой подружкой он прозревает и видит летящего в небе журавля. Это объясняет и смысл названия повести. Кроме того, место действия – дачный посёлок Журавли. Журавль – символ надежды на исцеление незрячего героя. Однако у повести есть и подзаголовок – «Осколки летних дней». Он говорит об окончании детства. Лесья познаёт, что мир не такой безоблачный, как представлялось раньше. Девочка взрослеет. А Юся остаётся в мире детства.

Смущают обозначения мамы, бабушки, папы и некоторых имён собственных – ма, ба, па, Юся, Лесья. Если бы речь велась от лица девочки – другое дело, а так – перебор. Хотя это не портит положительного впечатления о повести и об авторе.

Трибун подземного мира

Газеты и журналы нередко становятся лучшим источником изучения отношения государства к своему народу в определённый период. Помню, когда исследовал историю Государственной Думы в России, я обращался именно к газетному материалу.

Примечательно в этом отношении творчество Николая Ничика. Его книга «Другая упряжка» сочетает публицистический материал с возможностями художественного стиля. Основой слова писателя может быть газетная статья, но детально рассматривается судьба персонажа, что и является, думаю, показателем художественности текста.

Уместно обсудить смысл названия сборника. Как говорит один из героев, реально существующий писатель Гарий Немченко, Николай просто взялся за другое, столь же трудное, как профессия шахтёра, дело. По затрачиваемым силам шахтёр и литератор схожи. Литератору даже, пожалуй, тяжелее в данном случае. Автор трудится и в шахте, и за письменным столом.

На тематическом уровне автор рассказывает о жизни современных горняков. Особенно его интересуют провальные для угольной отрасли 90-е годы. Читателю интересно наблюдать за тем, как герои пытаются найти правду и справедливость в мире, где они оказались ненужными.

Рассказы «Ворьё», «Сармат» поражают описанием жестокости со стороны властей. Люди оказываются без средств к существованию, семьи кормить нечем. В этих условиях только и остаётся, что воровать, а это подсудно. Вопрос в том, кто ещё больше ворует: рядовой шахтёр, срезающий кабель, чтобы накормить маленьких детей, или отъевшееся начальство, месяцами не выдающее зарплату?

Но и здесь автор верен себе: он показывает, как в условиях физической, да и духовной деградации общества остаться человеком высоких принципов. Не случайно много страниц посвящено духовным наставникам автора. Среди них – учитель литературы одной из украинских школ, который, по существу, привил любовь к писательскому труду, и современный художник слова Гарий Немченко, который, можно сказать, помог автору достичь некоторых успехов на литературном поприще.

В сборнике представлено несколько рецензий. Эти заметки – полноправная литературная критика, как, впрочем, и всё творчество Николая Ничика является критикой современного общества.

Очерково-публицистический формат книги придаёт ей своеобразие. Автор – летописец и исследователь положения горняков, истоков забастовочного движения.

Творчество Николая Ничика в чём-то напоминает прозу Сергея Довлатова. Очерковый характер очевиден. Но изъяты все газетные клише. В хорошей публицистике есть своя эстетика, это, можно сказать,

определённый жанр литературы. Газетный очерк и художественный – это не одно и то же. Газетный очерк, чтобы стать художественным, должен быть тщательно переработан, что и можно наблюдать в произведениях Николая Ничика.

«Я никогда не умру...»

Любовь, согласно восточной философии, соединяет два противоположных начала в мире: инь и ян, чёрное и белое, низменное и возвышенное. Однако очень трудно её сберечь. Если она уходит от нас, душа становится одинокой – отсутствие высокого чувства ведёт к гибели в духовном плане. Искусство гибнет на корню. Без любви Пушкина не было бы и его гения.

И по-настоящему счастлив тот, кто способен пронести одну-единственную любовь через всю жизнь.

В сборнике стихов кузбасского поэта Александра Каткова «Сирень» развивается тема высокого чувства. Ветка сирени становится символом любви, но любви драматичной, к сожалению.

*А может, он писал стихотворенье
о горестной свободе и о том,
как веткою надломленной сирени
та женщина осталась за окном.*

Сливаясь с образом поэта, его лирический герой ради женщины готов пожертвовать душой.

*И, забывая грех и срам,
любил и падал,
когда все ночи, по утрам
была наградой.*

Побывав во многих странах, многое пережив, он хранит в памяти лишь одну женщину:

*Смешно повторять, что менялись и мир, и я сам.
Но если на свете хоть что-то ещё постоянно,
то лишь память ночная о том, что в моих небесах
однажды начертано было высокое имя – Татьяна.*

Поэт радуется тому, что это он обнимает свою любимую женщину, а не февраль с его снегами и метелями.

*Как она вновь с высоты
сходит, ну разве ты знаешь?!
Это ведь я, а не ты
плечи её обнимаешь.*

Среди «потерь мировых», смуты в стране, поэт находит спасение именно в любви. Спасительной оказывается собственная память. Когда-то он был кому-то нужен.

*Поперхнувшись табачным дымом,
посреди потерь мировых,*

*вдруг припомню, как звался любимым
у колен драгоценных твоих.*

Через весь сборник проходит мотив зимы: метели, пурга, лёд, холод. Поэт казнит себя за то, что когда-то не смог удержать первую и единственную любовь.

*Милая, как мне тебя не хватает...
В сырых аллеях, где лист отрешённо витеает,
в залах вокзальных, где ночи без сна коротают,
там, где зеваки праздно за руку хватают,
мне не хватает, мне очень Тебя не хватает.*

Воспоминание о юности, когда всё было в первый раз, – и любовь, и танцы, и поцелуй за углом, – помогают хранить веру в чистоту любви.

*За то, что это не с тобой,
я внёс уже двойную лепту,
но память крутит киноленту
с названием «Первая любовь».*

Поэт в ожидании новой, пусть и запоздалой, любви, и значит, жизнь ещё не закончена.

*И мир, продутый до краёв,
гудит по-прежнему от ветра,
а запоздалая любовь
не дождалась ещё ответа.
Непонятое счастье в прошлом оправдывается.
Там поутру кусты стоят
В росе с сиреневым отливом,
Там был бездумно-юным я,
Не понимая, что... счастливым.*

В памяти вся его жизнь. Если он забудет любимую женщину, то умрёт. Смерть любви означает для него смерть физическую.

*...я никогда не умру,
если тебя не забуду.*

Михаил КАЛИНИН

ПОЭЗИЯ – «НОВАЯ» И ВЕЧНАЯ

*Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.*

*Они со мной ночуют
В моём селе глухом.
Они меня врачуют
Классическим стихом.*

Мне часто вспоминаются эти строки замечательного поэта Владимира Соколова. Вспоминаются по-

тому, что это и про мою жизнь тоже. Так же в осеннюю непогоду или в непогоду душевную открывал я книжку со стихами. К уже названным поэтам прибавлю Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Есенина, Пастернака, Ахматову...

Стихи поистине врачевали. И моё убеждённое мнение вполне разделяют люди разных возрастов и профессий.

Мы внимательно читали свежие журналы, открывали новые имена, делились меж собою этими открытиями. Привычка пролистывать толстые литературные журналы сохранилась и поныне. Но сегодня жизнь преподносит неожиданные сюрпризы.

Мой товарищ, не филолог, но человек просвещённый, говорит:

– В юности читал Блока, не собираясь запоминать, заучивать, а назавтра наизусть повторял строки, которые полюбились. Нынче тоже стараюсь посмотреть, что печатают в журналах. Читаю раз, другой, третий для того, чтобы хотя бы понять, что они хотели сказать, зачем это написано. И часто бросаешь журнал в раздражении...

Такую вот реакцию вызывают у моего товарища строки под шапкой «Поэзия». Да и вправду, чтобы избежать подобных конфузов, не выдумать ли для этих строк новое обозначение. Поэзия ли это?

*так соскальзывают дни,
скатываются в сетчатку,
коронай разрыва вливаются (капля)
следы коронарной детской руки
(взмахни, оставь пальцам самим
искать во сне, где живёшь? а ты?)
под веками солнце –
равновесие и прозрачность
продолжения вещей... и т. д.*

(Аркадий Драгомощенко, «Знамя» №7, 2012).

Я вполне отдаю себе отчёт в том, что есть поиск новых форм выражения, есть эксперименты. Но для них существуют издания типа там «Воздух» или «Арион», специально созданные под авангард. А когда подобное процитированному идет косяком со страниц журналов, которые когда-то считались чтением для широкого круга, тут поневоле остановишься в недоумении. Зачем это делается? Почему нам настойчиво впаривают, что подобная невнятица и есть сегодняшний день русской поэзии?

Издательство «Новое литературное обозрение» затеяло серию «Новая поэзия». Редактор серии Александр Скидан разъясняет критерии отбора стихов и авторов:

«Во-первых, ориентация на авторов, продолжающих линию неподцензурной поэзии (линию, в которой эстетический поиск необходимо увязан с предельным экзистенциальным и философским направ-

жением); во-вторых, на авторов, ищущих новые способы высказывания, а не работающих с уже готовыми, устоявшимися моделями версификации...».

В этой серии вышла книга Наталии Азаровой с трудно произносимым, вычурным названием «Соло равенств».

Приведу два образчика оттуда.

Первый:

я не соб@ка

Второй:

*Интересно
во время обеда
гелевую ручку от тарелки
нужно класть справа или слева?*

Понятно, что весь этот словесный блуд вполне в русле мутного потока, направленного на размывание, разрушение отечественной культуры. Нынешние критики (они еще любят величать себя *экспертами*) категорично заявляют: «Широкого общественного резонанса у поэзии больше не будет. Поэт должен привыкать действовать в относительном вакууме».

Плеяда новых стихотворцев вовсе не сожалеет об утрате читателя, прекрасно обходясь без него. Им достаточно суждений нескольких «экспертов», этих пиар-агентов, которые обслуживают узкие круги сочинителей, издателей.

А эксперты убедительно втолковывают нам, что поэзия нынче рассчитана не на чтение, а на филологический анализ. Она – современная поэзия – так сложна, что не открывает свои смыслы каждому случайному встречному-поперечному, декларируют эрудиты. И предлагают вообще отменить *понятие вкуса*.

Они хотят, чтобы и в нашей современной школе на смену «эмоционально-вкусовому и отвлеченно-этическому» разговору о литературе пришло иное, чтобы была заложена «общая научно-филологическая база» в работе над текстами и шёл поиск новых «формально-содержательных аспектов».

Но вот Станислав Рассадин не любил величаться критиком. «Говоря без амбиций и без самоуничижения, я, надеюсь, достаточно квалифицированный – и уж, без сомнения, опытный – читатель, надо полагать, научившийся за долгие годы внятно излагать свои мысли, передавать свои ощущения». Так и было. Мы с благодарностью читали Рассадина до самого его ухода из жизни. Его статьи помогали формированию нашего вкуса, учили отделять зёрна от плевел.

Творчество – не продукт головных усилий, это выражение нравственных, духовных проявлений личности. Сочинитель находится с миром, в котором он живёт, в неразделимой, органической связи.

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Так почти полсотни лет назад выразил это Николай Рубцов.

Горький назвал Есенина органом, созданным природой исключительно для поэзии. И вправду, трудно найти другого российского поэта, чей поэтический образ был бы так первороден, неповторим. Давно и верно замечено, что стихи настоящего поэта – это история души. История, рассказанная честно, со всеми неприглядностями, провалами. Тогда она и вызывает наше приятие, понимание, сочувствие.

Русская поэзия помогала нам, нашим душам постигать жизнь. Поэзия была для нас предметом веры.

Казалось бы, прошло время провокационных «Пощёчин общественному вкусу». Да ведь и так мало в современном мире доброты и света, давайте бережём то, что сохранилось. Или пусть хотя бы на равных остаются сторонники традиционного и эти неуёмные искатели «новых смыслов и высказываний». Нет, последним отдано явное предпочтение на страницах современных литературных журналов.

Количество публикуемых текстов сегодня так велико, что планка неизбежно снижается. Стихотворчество из социальной ценности переходит в стихосложение, превращается в средство досуга.

*Этот с белой полоской, как будто наклейкой, воды
Где все рыбы давно на боку, а посмотришь – следы
Где ходил – раз прошёл, два прошёл, три – устал
Где скелеты воды, где воды человеческий овал...*

(Алексей Зарахович, опять журнал «Знамя», № 9 2012).

Нарочно, что ли, автор оставляет читателя с носом, обманывая его доброжелательное, заинтересованное ожидание. Зачем, собственно, это написано, думает читатель, тем более просвещённый, приученный к тому, что причина, побуждающая создать стихотворение, должна быть серьёзной. Не говоря уж о том, что «строку диктует чувство».

Иногда для нас пытаются изобразить эмоции, но видно, что этот якобы всплеск чувств – игра, причём неловкая, невыразительная. За ней – спокойствие обывателя и бестрепетность души.

Как всё это уныло и выморочно!

Да, в конце прошлого века поэзия ушла из сферы публичного высказывания и обсуждения. Её, так сказать, социальная нагрузка снизилась. Кстати, и в те давние годы моими любимыми были поэты, существовавшие в особой, частной нише – Окуджава, Кушнер, Самойлов. Но это тоже был социальный жест. Частное как честное вызывало интерес и сочувствие.

Да, сегодня другое время. Нужны новые формы, чтобы при уходе в «приватную» сферу слово поэта сохраняло значимость.

Есть, мы знаем, стихи очень внятные, и это скорее их недостаток, чем достоинство. Поэзия живёт не в самих словах, а в сложных связях между ними, а когда эти связи слишком определённые, «логичные», ей нечем дышать.

Но не настолько же вольно растекаться, как сегодняшняя «творческая» публика! Эти попытки усложнять форму на пустом месте вызывают у простого читателя сомнения: «Должно быть, я чего-то не понимаю» или радикальнее: «А не дурак ли я?».

Булат Окуджава мог сказать просто: «Но куда бы я ни шёл, пусть какая ни забота, по делам или так, погулять...» А современный поэт Дмитрий Румянцев скажет: «Когда иду здесь волей буден...» Во как!

Читаешь сегодняшние анемичные монологи и наполняешься неким праведным гневом. Но позиция новых стихослагателей оказывается крепко защищённой. Многие из того, что было отвергнуто старой эстетикой по соображениям вкуса, взято в обиход «новаторами», «авангардистами». Их защитники и пропагандисты призывают нас быть бережнее, внимательнее с творцами. Не надо страшиться тёмных и непонятных мест, их просто нужно прояснить. Тут нужны толмачи, и они находят, они помогут нам обнаружить сверхсмыслы, присутствующую там многозначность. Ну вот, скажем, отсутствие заглавных букв говорит о том, что речь не начинается, а всегда продолжается. Отсутствие точки в конце – фигура умолчания...

Из телевизора стихов звучит мало. Но вот появилась на канале «Культура» программа «Вслух» как раз о современной да ещё и молодой поэзии. «Поэзия не ушла из жизни, – уверяет ведущий программы Александр Гаврилов. – Поэзия востребована, у неё сотни поклонников, но знает ли обычный телезритель: кто они – современные поэты? Задача программы – предоставить поэтам эфирную площадку, где они могли быть услышанными». Казалось бы, замечательно. Но при встречах наши молодые стихотворцы спрашивают меня: «А почему пресловутая площадка предоставляется только этим, у которых ничего не понять?» Ну положим, не только ЭТИМ, но и вправду преимущественно им. Гаврилов с непроницаемым лицом выслушивает невнятицу, задает свои вопросы, весьма далёкие от услышанного. Аудитория тоже изображает внимание, но ни разу не увидел я ничего подобного тому, что сохранено для нас в фильме Хуциева «Застава Ильича». Те вечера в Политехническом 60-х годов прошлого века сегодня выглядят излишне эстрадными. Но посмотрите на живые лица, умные горящие глаза тех, кто пришел слушать стихи. Посмотрите, как объединило поэтическое слово этих разных людей, заполнивших огромную аудиторию.

А, может быть, довольно заморочек, которыми так щедро балуют нас центральные журналы. Я собственно ради того и пишу эти заметки, чтобы развеять наши сомнения в своей умственной полноценности. Преодолеть оцепенение, в котором оказываешься по прочтении некоторых авторов. Вспомнить давнюю и не теряющую актуальности сказку Андерсена и радостно и облегченно сказать: «А король-то голый!».

Владимир Крюков

ПОСТСКРИПТУМ

И однако не так всё безотраднo. При явном преобладании в периодике и на интернетовских сайтах типа «Поэзия.ру» дешёвого эпатажа и графомании поэзия продолжает жить в органичном своём качестве. Прорываются к нам её голоса, достигают нашего сердца. Всё это пока, слава богу, ещё возможно. Есть в России – и в нашей провинции, и в столицах – поэзия от жизни, от души, от умного сердца. Хотите примеры? Пожалуйста.

* * *

*Над саквояжем в чёрной арке
всю ночь играл саксофонист,
пропойца на скамейке в парке спал,
постелив газетный лист.*

*Я тоже стану музыкантом
и буду, если не умру,
в рубахе белой с чёрным бантом
играть ночами на ветру.*

*Чтоб, улыбаясь, спал пропойца под небом,
выпитым до дна, –
спи, ни о чем не беспокойся,
есть только музыка одна.*

(Борис Рыжий)

* * *

*Стучит мотылёк, стучит мотылёк
в ночное окно.
Я слушаю, на спину я перелё г.
И мне не темно.
Стучит мотылёк, стучит мотылёк
собой о стекло.
Я завтра уеду, и путь мой далёк.
Но мне не светло.
Подумаешь – жизнь, подумаешь – жизнь,
недолгий завод.
Дослушай томительный стук и ложись
опять на живот.*

(Денис Новиков)

* * *

*Неужели, Мария,
только рамы скрипят
только стекла болят и трепещут?
Если это не сад –
разреши мне назад,
в тишину, где задуманы вещи.*

*Если это не сад,
если рамы скрипят
оттого, что темней не бывает,
если это не тот заповеданный сад,
где голодные дети у яблонь сидят
и надкушенный плод забывают,*

*где не видно ветвей,
но дыханье темней
и надежней лекарство ночное...
Я не знаю, Мария, болезни моей,
это сад мой стоит надо мною.*

(Ольга Седакова)

**Вот оно, то самое прямое воздействие поэзии.
Вот он, тот сигнал, идущий от сердца к сердцу.**

г. Томск

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

ПРЕМИИ ОТ ЭНЕРГЕТИКОВ ПИСАТЕЛЯМ КУЗБАССА

В седьмой раз в Доме литераторов Кузбасса прошла торжественная церемония награждения победителей традиционного Литературного конкурса Кузбасского филиала ООО «Сибирская генерирующая компания» (СГК) «Энергия творчества», посвященно-го Дню энергетика-2013».

Победителей и лауреатов конкурса тепло поздравил и вручил им награды директор по внешним связям и имущественным отношениям Кузбасского филиала СГК Дмитрий Голофаст. Он напомнил, что конкурс стал доброй традицией. «Энергетики способствуют тому, чтобы в каждом доме были свет и тепло, на каждом предприятии не было перебоев с получением электрической и тепловой энергии. Писатели, в силу отпущенного таланта, заботятся о душах человеческих, также несут свет и тепло, но только духовные», – сказал Дмитрий Яковлевич.

Всего в этот раз награды получили одиннадцать писателей.

В номинации «Лучшие художественно-прозаические произведения»: Сергей Подгорнов (г. Анжеро-Судженск) – за роман «Аукцион» (первая премия) и Михаил Анохин (г. Прокопьевск) – за повесть «Ведьма из Прокопьевска Нинка Давляшина» и другие публикации (вторая премия).

В номинации «Лучшие поэтические произведения»:

Любовь Арбачакова (г. Новокузнецк) – за подборку стихов «Я отвыкла ходить по горам» (первая премия) и Владимир Ерёмченко (г. Кемерово) – за венок сонетов «Тебе, любовь, ликующая песнь» (вторая премия).

В номинации «Лучшее публицистическое произведение»: Николай Ничик (г. Новокузнецк) – за книгу «Как же мне не писать о шахтерах...» (первая премия) и Виктор Арнаутов (г. Кемерово) – за книгу «Как слово наше отзовется...» (вторая премия).

В номинации «Приз «Дебют»: Василий Киселёв (пос. Краснобродский) – за поэтическое повествование «Афганское солнце» (первая премия).

В номинации «Специальная премия» (за совокупность литературных заслуг): Олег Максимов (г. Таштагол) – за организацию поэтического семинара в г. Таштагол и подготовку юбилейного номера журнала «Огни Кузбасса» к юбилею г. Таштагол.

Поощрительными премиями удостоены призёры конкурса:

Людмила Танкова (г. Новокузнецк) – за повесть «Назови имя и путь свой», Юрий Тотыш (г. Кемерово) – за документальный роман «Бочаров» и Александр Ярошук (г. Кемерово) – за книгу «Джокер вступает в игру и...».

В заключающих церемонию награждения словах председатель Кемеровского отделения Союза писателей России Борис Бурмистров поблагодарил энергетиков за внимание к творческой интеллигенции, выразил надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Все премированные произведения, кроме книг, опубликованы в журнале писателей России «Огни Кузбасса».

Валерий ПЛЮЩЕВ

«КОЛЬЧУГИНСКАЯ ОСЕНЬ» В ЛЕНИНСКЕ-КУЗНЕЦКОМ

28 декабря 2013 г. в Каминном зале ЦБС им. Н. К. Крупской Ленинска-Кузнецкого состоялась презентация альманаха «Кольчугинская осень».

Идею названия долго вынашивал в своём сердце замечательный поэт Алексей Бельмасов, преждевременно ушедший из жизни, но не из памяти своих учеников литературной группы «ЛИК», которые воплотили его идею в первом городском альманахе такого уровня. Никакая предновогодняя суета и погодная гололёдность не смогли помешать этому событию. Ещё бы, сам главный редактор «Огней Кузбасса» приехал разделить радость этого действия. Сергей Донбай пожал руку главному редактору новорожденного альманаха, немного смущенному Дмитрию Филиппенко, и сказал напутственные слова для продолжения этой идеи, как сделать альманах весомым и нужным для города.

За отдел поэзии альманаха отвечали Дмитрий Филиппенко и Светлана Уланова, за отдел прозы – Сергей Логинов, Олеся Шмакович и Валерий Ухандеев. В альманахе собраны авторы из городов Ленинска-Кузнецкого и Польшаево. В раздел «Гости Кольчугина» любезно предоставили свои рукописи члены Союза писателей России: Дмитрий Мурзин, Виктор Коврижных, Дмитрий Клёстов, Анастасия Русских, Ирина Малкова и начинающая поэтесса из г. Тайги Татьяна Панарина. Но первые страницы «Кольчугинской осени» по праву принадлежат Алексею Бельмасову. Потом началось авторское чтение стихов, и первой задала тон Юлия Сливина. В Каминном зале царил тёплая дружеская атмосфера: пили чай, разбавляя его беседой и стихами. Сергей Донбай ответил на вопросы присутствующих, прочел свои стихи, подарил свежий номер «Огней Кузбасса».

Светлана УЛАНОВА

16 января литературная студия «Притомье» принимала писательский десант из Ленинск-Кузнецка. Главный редактор Дмитрий Филиппенко, члены редакционной коллегии Сергей Логинов и Светлана Уланова и авторы на занятии студии «Притомье» представляли кемеровчанам первый выпуск альманаха «Кольчугинская осень».

17 января. Поздравляем с 65-тилетием нашего автора Валерия Баранова. Желаем здоровья, бодрости и творческих успехов.

17 января 2014 года в Новокузнецком художественном музее прошла презентация однотомника избранной прозы «На бегу» Русланы Ляшевой.

21 января после тяжёлой продолжительной болезни ушла из жизни Людмила Владимировна Глебова. Не дожила буквально девяти дней до своего восьмидесятиднействия. Людмила Владимировна родилась 29.01.1933 г. Выпускник Кемеровского Учительского института 1952 года, закончила заочно Новокузнецкий пединститут, два года преподавала русский язык и литературу в школе. Член Союза журналистов СССР. С 1960 по 1988 год работала редактором художественной литературы в Кемеровском книжном издательстве, редактировала книги А. Волошина, Е. Буравлёва, М. Небогатова, А. Береснева, С. Тотыша, В. Рехлова, В. Чугунова, В. Махалова, А. Пинаева, В. Куропатова, Г.

Емельянова, В. Ширяева и др. кузбасских писателей. Редактор пяти выпусков книг о героях Кузбасса. Попала в Кузбасс девочкой, эвакуированной из блокадного Ленинграда.

Светлая память и смиренное упокоение Вашей душе, Людмила Владимировна. Аминь.

21 января в Доме литераторов Кузбасса прошло представление 6 номера журнала «Огни Кузбасса». Перед представлением были названы лауреаты журнала за 2013 год. Ими стали – в номинации «Проза»: Юрий Тотыш за рассказ «Разведка боем» (№ 2) и Владимир Иванов за повесть «Служивый» (№ 1) и рассказ «Две судьбы – одна война» (№ 2); в номинации «Поэзия»: Иосиф Куралов за подборку стихотворений «Вокруг тебя сверкает каждый атом» (№ 2) и Таяна Тудегешева за подборку «Фиалки живут по таёжным законам»; в номинации «Публицистика»: Владимир Переводчиков статью «Вольф Мессинг. Чародей или лицедей?» и Владимир и Ольга Сухацкие за публикацию глав из книги «Чем богаты тем и рады (Питание кемеровчан в XX веке)».

На этот раз журнал был посвящен пятидесятилетнему юбилею города Таштагол. Большая часть авторов не смогла приехать. О них рассказали и прочитали их стихи члены редколлегии. Кроме того журнал дал несколько выступлений с 14 съезда Союза писателей России. С рассказом о нём выступил Б. Бурмистров. Провели встречу Сергей Донбай и Дмитрий Мурзин.

24 января поэты Борис Бурмистров, Сергей Донбай и Дмитрий Мурзин участвовали в открытии Года культуры в России на северо-востоке Кузбасса. Оно состоялось в Верх-Чебулинском Доме культуры. С докладом о планах на 2014 год выступила председатель комитета по вопросам образования, культуры и национальной политики Совета народных депутатов Кемеровской области Галина Соколова. После прошло заседание литературного объединения северо-востока Кузбасса, на котором был избран совет, куда вошли представители Ижморского, Чебулинского, Мариинского, Тяжинского и Тисульского районов. По окончании официальных мероприятий поэты провели семинар для начинающих литераторов северо-востока.

28 января поэт Б. Бурмистров принял участие в фестивале «Берёзовские литераторы».

29 января в городе Анжеро-Судженск во «Всероссийском обществе слепых» прошёл поэтический вечер А. Каткова, где он представил «говорящую книгу» «Россия моя Берегиня».

29 января в Кемерово в библиотеке им. Фёдорова прошло открытие Года культуры. Директор библиотеки Никулина Вера Александровна рассказал о планах библиотеки на этот год. Прошло представление выставки фоторабот Ю. Светлакова «природа Кузбасса», в котором принял участие поэт С. Донбай.

170

30 января в Кемеровском университете культуры прошла научно-практическая конференция о Кузбасской литературе в рамках проекта «Чистое слово». Писателей представляли поэты Б. Бурмистров и И. Куралов.

30 января в Новоильинской районной библиотеке имени Д. С. Лихачева состоялся творческий вечер члена СП России Т. В. Тудегешевой «По ту сторону шорских гор».

31 января в Новокузнецке в Кузбасской православной духовной семинарии состоялся вечер памяти Любви Алексеевны Никоновой – литератора, педагога, руководителя нескольких литературных студий города Новокузнецка, автора 17 книг поэзии и 2 прозы.

Организаторами мероприятия выступили: Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского, Кемеровское отделение Союза писателей России, Кузбасская православная духовная семинария.

Вечере приняли участие представители культурных, религиозных, образовательных учреждений и творческих объединений, друзья, коллеги, родственники писательницы. Почетными гостями встречи стали кемеровские поэты: Борис Бурмистров и Владимир Еременко.

Программу вечера открыл протоиерей Сергей Гудков, священник собора Рождества Христова, который

вместе с малым составом мужского хора семинаристов исполнил «Вечную память» кузбасской поэтессе.

Присутствующие рассказали о жизни Любви Никоновой: учебе на факультете русского языка и литературы в Новокузнецком пединституте, первых вехах ее трудовой биографии, связанных с музеем Ф. М. Достоевского; участии в общегородских литературных мероприятиях; активной работе, направленной на открытие в Новокузнецке духовного училища и многом другом. Воспоминаниями о Любви Никоновой поделились члены новокузнецкого филиала СП Кузбасса: Александр Раевский, Владимир Неунывахин, Виктор Бокин, Дмитрий Хоботнев.

Весь вечер звучали стихи в исполнении профессиональных кузбасских литераторов, семинаристов, а также ребята из детско-юношеской студии «Фесковские литераторы», которую до конца жизни вела Любовь Алексеевна.

В заключение председатель Правления Союза писателей Кузбасса Борис Васильевич Бурмистров выразил надежду на продолжение таких теплых и дружно наполненных встреч.

Николай Ничик

6 февраля. Дорогая Людмила Михайловна, поздравляем Вас, нашего верного автора с замечательным юбилеем. Мы помним Ваши замечательные произведения: «Быть любимой», «Дом на Озёрной», «Хождение за два моря». Правдивые, исповедальные повести и рассказы о судьбах женщин. Детали, быт маленького сибирского городка при железной дороге – Вашей родной Тайги – промёрзшего, заснеженного – всё подлинно, соизмеримо с замыслом. Не случайно Вы – лауреат премии им. А. Волошина. Благодаря Вам был создан и выходит альманах «Тайгинские зори».

Желаем Вам, Людмила Михайловна, здоровья и новых свершений на Вашем писательском пути.)

ПУБЛИКАЦИИ:

В сборник «Дети Седина» (Москва, «ЭКСМО», 2013) вошли новокузнецкие прозаики Н. Колесова (рассказ «Дом») и Н. Карпова (рассказ «Сия Света»).

Альманах «Охотничьи просторы» №3 за 2013 год напечатал рассказ В. Неунывахина «Кожозеро».

«Московский вестник» (журнал московских писателей) в 5-ой книжке за 2013 год дал большую подборку стихотворений Светланы Улановой.

Альманах «Усятская россыпь» в №10 за 2013 год напечатал подборки стихов А. Каткова, А. Иленко, Д. Мурзина, рассказы В. Б. Соколова.

В №12 журнала «Дети Ра» (г. Москва) напечатана подборка стихотворений Д. Мурзина

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Наталья Колесова. Грани Обсидиана. Роман. Москва. Издательство «ЭКСМО», 2013. 352 с.

Библиография фантастики Кузбасса. Составитель **Н. Н. Калашников.** Новокузнецк, 2013. 112 с.

Николай Ничик. Как же мне не писать о шахтёрах: художественно публицистический сборник / Н. Н. Ничик. – Кемерово: ООО ПК «Офсет», 2013. – 198 с.

Ю. В. Гридна – отец русских рельсов / сост. **В. Е. Угрюмов.** – Кемерово: ООО «Печатный двор Кузбасса», 2013. – 453 с.

Небогатов М. А. От ученичества к творчеству. ФМЛ: обзоры стихов начинающих поэтов. / Сост. **Н. М. Инякина.** – Кемерово: ООО «Печатный двор Кузбасса», 2013. – 331 с. – (Сер. Известный неизвестный Небогатов)

Альманах «Кольчугинская осень», Ленинск-Кузнецкий, 2013. – 116 с.

Дмитрий Филиппенко. На ладонях берёзовых рук...: стихи / Дмитрий Филиппенко. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – 127 с.

Ирина Тюнина. Вроде жизнь: стихи / Ирина Тюнина. – Новокузнецк: «Союз писателей», 2013 – с. 64

Татьяна Николаева. Вместоимения: стихотворения / Т. Н. Николаева. – Кемерово: ООО ПК «Офсет»; 2013. – 120 с.

Приложение к журналу «Огни Кузбасса» № 41. **Геннадий Горюнов.** Течение горькой реки: стихотворения, поэмы / Г. Горюнов. – Кемерово: ООО «Печатный двор Кузбасса», 2013. – 287 с.

Приложение к журналу «Огни Кузбасса» № 42. **Елена Солодянкина.** Жди меня на синей тени: стихотворения / Е. Солодянкина. – Кемерово: ООО «Печатный двор Кузбасса», 2013. – 95 с.

Приложение к журналу «Огни Кузбасса» № 43. **Николай Бацевич.** Грудь забоя скорбно мироточит: стихотворения / Н. Бацевич. – Кемерово: ООО «Печатный двор Кузбасса», 2013. – 95 с.

Приложение к журналу «Огни Кузбасса» № 44. **Юлия Сливина.** Кормиться черемухой рифм...: стихотворения / Ю. Сливина. – Кемерово: ООО «Печатный двор Кузбасса», 2013. – 111 с.

Владимир Переводчиков. Кукушата: роман / В. Переводчиков. – Кемерово: ООО «Азия-принт», 2012. – 211 с.

Руслана Ляшева. На берегу: сборник прозы и публицистики: / Р. П. Ляшева. – ООО ПК «Офсет»; 2013. – 516 с.

Берёзовские мелодии. Литературный альманах. – Кемерово: Ректаймс, 2013. – 98 с.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Всерусский Соборъ» и «Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» и «Новый енисейский литератор» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь», «Зеленая лампа» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флэшки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40. В Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Металлургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением

Свидетельство № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.

Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Технический редактор **А. О. Колесников**
Корректор **Т. А. Левина**
Компьютерная верстка **М. Л. Костомаровой**

Подписано к печати 17.02.2014. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 20.
Цена свободная

Адрес изд-ва и типографии: ООО «Печатный двор Кузбасса». 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 67, тел. (3842)76-58-88.
E-mail: 8923511122@mail.ru